

М.А.Полятыкин

ТОРЕРО

В КРЕСЛЕ МЭРА



***Юрию Михайловичу Лужкову-
человеку, которого я уважаю.***

Автор

М. А. Полятыкин

ТОРЕРО

В КРЕСЛЕ МЭРА

*Юрий Лужков:
хронология успеха*



ИЗДАТЕЛЬСТВО

ТВЕРСКАЯ, 13

Москва

1996

ББК 47.2.1.2.4

П 54

Полятыкин Михаил Александрович

П 54

Тореро в кресле мэра. Юрий Лужков: хронология успеха. - М.: Тверская, 13, 1996. - 352 с., ил.

На личности нынче большой спрос. Должно быть, время такое. Вот и его имя не сходит теперь со страниц периодических изданий, а лик - с экранов телевизоров. Стремительно ворвался он в число самых авторитетных и популярных деятелей страны, хотя каких-нибудь 5 лет назад о нем знали разве что в Москве, да и то больше в кругах руководителей да хозяйственников.

В чем его феномен? Где истоки поразительного взлета человека, по натуре не искательного, не коридорного номенклатурщика, а самостоятельного, порой конфликтного и довольно резкого?

Надеемся, настоящее издание в какой-то мере поможет читателю понять эту поистине замечательную и цельную натуру, определить истоки неумных силы и энергии, что тратит мэр Москвы на возрождение столицы. Вы увидите сквозь призму журналистского восприятия и оценок прозу будней не только самого Ю. Лужкова, но и людей, которые находятся рядом с ним, тех, кто тащит воз городских проблем и забот, облегчая жизнь москвичей и делая наш город удобным, комфортным и красивым.

П 4702010204-001 без объявл.
ЛР 040747-96

ISBN 5-89328-001-6

© М. А. Полятыкин, текст, 1996

© Изд-во "Тверская, 13", 1996

© Художественное оформление,
ИЧП „Грошев“ 19%

ВСТУПЛЕНИЕ

А соблазн, как говорится, имел место быть. Кое-где подчистить, кое-что подмазать, подштукатурить и подшпаклевать, пригладить и причесать, - словом, адаптировать рукопись под моего героя исходя из его нынешнего положения в обществе и веса в государстве. Но тогда это было бы другое произведение, и, должно быть, автор у него был бы тоже другой.

Суть же в том, что такие личности, как Юрий Лужков, не нуждаются в улучшении - они хороши таковы, каковы есть, и при улучшении теряют характер, колорит и своеобразие, становятся похожими на всех прочих, а это уже неинтересно.

Очевидно и то, что автор, представляя на суд читателей свое детище, рискует быть превратно понятым. Наверное, существует какое-то негласное правило, в соответствии с которым личности такого масштаба должны писать о себе сами, диктуя литобработчикам и литотработчикам, но в таком случае получается смесь бульдога с носорогом: у того, кто диктует, нет обычно достаточных для написания книги навыков письменной речи, а тому, кто записывает, не хватает масштаба и уровня личности, которую следует представить читателю.

Кроме того, диктующий наверняка неоткровенен с читателем и, возможно, с самим собой перед лицом постороннего человека - вот и рождаются мемуары вслед мемуарам, а воспоминания перебиваются другими воспоминаниями - порой прямо противоположными.

Это ведь аксиома, что каждому из нас хочется в глазах других людей выглядеть лучше, чем мы есть на самом деле, а крупной личности перед лицом истории - и подавно. На мой взгляд, в этом ничего плохого нет, это естественно. И так же естественно, что авторов, приоткрывающих завесу над историческими личностями при их жизни, они не жалуют. Вторгшиеся на кухню большой политики В. Кос-

тиков и О. Попцов поплатились должностями, хотя могли тихо сидеть до перемены власти и опубликовать свои книги в более благоприятные времена - ну, скажем, после очередной смены фаворитов в Кремле. Но ни тот, ни другой ждать не стали. Как творческие люди, они прекрасно понимают, что жить осталось мало и каждое мгновение, упущенное сегодня, уже никогда не вернется. Личности уйдут, власть переменится, а произведение останется. Уж если не горят рукописи, то отпечатанные в типографии книги - и подавно.

Не стану сравнивать здесь масштабы моего героя с теми, о которых идет речь в книгах уважаемых авторов. Скажу только, что выбрал я его не случайно. Сегодня он весьма заметная фигура на политическом Олимпе. Талантлив и неординарен. Природные ум и смекалка, моментальная реакция, способность ориентироваться в любой обстановке создают ему прочный имидж видного общественного и государственного деятеля, крупного хозяйственника. Все это по достоинству выделяет его среди современных государственных мужей. К тому же большинству из них он даст фору как надежный, прочный, головастый русский мужик.

А то, что бранят его там и тут, - это закономерно, так было и так будет всегда по отношению к людям, стоящим у власти. Таково уж наше мирское отношение к власти предержащим. К тому же никогда не умрет желание людей жить лучше и лучше. Потому и бранят.

И наконец, попытаюсь ответить на вопрос, который наверняка вертится у вас на языке: а почему, собственно, тореро? Да потому, ответил бы я, что характер у него такой - смелый, решительный, упрямый и честолюбивый. Э. Хемингуэй написал про тореадора: "Нет, он не боялся. Другие, может быть. Но он - нет. А если бы он и почувствовал когда-нибудь страх, он знал, что сумел бы проделать все, что нужно. Он был уверен в себе".

Вспомните знаменитую ухмылку Ю. Лужкова на трибуне Верховного Совета, которая сразу снискала ему известность чуть ли не во всем мире. Вспомните, как решительно определился мой герой во время путча 91-го и смуты в октябре 93-го. И посмотрите, как ведет он сегодня свой огромный корабль в беспокойном вокруг море интриг, безденежья, спада производства, всевозможных конфликтов. Да, он уверен в себе. И потому - тореро. Для него чем круче подъем, чем опаснее игра, тем она завлекательнее. Его борьба с полным и в основном враждебным залом депутатов на первой сессии Моссовета это качество отчетливо продемонстрировала. В. Сайкин уклонился, а Ю. Лужков вышел на трибуну отчитываться. И не только вышел - отчитался. Мог он отказаться? Запросто. Но тогда, видимо, не был бы утвержден председателем исполкома Моссовета, что наверняка его,

как прирожденного лидера, не устраивало. Он бросился в бурную реку - и выплыл.

Известный телеведущий Владимир Познер пригласил его в свою передачу - не знаю, сам додумался или подсказали. Скорее всего, как человек талантливый и независимый, додумался сам. Ю. Лужков пришел чуть не со всем своим кабинетом, а когда ведущий пригласил желающего - одного из них - на "кресло истины", где надо было мгновенно отвечать на гадкие и каверзные вопросы зрителей и самого ведущего, уселся в него сам. Но мог ведь не садиться! У него одних первых заместителей уже тогда было несколько, не говоря о прочих. Но в нем, видно, живет неистребимый дух, неистребимая жажда испытать себя в различных ипостасях, проверить судьбу-злодейку на всех плахах, которые подворачиваются на тернистом пути руководителя такого ранга. Которые при любом режиме будут нужны и при верховенстве любой партии будут подставляться под народное возмущение в первую очередь.

Реформатора России П. Столыпина убили партийные фанаты, решившие, что, если все будут жить сытно, им нечего станет делать, не к чему призывать народ. Призвать Русь к топору очень все-таки не просто, но уж коли получится - не дай, как говорится, Бог...

Его битва за самостоятельность Москвы в вопросах приватизации с великим обманщиком русского народа господином Чубайсом приобрела едва ли не международное звучание. И ведь побил он главного приватизатора, сохранил Москве ее имущество, и город заработал на нем больше, чем вся великая страна Россия. Не заработала же она скорее всего потому, что нас десятилетия учили не торговать, а воровать, не работать в поте лица, а изображать упорный труд, не искать новые пути, а отчитываться.

Но ведь родовые корни Ю. Лужкова там же, где у всех нас, в том же уродливом общественном укладе, при котором выросли, состарились и ушли несколько поколений россиян. Как же ему удалось сохранить в себе все то, что он сегодня демонстрирует Москве, России и всему миру?

Возможно, ответ вы найдете на одной из страниц книги, где он сам рассказывает о своей семье и вспоминает, что бабушка его Анна Дмитриевна сохранила веру в Бога, несмотря ни на что, и эта стойкая вера помогала ей жить и воспитывать детей и внуков.

Выходит, за десятилетия безвременья не удалось большевикам выкорчевать глубинное, вечное, что заложено в великом нашем народе, и те потрясения, что он перенес, не сломили и не уничтожили лучшие черты нации. Другое дело, что носителей этих лучших черт осталось слишком мало, они больше проявляются в среде творческой интелли-

генции, где талант пробивается сквозь любой асфальт и выдавливает любые решетки; среди духовенства, которое за стенами церквей и монастырей, как и при прежних преследованиях и гонениях, хранило веру и высокую культуру.

А вот в среде хозяйственных руководителей, директоров, председателей, чиновников таковых почти не осталось. Связанные по рукам и ногам, они, сидя в кресле, могли только крутить головой, как образно выразился однажды мой герой.

Еще я вижу в нем, кроме прочего, не задатки даже, а развитые и отчетливо проявляющиеся черты крупного политика, хотя сам он напроць их в себе отрицает. Возможно, чтобы лишний раз не дразнить гусей, - много вокруг желающих наступить ему на хвост. Обратите внимание на его рассуждения о национальной политике, о межнациональных отношениях, о Чечне и о Севастополе - и вы поймете, что и многие искушенные политики скорее считают себя таковыми, но не являются. Он в этой "не его" области мыслит трезво, оценивает справедливо, предсказывает почти безошибочно.

И наконец - несколько слов о том, как читать эту книгу. Не пытайтесь искать закручивание сюжета - он здесь отсутствует по объективной причине. В этом произведении просто нет вымысла. Я абсолютно убежден, что жизнь богаче и разнообразнее самой смелой фантазии, и потому отказался от заманчивой возможности придумывать и сочинять. Здесь все - правда.

Возможно, какие-то отрывки покажутся вам тематически и по тексту знакомыми - не удивляйтесь. Многие газеты и журналы перепечатают или перепечатывали книги самого Ю. Лужкова, других авторов - мастеров компиляции, которые при подготовке своих рукописей могли пользоваться чьими-то публикациями или моими собственными, опубликованными в разное время и в разных изданиях. Кроме того, в течение двух месяцев отрывки из книги печатались в еженедельнике правительства Москвы "Тверская, 13" и вызвали живой интерес читателей.

Достаточно сказать, что в своих письмах некоторые из них возмущались: зачем вы сравниваете Ю. Лужкова с тореадором? Да он никогда бы не позволил себе убить животное, он, напротив, на каждом углу твердит о том, что любит их, вспомните хотя бы о столичном зоопарке.

Ну что тут можно сказать? По-моему, автор достаточно четко объяснил причины, по которым назвал свой труд именно так, а не иначе. Мне такое объяснение кажется убедительным, и я обращаюсь к читателям: отвлекитесь хоть на короткое время от конкретного и подумайте об абстрактном. Это развивает фантазию и оттачивает мыс-

ли, дает возможность не оставаться всю жизнь на кухне, а выходить время от времени на улицу, на площадь, увидеть, как широк мир вокруг, как необъятны небеса, как прекрасны пение птиц и цветение луговых трав.

В этой книге нет, по существу, и жанра в его академическом литературном понимании - да и как можно назвать непричесанные мысли вслух, несущие на себе горячий отпечаток наших бурных исторических дней?

Понятие жанра ликвидировали далекие предшественники нынешних писателей: один из них назвал стихотворное произведение романом, а второй прозу поименовал поэмой. Что ж нам теперь чиниться вокруг жанров? Пусть критики определяют жанры и стили, находят названия литературным приемам и методам, а дело автора - заставить тех, кто открыл книгу, дочитать ее до конца и порекомендовать соседу.

Построение книги бесхитростно до неприличия. Две части и четыре главы содержат всего три литературных элемента. Это записанные автором беседы со своим героем, его мысли и высказывания в разное время и по разным поводам, которым я присвоил общее название "С магнитофонной ленты". Они, случается, даже не объединены какой-либо общей идеей - скорее всего потому, что никогда не предполагалось, что будут опубликованы.

Второй элемент - публикации из записных книжек автора, который встречался в силу профессии с разными интересными людьми и сталкивался со всевозможными обстоятельствами. Роясь в них, я как-то совершенно неожиданно обнаружил внутреннюю связь между многими событиями, причинами и следствиями, а также между тем, что записано с собственных слов Ю. Лужкова на магнитофонную ленту, и моими записями на уже пожелтевших страницах.

Но не хватало чего-то такого, что могло бы объединить, сценнировать начавший зреть замысел.

Потом я оставил эту идею - по работе навалилось такое, что о посторонней писанине не могло быть и речи. Но именно в этот момент неожиданно убедился, что посторонней писанины не бывает. Я встретил своего старинного приятеля, журналиста, которого потерял из виду несколько лет назад - в последние годы появилось такое количество изданий самого разного толка, что уследить за перемещениями коллег просто невозможно.

Как водится, за встречу выпили по чуть-чуть и разговорились, естественно не о бабах, а о работе. Не знаю, с чего это я брякнул про свой давнишний замысел, но оказалось - в точку.

- Слушай! - в порыве воскликнул приятель. - Бери в долгу, у меня кое-что для тебя есть!

Потом мы поехали к нему, и я всю ночь листал, читал и перечитывал три 96-страничные общие тетради, где едва различимым почерком были описаны его встречи с Ю. Лужковым на протяжении нескольких лет.

По долгу службы я и сам иногда бываю у мэра, участвую во всяких городских мероприятиях, кое-что понимаю и наблюдаю, но записывать все, как записывали прежде барышни и писатели - низкий им за это поклон, - я не могу - терпения не хватает. А вот у него - хватает. Таким образом, оказалось, что мы оба достаточно знакомы с этим человеком, и я счел возможным обозначить это, озаглавив один из элементов содержания "Из дневника нашего приятеля, журналиста".

Утром, кстати, он уперся:

- Ты, - говорит,- подстрижешь мою писанину в угоду своему мэру так, что я сам ее не узнаю, - не дам и все.

- Ты же, - говорю, - вчера обещал.

- Напоил меня, вот и брякнул...

Короче, стоило огромных усилий уговорить его поделиться тем, что он имеет, и страницы из дневника, мне кажется, действительно украшают книгу. Украшают за счет того, что представляют моего героя в экстремальных ситуациях и обычных обстоятельствах, позволяя самим читателям сделать выводы о тех его шагах и действиях, которые он предпринимает в том или ином случае. Они могут сами оценить слова и поступки, ориентируясь на напечатанный текст, а не на скороговорку с экрана телевизора.

Если эта книга поможет вам составить более полное представление о моем герое, человеке, на мой взгляд, совершенно необыкновенном, я буду считать свою задачу выполненной.

ЧАСТЬ I

100 ДНЕЙ ПРЕМЬЕРА

От автора

Я долго размышлял - с какого момента начать повествование в этой части и на каком ее закончить. Не будешь же в самом деле гнаться за событиями до бесконечности - за ними все равно не угонишься, а в таком городе, как Москва, их ежедневно происходит тысячи. Не в каждом, естественно, участвует премьер городского правительства, но опосредованно влияет на абсолютное большинство. Министры его правительства обеспечивают жизнедеятельность сложного столичного механизма, в префектурах выполняют постановления, принятые правительством, в муниципальных районах принимают население и руководствуются положением, которое Ю. Лужков собственноручно правил перед тем, как размножить и разослать.

Но об этом я еще скажу, а пока замечу: период, отображаемый в этой части, я решил ограничить 100 первыми днями премьеры - в то время вице-мэра Ю. Лужкова. Это, как утверждают знающие люди, отметка, у которой начинается либо падение, либо восхождение правительств и кабинетов во всех странах. К этому моменту они определяются в своем курсе, формируют команду, делают первые шаги и первые ошибки, представляются народу. Именно по первым дням обозреватели, наблюдатели, эксперты, экономисты и политологи определяют, жизнеспособен кабинет или же должен умереть. Конечно, у нас многое не так, как у людей, но уж физические какие-то точки отсчета мы вполне можем принять, как у цивилизованного мира.

Но это, конечно, только канва, фон, на котором происходят события, где люди совершают поступки, где временные рамки смещены для удобства чтения и восприятия настоящего через призму прошедшего.

Эта часть имеет две главы - одна называется “Пятилетка свободных выборов”, а вторая - “Наказание властью”. Перед каждой из них я дам краткое вступление, а всю часть хочу предварить острой беседой с моим героем. Его ответы на вопросы корреспондента помогут вам понять истоки восхождения этого человека, причины возвышения этой скалы на фоне нынешнего нашего всеобщего плоскогорья.

Кроме того, в ответах - квинтэссенция его позиции по многим коллизиям современной жизни страны и столицы, и я специально вынес их в качестве предисловия - для тех, у кого нет времени прочитать всю книгу. Хотя я искренне надеюсь, что интерес к личности определит и интерес к моему труду.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

- Юрий Михайлович, разговоры о вашей головокружительной политической карьере не прекращаются уже года четыре - с момента вашего восхождения на вершину столичной власти. Как вы сами относитесь к действительно быстрому продвижению не только по служебной лестнице, но и к расширяющемуся общественному признанию? Чувствуете ли себя обязанным кому-либо лично, например Г. Попову, Б. Ельцину? Или это стечение обстоятельств, крутой вираж истории?

- Я не считаю свою карьеру головокружительной. По большому счету, это и не карьера вовсе. Карьеру делали большевики, взявшие власть в 17-м году и разобравшие портфели в правительственных и государственных учреждениях безо всяких на то оснований - без знаний, опыта работы по специальности, образования, - все это заменяла у них идея. Впрочем, как оказалось впоследствии, совершенно дикая и нереализуемая в нормальном обществе. И даже в том, которое они создавали на крови, костях и слезах собственного народа.

Карьеру сделали многие наши современники, сказавшиеся демократами и ярыми поборниками новой России, вынырнувшие, как вы заметили, на крутом вираже истории - я имею в виду падение режима тоталитаризма, крушение коммунистической системы и развал Советского Союза. Вынырнуть-то вынырнули, а дальше что? Ведь одних благих пожеланий и хороших слов для переустройства России мало, надо работать до седьмого пота, мобилизовать знания и энергию россиян для до-

стижения этой благой цели - тогда, да и то не сразу, может, что-нибудь и получится.

Сам я именно в таком темпе и ритме начал трудовой путь и протопал по всем ступенькам иерархической лестницы в химической промышленности - от рядового инженера до генерального директора объединения "Химавтоматика" с его 20-тысячным коллективом, начальника главка и члена коллегии союзного министерства. А вы говорите - карьера...

Что до благодарности, так я работаю с Президентом, с Г. Поповым работал, мы - единомышленники и испытываем удовлетворение, когда удастся решить очередную задачу.

В свое время пришел на пост заместителя председателя Мосгорисполкома, потому что я москвич. И я люблю мой город, как только можно любить Родину, тот единственный угол, где ты родился. Как депутат прежнего Моссовета и председатель одной из его постоянных комиссий участвовал в работе якобы высшего тогда городского органа управления, но в то же время отчетливо видел все пороки утвердившейся системы хозяйственного управления. По поведению руководителей своего министерства чувствовал отношение к Москве союзных и республиканских структур - их постоянное стремление получить от города максимум, а отдать ему минимум.

— Тех структур давно уже нет, а тенденция у Москвы отнять и поделить остается - вы сами неоднократно об этом заявляли в прессе и по телевидению. Да и на заседаниях столичного правительства неоднократно об этом говорилось - денег из федерального бюджета дают все меньше, а требования к выполнению Москвой столичных функций - все выше. Не надорвется ли городской бюджет в таких условиях?

- Проблемы больших городов во всем мире похожи. Это нехватка средств на социальные нужды, на дотирование городского пассажирского транспорта и метрополитена, на поддержку самых обездоленных слоев населения. У нас эти проблемы обозначены гораздо резче за счет реформирования экономики, инфляции, ошибок, допущенных на начальных этапах разгосударствления госсобственности и приватизации. И мы - я имею в виду прежде всего столичное правительство - хорошо понимаем, что, только зарабатывая деньги в достаточном количестве, можно удержать ситуацию под контролем и не допустить

социального взрыва, который, случись он в Москве, станет мощным дестабилизирующим фактором и в России.

Поэтому мы продаем квартиры, сдаем в аренду помещения, участвуем в коммерческих проектах, приносящих доход городской казне. Мы активно и, на мой взгляд, плодотворно сотрудничаем с городской Думой при формировании бюджета и изыскании источников внебюджетных средств. Но денег конечно же не хватает. Ведь чуть ли не каждому третьему жителю столицы мы оказываем материальную помощь, выделяя дополнительные средства к тем суммам, что дает государственная казна. А средства эти, поверьте, немалые.

- Некоторые считают, что вы реализуете сегодня свой невостребованный прежними властями и прежней государственной машиной потенциал, что вас в свое время “кинули” на Мосгорагропром, чтобы вы свернули там свою крепкую шею - так вы напугали всех функционеров от партии и от советской власти кипучей деятельностью на посту зампредисполкома, которому было поручено организовать кооперативное движение, ввести его в цивилизованное русло. Но никто почему-то не вспоминает о том, что именно в этот период вас посетила и большая радость, вы познакомились со своей будущей женой.

- Мы познакомились с ней в период организации системы кооперативов и становления самого движения. Три сотрудницы моего скромного аппарата проделывали колоссальную работу, они не знали усталости и никогда не ныли, хотя я с ними был довольно строг - больше, признаюсь теперь, для того, чтобы не забывали, кто у них начальник, чем в целях воспитания и понукания к труду - их подгонять не требовалось.

Это они помогли мне так раскрутить систему, что ее потребовалось срочно останавливать, иначе коммунизму пришел бы конец гораздо раньше.

Мы часто засиживались допоздна, устраивали чаепития и чувствовали себя единым организмом, функционирующим надежно и устойчиво. Даже среди малочисленных коллективов не часто встречается такое искреннее стремление всех к единой цели, такое взаимопонимание и взаимная выручка, которые сложились у нас. Личное мое отношение ко всем трем сотрудницам было равным и, по существу, одинаковым - я ведь не первый год работал руководителем и давно научился держать

дистанцию с подчиненными, впрочем, они это тоже хорошо понимали. Знали и о том, что к тому времени я был вдов, воспитывал сына...

- Но у вас их двое.

- Старший уже был женат и не нуждался в такой постоянной заботе, как младший, которому едва исполнилось тогда тринадцать лет.

- Когда же вам его было воспитывать, если вы работали за полночь?

- А иногда и ночью - добавил бы я. Мне помогала моя мама, она заботилась о нем в мое отсутствие, как, впрочем, и обо мне, когда я появлялся дома. Сын же частенько поджидал меня на улице в довольно поздние часы, не водил компаний, чему я откровенно был рад.

- Юрий Михайлович, а вы человек скрытный или откровенный?

- А как вы думаете?

- Думаю, больше скрытный.

- Вы отвечаете, как в подтасованных опросах общественного мнения, где “сколько надо, столько будет”. Особенно при хитроумной постановке вопроса: “А как вы считаете, этот господин более умен или все-таки менее глуп?”

- Кстати, а вы сами как относитесь ко всевозможным опросам? Ведь то и дело там мелькает ваша фамилия среди прочих известных в России личностей, а иногда даже оказывается в числе первых трех-пяти? Вам это приятно, щекочет немножко честолюбие?

- Отношусь равнодушно, а почему, вы должны понять из предыдущей моей фразы. Если их принять всерьез, то можно так заикнуться, что потеряешь чувство реальности, а я реалист до мозга костей, прагматик, а если хотите считать меня политиком - не возражаю. Только напишите, что я политик утилитарный.

- Как утилитарного политика спрошу: несколько лет тому назад сын не боялся встречать вас поздно вечером, сегодня мальчишки не осмеливаются выходить на улицу, поскольку запросто могут быть избиты или ограблены, - так изменилась к худшему криминогенная обстановка в Москве. По-вашему, через сколько лет у москвичей появится воз-

возможность не боясь появляться на улицах города в любое время суток?

- Нам хорошо сегодня известны социальные корни вала преступности, обрушившегося на столицу. Это, прежде всего, неустойчивость экономики, порождающая неуверенность в завтрашнем дне у значительной части населения, в том числе и у той, что предрасположена к правонарушениям. Это фактор прозрачности границ России с ближним зарубежьем, дающим Москве в иные периоды до половины всех преступлений, совершаемых в столице. Мне не нравятся штампы, используемые вашими коллегами сплошь и рядом, типа “лица кавказской национальности”, поскольку преступность не имеет национальности. Не случайно существует Интерпол, и не случайно в Москве открылось бюро ФБР.

Городские власти столицы уже два года усиленно технически перевооружают милицию, создали милицию муниципальную, восстановили народные дружины, организовали подразделения для борьбы с организованной преступностью. Такие меры обязательно принесут ожидаемые нами результаты, однако нельзя надеяться здесь на чудо. Гораздо интенсивнее должна совершенствоваться правовая база, которая, по словам специалистов, все еще значительно отстает от насущных потребностей жизни, активнее следует включиться в борьбу с преступностью, особенно в сфере быта и взаимоотношений между людьми, всему населению столицы.

Я абсолютно убежден, что многих преступлений на бытовой почве можно было бы избежать, вмешайся в ссору соседей, родственников или собутыльников окружающие их люди.

- У вас было трудное детство, и выросшие в таких условиях дети, став взрослыми, относятся к еде очень бережно - не выбрасывают на помойку остатки пищи, не говоря уже о хлебе, не слишком избирательны в выборе набора продуктов, которые могли бы утолить голод, равнодушны к деликатесам.

Мне приходилось читать вами же данные интервью совершенно противоположного толка. В одном вы говорите, что в выборе пищи очень непритязательны и к еде, по существу, равнодушны, а в другом утверждаете, что поесть любите. Где истина?

- Не могу утверждать, что к еде равнодушен. Но всегда умел обходиться малым. И если, как по библейскому писанию,

Господь давал мне хлеб мой насущный ежедневно, я бывал доволен. И до сих пор люблю холодную пшеничную кашу с молоком.

- Не все ли вы упоминаете Господа? Вы верующий?

- Я вырос в семье, характерной, наверное, для моего времени, когда под одной крышей, где спокойно, а где в страшных противоречиях уживались верующие и безбожники.

- Вы чувствуете как представитель самого высшего звена власти свою вину перед народом за оскорбление его веры и осквернение храмов? Может, именно во искупление грехов прежних правителей вы так истово предаетесь возвращению церкви ее бывших владений и даже затеяли грандиозную стройку - восстановление Храма Христа Спасителя?

- Как личность и как человек я не чувствую перед своим народом, а точнее - перед москвичами, никакой вины. Не я и не мои близкие давали команду на уничтожение сорока московских сороков, и не мои родственники поворачивали ручку адской машины, взрывая Храм храмов. Но как представитель власти, которую мне доверили земляки, я абсолютно убежден: долги народу государство должно вернуть сполна. Именно в таком контексте я рассматриваю возвращение храмов верующим, издание литературы по истории русской церкви, воссоздание Храма Христа Спасителя.

- Но мнение в обществе по этому поводу не однозначно. Обыватели говорят о баснословных суммах, потребных на восстановление, которые можно было бы потратить на поддержку их нынешнего бедственного положения, эстеты утверждают, что невозможно в одну и ту же реку войти дважды, имея в виду, что дух того времени, когда создавали храм, вернуть невозможно, а значит, невозможно пристегнуть, грубо говоря, к этой идее идею духовного возрождения России, как утверждают сторонники воссоздания храма и вы сами.

- Дискутировать по любому поводу можно до бесконечности - вы наверняка знаете это свойство русской природы. Споры среди российской интеллигенции на тему с вариациями "кто виноват?" и "что делать?" продолжаются не один век. И могут продолжаться еще столько же. А вернее - будут продолжаться столько, сколько будет стоять Русь и существовать в ней интеллигенция. Можете мне поверить - это будет всегда.

Но кто-то же должен вместо споров делать дело, которое от любого количества слов не подвинется ни на йоту, - утверждаю это как практик и хозяйственный руководитель со стажем. Пока к станку не встанет рабочий, пока на стройку не придет строитель, чтобы положить первый камень, любые благие пожелания останутся не более чем пожеланиями, а любые теоретические положения будут оспариваться с не меньшим ожесточением, чем вчера и позавчера. И у каждого спорящего будут находиться все более веские аргументы.

Храм, который не построил архитектор Витберг и построил архитектор Тон, может вызвать споры. Но истина при этом неизменна: один не построил, а другой построил.

Сколько лет велась дискуссия вокруг Мемориального комплекса на Поклонной горе! То строить, то не строить, то скромнее, то пышнее, то не тот архитектор, то не нравится скульптор, то подтасованы результаты, то первый секретарь не понял, то генеральный не разобрался - и так могло быть по сей день. Если бы в один прекрасный момент столичное правительство не сказало решительно и бесповоротно: комплексу на Поклонной горе быть! И не вышло в правительство страны с предложениями и пожеланиями, не направило бы вслед за этими шагами строителей и монтажников на площадку, ставшую для нас номером первым на три напряженных года.

Можно потратить все деньги на потребу живота своего — хоть в прямом, хоть в переносном смысле. А можно оставить, поджавшись, грядущим поколениям, как оставили нам наши предки, память души и сердца народа, память веков и память поколений.

Вспомните, всю жизнь наши родители копили, чтобы купить ковер, мебель, дачу. Покупали, умирали, а купленное переходило к детям, а от детей к внукам. Разверните историю семьи в широкомасштабную историю целого народа и увидите, что принципы ведения хозяйства здесь одинаковы - от отца к сыну, от поколения к поколению. Нерадивый сын промотает полученное, а радетельный, работающий и бережливый - приумножит. Зачем же нам походить на нерадивого?

- Пока вы говорили, я мучительно соображал: как вас вернуть к вопросу, который так и остался без ответа, поскольку беседа неожиданно для меня самого, а может, и для вас поменя-

ла русло. Я имею в виду ваше замечание по поводу тех особ, трудившихся с вами на ниве кооперации и плодоовощей, из которых вы, возможно неожиданно для самого себя, выбрали одну и которая к сегодняшнему дню уже родила вам двух дочерей?

- Помните песню “Любовь нечаянно нагрянет...”? В моем тогдашнем возрасте трудно было предположить, что она нагрянет, хотя и существует классическое “любви все возрасты покорны”... Покорны - согласен, но чтобы нечаянно в возрасте за пятьдесят — вряд ли. Совместная работа и общий интерес связывают иногда людей гораздо прочнее других уз, и в этом процессе они начинают вдруг находить в коллеге такие черты, которые не встречались им прежде, и отмечать про себя: э, брат, да это похоже на то, что мне надо.

Я никогда не считал себя Аленом Делоном в смысле внешних физических данных и сейчас не считаю, а потому никогда активно не волочился, как говаривали когда-то, за женщинами.

- Женщины ведь любят ушами, а когда вы заговорите - только слушать согласись. Ваши познания обширны, а логика мышления и умение убеждать поражают. Я уже не говорю об умении добиваться поставленной цели. Вы ставили перед собой цель завоевать женщину, которая вам через несколько лет совместной работы наконец-то понравилась?

- Нет, не ставил. Все произошло совершенно естественно для нас обоих, и наша совместная жизнь после брака стала продолжением совместной работы. Мы просто полюбили друг друга - и поженились. Могу утверждать это с чистой совестью.

- Ну сейчас мы договоримся до того, что все городские проблемы и государственные дела вы обсуждаете с женой и принимаете решения с учетом ее мнения. Как когда-то Горбачев на подобный вопрос ответил: мы с Раисой Максимовной советуемся. Хотя невооруженным глазом было видно, что пахло там отнюдь не одними советами, а едва ли не прямым вмешательством августейшей супруги в дела государства. Сильная, видимо, характером и властная, она вертела Михаилом Сергеевичем, как хотела.

- Не говорите мне про чету бывших генеральных секретарей и бывших президентов! И тем более не сравнивайте, мне это не нравится. Я считаю Горбачева прямым виновником раз-

вала экономики, ее нынешнего состояния. Это по его вине - до-советовался - распался Союз и стремительно рассыпалось единое экономическое пространство.

Ни с кем из домашних я не советуюсь, принимая решения по жизненно важным вопросам городского бытия. Скажу больше: я вообще по ним ни с кем не советуюсь. Для выработки окончательного решения по любому поводу существует городское правительство, на заседаниях которого мы обсуждаем проблемы - иногда довольно бурно, противоречиво и не один день - и где каждый может высказать любое мнение, изложить свою точку зрения. Но когда решение принято, я требую его неукоснительного выполнения - иначе нельзя, иначе получится пустая трата времени и никому не нужная говорильня.

- У вас в правительстве партийная дисциплина? А еще утверждаете, что являетесь хозяйственником, а не политиком. Кстати, считаете ли вы себя принадлежащим к партии власти и чем, на ваш взгляд, отличается политик от хозяйственника?

- Для меня дисциплина исполнения - основа действия, основа продвижения вперед на любом направлении. Если вас устраивает, что я принадлежу к партии власти, можете мне это приписать, для меня это не принципиально. Принципиально - сделал или не сделал, а молишься ты в православном храме или посещаешь мечеть - для меня безразлично.

Представиться политиком проще - ведь его задача сводится в основном к искусному маневрированию на острие общественного мнения, манипулированию и жонглированию словами и идеями. В случае неудачи можно всегда уйти в тень, выставив на освещенный участок представителя исполнительной власти, хозяйственника.

Ведь слов можно сказать очень много, причем очень хороших, получить в среде избирателей самые лестные отзывы и даже быть избранным в тот или иной орган представительной власти, где, как правило, быстро забываются все прежние слова и все предвыборные обещания. Примеры нужны?

- Нет, они у всех перед глазами...

- А правительства народ судит по делам. И на плечах правительств лежит забота о хлебе насущном, именно они предпринимают меры к жестким схемам сбора податей и налогов, штрафуют, наказывают, администрируют, и было бы по мень-

шей мере странным, если бы обыватель любил таких людей. Их цели кажутся публике совершенно непонятными, а ближайшие задачи подчас слишком мелочными - обвиняют же меня в том, что я вникаю порой в любую деталь. При этом, заметьте, всем хочется жить лучше. То есть работать меньше, получать больше, тратить по минимуму, иметь по максимуму. Тут уж ничего не поделаешь, таким человека сделал Бог, и не только его - так устроена сама природа. Справедливо это или несправедливо, правильно или неправильно - второй вопрос. Но так есть.

Принадлежность к партии власти или, точнее, работа во властных структурах - это не привилегия, поскольку - я убежден и на себе испытал - властью не награждают, властью наказывают. И как я уже сказал, гораздо чаще критикуют.

- Кстати, как вы относитесь к критике? Чем сильнее накал политической борьбы, чем ближе выборы и чем острее противоречия между словами в верхах и делами, тем чаще вас щиплют различные издания - одна "Российская газета" извела в свое время тонны бумаги, а вы отвечаете не так часто. Что это - пренебрежение или сознательное поведение: дескать, вы там делайте, что хотите, а караван дойдет?..

- Если я стану утверждать, что люблю критику, вы ведь мне все равно не поверите. И по-моему, любовь к критике - это патология. Совершенно нормально, что ее не любят все, и я не исключение. Тем не менее признаю объективную, основанную на фактах конструктивную критику. Ту, которая в перспективе помогает принять правильное решение, найти верный ход.

Скажем, за плохие дороги и мусор во дворах нас только ленивый не критикует, да и мы сами, как я однажды заметил уже, люди с понятием, видим недоработки и прилагаем максимум усилий, чтобы навести здесь порядок. И сдвиги есть.

Злобную же, злопыхательскую, субъективную, позерскую и хамскую критику не приемлю и никогда не приму. Я почти никогда не отвечаю на такую критику в печати, считая это ниже своего достоинства, и стараюсь не делать рекламы хамству от пера. Зато в судах мои иски к различным изданиям, в том числе и к "Российской газете", рассматривались неоднократно, и ни в одном мне не было отказано, все дела я с моими адвокатами выиграл.

- Было бы странно, если бы вы их проиграли...

- Почему? Все ведь меняется, меняется и судопроизводство, и сегодня можно уверенно говорить о заметном прогрессе в рассмотрении дел, когда судьи не заглядывают в анкеты сторон, а руководствуются буквой закона. И я подобные изменения в их поведении только приветствую. Никогда правового государства не удастся нам построить, если третья власть будет бесправной и безвластной.

- Вы выигрываете не только у изданий, вы побеждаете раунд за раундом в борьбе за право Москвы идти своим, столичным, путем в вопросах приватизации, аренды, продажи недвижимости, развития инфраструктуры и других важных направлениях экономической реформы, движения к настоящим рыночным отношениям. За это вас откровенно не жалуют высшие чины в российском правительстве и любят москвичи. Представьте себе ситуацию, что вы остались бы во временном правительстве И. Силаева и сегодня курировали бы Москву. Какую линию поведения вы бы избрали?

- Фантастическая картина! Прежде всего потому, что я уже через короткое время работы в том кабинете понял: мне здесь делать нечего. И почти одновременно решил: пока мне москвичи доверяют - останусь с ними, а там будет видно. Так и открылся, помню, очередное заседание правительства словами: блудный сын вернулся.

Если случилось бы невероятное и мне пришлось курировать столичное правительство, конечно же я отстаивал бы интересы Москвы.

- Приходилось слышать и читать: дескать, Лужков специально подобрал под себя такую команду, которая создает ему своеобразный имидж поборника столичной самостоятельности и защитника сирых и убогих. При этом все другие члены правительства сознательно уходят в тень, выдвигая на первый план своего премьера.

- В нашей команде играют профессионалы, а не любители. Каждый знает свой маневр и добросовестно делает свое дело, что в немалой степени определяет нынешнее положение в Москве, которое даже наши противники признают стабильным. Наверное, в этом есть и моя заслуга, но здесь абсолютная доля коллективного труда и коллективных усилий. Если ко-

му-то нравится списывать это на имидж премьера, пожалуйста. Только для меня важен всегда ре - зуль - тат!

- Вы по натуре человек конфликтный - да-да, не крутите отрицательно головой! - и даже среди своей команды на заседаниях столичного правительства иногда еле сдерживаете себя, чтобы не взорваться. Коллеги прощают вам подобные эмоции или же при случае выговаривают и пытаются каким-либо образом вернуть “должок”?

- Я кручу головой, потому что не могу однозначно принять по отношению к себе определение “конфликтный”. Я не ангел, и крылышки у меня если и появятся, то наверняка не скоро. И жесткость, и конфликтность в характере присутствуют. Однако конфликтую я исключительно в интересах дела, которому служу и которое по мере моих сил стараюсь делать добросовестно. Ни перед кем не собираюсь рядиться в овечью шкуру, поскольку не тот у меня характер от рождения, а что дано, то дано. Жесткость, однако, проявляю лишь тогда, когда вижу вопиющую неисполнительность, граничащую с халатностью, а конфликтность - только в тех случаях, когда мешают работать. А желающих помешать, поверьте, очень много.

Я не думаю о том, как выгляжу в тот или иной момент на работе, не забочусь о последствиях того или иного шага, если вижу препятствия на пути к цели. Надеюсь, члены столичного правительства видят это и потому не плетут у меня за спиной интриг, не кучкуются в кулуарах, а режут мне в глаза все, что думаю. Мне это тоже, бывает, не нравится, но по-другому дееспособный коллектив, призванный управлять таким конгломератом, как Москва, создать невозможно. Примеров тому достаточно, они известны, и повторяться не хочу.

- А в семье у вас бывают конфликты? Ведь по любым меркам она необычна: ваша вторая жена моложе старшего сына от первого брака, обычно в таких случаях складывается стандартная ситуация, когда возникает непонимание детьми родителя на почве ревности к неожиданно появившемуся новому члену семьи. Или у вас полное понимание?

- Ситуация в моей семье мало чем отличается от той стандартной, что вы нарисовали. Две крохи-дочери пока мало что понимают, младший сын не только понял, что произошло, но и принял сердцем мою жену. А вот со старшим есть проблемы, и

отношения между ним и моей новой семьей не такие, какими мне хотелось бы их видеть. Но это - жизнь, и от нее никуда не уйти. Пока была жива моя мама, было несколько проще, теперь - сложнее.

- Вы больше 30 лет не употребляете спиртного, не курите. Это результат домашнего воспитания?

- Возможно, это побочное влияние того воспитания, которое я получил. Дело в том, что я давным-давно прочитал произведение Мельникова-Печерского, и мне настолько запал в душу образ жизни старообрядцев, их простая и бесхитростная жизнь, что я решил окончательно отказаться от курения и вина. Ни под каким видом и ни по какому поводу не пью, и поверьте - не тянет.

- Завидно. Но хоть какие-то пороки у вас есть? А то ведь действительно крылышки вырастут...

- Никак не отучусь материться, хотя, признаюсь, ни разу и не пытался.

- Наблюдая ваше поведение на публике, оценивая всю деятельность, которая проходит на виду у такого города, как Москва, трудно поверить, что вы такой впечатлительный - под влиянием книжки окончательно и бесповоротно покончили со спиртным. Тем более что к тому времени вы уже должны были знать: на непьющих у нас на Руси смотрят как на юродивых. Может, существует тайная причина?

- Зрелость души и мысли к каждому человеку приходит в его время - к одному раньше, к другому - позже. И, по зрелому размышлению, каждый индивидуум задумывается, как реализовать свой потенциал, который, я убежден, заложен в каждом. А реализовать его можно только на основе самоограничения, отказа от того, что мешает. Но одного размышления и одного понятия мало - нужны воля, желание и упрямство. У меня есть эти три качества, и мне удалось сделать то, что я сделал.

- Вы что, три десятилетия назад знали, что станете первым человеком на Москве?

- Не впервые беседую с вами, и обязательно у вас в запасе находится какой-либо каверзный вопрос, чтобы не сказать хуже. При чем тут знал, не знал... Просто я всегда любил работать и по сей день убежден: трудолюбие - это единственное, что у человека отнять невозможно. Вот вы сами пьете?

- Пятый день в рот не беру, готовлю к печати интервью с вами.

- Видите как! Значит, когда время поджимает и надо многое успеть, рюмка - большая помеха. А мне почему-то всегда хотелось успеть многое, всегда не хватало времени.

- Скажите, а хватает ли у вас времени общаться с друзьями? И есть ли они? Как-то я встретил человека, дружившего с вашей семьей, и в разговоре выяснилось, что с вашим восхождением на вершину власти человек этот перестал вам звонить - боится оторвать от важных государственных дел. Выходит, чем выше ступень, на которую поднимается человек, тем более одиноким он становится. Не случайно ведь в коридорах бывшего ЦК КПСС и в бывшем - тогдашнем еще - Верховном Совете существовало негласное правило: в коридорах больше двух не собираться. А кто собрался, тот подозрителен.

- У меня масса друзей, среди которых есть и никому в Москве не известные люди. Но от этого они мне не менее дороги. Искренняя дружба предполагает равенство человеческих качеств, а не регалий. У меня допоздна звонит телефон, и в любое время суток может ввалиться в дом кто-либо из тех, кого я давным-давно хотел бы увидеть, но все не удавалось.

Конечно, времени мало, и на общение остаются только самые поздние воскресные часы, но этого мне и моим друзьям достаточно, чтобы и вспомнить, и рассказать, и попить чайку. У меня нормальный дом, и гостям в нем всегда рады.

Что касается бывших коридоров, я не знаю, в названных вами структурах не работал, а служащие аппарата мэрии никаких ограничений по части общения друг с другом не имеют.

- Я был однажды свидетелем вашего разговора с высокопоставленным чиновником аппарата правительства, когда вы с возмущением восклицали: "Да он меня обманывает!" Скажите, вы доверяете людям, которые работают рядом?

- Доверяю, иначе как работать. Делать все самому? Но любой звеньевой на стройке знает, что одному управиться с намеченным дневным заданием невозможно - пупок развяжется. Для того и существует аппарат управления, руководители и исполнители, чтобы проводить в жизнь то, что необходимо, что принято и утверждено, что нужно городу и людям, в нем живущим.

- Кто-то вас обманывает, кто-то берет взятки, разговоры о коррупции во всех сферах управления и на всех уровнях не смолкают. Правда, от этого ничего не меняется и дальше разговоров дело не двигается - федерального закона о коррупции нет, парламент отмалчивается, а уличить в этом пороке кого бы то ни было чрезвычайно трудно. Вы знаете пути борьбы с этим злом?

- Они очевидны. Прежде всего, государственный служащий не должен работать в сферах предпринимательства, частных фирмах, коммерческих структурах. Это принципиально важный момент, который сегодня сплошь и рядом игнорируется. В результате чиновник, пользуясь служебным положением, создает структуры, где является физическим лицом, помогает сам себе и коммерческой структуре как государственный служащий. Как правило, это делается в ущерб государству, тут и к гадалке ходить не нужно.

Второе. Чиновнику надо много платить, хотя это вызывает порой у граждан непонимание, а то и возмущение: мы, дескать, стоим у станка, а он - сидит за столом. Другое дело, что чиновников должно быть по-настоящему мало, тогда они получать будут столько, что перестанут нуждаться в побочных доходах.

Третье. Активнее, быстрее должна идти приватизация, чтобы у государства, а значит, и у чиновника не оставалось рычагов давления и рычагов, через которые он мог бы осуществлять коррупцию во взаимодействии с предпринимательскими структурами.

Разрешительный порядок во всех сферах хозяйственной и административной деятельности должен существенным образом сократиться, если хотите, - со временем просто умереть. Разрешительная нынешняя система - питательная среда для чиновников, где и проявляется их нездоровый интерес, мздоимство, взяточничество.

Даже если чиновник совсем ма-а-а-ленький, он и тут, что называется, с ручкой. Меняются от масштаба кресла только масштабы взяток. А когда функции государственного чиновника будут сведены до минимума, почти на нет, тогда положение резко изменится.

Конечно, рано или поздно рынок утвердится, частный бизнес достигнет определенного уровня развития, государственное

регулирование резко сократится. Но это при дальнейшей капитализации нашей экономики, хотя многие почему-то боятся этих слов. Думаю, бояться их не надо - от объективной оценки происходящего в обществе и в экономике нам будет только легче.

Кроме того, нужно до предела упростить, упростить до полного понимания простыми людьми, которые обращаются к чиновнику, все инструкции, все положения, все регламенты и прочие документы этого порядка.

Когда они будут простейшими, прямого действия, люди не будут зависеть от прихотей того либо иного служащего - разрешил, не разрешил... Каждый сам для себя может вычислить и стоимость приватизации квартиры, и порядок взимания налогов, и действия по созданию малого предприятия, и порядок лицензирования - да мало ли что может потребоваться человеку сегодня, а тем более завтра.

И он должен все знать и все оформить сам - без участия посредника в лице государственного служащего. Да еще иметь возможность внести плату за услуги через почту, **Сбербанк**. Платим же мы налог на автомобиль, минуя ГАИ...

Итак: число чиновников должно быть минимальным, они должны быть обеспеченными, их разрешительные функции сводятся к минимуму. Вот тот базис, на котором строится основа борьбы с коррупцией в государственных учреждениях. Если не сумеем выстроить этот базис, то так и будем повторять вслед за великим нашим историком, характеризующим самую отличительную черту государства Российского: воруют...

- Как бы вы ни рядились сегодня в тогу хозяйственника, от реалий политической жизни никуда не уйти. Хотя бы потому, что приближаются выборы мэра Москвы. Внимательные наблюдатели и опытные обозреватели отмечают, что вы хорошо ориентируетесь в политических дебрях сегодняшних дней, умеете предвидеть события. Каков ваш прогноз на ближайшее время и на перспективу? Я имею в виду не по персоналиям и партиям, а систему власти, дальнейший путь России.

- Я бы не сказал, что хорошо ориентируюсь в сегодняшних хитросплетениях политики и политиков. И не из ложной скромности, а потому, что не являюсь специалистом в этой области.

Я - хозяйственник и останусь им до конца дней своих. Или, во всяком случае, до того момента, пока буду работать.

Но ведь политиком и необязательно быть, чтобы увидеть, какой в нынешних условиях должна быть система исполнительной власти - о представительной я не говорю, она сложилась и худо-бедно функционирует. Считаю, что институт президентства и в дальнейшем должен укрепляться по вертикали. Ось власти должна быть такой: президент - руководитель администрации области - руководитель администрации более низкого звена (города, населенного пункта). По сути, так оно сегодня и есть, но абсолютное большинство этих людей назначают сверху. А это должны быть люди, которых население выбрало на альтернативной основе и доверило управлять экономикой на соответствующей территории. Но этот выбранный администратор должен быть подчинен президенту, как главе исполнительной власти. Президент должен иметь право сместить администратора, не справляющегося со своими обязанностями и назначить новые выборы. Не нового человека, а выборы. Которые, однако, должны исключить избрание заменяемого главы администрации. Иначе ничего не получится, кроме местничества, - такие примеры по России уже есть.

Президент должен неуклонно проводить свою линию, не заигрывая с представительной властью - он ей ничего не должен, он избран всем народом.

Два слова скажу о России, столицей которой является Москва, хотя говорить о ней можно бесконечно. Я, например, не чувствую себя гражданином Армении или Грузии, да, откровенно, и не хочу. Как в той песне: "Не нужен мне берег турецкий и Африка мне не нужна..." Предполагаю, что Россия будет развиваться как безусловно самостоятельное государство, решающее все свои проблемы. Оно никому ничего не дарит и бесплатно ничего не получает. Но если какая-то республика из ближнего зарубежья пожелает добровольно присоединиться к России - милости просим. Но при признании права России на лидерство.

Это, поверьте, не великодержавный или иной какой шовинизм. Ведь вся история дооктябрьской России - это история многонационального государства, объединенного под высокой рукой белого царя. Не вмешивающегося, впрочем, в дела эми-

ра Бухарского и не навязывающего свои обычаи и свой язык российским окраинам.

Думаю, следует внимательно изучить наследие наших предшественников, не изгонявших народы с исконных земель, создавших разумные пропорции между государственностью общей и управлением на местах, а жизнь совершенно естественно подскажет со временем, какого рода политический союз должен сформироваться между государствами бывшей империи.

У истории всегда богатый выбор, у людей, к сожалению, он гораздо беднее. История ни перед кем не отвечает, а человек ответствен перед всеми. В том числе и перед Историей.

- Вы, должно быть, тоже чувствуете свою перед ней ответственность за свои дела и поступки. Не страшно?

- Боишься, говорят, не делай, а делаешь - не бойся. С детства расквашенный нос и синяки нисколько меня не смущали. У нас на Москве-товарной ценились смелость, верность и умение терпеть. Теперь это называется держать удар. И я его держу по очень ординарной причине: я действительно люблю свой родной город, люблю Москву и москвичей, и если бы не эта любовь, дающая мне силы, я давно бы все бросил и... ушел.

- Но тогда это был бы уже другой человек, а не тореро, не Юрий Лужков, так?

- Возможно.

Глава 1

ПЯТИЛЕТКА СВОБОДНЫХ ВЫБОРОВ

От автора

Теперь, когда выборы мэра Москвы позади и Юрий Лужков победил с оглушительным перевесом, набрав почти 90 процентов голосов москвичей, вернемся к истокам - к тому времени, когда началось его восхождение, когда созревали условия для появления на политическом горизонте подобных личностей. Вернемся к выборам-90, давшим толчок развитию демократии в России и Москве, не забывая, однако, о дне сегодняшнем.

С магнитофонной ленты

Женюсь обязательно

- На мой взгляд, должность мэра Москвы является одной из почетнейших государственных должностей. Если москвичи тебе доверяют, если понимают, что недостатки в твоей работе вызваны трудностями задачи и форс-мажорными обстоятельствами, а не злым умыслом или некомпетентностью, то остаться на этом посту, чтобы продолжать начатые дела и чтобы начать реализацию новых замыслов, возникающих из насущных потребностей города, становится моральным и профессиональным долгом. Мы начали уже столько важнейших и сложнейших проектов, что бросать их на полпути аморально. Остап Бендер после визита к мадам Грицацуевой сказал Воробьянинову: "Как честный человек, я не могу не жениться".

Я коренной москвич и люблю этот город. Не столько умом, сколько сердцем. И получил предложения от многих москвичей остаться мэром на второй срок, и считаю это высочайшей честью.

Из дневника нашего приятеля, журналиста*

8 февраля 1996 г., четверг

Предпочтение - Б. Н. Ельцину

Так получилось, что едва ли не случайно оказался в кабинете Ю.М. Лужкова и стал свидетелем и участником беседы на предвыборную тему.

- Я лично буду поддерживать нынешнего президента, - продолжая разговор с теми, кто стоял рядом, сказал Ю. М.

- Не знаю, - заметил я, соображая, можно ли сказать то, что думаю, или лучше уж теперь промолчать. Решил сказать: - Я пока вижу одного кандидата, за которого я бы голосовал не задумываясь. Да он не выдвигается...

- Оставим это, - догадался Ю.М., какого кандидата я имею в виду. - Сам подумай, кто в соперниках, кому можно доверить власть, которая только-только становится на ноги? Что, Зюганову? Немцову? Явлинскому или Жириновскому? Только Борис Николаевич при всех его недостатках, я подчеркиваю, может довести дело реформирования России до конца.

- Да уж, недостаточки ничего себе...

- Хорошо, давай считать. Его обвиняют в развале Союза, но ведь Союз распался не в Беловежской пуще! С 1985 года начался развал системы СЭВ, и все последующее было делом времени. По большому счету Беловежская пуща спасла Россию от гражданской войны.

- А что же, по-вашему, происходит в Чечне?

- Ах, Чечня... Как руководитель государства, как президент, что должен был делать Ельцин, наблюдая за ситуацией в Чечне, за действиями того же Дудаева, двинувшегося в сепаратизм и отрыв от России, не имея на то никаких юридических оснований? Смотреть и тихо проглотить эту пилюлю? А завтра мы бы получили Россию, составленную из обломков великой державы?

- Из обломков самовластья, как в бывших республиках...

- Хочешь, понимай и так. Все Борис Николаевич сделал правильно. Другое дело, что такого генерала, как Паша Грачев, нет, наверное, ни у одного президента мира.

**Далее везде - "Из дневника..."*

- Можно подумать, только он. Ну какую войсковую операцию может успешно провести охранник, даже если он и в погонах генерала с маршальской звездой? Одно дело ведь охранять и совсем другое - воевать...

Он почему-то не обратил внимания на эту реплику и продолжал:

- Ему - я имею в виду президента - предъявляют обвинения в развале экономики страны и всеобщем обнищании народа. Но оглянитесь вокруг - в России люди живут примерно вдвое лучше, чем в ближнем зарубежье, это же объективный показатель, который нельзя придумать. И неизвестно, что станет со страной, изберут ли завтра другого президента: откат назад, в коммунистическое прошлое, к репрессиям и тоталитаризму, междоусобицам - да все, что угодно. Нет, я - за нынешнего президента! - убежденно произнес Ю.М.

С магнитофонной ленты

В какой вы партии, Лужков?

- А теперь мне хотелось бы сказать о моей партийной принадлежности. Почему-то все обязательно хотят приписать правительство Москвы, мэра к какому-то лагерю, выискивают похожие места в программах различных партий. То меня считают "красным", то демократом, то радикалом. Но занятие это не продуктивное. Главное для правительства города - это хозяйственные дела, политикой мы не занимаемся, а если мы и вступили бы в какую-то партию, то это пока еще не созданная партия. Она должна привлекать людей своими прагматическими целями, она должна руководствоваться не политическими, а деловыми соображениями, соображениями общественной выгоды и общественной пользы. Но пока такой партии нет и вроде бы нет инициаторов, которые взялись бы за ее создание. Это, однако, не значит, что мы безразличны к политической ситуации, которая складывается в России.

Главный вопрос сегодняшнего дня - это не выборы мэра и правительства города, хотя, конечно, для любой территории, любого субъекта Федерации это очень важно. Главный вопрос данного этапа: кто будет Президентом России на бу-

дущий срок? Я уже не раз говорил о том, что я поддерживаю нынешнего Президента России на предстоящих выборах. Почему? Мы выбираем не личность, не тенденцию развития и даже не курс, который будет прокладывать эта личность.

Мы будем - нравится нам это или нет - выбирать снова политическую и экономическую систему государства на многие годы вперед. Я вижу огромный созидательный потенциал той системы, которая сегодня складывается. Поэтому я буду поддерживать Бориса Николаевича Ельцина, который будет продолжать, если его изберет Россия, начатые преобразования. Возвращаться, останавливаться и снова все ломать - это гибель для России!

Моя беспартийность не мешает мне поддерживать многие конструктивные партии и движения даже в тех случаях, когда я не полностью разделяю их программы. Мэру с чисто практической точки зрения хочется, чтобы люди объединялись в партии по интересам. Тогда и правительству города легче служить горожанам. Очень трудно учесть интересы каждого человека в отдельности, а когда интересы значительных социальных групп выражаются через партийную платформу, можно в этом взаимодействии осуществлять серьезные меры, чтобы их удовлетворить.

Что же касается сходства отдельных положений, то здесь уместно вспомнить анекдот об учительнице, которая упрекнула Жана в том, что он списал сочинение про крокодила у Пьера. Когда Жан стал это отрицать, учительница сказала: "Но ведь в вашем сочинении некоторые места буквально слово в слово совпадают". На что Жан ответил: "Но ведь и крокодил тот же самый!"

Из записных книжек автора*

Тот самый Моссовет

По оценке сторонников образовавшегося накануне выборов-90 блока "Демократическая Россия", абсолютное большинство мандатов в российский парламент от Москвы попало

* Далее везде. "Из записных книжек..."

в их руки, в Моссовет - свыше половины, в райсоветы - почти две трети.

Даже если сделать поправку на примкнувших к блоку на период кампании и использующих его лозунги - а такие наверняка есть, - то и тогда надо признать, что блок завоевал немало депутатских мест. Через некоторое время мы узнаем, как распорядятся своими полномочиями депутаты, куда поведут столицу - станут работать, засучив рукава, или начнут призывать искоренять недостатки, "воевать" с МГК КПСС и райкомами партии.

Прошедшая кампания преподнесла немало уроков всем - тем, кто избирал или проигнорировал выборы, тем, кто избран и кто потерпел поражение. Ведь к какой бы категории трудящихся, какой бы социальной группе мы ни принадлежали, мы все - жители столицы, мы - избиратели.

Накануне повторного голосования я предположил, что активность москвичей повысится, но она понизилась. И заметно. В явное противоречие вступило число проголосовавших с широко распространившимся после первого тура мнением, что основной причиной слабой активности населения является большое число кандидатов, незнание избирателями их программ. Теперь, когда оставалось всего по два претендента, ничто не мешало познакомиться с ними поближе. Но мы не захотели. На кого будем пенять, если выбрали не того?

На митинге в Вильнюсе 18 марта говорилось о том, что пассивность может загубить не только перестройку, но и саму демократию, что избиратели зачастую добровольно отдают власть тем, кому бы отдавать ее не хотели. Но это выясняется потом. А в самые напряженные моменты избиратели размышляют, стоит ли голосовать или лучше отсидеться. Потом спохватываются - а депутатские мандаты уже разобраны.

Не потому ли, что мы равнодушны, некоторым кандидатам хватило и четвертой части от общего числа избирателей в округе? И тому можно привести массу конкретных примеров. Но ограничимся одним - абстрактным. Положим, в округе по выборам депутата Моссовета 10 тысяч избирателей. Явились голосовать ровно половина плюс один. Голоса разделились так, что из двух претендентов один получил лишь на несколько го-

лосов больше и стал депутатом, набрав арифметическое большинство.

Пишу об этом не к тому, что Закон о выборах плох — это, кстати, действительно так, - не к тому, что подобный депутат должен чувствовать себя в общем-то не очень уверенно в случае ссылок на своих избирателей. А к тому, что, ушедшие по своей воле от политической борьбы на прошедших выборах, мы не имеем морального права по-настоящему спросить со своих депутатов — большинство-то за них не голосовало.

В этой ситуации заложен и еще один подводный камень на пути будущего правового становления России как самостоятельной республики и Москвы как города со столичным статусом. Положим, убедившись, что наш депутат “не тянет”, мы захотим его отозвать. Кто из избирателей в округе должен будет принять такое решение? Те, которые голосовали, или те, которые не приняли участия в выборах?

По-видимому, ссылки на слабое знание кандидатов в депутаты и неинформированность - не самые главные причины пассивности избирателей. В их ряду надо назвать прежде всего продолжающееся снижение уровня жизни, а затем - неверие людей в возможности не только скорых, но и отдаленных перемен. На волне веры мы избрали год назад народных депутатов СССР, затаив дыхание следили за работой первого Съезда, казалось, еще немного - и произойдет сдвиг. Он и произошел. Только в обратную сторону. Втихую все, кто мог, прибавили себе зарплату, комиссия, по привилегиям ничего не решила принципиального, и мы теперь все реже переключаем телевизор на вторую программу, так как все, что происходит в Верховном Совете, многим уже неинтересно.

Другой вопрос, что мы и здесь проявляем пассивность и иждивенчество, надеясь на скорые перемены без особых усилий с нашей стороны. Может, кстати, в этом один из главных недостатков революции “сверху” - народ ждет от верхов благоденствия, которое никогда не наступит, если не работать втрое. Хотя — понятно — для такой работы должны быть созданы соответствующие условия и предусмотрена соответствующая оплата. На мой взгляд, многие кандидаты из тех, кто знает, как это сделать, депутатами не стали. А жаль.

Весь ход кампании, двухкруговые выборы отчетливо вы-

явили и еще один недостаток: нет нормального, четкого, отработанного механизма формирования избирательных комиссий. Свидетельство тому - масса конфликтов, возникших при выдвижении, регистрации кандидатов, большое число обращений в суды по ходу ведения предвыборной борьбы и результатам голосования.

В Гагаринском районе ничем не кончилось разбирательство жалобы группы инвалидов, указавших на факты нарушения Закона о выборах при выдвижении кандидатом в депутаты Моссовета по 75-му округу Н. Антонова. Но окружная комиссия в официальном ответе признала: “В ходе проверки были подтверждены указанные вами факты нарушений, допущенных при выдвижении Н. Антонова...” Затем сообщается, что при повторном рассмотрении (через месяц?!) факты подтвердились. Однако, цитирую, “из-за категорических требований членов комиссии тт. Комарова Н.В. и Ваковского Б.М. кандидатура тов. Антонова I ГА. была оставлена в списках для повторного голосования”.

Как понять такое поведение одной из окружных комиссий? Видимо, не случайно некоторые избиратели усматривали в принципах их формирования определенный интерес определенных людей или категорий работников. Особенно когда речь шла о формировании комиссии на базе предприятия, учреждения или организации, руководитель которых выдвигался кандидатом сам.

Нам кажется, подлоги и неверный подсчет голосов в теперешних условиях, когда на каждого члена комиссии приходится едва ли не по наблюдателю, вряд ли возможны, но и с этическими нормами все же следует считаться.

Нарушений законов о выборах было достаточно. Тем не менее ни одного случая решительного их пресечения за все время проведения кампании не отмечено. Хотя закон и допускает крутые меры - вплоть до отмены избирательными комиссиями собственных решений о регистрации кандидатов.

Можно предположить, что большинство комиссий вели себя пассивно по причине слабой информированности о своих правах и обязанностях и вся их деятельность ограничивалась лишь кратковременными дежурствами на участках да напряженной работой накануне и в дни выборов.

В работе комиссий отмечены порой необъяснимые, а то и просто непростительные накладки. Такие, как потеря фотографии кандидата в депутаты Моссовета в Красногвардейском районе, публикация неверных данных об итогах голосования.

В Таганском районе по 415-му округу машинистка ошиблась на тысячу голосов, и вместо победившего депутатом объявили побежденного.

Отмечались случаи агитации членами комиссий за одного из кандидатов, игнорирование обращений других, создание предпосылок для фактически неравного ведения предвыборной борьбы.

Понятно, избежать при накале страстей определенных потерь не удастся. Но найти способы и методы формирования комиссий в будущем необходимо. Может быть, стоит подумать о создании независимых комиссий на средства тех политических сил, которые станут участвовать в выборной кампании, бороться за мандаты. Средства эти можно было бы перечислять в районный бюджет целевым назначением. И спрос должен осуществляться сам совет.

Пока же комиссии содержатся за счет предприятий и организаций, возможны всякие домыслы в ходе борьбы, которую вели кандидаты.

Они довольно вяло начинали кампанию, но каждый ее этап заканчивался на определенном, порой достаточно высоком всплеске активности. Неоднократно высказывались опасения, что после окончания срока выдвижения округа останутся “незакрытыми”. Ничего подобного. В последний момент навывдвигали такое количество, что избиратели потеряли всяческие ориентиры.

В Куйбышевском районе коллектив одного их отделов НПО “Геофизика” числом чуть более 60 человек выдвинул, причем заочно, аж семерых кандидатов. И закон не нарушил. Видимо, потому, что крен в нем в сторону трудовых коллективов, а не избирателей по месту жительства.

Многие заметили и такой факт: в советы более высокого уровня кандидаты шли гораздо охотнее, чем в районные. Есть тому и объяснение: баллотироваться в район - это становиться в очередь на неблагодарный, черный, ежедневный труд, когда каждый день и час надо решать проблемы конкретного челове-

ка, что гораздо труднее, чем заниматься законотворчеством в “большом” парламенте.

Большое число выдвинутых кандидатов заметно осложняло кампанию, и если на первом этапе нарушений статей Закона об агитации наблюдалось сравнительно немного, то накануне повторного голосования “плакатная война” захлестнула город, а кое-где даже заканчивалась рукопашными. Избирательные комиссии утратили контроль над ситуацией и явили свою полную беспомощность относительно соблюдения равных условий кандидатами.

Особенно огорчает стремление во что бы то ни стало скомпрометировать соперника. В ход пошли подлоги, клеветы, распространение ложных измышлений, как выражаются юристы, о кандидатах.

Вот когда поверишь, что мораль и политика - две вещи несовместные. Но как жить нам дальше, на кого надеяться, если немало депутатских мест займут завтра люди, запятнавшие себя оскорбительными аморальными поступками против других? Никакая цель не может оправдать такие средства, и победителей таких надо бы все-таки судить судом общественности или комиссии по депутатской этике.

В Бутове распространяли листочку с выдуманными фактами предоставления одним из кандидатов умопомрачительной квартиры своему сыну, в Куйбышевском районе избранный ныне депутатом Моссовета В. Ефремов лично поздравил женщин открытками и звал голосовать за себя, хотя под текстом поздравления стояла подпись “группа поддержки”.

Очень, кстати, удобно, скрывшись за подобной подписью, делать все, что заблагорассудится, вредить противнику, не считаясь ни с какими нормами, не чинясь перед нравственностью. Подписи “инициативная группа”, “клуб избирателей”, “комитет самоуправления” и другие стоят под самыми разными текстами. Найти людей, которые входили в эти группы фактически невозможно, телефоны для связи указывались, как правило, вымышленные, выходные данные на листовках и плакатах отсутствовали. Сами кандидаты чаще всего от них откращивались.

В каждом районе блок “Демократическая Россия” распространил списки кандидатов, которых предлагал поддерживать именно в данной местности. Под списками - факси-

милые подписи Г. Попова, Н. Травкина, С. Станкевича и других. Использование заемного авторитета - прием не новый и довольно распространенный в нынешней кампании. Но этичный ли?

Может, ввести систему штрафов кандидатов за нарушение Закона о выборах, за распространение заведомо ложных сведений? Интересно, что обо всем этом думают сами депутаты теперь, когда долгий их путь к мандату завершился?

Там, где предстоят повторные выборы, избиратели еще скажут свое слово. Но оно не будет решающим. В недалеком времени полномочия абсолютного большинства депутатов будут подтверждены, и они приступят к исполнению своих обязанностей.

В парламент России от Москвы больше всего избрано научных работников или людей, так или иначе с наукой связанных, - преподавателей, руководителей учебных заведений. Значительно число журналистов, достаточно представлены правоохранительные органы.

Если вести речь о составе народных депутатов Моссовета, то картина примерно похожая. С той лишь разницей, что здесь доверием избирателей обложены многие партийные и советские работники города. Конечно, они представлены не в таком количестве, как прежде, но в достаточном, чтобы участвовать в определении основных направлений стратегии и тактики в развитии Москвы.

Не пробившись в парламент России, не стали депутатами Моссовета многие хозяйственные руководители городских служб, отраслей городского хозяйства. Когда-то, казалось навечно, было определено, что членами Верховного Совета РСФСР должны числиться председатель Мосгорисполкома, его первый зам, начальник Главторга. Так оно и было, именно они и числились. А уж депутатами Моссовета числились все начальники, которые составляли исполком и его президиум.

Как-то будет теперь, спрашивают избиратели, будут ли недепутатов назначать на должности? Вопрос этот - в компетенции самого совета: кого он сочтет нужным нанять на работу, того и пригласит. Процедуру мы видели на первом Съезде народных депутатов, запомнилась она многим.

Видимо, нечто похожее будет происходить в Моссовете, да

и в районах вряд ли надо отказываться от услуг знающих, компетентных, любящих свое дело специалистов лишь по той причине, что не имеют депутатского мандата. Исполнительный комитет для того и формируется, чтобы исполнять постановления законодательного органа.

Подмена понятий, которая произошла, конечно, не сегодня и даже не вчера, подорвала доверие людей к советской власти и ее представителям - депутатам. Предстоит нелегкая работа по его восстановлению. Получится ли? Сумеют ли новые депутаты сдвинуть с места воз, который целые поколения их предшественников, 20 с лишним созывов, не смогли сдвинуть, потому что были не только пассивны, но и поражены исполнительским синдромом. Новый созыв скорее всего начисто лишен этого наследства. Но проблемы большого города остались, и вблизи они кажутся гораздо сложнее, чем издалека. Будем, однако, надеяться, что мы избрали людей знающих и любящих столицу, а опыт - дело наживное.

Однако уже на первой сессии Моссовета отчетливо просматривался непрофессионализм депутатского корпуса, повышенная чувствительность при реагировании на критику в печати, амбициозность. Едва ли не каждое заседание начиналось утром с того, что депутаты жаловались: опять газеты плохо освещают ход сессии, не хвалят народных избранников за их упорный труд.

Тогда казалось, что предвзято настроенные коммунистические издания обижают демократических депутатов. Но время все расставляет по местам: уже и компартии нет, и пресса ее умирает, а депутаты как говорили, так и говорят - утомительно и длинно. Неоправданно большое число членов городского парламента повысило расходы на содержание депутатского корпуса в несколько раз, привело к возникновению параллельных структур управления - исполкомов и собственно советов.

Но большинство избранных во всевозможные советы людей не являются профессионалами в области управления городской системой, сложным хозяйством Москвы. Они могут ставить и обсуждать политические моменты, или, скорее, любой хозяйственный вопрос они могут завести в такие политические дебри, из которых выбраться порой не могут и сами.

Со времен греческой демократии разделение властей на

представительную, исполнительную и судебную приносило обществам и государствам, строго это разделение соблюдающим, нормальную демократию - не допускающую анархии, с одной стороны, и обеспечивающую гражданам достаточную степень личной свободы, с другой. В Москве же депутаты принялись делить жилье, сдавать в аренду нежилые помещения, начинать или приостанавливать строительство объектов, словом, повели себя так, будто знают истину в последней инстанции. Хотя даже исполнительная власть, представленная опытными специалистами, не осмеливалась зачастую принять то или иное решение без консультаций с учеными соответствующих отраслей знаний, со специализированными организациями, могущими дать квалифицированный совет, обоснованное заключение по экономической, хозяйственной проблеме.

Как председатель исполкома Моссовета Ю. Лужков неоднократно заявлял, навлекая гнев депутатов: каждый орган управления должен заниматься своим делом. В частности, депутатский корпус призван определять приоритеты бюджета, суммы, которые следует городу потратить на строительство жилья, поддержку здравоохранения, образования, охрану общественного порядка, благоустройство. Кроме того, депутаты призваны определять источники финансирования - налоги, сборы, пошлины. Увеличивать их или сокращать не только в зависимости от своего желания, но и исходя из реального состояния городской казны, уровня жизни населения, а также приоритетов развития той или иной отрасли народного хозяйства города.

Тратить же разумно выделенные средства должна власть исполнительная. Взаимное проникновение властных структур в Москве создавало массу неудобств ее жителям и позволяло чиновникам кивать друг на друга - дескать, виноваты в исполкоме, а не в райсовете.

Думаю, уже тогда демократы прикидывали, как ослабить все еще прочную базу власти КПСС, особенно на местах. Ведь победа в Москве и Петербурге вовсе не означала победу в России, а тем более в Союзе. Мне самому приходилось бывать в глубинке, на родине, после первых демократических выборов, и могу засвидетельствовать: ничего в 500 километрах от Моск-

вы радикального не происходило. Триумфальное, на первый взгляд, шествие демократов по стране на поверку оказывается вовсе не триумфальным, а медленно и упорно пробивающим себе дорогу к сердцам людей. И вряд ли кто осмелится сегодня предсказать исход этого шествия, назвать партию, движение или лидера, за которым после теперешних потрясений пойдет Россия.

Но так мы рассуждаем теперь, а в те дни, после объявления очередных выборов - Президента России и мэра Москвы, первых в истории страны, - утомленные бесконечными голосованиями обыватели недовольно ворчали: опять, дескать, выборы - надоело. Однако немало было и сторонников намечавшихся перемен - многие республики к тому времени уже избрали своих президентов, а двоевластие - исполкомов и советов - настолько было очевидным, что терпеть его далее не имело смысла.

Выступивший в печати со своей программой Г. Попов, как всегда четко изложил позицию перед выборами: вместо аморфного, многочисленного и чересчур говорливого Моссовета предлагал избрать Малый Совет, кроме того, ввести в городе институты городской Думы и городского Собрания с различными функциями, образовать мэрию с широкими полномочиями, а вместо районов - префектуры и муниципальные округа. Как и ожидалось, на должность вице-мэра он пригласил баллотироваться вместе с собой Ю. Лужкова.

С магнитофонной ленты

Корни

- Дед мой, тверской мужик, был крупный мастеровой, первой руки плотник. Летом на поле отработает, а зимой - на заработки, в Питер. Брал подряды, по- нынешнему - был бригадиром. Стоял обычно на "красном углу", зарубал - тогда ведь умели с деревом работать.

Рука деда - работать по дереву - передалась и отцу. А вот фундаментов тогда совсем не понимали. Они, тверские, четыре валуна по углам закатят, на них и кладут мощные бревна смолистые, благо леса вокруг дремучие и сосны вековые.

Дед умер в 42 года от воспаления легких, из Питера домой ехал и простыл. Остались семеро детей, девки все больше, самый горюх.

А вообще-то безродные мы все. За дедами уж никого и не видно. Деревню нашу немцы сожгли, кладбище былшем поросло - и так чуть не вся Россия живет. Помнишь стихи такие:

Был дом, и поле на два дышла,
И ни кола и ни двора.
России нет. Россия вышла,
И не звонят колокола.
О ней ни слуху и ни духу,
Печаль никто не сторожит.
Россия глушит бормотуху
И кверху задницей лежит.

Изломали все святое, изувечили. Агитацией и пропагандой подменили и нравственность, и веру. Цель была одна: на основе ленинских идей создать в душах людей вакуум, выкорчевать из них религию и Бога, заполнив создавшийся вакуум идеологией марксизма-ленинизма. И здесь во многом преуспели. Но далеко не все поддались этому эксперименту.

Бабка моя, Анна Дмитриевна, - жилистая, сухая и мощная, по-настоящему, по-русски красивая женщина - пронесла через всю жизнь веру в Бога, несмотря на постоянные увещевания сына - моего отца, члена тогдашнего общества воинствующих безбожников и председателя профкома.

Стойкая и бесхитростная ее вера, может, на наш взгляд, примитивная философия помогли Анне Дмитриевне сохранить и крест, и иконы, и заповеди в душе. Человек создан для того, чтобы трудиться, он не должен обманывать - вот основа этой философии, которая позже из общества была вытравлена властями.

Отец, Михаил Андреевич, рванул из своей тверской деревушки в Москву сразу после первой голодной зимы, которая пришла на втором году коллективизации. В первый-то год все работали. Трудодни отоварили зерном, так что зимовали сытно, хотя и были босы. А на втором году народ в колхозе задурил. Люди разобрались: чтобы получить трудодень, не обязательно работать до седьмого пота, в коллективе этого все равно не видно. А в результате к весне чуть ноги не протянули.

Устроился отец на нефтебазу, стал дома ладить - много в то

время строили домов из дерева. Заработки стабильные, кругом народ. Ему такая жизнь показалась интересной, он и остался в столице. Потом перетащил к себе и Анну Дмитриевну. Отцовский же дом еще долго стоял в деревне, и моя мамаша рассказывала, как возили меня туда на лето.

А сама она родом из Башкирии, где с давних пор вперемешку живут в своих селах русские и башкиры. С восьми лет, после смерти своей матери и женитьбы отца на другой, пошла она в няньки, а потом перебралась в Москву.

Закончила всего три класса, но была от природы толковой, умной, умело вела домашнее хозяйство и семью. Своих сыновей - а нас было трое братьев-сорванцов, - Аркашку, меня и Серегу, она вырастила, воспитала и, главное, приучила к труду.

Сама же была в молодости красивой, энергичной и, как говорится, заводной. Посмотришь на портрет и видишь: у этой молодухи нрав настоящего беса - в глазах искры горят, лицо доброжелательное и улыбчивое. И всегда готова ко всему - хоть к работе до изнеможения, хоть к веселью с песнями до утра. Лишь бы не сидеть без дела на завалинке.

Из записных книжек

Взрывая сонный быт

Он появился в красном доме на Тверской, 13 с началом горбачевской перестройки, когда новый первый секретарь горкома партии по фамилии Ельцин начал перетряхивать старые во всех смыслах кадры. Он не был здесь новичком, поскольку несколько лет возглавлял постоянную комиссию Моссовета по бытовому обслуживанию населения, но не был и тертым чиновником исполкома - постоянные комиссии собирались тогда больше для проформы и никакого существенного влияния на городскую жизнь оказать не могли.

Я же впервые услышал о нем от журналистки Нелли Чеховской, которая брала у него интервью для журнала Моссовета "Городское хозяйство Москвы". Она стремительно вошла в нашу комнату на 6-м этаже недавно отремонтированного дома № 11 и быстро с порога выпалила:

- У какой симпатюлочка, этот Лужков! Маленький, кругленький, губки бантиком, а глазки умненькие...

Буквально с первых дней на Тверской он перевернул тихий и сонный быт своего чиновного окружения. До него со звоном в семь вечера кабинеты мгновенно пустели, народ устремлялся к выходу - с авоськами, сумками, пакетами. Всяк что-нибудь да тащил: белье из прачечной, приемный пункт которой работал один раз в неделю, ботинки из ремонта, продукты из “Диеты” или от “Елисеева”, заказы для “белых” из господского буфета - все шествовало в этой толпе довольных прожитым днем людей. Годами, десятилетиями сидели они, не переламываясь на государственной службе, - сытые, холеные, необремененные. Ничто не предвещало неприятностей и в дальнейшем. Ветры так называемых перемен проносились где-то рядом, раскаты от грома сокращений замирали на дальних подступах. У всех были везде свои люди, и не простые, а номенклатурные. В свою очередь в Мосгорисполкоме у этих номенклатурных также были номенклатурные, а посему долгие годы все было тихо-мирно.

Влетевший в эту заводь Ю. Лужков здорово замутил ее своей неумной жадностью. “Ничего, горячо возьмется, быстро остынет”, - судачили моссоветовские кумушки обоего пола в коридорах, буфетах и столовых. Однако сильно ошиблись.

Он не только не остыл, но и удвоил энергию в связи с новыми обязанностями, которые на него повесили все по тому же извечному признаку - кто везет, на того и наваливают. Ему поручили организацию кооперативного движения.

Не знаю, смог бы он так же быстро разрушать, если бы пришлось. Наверное, смог бы. Еще быстрее, чем создает. Хорошо, что его энергия направлена на созидание.

К этому ненормальному в понятии чиновного люда человеку пробивался все же интерес: почему ему больше всех надо? Зачем высовывается - сиди тихо, и ничего с тобой не случится. Но сидеть тихо он не мог и так раскошегарил кооперативное дело, что даже те, кто его провозгласил наиважнейшим, перепугались.

В результате Ю. Лужкова “бросили” в совершенно провальное овощное и продовольственное пекло, где в то время не работал только ленивый, а работал в настоящую силу только полный идиот. Много раз видел я его “в деле” - на совещаниях, в конторах и агрокомитете, на заседаниях исполкома, где случались его вопросы, на плодоовощных базах днем и ночью.

Рейд, который начинает председатель комитета в час ночи, - это, согласитесь, тоже нонсенс. Ночью такому чину положено спать. Он же не тот генерал, у которого случилось ЧП в ведомстве...

Некоторые жаловались: груб, дескать. А как не будешь груб, если на овощной базе в Перове ночью студентам негде было выпить стакан горячего чая, тогда как на соседней - круглосуточно подавалась горячая пища. Будешь груб, когда, несмотря ни на какие твои распоряжения, ночью вагоны не разгружают, а руководители баз спят в это время безмятежным сном. Даже не обеспечив дежурство.

Очень скоро новый председатель понял: уговоры - ерунда. Должна работать экономика. И пошел по инстанциям - доказывать с выкладками в руках необходимость создания новой системы. За сохранность урожая стали платить, за разгрузку вагонов - расчет на месте, ученые мужи поощрялись за новые идеи по сохранности овощей и картофеля.

Другое дело, что выплачиваемые суммы не шли ни в какое сравнение с тем, что все равно можно было украсть. За счет пересортицы, порчи, обмана, обсчета и обвеса.

Тогда он решил: хозяином продукции должен быть магазин. Появилась первая в городе арендная "точка" на Ленивке. Газеты захлебывались от восторга, покупатели плакали от радости. Дело однако не пошло - общество не созрело для радикальных перемен, а мелкий ремонт мотора оборотов не прибавил. Потом появились свободные цены, и вся идея аренды оказалась в результате малоэффективной. Теперь-то мы хорошо знаем, что торговля должна быть частной.

Надо сказать и о том, что газеты захлебывались тогда не только от восторга. Несмотря на то что Лужкову удалось совершить невероятное, а именно - вывести с плодоовощных баз "привлеченных", его опыты и эксперименты привлекали все больше внимания контролирующих органов. Особенно старался Комитет народного контроля СССР. Руководителя Мосагропрома трясали на заседаниях, как грушу, ему приписывали поступки, которых он не совершал, его обвиняли в том, чего он не делал. Ему объявляли выговоры, его штрафовали, и разговоры о том, что его направили в это пекло, чтобы

свернул он здесь свою крепкую шею, думаю, не лишены были оснований.

Зачем я вам обо всем этом рассказываю? Да затем, чтобы показать: человек этот не сидел сложа руки, не ждал, когда ему покажут пальчиком, что надо делать, не ждал, пока погрозят, - он всегда работал, искал и находил пути решения там, где его предшественники отступали.

Но такие нравятся не многим, точнее - многим не нравятся. Самостоятельность в принятии решений, здоровое честолюбие и способность ориентироваться в самых сложных ситуациях только подчеркивали слабость тех, кто руководил тогда страной и партией. И трудно представить, чем бы закончился путь Лужкова в агропроме, если бы не грянули новые времена.

Ошибался ли он? Наверняка. И охмуряли его опытные овощные волки, и решения принимал иногда просто от отчаяния, и возможности свои не реализовал, и пищевую промышленность не вывел полностью на светлую дорогу, не успел реконструировать, хоть и собирался.

С магнитофонной ленты

Как идти к рынку

- Что я хочу сказать о плодоовощном рынке столицы? Непродуманное решение об одностороннем повышении закупочных цен (запись в апреле 1990 г. - *Ред.*) в 2 - 3 раза, переходе на договорные цены ни в коем случае не способствует переходу на рыночные отношения.

Я активный сторонник рынка, но, спрашивается, какая нужда нам сегодня совершать такие скачки по переходу - и немедленному - на рыночные отношения в сфере сельскохозяйственного производства? Почему постепенно не овладевать механизмом рынка, учиться коммерции, выгодной торговле? А начинать учиться надо на избыточном товаре. Допустим, на луке, если его производство превышает потребности. Ну давайте реализовывать избыток - проводить ярмарки, изобретать новые блюда, продавать за границу, наконец.

Условно назовем группу товаров, где есть избыток на внутреннем рынке, первой. Ко второй группе отнесем товары, где избыток можно создать за счет условий: сокращения налогов,

стимулирования ценами, заинтересованности хозяйств в материалах и технике.

Цель - перевод товаров из этой группы в первую, где рынок уже начал действовать. И наконец, к третьей группе отнесем товары, острый дефицит которых невозможно ликвидировать только за счет изменения условий. Здесь нужен иной подход, капитальное строительство, значительные материальные затраты, приобретение техники и технологий, расширение материальной базы производства, наукоемкие исследования и так далее.

При этом должна быть программа, оканчивающаяся... чем? Правильно, переводом товаров сперва во вторую, а затем и в первую группу. А там, мы помним, рынок уже всюду действует. Если бы мы пошли по этому пути, то за пять последних лет были бы уже на новых рубежах. Сегодня же стоим одной ногой в пропасти, хотя пять лет назад стояли на ее краю.

Давайте вспомним...

- У нас прекрасно прошла завозная кампания (запись в январе 1996 г. - *Ред.*). Она была незаметной для москвичей. Давайте теперь вспомним, что было пять - семь лет назад, - это ведь было не так давно, но это надо вспомнить. Надо вспомнить, чтобы увидеть результаты усилий на данном направлении, прежде всего в организации и решении экономических проблем; чтобы знать, почему город может сегодня спокойно жить и работать в условиях завозных кампаний, которые раньше буквально разваливали на два с лишним месяца нормальную работу организаций и предприятий столицы.

Из записных книжек

Путь вагона с овощами

Заместитель председателя шефской комиссии Краснопресненского райкома партии Борис Бабанин целый день "сидел на телефоне" - звонил во все организации, шефствующие над Волоколамским районом, и просил срочно отчитаться за сделанное во второй декаде октября. Отчеты все получались на одно лицо: выделено на уборку картофеля и овощей столько-то, на разгрузку вагонов столько-то и т.д. Показатели у всех были

примерно одинаковые, стабильные на протяжении полутора месяцев, в течение которых продолжалась страда по завозу и закладке на зимнее хранение плодоовощей, хотя пик ее настал только теперь, когда созрел урожай в Подмоскowie.

Много лет занимается Б. Бабанин этой работой. Знает, сколько поставляет продукции не только район, который он ведет, но и все Подмоскowie. Конечно, год на год не приходится, но количество завозимого, например, картофеля превышает 500 тысяч тонн, овощей - 700 тысяч тонн и т.д. Город ждет, город требует, город помогает.

“Перевезти эту массу, заложить, сохранить - ох какая не легкая задача”, - думал Борис, глядя на колонки цифр перед глазами, и поднялся, чтобы отнести сводку в штаб.

Через некоторое время в научно-исследовательских институтах, проектно-конструкторских бюро, конторах и магазинах зазвонили телефоны - количество людей, выделенных на завтра для работы на овощных базах должно быть удвоено.

Зазвонил телефон и на моем столе.

- Михаил Александрович, - сказал в трубку кадровик, пытаясь придать голосу твердость и уверенность, поскольку реакцию на свои слова уже знал, - завтра не 7 человек на базу, а 15. Из них - 5 мужчин в ночь, с нуля часов.

А я, как только понял, что говорят из отдела кадров, сразу догадался, о чем пойдет речь, но в такой промежуток времени, как телефонный разговор, найти убедительную причину, по которой можно не дать людей, очень трудно. То есть не давать людей вообще нельзя. Тут пришьют и “непонимание момента”, и “срыв реализации продовольственной программы”, и все, что угодно. Можно попытаться отбиться только от какой-то части задания - послать, допустим, не 15, а 10 человек, но коль эта цифра будет названа, надо стоять насмерть. Уступишь один раз - и пропал. С каждым звонком цифра будет возрастать, а желание бороться против этого уменьшаться.

Я не давал без боя ни одного человека. Ни на строительство коттеджа для министра товарища Видьманова, ни на покос, ни на пахоту, ни на овощную базу. И кадровик это знал. Именно поэтому он решил придать твердость своему голосу, но я-то отлично прослышал в нем оттенок неуверенности и поэтому, не успев договорить, резко бросил в трубку:

- Нет у меня людей, Николай Тимофеевич, нету!

Он к такому обороту дела был тоже готов.

- Посмотри свой табель. У тебя по штату 40 человек!

- Не 40, а 38.

- Все равно. Уж 15 человек найти можешь.

Я понял, что битва будет долгой, махнул рукой людям, которые были в этот момент в кабинете, устроился поудобнее в кресле и решил потянуть резину. Если не удастся отбиться сразу, то потом это сделать гораздо труднее. Кроме того, я надеялся, что ему надоест препираться, поскольку обзвонить-то надо все отделы. Быстро оценив все, я даже изменил голос и тон - из непримиримого он стал просительно-извинительным.

- Ну, Тимофеич, ты же знаешь, что я никогда не отказывался. И сам хожу со своими людьми. Вспомни - в прошлом году, когда мы ездили вместе с тобой на свеклу, - подбирал я ключи к неумолимому стражу по части соблюдения начальственных указаний. Но кадровик был тверд:

- Пятнадцать человек - и ни одним меньше. Иначе я буду докладывать директору, - пригрозил он, и я понял, как здорово их там всех прижали сверху.

Делать было нечего. Я вызвал табельщицу, так как опыт подсказывал, что в этом щепетильном деле надеяться на память нельзя. У табельщицы не только список всех сотрудников со всеми болезнями и справками, но и график выходов на стройки, базы и пр. При внимательном его анализе можно было сделать вывод, что ровно третью часть рабочего времени каждый из нас проводит не на своей основной работе, а на полях, стройках и базах.

За работу в выходной день надо давать потом два дня отгула - неофициально, конечно, иначе никто не пойдет. Задания руководства по основной деятельности отдела нужно выполнять либо задерживаясь допоздна, либо в выходные - и снова за отгулы, так как ИТР не положена никакая доплата. Разорвать этот замкнутый порочный круг нет никаких сил, и остается только воевать с кадровиками. Но и тут не все удастся, как вы только что убедились.

- Ну что там у нас с людьми? - спросил я Галю, как только она вошла с табелем, хотя отлично знал "что".

Из 38 сотрудников 8 имели справки, что им нельзя работать

физически, хотя некоторых из них я встречал в дачных поездах с прямо-таки неподъемными рюкзаками, мешками, баулами, сумками, вязанками и еще черт знает с чем. Но справка - это документ, и никому не имеешь права сказать, что она липовая. Человек обидится. Три сотрудника были больны, двое - в отпуске, из двух групп отдела брать людей было никак нельзя - срочное задание. Словом, куда ни кинь - всюду клин. А выделять надо.

- Давай по "головам", - сказал я без всякой надежды на успех, взял "собачку" и написал первой свою фамилию - может, это вдохновит подчиненных. Потом были долгие переговоры с каждым в отдельности, обещания, угрозы, слова о долге, лесть, комплименты, посулы, а в результате набралось только 12 человек. Остальных троих, что наотрез отказались, я все равно записал и передал список в отдел кадров, не сказав, что полностью разнарядку не выполнил.

Пришлось потом для видимости ждать их у проходной базы, клясться тому же Тимофеичу, который был старшим, что вот-вот подойдут. Он поклялся в свою очередь уполномоченному райкома партии - и нас пропустили на территорию. Тимофеич умудрился вписать в общий счет троих отсутствующих, и теперь главной задачей было получить справку.

- Женщины - налево, мужчины - направо, - скомандовала встретившая нас вся окольцованная золотом заведующая складом и повела к хранилищу.

Длинный ряд машин с капустой тянулся через всю территорию до ворот, прерывался и начинался снова за воротами. Бранились шоферы, которым никак не удавалось разгрузиться, на них никто не обращал внимания. Толпами ходили представители народного контроля всех уровней - от собственной группы овощной базы до городского комитета, сновали туда-обратно уполномоченные райкома партии и райисполкома и даже, говорят, только что уехал сам первый секретарь. Кроме них, были секретари или их заместители каждой организации, которая принимала участие в работах.

А нашей "тете Элеоноре", как я почему-то сразу окрестил заведующую, было все равно. Она довольно быстро шла впереди нашей пестрой и уже успевшей порядком растянуться толпы и наконец пришла к складу - огромной многоэтажной железобетон-

бетонной машине, похожей скорее на зрелищное предприятие, чем на хранилище.

- Вот тут будете работать, - бросила Элеонора и ушла.

Мы вспомнили вереницу машин у ворот и загорелись желанием немедленно приступить к разгрузке, но не тут-то было. Машин у склада не видно, спросить, что делать, оказалось не у кого, так как бригадирша тоже ушла в помещение вместе с женщинами.

- Кури, ребята! - предложил наш главный художник, располагаясь на поддоне.

Мимо нас шли и шли люди. Много людей. Немало времени утекло, прежде чем поток их прекратился, и примерно столько же еще, прежде чем появилась наша начальница. Возле нее уже вились несколько человек - старшие групп зондировали "насчет справочек". Элеонора не обращала на них ни малейшего внимания, на что они конечно же несколько не обижались - привыкли.

- Будете разгружать вагоны с картошкой, - сказала она. - Ждите, когда подадут.

- А скоро? - спросил художник.

- Не знаю. Сказано - ждать.

- А домой когда? - не удержался мой подчиненный, который недавно женился.

Народ заулыбался, а кладовщица не удостоила его ответом.

- Может, нам пока на капусту? - неуверенно предложил я, зная, что любое безделье разлагает и уничтожает личность вдвое, впятеро быстрее, чем самый тяжелый труд. - Вон там хвост какой...

- Это не ко мне, - ответила хозяйка. - У меня картофель.

Прошло часа полтора, приближалось время обеда, и начались разговоры о том, что и где к этому часу открылось. Вокруг оказалось немало интересных торговых точек, и не успел я моргнуть глазом, как двое моих ребят исчезли. На вопрос к остальным "куда" последовал дружный ответ - "сейчас придут".

Пришли они уже после того, как подали вагоны, разбираться было некогда, да, честно сказать, и не хотелось. И так все ясно.

Картошка оказалась груженной навалом, пополам с землей. Пришла Элеонора, принесла вилы с обломанными рожка-

ми, корзины. Подъехала на электрокаре миловидная девушка, все отреагировали и тут же узнали, что зовут ее Нина, она из НИИ, командирована сюда на время завозной кампании. Нина поставила каром контейнер, и нам велели наполнить его доверху исключительно стандартной продукцией - без болячек, срезов и земли. В этом случае, объяснила Элеонора, она сохранится чуть ли не до весны.

Работа закипела. Правда, почему-то все время кто-нибудь из нас оказывался лишним. Приходилось ждать то вилы, то корзину, то возвращения из хранилища кара с пустым контейнером. Вначале мы тщательно осматривали чуть ли не каждый клубень, памятуя о весне, но после того, как Элеонора отругала за медлительность, плюнули на весну и стали сыпать в корзины все подряд. Тем более что кладовщица пообещала отпустить, как только выгрузим вагон. А если не выгрузим ко времени - она не даст справку.

Прибежал Тимофеич, перепутанный. Без бумажки ему завтра являться на работу никак нельзя - в парткоме спросят, что сделано на базе, и тогда несдобровать. Пришли народные контролеры, заглянули в вагон, спросили, из какого совхоза такой продукт, перекинулись несколькими фразами.

- Они же должны в контейнерах присылать картофель... - заметил один.

- Вот и присылают, - возразил другой, и оба направились в склад проверить, как потом выяснилось, правильность технологии закладки на длительное хранение.

Технология эта не соблюдалась. В акте контролеры отметили, что расстояние между контейнерами меньше положенного, что много картофеля нерастаренного, что температура в хранилище выше допустимой и т.д. Было обнаружено и несколько мешков отборного картофеля в другом складе, что недопустимо.

Прошло часа два с начала работы, как снова вышла заминка - остановился кар.

- Вот так и мучаюсь уже третью неделю, - пожаловалась Нина, стукнув кулачком по сиденью. - Час работаю, три стою.

Я пошел посмотреть, что делается окрест, благо знал эту базу уже несколько лет, работал как "привлеченный" на помощь строителям, когда только-только начиналась реконст-

рукция. И вот теперь она была закончена. Вместо полуподвальных складов возвели капитальные здания, вместо естественной вентиляции в хранилища начали подавать холод, кладовщиков стали называть “мастерами хранения”. Словом, перемены должны быть налицо.

Но оказалось, не все в прошлом. Как и прежде, самосвалы сваливали капусту, а инженеры и техники укладывали ее в бурты. Суеутился “мастер хранения”, следя за правильностью установки вентиляционных коробов, загнивала огромная куча листьев, остающихся после зачистки, множество людей толпилось вокруг бурта. “А ведь была запроектирована, кажется, механизация...” - подумал я, проходя мимо этого вчерашнего дня методов хранения.

Чуть дальше, внутри огромного зала, люди в сапогах, как и прежде, топтали в дошниках капусту, укладывали в бочки семенные огурцы. “Кто их будет покупать?” - подумал я, но спросить было не у кого - все работающие были такие же, как я сам, “привлеченные”.

На подъездных путях базы скопилось множество вагонов - с грузом и порожняком. Бегал маневровый тепловозик, разводя их по разным веткам, - которые к дебаркадерам складов, которые - за ворота. У нескольких складов вагоны не открывали — пришли цитрусовые в рефрижераторах, а порядок их приемки совсем другой. Тепловозик посвистывал, бегал взад-вперед, но число вагонов, как мне казалось, не уменьшалось. Вместо выведенных за ворота тут же добавлялись новые.

“Наверное, интересно посмотреть сейчас на Москву сверху”, - подумал я, представив, как к воротам каждой из баз 21 плодоовощной конторы стекаются людские моря, а потом ручейками растекаются по хранилищам, складам, буртам, площадкам, путям, воротам, мастерским. Через некоторое время они выходят из ворот, проломов в ограждениях, запасных калиток и даже перелезают через заборы. На их место приходят другие. И так каждый день. И у каждого в табеле стоит полная восьмерка, за все заплачено полновесным рублем.

...Народ успел пообедать, пока я ходил, причем, было заметно, что не только поест. Нина пока не появлялась, а время шло. Другой кар доставил нам несколько контейнеров, Элеонора велела наполнить их и позволила после этого уйти.

- Следующая смена разгрузит, - объяснила она и написала Тимофеичу справку, что мы отработали.

- А почему без объема сделанного? - спросил я, так как всегда возмущался таким подходом. Что сделано, то сделано, пусть пишет, как есть.

- Тебе больше всех надо? - уставился на меня Тимофеич, и я не стал настаивать. В конце концов он старший, и мне наплевать.

- А не пойти ли нам в баню? - предложил художник. - Женщины ничего не узнают, ведь до конца рабочего дня еще два часа...

- И действительно, - согласились многие, и компания заспешшила к ближайшей станции метро.

Пройдет немного времени, и мы придем в это же хранилище перебирать и затаривать картофель и овощи перед отправкой их в магазины. Вместо Нины на электрокаре катается штатный работник, доставляет с пятого этажа на первый контейнеры, которые в период завоза затаскивали наверх. И опять то и дело мы простаиваем, а после окончания такой смены мысленно молимся, чтобы эта партия пакетов с картошкой не попала в овощной магазин, куда мы постоянно ходим.

Но, наверное, все-таки попадает, поскольку дома содержимое пакета лучше не показывать, а потихоньку сначала перебрать еще раз и из двух-трех сделать один. А, может, эта картошка и не с нашей базы?..

Это на базе. А сколько нас, бедолаг, вкалывало в подмосковных хозяйствах - учету не поддается. Помню, во время уборки картофеля и капусты в одном из совхозов Озерского района столичной области приходилось вручную грузить автомобили, забрасывая в кузова сетки с картофелем, морковью, кочаны. Накланяешься до темноты в глазах, и становится совершенно безразлично, что под ногами - картофелины или комки земли. Кроме того, сетки забрасывали снизу, с земли, взявшись за углы вдвоем, коротким взмахом. Они тяжело ухались на пол кузова, получая повреждения. Потом по сеткам бьют ходить в сапогах, чтобы загрузить машину, как положено.

Когда директора совхоза спросили, почему нет ни погрузчика, ни сортировальной площадки с транспортерами, ни конвейеров, тот искренне удивился.

- А вы-то зачем? - развел руками. - Вон вас сколько! А надо будет - еще пришлют! - уверенно закончил он.

И ведь действительно пришлют. Хорошо еще, что в этом совхозе всегда готовы к встрече тех, кто приезжает на уборку. А то зачастую директора это совершенно не волнует - пусть прибывшие сами о себе и заботятся. Кстати, отсутствие средств механизации, невыполнение заданий по организации пунктов товарной подработки продукции приводят и к значительным простоям машин и железнодорожных вагонов, увеличивает путь вагона с овощами, который однажды я проследил от и до. Но оговорюсь сразу. Я не стал следить за вагоном, который пришел бы на одну из станций Московского железнодорожного узла в период интенсивного завоза и закладки овощей, поскольку в этот период многое можно простить, исходя из прямо-таки чрезвычайных обстоятельств, в которых оказываются все организации и учреждения, причастные к завозу и закладке. В период же относительного затишья, когда вагонов на плодоовощные объединения поступает немного, в основном с цитрусовыми, проще оказаться у истоков причин поистине астрономических цифр простоя.

В один прекрасный день я отправился к начальнику информационного бюро Московско-окружного отделения Московской железной дороги и попросил проинформировать о том, какой груз и в чей адрес поступил в этот день.

- Пожалуйста, - сказала женщина приятной наружности. - На станции Киевская-сортировочная находится рефрижераторная секция № 12209 из десяти вагонов, прибывшая в 14.40 в адрес Куйбышевского плодоовощного объединения.

- А в главке и конторе знают о ней?

- Конечно. Мы сообщаем о дальнем подходе поездов с плодоовощной продукцией за 3 - 5 дней. На всех сортировочных станциях работают наши сотрудники, которые точно могут называть время отправления и прихода поездов. Главк дает нам заявки на переадресовки грузов, а мы заранее знаем, куда какой поезд направить.

Она показала бланк переадресовок, подписанный одним из руководителей главка.

“Все, оказывается, здесь известно, - подумал я. - И как это пропадают вагоны и жалуются руководители контор на неточность информации”, - а вслух спросил:

- А в котором часу эта секция будет на подъездных путях

конторы? Мы бы хотели посмотреть, как будет организована выгрузка.

- А вот этого мы вам сказать не можем... Все зависит теперь от скорости обработки, формирования состава на сортировочной, занятости пути на Окружной... Словом, от очень многих причин.

- Ну почему не можем? - не согласился начальник отделения. - Примерно можем сказать. На станции назначения в пределах нашего отделения, в данном случае на Белокаменной, секция должна быть не позднее чем через 8 часов после прибытия. Но, думаю, что она придет туда раньше - за рефрижераторами у нас следят особо. Да и вообще мы стремимся доставлять грузы как можно быстрее.

Звоню в Куйбышевское объединение:

- Знаете, что пришла секция?

- Знаем...

- Когда ожидаете?

- Трудно сказать, все зависит от дороги.

От станции Белокаменной до подъездных путей объединения 3 километра. На их преодоление согласно единому технологическому процессу, связанному с подачей груза получателю, должно тратиться не более 6 часов. Плюс 8 часов, что даются на движение по Окружной, - итого 14 часов. В этот промежуток времени секция должна появиться на подъездных путях конторы. Но когда? Это никому неизвестно.

Хуже того, на той же станции Белокаменной не знают, каким организациям прибдет груз через час, два, четыре.

- Мы узнаем адреса грузополучателей только после того, как закончим оформление документов на прибывший состав, - говорит начальник станции, - поэтому предупредить заранее руководителей организаций не можем.

А вот заместитель директора Куйбышевского объединения, отвечающий за выгрузку вагонов, знал о секции и ломал голову над тем, когда вагоны поступят к дебаркадерам хранилищ и как организовать выгрузку, если они поступят ночью. Он мог позвонить начальнику станции и слезно попросить (прав-то у него как грузополучателя никаких) либо подать немедленно, либо подождать до утра. Немедленная подача предполагала и немедленную выгрузку, но своих рабочих для этого нет, а "Моспо-

груз” можно привлекать только на период завоза и закладки овощей. Штатная единица “грузчик”, как таковая, непонятно почему, не предусмотрена в конторах вовсе. Значит, вся надежда на “привлеченных” инженеров и техников, конструкторов и архитекторов, научных работников и студентов. Но на вторую смену их не просили - не было нужды. Никто ведь не знал, что именно сегодня придет эта секция. Оставалось одно - попросить, чтобы толкнули вагон утром и таким образом хотя бы снизить размер штрафа за простой. Я не говорю здесь о необходимости иметь всевозможные технические средства для механизации выгрузки - это очевидно. Как и то, что сегодня таких средств нет и уровень механизации работ на плодоовощных базах составляет менее 50 процентов.

Все руководители плодоовощных контор, баз и объединений знают, что, чем теснее личные контакты с начальником станции, обслуживающей подъездные пути, тем меньше придется платить за простой вагонов. Ведь подать их под выгрузку после прибытия на станцию можно и через 2 часа, и через 8. И в 6 часов утра, когда еще никого нет, и в 9, когда все уже на месте. Кроме того, железная дорога обязана по договору с конторой выделять своих приемосдатчиков, а они тоже могут быть заняты в нескольких местах. Словом, куда ни кинь - жить с дорогой надо в мире и согласии. Тем более что хозяйственные договоры она заключает только при условии круглосуточной выгрузки, которую, как мы выяснили, организовать на овощной базе совсем непросто. Выходит, и простои, и штрафы вроде как бы специально запланированы. Особенно если учесть, что суммы штрафа официально закладываются в сметы расходов плодоовощных контор.

Все аккуратно платят, а вагон и ныне там. А точнее, 10 вагонов, за которыми мы следим. Они в 2 часа ночи встали под выгрузку, и начался отсчет часов простоя. Утром приступили к ней. Норматив на такой вагон жесткий - 2 часа 15 минут, но уложиться в него не удастся никогда и никому.

Случилась и еще одна неприятность. Не было приемосдатчиков, попросту говоря, весовщиков на станции, за услуги которых, кстати, дорога аккуратно снимает ежемесячно немалую сумму, а без них приступать к выгрузке нельзя - железная дорога несет ответственность за груз с момента его принятия к

перевозке и до выдачи грузополучателю. Рефрижераторные вагоны не взвешивают на железнодорожных весах, в них не считают количество мест. Их содержимое взвешивают на товарных весах, и железнодорожники передают его из рук в руки работникам контор.

Практически это выглядит так. Если позволяет проем дверей (иногда он уже), в вагон въезжает электрокар, на поддон грузят ящики, и кар выезжает, груз взвешивают и доставляют на склад. Если механизм применить нельзя, то выносят ящики из вагона вручную, и все остальные операции повторяются.

Из десяти вагонов прибывшей секции три встали под выгрузку в хранилище № 10, где ответственным был весовщик М.С. Костюковский. В то время как заместитель начальника объединения звонил начальнику станции по поводу отсутствия приемосдатчиков, на складе № 10 приступили к разгрузке, поскольку один приемосдатчик дороги все-таки пришел ровно в 8.00. Умело расставив людей, организовав широкий фронт работ, весовщик успевал везде: взвесить товар, отправить его на склад, подсказать водителю электрокара, как лучше въехать в узкие двери вагона. Разгружающим перекуривать было некогда. В результате все три вагона были освобождены от груза в 11 часов - как раз тогда, когда появились другие приемосдатчики железнодорожной станции. Оказалось, что за ними не пришел утром автобус объединения. Руководители же последнего утверждали, что автобус был подан вовремя. Разбираться в том, кто прав в этом случае, я не стал.

У других организаторов выгрузки явно не хватало опыта М.С. Костюковского. И последний вагон был выгружен в 17.00. Сверх нормы вагоны простояли 13 часов, и станция взыщет с объединения кругленькую сумму.

Будет ли она сама платить в госбюджет, мне выяснить не удалось. Едва заходила речь о нормативах на подачу вагонов, обработку, вывод их с территории грузополучателя и отправление со станции, все должностные лица в один голос заявляли, что нормативов на эти операции нет и все зависит от технологии. Что это за такая таинственная технология, которая не поддается учету во времени, я так и не узнал.

На подъездных путях базы вагоны простояли с 17.00 до 20.30 - больше того времени, которое дается уставом железных

дорог для выгрузки. И были отправлены с Белокаменной в 4.20 утра 27 января. Таким образом, на все операции, связанные с необходимостью доставить груз в пределах Малого кольца Окружной дороги, принять его и подготовить секции к отправке, ушло 38 часов 40 минут. Немало, если учесть расстояние от Киевской-сортировочной до Белокаменной. И это - вспомним слова начальника отделения - тип вагона, за которым особый контроль.

Конечно, период завоза и закладки овощей не сравнить с обычной доставкой, и апельсины - не то же самое, что капуста и картофель, но тем не менее вагон остается вагоном, а железная дорога - железной дорогой. Десятки тысяч людей, которые приходят на базы, теряют сотни тысяч часов только от неорганизованности, несогласованности действий между железнодорожниками и работниками плодоовощных объединений, от устоявшегося мнения, при котором железной дороге все можно, а их партнерам ничего нельзя. Не случайно многие коллеги не советовали мне связываться с этой темой. " Это ведь государство в государстве", - отговаривали меня, а я никак не мог взять в толк, почему это должно быть так.

Ведь отсутствие четких временных обязательств по доставке грузов на подъездные пути контор, равно как и по выводу их после выгрузки, - это создание себе удобств и стремление к облегчению существования. Начальник, например, станции Белокаменная, когда я начинал говорить на эту тему, оправдывался тем, что у него много организаций, которые надо обслуживать. Это, кроме плодоовощной базы, хладокомбинат, объединение "Колосс", молочный завод, мясокомбинат, другие предприятия. Наверное, такое же положение и на других станциях. Значит, тем четче должна быть организация труда, тем полнее информация, тем совершеннее технология обработки составов.

Я говорю это не потому, что сегодня все еще не прошла мода на критику железнодорожников (уже завтра это может стать просто дурным тоном) и их к нам отношение как к пассажирам, а иногда и грузополучателям. Все написанное лишь подчеркивает роль дороги в доставке выращенного урожая и напоминает о поистине колоссальных резервах времени, которые можно и должно привести в действие в случае оптимальных режимов доставки грузов на подъездные пути грузополучателей.

Из записных книжек

Доверие

Рассказывают, что перед тем, как Г. Попов предложил на первой сессии Моссовета кандидатуру Ю. Лужкова на пост председателя исполкома, во Внукове, на даче Гавриила Харитоновича, устроили “смотрины” будущему председателю.

В. Сайкин даже не стал отчитываться за работу возглавляемого им главного органа управления городом. В этой ситуации Ю. Лужков тоже мог отказаться делать отчет. И был бы прав - не он же, в самом деле, был председателем. И среди первых замов - не самый первый.

Но он отчитался. Характер тореадора не подвел. Возбужденные, экспансивные, упивающиеся своей значимостью депутаты, совершенно не представляющие, что такое спрут городского хозяйства, ничего не могли противопоставить логике и профессионализму докладчика. Он спокойно отбивал все наскоки легкой конницы экспансивных левых революционеров и атаки тяжелой кавалерии тогдашних партийных функционеров.

Всеми оставленный, в гордом одиночестве, бродил среди плакатов развернутой в Доме политпросвещения выставки о революции Ю. Прокофьев. Горком партии одобрял кандидатуру Ю. Лужкова, надеясь, что он будет делать все по указке со Старой площади.

Из ложи прессы хорошо было видно, как волнуется претендент на высокий пост. В перерыве между голосованием и подсчетом голосов он пытался шутить и с юмором отвечать на вопросы журналистов. В буфете демократически хлебал вместе с ними остывший жидкий чай.

Потом объявили результаты: большинство участников сессии проголосовало за Ю. Лужкова. Поздравления он принимал искренне, не кокетничая и не заносясь.

И с первых дней, с момента освоения нового кабинета, дал понять на Старую площадь: команд оттуда не потерпит. Среди журналистов коммунистических изданий зашелестело: скурвился Лужков.

А он только-только начинал развязывать путы на ногах, которыми всю жизнь был привязан к креслу. Но в искренность его поведения на той площади не верили.

Ю. Лужкову, в отличие от К). Прокофьева и людей из его окружения, не надо было претворяться. Ни борцом за идеалы, ни защитником сирых и убогих, ни ярым приверженцем социалистического выбора. В отличие от них у него было дело, которому он отдавался, которому служил и служит.

Но теперь - на совершенно новой правовой основе. Москвичи доверили - доверие надо оправдывать. Или уходить.

- Ты не представляешь, какое идет противодействие, - признался он как-то. - Даже здесь, в этом доме, - подчеркнул, имея в виду здание на Тверской, 13.

Что и подтвердилось, если верить отчетам в газетах о нескольких заседаниях городского правительства. Раскритиковав подготовленные к принятию документы, премьер пришел к выводу, что в недрах его собственного аппарата укоренились люди, совершенно не жаждущие перемен, не желающие переломить ситуацию, посмотреть на нее новыми глазами. Скорее всего не потому, что не хотят, а потому, что не могут. "Отвычка" работать в чиновном мире напряженно и продуктивно порождает поверхностные решения, необязательные к исполнению - лишь бы выпустить. А в некоторых оставляет не только узенькие щелочки, но и широкие бреши для сохранения и воспроизводства сонма чиновников. А то и взяточничества.

Из дневника

10 июня 1991 г., четверг

Мимо микрофона

Накануне осенило: надо, чтобы Ю.М. сказал несколько слов по Московской программе радио о выставке на ВДНХ, организованной нашей газетой вместе с его службами. Утром позвонил, он сразу взял трубку. Чувствовалось, что на разговор настроен, но я, зная его режим, сразу перешел к делу:

- Юрий Михайлович, я договорился с радио, можем вас записать. Надо буквально пять минут.

- Сегодня, наверное, не получится...

- Но ведь пять минут...

- Посмотрите мой распорядок, - услышал я его просьбу к помощнику в приемной. - Ты слышал? - спросил он, когда помощник доложил. - В 13 часов у меня планерка в Бусинове (район метро станции "Речной вокзал". - *Ред.*). Приезжай туда на комбинат быстрозамороженных блюд. Нет, - подумав, сказал он, - приезжай сюда к 15 часам.

Я обрадовался. Перспектива побывать в четырех разных точках Москвы в течение дня не очень вдохновляла. Однако не успел порадоваться как следует, Ю.М. снова передумал.

- Пет, все-таки приезжай на комбинат.

- А может, не в три, а, скажем, в пять часов в Моссовет? - не терял я надежду сэкономить пару часов на дороге.

- Нет, не получится...

- Хорошо, - обреченно согласился я, понимая, что другого пути нет.

Без трех минут час был на месте - совещание давно шло. На улице стояла сумасшедшая жара, Ю.М. сидел в белой рубашке с коротким рукавом за заваленным бумагами столом - видно, стол был директора комбината, а бумаги скорее всего начальника строительства.

Вдоль стены шпалерой выстроились корреспонденты, "организованные" пресс-центром Мосгорисполкома. Его заведующий, любивший при случае подчеркнуть, что он такой же журналист, как и прочие, - в черном пиджаке, при галстукке - суетился тут же. При жаре на улице в 30 градусов на него больно было смотреть.

Совещание заканчивалось, и Ю.М. обратился к директору комбината:

- Нам, - кивнул в мою сторону, - нужна комната на несколько минут. А с журналистами пусть побеседует пока Решин (начальник Мосстройкомитета. - *Ред.*).

В кабинете главного инженера, куда мы пришли, я предупредил, что материал должен выйти в день выборов (не вышел. Посчитали скрытой агитацией. - *Ред.*) и надо постараться хорошо выглядеть перед избирателями, проявить заботу о людях.

- Я понял, - сказал Ю.М. - Думаю, у москвичей с помощью журналистов уже сформировался мой облик: человека,

который ближе к хозяйству, чем к политике. Может, так оно и есть...

- А почему бы мне в конце беседы не спросить: дескать, сейчас многие голосуют за вас. Что вы чувствуете?

- Не надо. Это могут расценить как агитацию в день выборов.

- Могут. Но мы запишем, а на радио пусть решают, оставить или выбросить.

- Нет, не надо. Некрасиво.

Только начали писать - дверь в комнату открылась со страшным скрипом - заглянул какой-то местный начальник и с таким же скрипом закрыл дверь. Потом зазвонил телефон.

Начали все сначала, и дверь снова распахнулась. Не успел вошедший ничего сказать, как Ю.М. крикнул:

- Пошел ты...

Потом быстро вскочил, закрыл дверь на ключ, сорвал с рычага трубку телефона, и только после этого я его спокойно записал. Он много сказал лишних слов, которые, естественно, вырезали перед эфиром.

Из записных книжек

В кильватер Г. Попову

Обстановка в Москве накануне выборов первого в ее истории мэра была сложной. Многим, как, впрочем, и мне, больше по душе русское звучание руководителя города - "городской голова". Но, видно, у основного претендента на этот пост были свои соображения. И, вероятно, не только у него, но и у ближайших его соратников. Предполагаю, что они рассматривали подобные изменения в названиях должностей и в структуре управления Москвой, как своеобразное новое "окно в Европу", и новая терминология должна была служить при этом если не своеобразным пропуском, то, во всяком случае, способствовать ожидаемой интеграции. Отмеченное полтора столетия назад смешение языков - "французского с нижегородским" - возвращается в новом качестве. Но поможет ли оно запущенной и больной, не только по европейским меркам, столице обрести новое лицо и предоставить ее жителям иное качество жизни — покажет время.

А обстановка складывалась такая: с одной стороны, коммунисты прилагали неимоверные усилия, чтобы провести своего человека на должность городского головы - это был их последний шанс удержать власть цивилизованными методами. И может, стратегию-то свою они определили правильно, а вот в тактике борьбы проиграли по всем статьям. Потому что не имели в своей политической обойме ни одного настоящего лидера, ставить было не на кого. Пришлось срочно прибегать к отработанному материалу, реанимировать морально сломленного и сошедшего с круга бывшего председателя Мосгорисполкома В. Сайкина. Повторилась ситуация с кандидатом в президенты России - там они пытались надуть фигуру полузабытого уже Н. Рыжкова, не учитывая, что русский человек любит не плачущих, а рыкающих большевиков.

Вице-мэром к В. Сайкину определили А. Крайко, которого Москва вообще не знала - разве что по выступлениям на заседаниях Съезда народных депутатов СССР, которые не могли снискать ему ни чести, ни славы, ни популярности.

Кстати, он мой своеобразный "крестник". В избирательную кампанию народных депутатов СССР я делал заметку о нем и четырех других кандидатах от Бауманского района. Он прибежал в редакцию в субботний день, показался мне вполне нормальным мужиком, хоть и несколько экспансивным. Заметка вышла с фотографией, где он был запечатлен с двумя дочерьми, что, возможно, и перевесило чашу весов на его сторону.

Тогда же меня сильно удивило одно небольшое собственное открытие. Позвонил домой А. Туполеву, чтобы согласовать текст и уточнить - снимает он свою кандидатуру или нет. Вроде бы его выдвигали еще и от общественной организации, а не только от территории. И вдруг человек такого масштаба и такого уровня устало говорит в трубку по поводу текста и по поводу снятия: надо бы посоветоваться с райкомом и все согласовать. Я обалдел.

Всегда знал, что райкомы сильны, но не подозревал, что до такой степени. Еле-еле уговорил генерального конструктора не согласовывать, потому что время было позднее, все полосы, кроме первой, где шел мой материал, уже подписали, за опоз-

дание меня могли хорошенько взгреть. И хотя все кончилось благополучно, неприятный осадок остался. Даже где-то глубоко в душе шевельнулся давно забытый, с детства засевший страх от шелеста губ в каждом деревенском доме: “уполномоченный едет”...

Промахи с выдвижением кандидатов партийными лидерами были не единственной их ошибкой. Вместо того, чтобы поставить на одного кандидата и все силы употребить для его победы, они поставили на нескольких. Кроме В. Сайкина выдвинулся - с согласия, естественно, Старой площади - первый секретарь Севастопольского РК КПСС А. Брючихин - единственный, на мой взгляд, соперник, который - при тщательно организованной, спланированной и хорошо материально стимулируемой из партийной кассы избирательной кампании - мог оказать более или менее серьезную конкуренцию тандему Г. Попова и Ю. Лужкова.

Падение авторитета лидеров московской партийной организации не способствовало ни укреплению рядов, ни развертыванию настоящей борьбы за голоса москвичей. Когда-то постоянно действующие агитпункты - совершенно очевидно за кого они агитировали - без строгого контроля со стороны партийных мелких и крупных функционеров и финансовой поддержки промышленного капитала попросту прекратили свое существование. Партия не собиралась содержать их за свой счет, как, впрочем, и никогда не содержала - все норовила проехать на средства предприятий и жилищных контор. Единственное, на что партийцы-руководители сподобились раскошелиться из своей мощны - это на красный материал для лозунгов, из которого, по словам художников-шрифтовиков, получались неплохие, издалека заметные трусы.

Теперь-то мы знаем природу этой жадности - деньги вкладывались в крупные коммерческие структуры, перекачивались за границу, изымались на личные нужды бывших лидеров. И жадность, как справедливо говорят в Одессе, фразера сгубила.

Но, конечно, не только она. Думать так - значит недооценивать события “перестроечных” лет и ту перемену в сознании людей, психологические изменения в обществе, которые произошли. Может быть, вопреки желанию тех, кто затевал “про-

цесс”, который пошел не туда, куда его направили. Именно здесь, на мой взгляд, трагедия бывшего Генерального секретаря ЦК КПСС, вынужденного ныне оправдываться перед генеральным прокурором, и первого Президента СССР, шарахающегося из стороны в сторону. Вполне вероятно, что не под влиянием консервативных сил изменил он в свое время состав правительства и приблизил к себе откровенных ястребов и ретроградов, а на основе движения собственной души и собственных мыслей. Взглянул он окрест себя, на дело рук своих - и испугался. “Что же я натворил?” - мог подумать он и - по слабости характера, по всему характеру своего воспитания и всей прежней своей жизни - ринулся обратно. Туда, куда ход уже был закрыт самой историей. Возврат возможен, но не сегодня, не на нынешнем этапе развития России и других суверенных государств, как они сами себя называют. К чему это будет возврат и как будет выглядеть наше общество, никто не скажет. Кроме разве что астрологов, гадалок да шарлатанов, все искусство которых больше похоже на упражнения проходимцев, “заряжающих” фотографии и минеральную воду, чем на науку.

Беспомощность Московского горкома была видна всем. И выразилась не только в аляповатых, откровенно безвкусных и примитивных плакатах “за” В. Сайкина и “против” Г. Попова, но и в расхождении его линии с одним из кандидатов в мэры - А. Брячихиным, про которого руководители горкома потом говорили: неблагодарный.

Они имели в виду его прокол в избирательной кампании во время сбора 100 тысяч подписей за выдвижение кандидатом в мэры. Дело в том, что избирательная комиссия обнаружила какие-то нарушения в сданных ей для утверждения списках и претенденту пришлось обратиться в суд. Он признал претензии к кандидату необоснованными и принял решение допустить А. Брячихина к участию в дальнейшей борьбе. Как утверждали потом люди, близкие к горкому, суду оттуда подсказали, какое следует принять решение.

Не стану утверждать, что так оно и было, как и не буду спорить об обратном: теперь никто из участников той давней истории правду не скажет.

Были в тот период и коллизии, связанные непосредственно с Ю. Лужковым.

Из дневника 11 июня 1991 г., пятница

Стал премьером вице-мэр

Выборы накатывают. И только теперь стало ясно, что никто из претендентов на пост мэра не собирается отступать, хотя совсем недавно ходили разговоры, что Г. Попов снимет свою кандидатуру. О том, что такая возможность существовала, су- жу по следующему эпизоду.

После игры в волейбол в Серебряном бору против команды Совмина России я подошел “поздравить” Ю.М. с проигрышем, и он сказал:

- Поехали со мной, я тебе книжку отдам...

(Как штрих: я стоял на краю площадки, переживал за команду Моссовета. Он, увидев, крикнул прямо с площадки: “Книжка у меня в кабинете, на столе!” - и продолжал играть.)

Речь шла о старинной книге по строительству сельского дома, где есть многие секреты забытых ныне приемов и методов для рукодельных мужиков, для мастеровитых и башковитых столяров, плотников, печников. Для рубрики “Рукодел” в моей газете - незаменимая вещь.

Приехали на Тверскую. Книжка классная, но вся рваная - блок рассыпался, нитки сгнили. Я листал ее, думая о том, где найти мастера, чтобы отреставрировать.

В кабинет вошел один из игроков, что был с Ю.М. на площадке, завел какой-то незначительный разговор, явно ожидая, когда я уйду. Чего делать, по правде говоря, я не собирался: хозяин уже пригласил меня выпить чаю - совершить своеобразный ритуал, заслуживающий, на мой взгляд, более подробного описания.

Года два или три тому назад Ю.М. сказал, что уже 20 лет не пьет спиртного, значит, теперь срок трезвого образа жизни еще длиннее. Я, правда, этого понять не могу, как, впрочем, и меня не могут понять курильщики - как это, бросить? Но ведь не курю - и ничего, живой. Так, видно, и он.

Короче, мы вдвоем прошли в боковушку, где стоит самовар. Вообще-то это не боковушка даже в ее традиционном, многаяжды осужденном в нашей прессе понятии, а своеобразный “аппендикс” коридора, связывающего кабинет и зал заседаний

в единое целое. В этом “аппендиксе” стоит низенький и маленький журнальный столик с электросамоваром, тремя креслами, которые еле-еле устанавливаются вокруг столика. Напротив - диван, слева от входа - холодильник, в глубине коридора - туалет.

Ю.М. садится обычно в кресло так, чтобы видеть собеседников, при разговоре закидывает правую ногу на валик кресла и говорит: то зло, то убежденно, а то и смачно матерясь. Чай наливает обычно сам, предлагает печенье, конфеты, баранки, изредка - варенье. Заварка - в пакетиках, но не азербайджанская, может, английская, и чай получается хорош.

В этот раз я сел по центру стола, Ю.М. - на свое обычное место, а второй его гость - напротив. И опять молчит. Потом не выдержал - зачем-то ведь пришел - и спрашивает: можно, дескать, при нем - при мне то есть - говорить.

- Говори! - велел Ю.М. - Это мой друг. Работал в партийной прессе, ушел по идейным соображениям, теперь делает свою отличную газету.

Я подумал, что насчет идейных соображений он, может, перехватил, все у меня получилось спонтанно, но разубеждать и спорить по этому поводу не стал - пусть думают, как им удобно.

Визави Ю.М. повел разговор о встрече с Б.Н. Ельциным накануне и об отношении последнего к ситуации в Москве перед выборами мэра. Якобы в разговоре он сказал, что если Г. Попов откажется баллотироваться в мэры, то остается одна кандидатура - Лужкова.

- Я с ним разговаривал сегодня утром по телефону, - заметил Ю.М.

- Об этом?

- Нет. Просил отпустить Хасбулатова на волейбол с нами.

- А он?

- Сказал: зачем вам Хасбулатов? Ведь если он разденется, на него без слез не взглянешь...

- В наколках, что ли? - не выдержал я и прыснул.

А в целом что-то мне в этом разговоре не нравилось. Как и в человеке, который его завел. Было впечатление, что есть крайняя нужда в том, чтобы Ю.М. согласился баллотироваться вместо Г. Попова. Может, видел в этом лишний шанс для себя

после выборов, а может, пришел проверить, прощупать Ю.М. “на вшивость”.

Не знаю. Но тон его был обиженным, капризным, что я вполне мог бы отписать на мой счет. Особенно это стало заметным, когда Ю.М. обратился к нам, - а во время беседы подошли еще два его заместителя:

- А на хрена мне это надо? Вы видели мою жену?

Мы все согласно закивали: при такой жене политику надо посылать подальше. Молодая, в “Адидасах”, она стояла сегодня на краю волейбольной площадки, искренне переживая за мужа. А он старался! Падал, прыгал, подбадривал партнеров, пытался дирижировать игрой. Хотя, как потом признался, никогда всерьез не играл. На что я тут же отреагировал:

- Это было заметно...

Шедшие к автобусу его партнеры и подчиненные, бывшие городские начальники, переглянулись. По их мнению, я ляпнул бестактность. Но откуда им знать, что истина мне дороже?

А между тем Ю.М. продолжал:

- Мне надо заниматься зарядкой, форму поддерживать, а не добиваться кресел.

Позже я ему все-таки высказал свое мнение о его собеседнике в тот день.

- Что-то мне в нем не понравилось, - сказал я. - Неудовлетворенное самолюбие, что ли?

- Амбиции из него прут, - подтвердил Ю.М.

По поводу выдвижения В. Сайкина Ю.М. с присущей экспрессией воскликнул, заложив, как обычно, руки за голову и закинув правую ногу на валик кресла - неужто и впрямь удобная поза?

- Он же приходил ко мне! Жаловался: выживают из министерства, вот-вот сократят. Так я ему прямо сказал: Валера, не бойся, найдем тебе дело в городе. Что у нас такие кадры под ногами валяются, что ли?

А он что? Побежал в горком, выдвигаться! Хотя я его, если откровенно, прикрыл на первой сессии Моссовета, весь удар принял на себя, - вспомнил он не очень, видно, для него приятные события.

Когда он возмущается, то говорит резко и отрывисто, глаза становятся совсем узкими, а лицо - злым. Таким я его видел не часто, но приходилось.

13 июня 1991 г., воскресенье

Концерт окончен. Вчера прошли выборы мэра и вице-мэра Москвы. Президента России и вице-президента. Известны предварительные итоги: Г. Попов набрал в Москве 63 процента голосов, Б. Ельцин в России - 56 процентов. Питерцы 54 процентами высказались за возвращение городу прежнего имени - Санкт-Петербург. Следующий этап на пути раскоммунистичивания - вынос тел и снос оборудования. Когда это случится? Не знаю. Наверное, не скоро, но в том, что случится, теперь уже можно не сомневаться.

25 июня 1991 г., пятница

Распоряжением мэра Москвы за № 2 Г. Попов отдал Ю.М. всю исполнительную власть и дал месяц сроку на то, чтобы он сформировал соответствующие органы управления. Что это будет? Никто не догадывался, пока не вышло очередное распоряжение мэра. Но об этом я еще скажу.

Позвонил сегодня в приемную, видно, прямой телефон опять поменялся, долго ждал, прежде чем услышал:

- Привет тебе, где пропадал?

- Да вот он я. Просто к вам не пробиться, - ответил я, как обычно, а сам подумал: "Хорошо, что он взял городскую трубку. Значит, не изменился..."

Ведь когда звонишь "по кремлевке" или по прямому, то владелец кабинета не может знать заранее, кто звонит, волей-неволей берет трубку. А при звонке по обычному городскому телефону начальнику докладывают, кто его беспокоит. И у большого ли, малого ли начальника появляется миллион возможностей через секретаря, помощника избежать разговора: вышел, уехал, занят, совещается, отдыхает, обедает, у начальства, - словом, выбор огромный. И звонивший должен сам догадаться после нескольких попыток безуспешно связаться о том, что он собеседник нежелательный.

Должен признаться, что некоторые мои знакомые после из-

брания Ю.М. утверждали, что и он теперь изменится и что такие приятели, как я, ему нынче ни к чему - достаточно будет просто лизоблюдов всех мастей.

Когда же он взял трубку: я понял, что был прав, не веря в это. А в трубку сказал:

- Во-первых, я вас поздравляю с победой на выборах...
- А разве мы с тобой не говорили после них?
- Нет. За сильно страждущими не успеваю. Думаю, что в 63 процентах - ваши смело 30.

- Да мы с Гавриилом Харитоновичем их не делим. Хотя многие стремились накануне выборов нас разъединить. Подбивали меня даже выставиться самому, но в тандеме получилось лучше.

- У вас сочетание неплохое, - заметил я, одновременно понимая, что с процентами промахнулся. Где-то в подсознании это сразу отпечаталось, как будто у опытного аппаратчика. - Второй вопрос, - продолжал я, ощущая все-таки осадок от своей промашки. - Мы бы хотели вернуться к проблеме издания ежедневной газеты правительства Москвы, по-моему, сейчас самое время. Когда можно подъехать?

- Сейчас посмотрю... - ответил Ю.М., а я представил, как он пододвинул к себе семидневку и смотрит на фамилии тех, кого он сам записывает на прием.

Вообще-то для тех, кого он сам записывает, это большая привилегия, обычно запись ведет его заведующий секретариатом, отличный мужик, оставшийся в аппарате нынешнего хозяина кабинета от В. Сайкина, который, как утверждают злые языки, его попросту бросил, уйдя на новую должность. Это осуждается среди чиновников: уходишь - забери с собой своего верного человека.

Записаться на прием невероятно трудно. Думаю, при всей демократичности Ю.М. простому смертному - невозможно. Прежде за запись к В. Промыслову полагалась довольно высокая мзда - не обязательно деньгами. Я как-то разговаривал с директрисой хлебозавода, которая была у старичка на приеме и говорила об этом как о величайшем достижении ее личном и тех людей, которые это устроили. Тем более что он моментально решил ее квартирный вопрос, и скорее всего в той игре все роли были расписаны заранее: если уж проситель добился приема

на таком уровне, с которого любые его проблемы кажутся сущей мелочью, то результат всегда должен быть был один - положительный. В противном случае незачем устраивать прием.

- Ты слушаешь? - спросил Ю.М., видимо, определившись.

- Да...

- Приходи во вторник, в 21.30.

- Спасибо, до встречи.

Во вторник я, однако, на прием не попал. Перед тем, как выехать, позвонил в приемную, и выяснилось, что Ю.М. не вернется к назначенному часу, с телевидения, где он вместе с мэром - впервые с момента своего назначения председателем исполкома - отвечал на вопросы москвичей.

И ведь позвонил, предупредил, чтобы люди не ждали его, не теряли времени. Хотя вполне мог и забыть.

В “ящике” Гавриил Харитонович и Ю.М. сидели непривычно напряженные, возможно, их смущал галстук новоиспеченного мэра, который никогда прежде его не надевал в подобных случаях. Он выступал перед объективом в неизменном черном свитере, а тут вдруг - галстук! Видно, торжественность момента обязывала.

Теперь два слова - как и обещал - о распоряжении мэра за № 3. Им он создавал новые городские структуры управления и правительство Москвы во главе с Ю.Лужковым. Думаю, не за горами новое административно-территориальное деление Москвы на муниципальные округа и более крупные единицы - префектуры вместо районов.

Цель, как я ее вычислил два дня назад, рюхнулся, что называется: одним махом ликвидировать коммунистическую систему в городе, поскольку сейчас все держится на райкомах. Подрубив райкомы, можно будет поставить компартию в равные почти условия с демократами: начинать работать придется в муниципальных округах с нуля. По-моему, гениально.

Из записных книжек

Место “лидера Красной Пресни”

Итак, борьба за столичный престол продолжалась, хотя партийные комитеты ушли в тень - зализывать раны. А у только что образованного правительства и его премьеры начина-

лись “веселые” дни. У Ю. Лужкова и прежде они бывали распланы по секундам, а с момента принятия им всей полноты власти график его работы еще больше ужесточился.

С 9 утра до 21 часа - люди, люди и люди. Делегации, депутаты, встречи, речи и самое неприятное, как мне представляется, во всей этой кутерьме, что идут ведь они не просто так - идут просить. А иногда и требовать. И ему надо решать - деваться некуда. Как говорят на Руси, назвался груздем - полезай в кузов.

Его предшественникам в этот смысле было хорошо. Просто лафа. Им ничего не нужно было решать, все решалось на Старой площади. Снял трубку с гербом, набрал номер - и посоветовался. А там всегда знали, что делать, как делать, когда делать, надо ли делать вообще и все такое прочее. Оставалось только довести до сведения просителей - будь-то индивидуум или организация, коллектив или группа лиц, а хотя бы и сам Господь Бог. То и ему можно было сказать: есть мнение.

Тот, кто налетал на эти таинственные слова, знает, какой магической силой они обладали. Хотя практически никогда нельзя было узнать, чье конкретно это мнение. И не стоило пытаться, чтобы не нажить себе еще больших неприятностей. Начиная от самой захудалой жэковской первички и кончая самыми высшими этажами партийной душиловки, над каждым из нас - коммунистом и беспартийным - витали эти зловещие слова: есть мнение.

Но вот горкома не стало, и мы наконец узнали, кто в Москве хозяин. Думаю, ей здорово повезло, что в том кабинете, где надо принимать решения, сидит человек, который умеет это делать, знает, что делает, и готов нести за это ответственность. Все, что он делает, он делает быстро, в том числе и принимает решения. Наверняка не все они безупречны и правильны, но и при неизбежных ошибках, издержках и промахах он абсолютно убежден в положительном результате.

Не терпит хамства, может, в силу того, что давно руководит и привык к соответствующему отношению окружающих его людей. Как-то пришлось быть свидетелем его разговора с председателем Краснопресненского райсовета А. Красновым, на которого пришли жаловаться несколько человек - делегация от района. Он завел в районе какое-то специализированное

летучее подразделение, изобрел систему связи и наладил стукачество — народ воспринял это как новые свидетельства посягательства на едва-едва становящуюся на ноги демократию.

Во время беседы с делегацией из района в кабинете раздался звонок - звонил Краснов. Из разговора стало понятно, что он надеется на объективное разбирательство со стороны вице-мэра. А когда Ю. Лужков спросил, как Краснову удалось узнать, что люди с Красной Пресни сейчас на приеме, тот похвастался налаженной системой своей разведки, которая и доложила. И - ни больше ни меньше - предложил премьеру присоединиться к ней.

—Редкостная сволочь все-таки этот председатель! - подытожил разговор Юрий Михайлович. - Создал собственную службу безопасности, платит из районного бюджета 90 тысяч рублей, держит всех в страхе. Представляете, что такое в наше время небольшое, мобильное, тренированное и вооруженное подразделение? Да оно может нагнать страху не только на один район, а на весь огромный город! - зло, со сведенными губами, закончил Юрий Михайлович.

Формирование своего правительства после выборов он провел довольно быстро, как и предписывало распоряжение мэра. Критики не унимались: набрал, мол, прежних аппаратчиков. На что он упрямо твердил: набрал профессионалов.

С магнитофонной ленты

Долой обман

- Меня довольно часто ваши коллеги - журналисты спрашивают: Юрий Михайлович, что это, дескать, за прихоть у вас такая - переиначили Мосгорисполком в правительство? И в чем вы выиграли? То ли хотите обособиться от союзных и республиканских структур - и мы, мол, не лыком шиты, то ли к Западу решили прислониться поближе - мэрия, префектура, муниципалитеты, департаменты - все оттуда. Или еще говорят: это стремление наше самолюбие собственное потешить - премьером и министром назваться вроде как престижнее, чем председателем исполкома и начальником главка.

Что могу сказать? Прежде всего, по поводу последнего: это я сразу отмечаю как замечание некорректное. И, думаю, все

члены городского правительства со мной согласятся. А что касается переиначивания, так у нас вся жизнь нынче переиначена, и карты все перекроились. Что особенного, что и в Москве перемены? А вызваны они в первую очередь стремлением привести городские структуры управления в соответствие со сложившейся действительностью. Давно известно, что все главки в Москве по объемам работ, предоставлению услуг или товарообороту приравнялись всегда к республиканским министерствам, а их начальники - к званию министра. Им положены были такие же льготы, как министрам, оклады и прочее, - и надо ли было продолжать этот внешний обман?

Теперь посмотрим с другой стороны: ускорение, объявленное в начале перестройки, состоялось - с невиданной скоростью бывшие республики бывшего Союза превращаются в суверенные государства, с каждым из которых в отдельности или с некоторыми сразу предстоит иметь в дальнейшем дело членам нашего правительства. И согласитесь, министр с министром скорее договорятся, чем государственные деятели разных уровней.

Обособливаться же от кого бы то ни было мы не собираемся. Союзные (запись в сентябре 1991 г. - *Ред.*) структуры сами обособились, или ход событий привел их к тому. С республиканскими мы работаем в контакте, и по-другому просто не получится - Москва была, есть и будет столицей России.

Другое дело, что нам предстоит - так же, впрочем, как и другим крупным городам и целым регионам, - преодолевать рецидив “центристской” болезни тех республиканских ведомств, которые ими не переболели или которые их уже успели приобрести.

Никаких, между прочим, иллюзий мы по поводу Запада не питаем - это к вопросу об ориентации. Мы четко представляем себе ситуацию и убеждены: только сами, только вместе с москвичами, только тяжелым повседневным трудом можно добиться результатов. Надо зарабатывать. Всем! Городу, предприятиям, организациям, каждому себе на жизнь. Если не научимся - погибнем.

И откровенно, я счастлив, когда вижу, что удастся что-то сделать, когда усилия мои и моих коллег по городскому правительству приносят хоть маленькие, но положительные результаты. Кто-то их замечает, кто-то нет, но суть не в этом. Суть

в том, чтобы не останавливаться, двигаться вперед, пытаться защитить москвичей от неприятностей быта. Не хотелось бы, чтобы они в нас разочаровались.

С магнитофонной ленты

Пообещал - выполняй

- У правительства Москвы есть хорошая, но трудно реализуемая традиция: в начале года (запись в январе 1996 г. - *Ред.*) оно публикует свои планы, а в конце его отчитывается перед горожанами, хотя нас никто не заставляет ни публиковать планы в нашем сегодняшнем неплановом хозяйстве, ни даже отчитываться.

Составляя планы, мы используем не красивые, но расплывчатые показатели типа “улучшить”, “обеспечить”, “поднять”, “повысить”, а конкретные количественные показатели типа “квадратные метры возводимого жилья”, “квадратные метры отремонтированных дорог”, “гигакалории возведенных тепловых мощностей” и другие количественные показатели, которые вносятся в перечень возводимых и вводимых в действие школ, детских садов, станций метрополитена и так далее.

Нам ни разу не пришлось краснеть за результаты года. Несмотря на все трудности, мы всегда полностью выполняли наши обязательства - и по жилью, и по ремонту, и по дорогам, и по всем другим позициям. По комплексу социальной защиты мы выплатили доплаты к пенсиям более чем 600 000 пенсионеров, было обеспечено бесплатное питание 310 000 учащихся из социально не защищенных семей.

Таким образом, каждая годовая программа имеет не только качественные цели, она несет в себе конкретные количественные оценки, и самое главное здесь следующее: пообещал - выполняй.

Из дневника

12 декабря 1993 г., воскресенье

А ветер дул в чужие паруса

Знаменательный день в жизни России - первые за всю ее историю свободные и демократические выборы на многопартийной основе. 13 партий и блоков выстроились в заты-

лок, стремясь к парламентскому большинству, надеясь в результате победы сформировать правительство - словом, добиться всего, что есть у людей в странах с устойчивой демократией.

Я проголосовал за “Выбор России” и за тех кандидатов, которых знал, и полетел в Красный дом, куда к 13 часам должен был приехать Ю.М. Но не приехал. Когда я вошел в приемную, там шли интенсивные переговоры по телефону, оказалось, что он с утра поехал на дачу, охрана и obsлyга скоро его не /ждали. В приемной толкались и члены правительства, дожидаясь и обсуждая ход голосования: кто за кого, кто победит и прочее. Почти каждый входящий поздравлял присутствующих с праздником, хотя, по-моему, никто не смог бы сформулировать четко, в чем он усматривает праздник. Скорее всего многие надеялись или были уверены в абсолютной победе “Выбора России” и связывали с этим окончательное падение влияния в обществе коммунистов и националистов. Как они ошибались!

Ю.М. вошел стремительно, как всегда, поздоровался со всеми за руку, и длинный хвост его сподвижников и соратников втянулся из приемной в кабинет. Пока они там решали свои важные дела, в приемной тоже шла напряженная работа. У Ю.М. не оказалось с собой паспорта, и по этой причине он не стал заезжать на избирательный участок - не хотел создавать прецедента: дескать, кому-то можно без паспорта, а другим нельзя.

Кроме того, его ждали журналисты в будущем доме Московской городской Думы на Петровке, 22, в бывшем здании Свердловского райкома КПСС и пристанище московских фашистов Баркашова, а он везде катастрофически опаздывал. Поэтому-то и звонили на объекты из приемной, переносили сроки, уточняли детали.

Наконец Ю.М. со свитой так же стремительно вышел и на ходу спросил, обратясь ко мне:

- Ты ко мне пришел?
- Да, думал все сложится по-другому...
- Ты надеялся, что у меня будет время?
- Да хотелось бы, - говорил я, двигаясь рядом по коридору позади всей остальной компании. - Пора ведь думать о ново-

годнем поздравлении москвичей, вы же будете их поздравлять? - старался я сказать как можно больше на малом пространстве коридора. Надо еще было успеть договориться о встрече.

Но коридор кончился, он уже подходил к лифту, как вдруг резко повернул обратно.

- Зайти забыл, - объявил он и скрылся за дверью туалета.

Моим первым желанием было последовать за ним, чтобы договорить, но мне это показалось неудобным в глазах публики, дождался его у ступенек перед лифтом и уже по нахалке - отступать некуда - спросил:

- Так Юрий Михайлович, когда?

- Надо сказать Владимиру Сергеевичу...

И я понял, что он хочет ускользнуть от меня, поручив сочинение поздравления сотруднику, который делал это и при трех прежних председателях исполкома Моссовета.

Однако меня такая перспектива не устраивала - прецедент был: как-то я опубликовал беседу, которую подготовили чиновники аппарата, но отдавала она таким казенно-суконным языком всех прежних времен, что опытный читатель сразу чувствовал - говорит не сам Ю.М., мыслитель и оригинал, а его неотчетливая тень.

Словом, в приемную я вернулся не очень веселым, достал из дипломата бутылку "Абсолюта", закуску и выпил с присутствующими за его здоровье.

13 декабря 1993 г., понедельник

Утром, в 9.30, набрал номер прямого телефона, который узнал примерно месяц назад. Ю.М. сразу взял трубку - видно, только приехал и посетители не успели ввалиться вслед за ним шумною толпою. А может, ввалились, но не успели пока осадить его своими многочисленными вопросами, которых у каждого из них такое количество, что может хватить на иного государя-императора.

- Юрий Михайлович, - сказал я в трубку, стараясь не вибрировать, - я новую частушку сочинил. Хотите прочтаете?

- Читай! - сказал он, хотя не очень приветливо, видно, уже

одолевали. Однако я решил, что частушка стоит того, чтобы быть прочитанной, и речитативом продекламировал:

Дунька с мунькой баловалась,
Ножку запрокинула.
Целовала сладкий фаллос
Своего любимого...

- Ты что, ночью сочинял, когда смотрел шоу из Кремля?

- Точно так, - подтвердил я, хотя никакого шоу из Кремля не смотрел и, как оказалось, правильно сделал. Все газеты это ночное шоу, посвященное новому политическому году, назвали убогим и гадким зрелищем, недостойным России и россиян. Задуманное как праздник победы демократов на выборах, оно к трем часам утра превратилось в позор их поражения, и телетрансляция была срочно прекращена. Все надеялись на победу демократов, а победили "демократы" во главе с В. Жириновским.

Накануне я написал в заметке: "Мы выбрали, кого знали, вы выбрали, кого смогли, а они - кого захотели". Так оно и получилось. Формулу неудачи вывел за три дня до голосования, а уже сегодня попытался по горячим следам предложить свое понимание феномена В. Жириновского. Это фанаберия демократов, их амбиции, стремление каждого в отдельности и всех вместе властвовать в стране, усталость народа от роста цен и безработицы, отказ молодежи принимать хоть какое-то участие в политических играх взрослых. Моя собственная дочь, опечалившись итогами, не поняла, однако, что и она косвенно способствовала успеху популиста и говоруна. Которого, признаться, я сам не принимал всерьез: мало ли чего взбредет в голову человеку, неожиданно для многих, а может, и для самого себя вступившему на политическую стезю обманываемой всеми страны? И вынесенному волной голосования на самую вершину.

В первую минуту, когда узнал, испытал чувство жалости к нашему бедному и забитому народу, умнице, не сумевшему разглядеть за громкой фразой истинное лицо общего противника, а может, и врага. Каждому политику, видно, хочется поручить самостоятельно, каждый хочет поймать ветер только в свои паруса, перехватив его у соседа. Но бои флотских эскадр два ве-

ка назад, когда главной задачей было перехватить ветер, ушли и никогда не вернутся. Надо бы не ветер и кислород перекрывать друг другу, а нормально сотрудничать на благо Отечества. Не получается...

Возможно, Ю.М. тоже думал об этом или обсуждал перипетии голосования с соратниками, когда я позвонил, и потому был в разговоре неактивен. Тем не менее я после частушки спросил:

- Юрий Михайлович, так мы будем поздравлять москвичей с Новым годом или как?

Он примерно минуту молчал, а я знаю, что в это время он смотрит в свой “поминальник”, или, как называют в его аппарате, “разблюдовку” на текущий день.

- Приходи в семнадцать часов, - сказал наконец он.

- Сегодня? - уточнил я.

- Сегодня, - подтвердил он и положил трубку.

Я даже не успел сказать спасибо.

Задумка была богатой. Опубликовать краткий отчет Ю.М. перед москвичами за прошедший год: что сделано, что недоделано, что необходимо сделать в первую очередь в новом году. Это казалось мне тем более важным, что не сегодня-завтра соберется городская Дума и волей-неволей ему предстоит говорить на первом или каком-то там заседании слова о бюджете, о задачах, идеях и прочем. Но при таком темпе я не успевал обмозговать как следует вопросы и до конца дня, вернее до 4 часов, сумел придумать лишь четыре, но, на мой взгляд, интересных для читателя. Речь в них шла об итогах года, о намерениях в работе с городским парламентом, об отношениях с ним.

Что касается комментария, то хотелось записать его поздравление на диктофон, чтобы потом опубликовать.

Минут без пяти пять пришел в приемную, милиционер на дверях пытался было тормознуть, но я сказал, что записан на прием.

- А Юрия Михайловича нет, - парировал он, на что я спокойно ответил:

- Значит, сейчас появится.

И точно. Без одной минуты семнадцать он вошел в приемную, поздоровался и сказал:

- Мы с тобой сейчас встречаемся...

И пригласил Б. Никольского, за которым увязался начальник техуправления, или, точнее, комитета по науке. Через полчаса меня пригласили. Ю.М. встретил, выйдя из-за стола, пожал руку, и сразу предложил пройти в комнату отдыха. Сел на свое место, спросил:

- Тебе кофе или чаю?

- Чаю...

Он подставил стакан в подстаканнике под носик самовара, открыл краник, бросил в стакан заварку в пакетике. Налил полный стакан и подал мне.

- А я выпью вот это, - показал пакет с импортным соком - каким, я не разглядел.

- Юрий Михайлович, - говорю, чувствуя, что он вот-вот вскочит и понесется куда-нибудь, - поздравляйте москвичей...

- С чем?

- Как с чем? С Новым годом!

- Ну, это надо подготовиться...

- У вас лучше всего получают экспромты. Вы тогда напрягаетесь, мысли бьют через край - и получается то, что надо, - заверил я его, включая диктофон.

Он подумал минуту, а может, две. Потом начал говорить и говорил минут 7-10. Сказал все, что надо, но без внутреннего огня, который ему присущ.

- Достаточно...

- А годится?

- По-моему, нормально...

- Да ты меня всегда хвалишь...

Что-то, видно, сам чувствовал не то, коли так сказал.

Я отдал ему вопросы, подготовленные днем, он прочитал внимательно:

- А про паспорт откуда знаешь?

- Разведка доложила...

- Там все было не так, никакой игры.

- Но у меня-то должна быть игра. Ведь самая моя главная задача, чтобы заметку прочитали.

Просмотрев все листы с вопросами, сказал, что оставит их у себя, на все ответит, причем круто, лихо, откровенно.

Перед уходом я спросил:

- А вы знаете, почему в городе бардак с помещениями?

- Почему?
- Потому, что бумаги на их получение подписывают все кому не лень...

- Это неправда! Никто не подписывает...

Я понял, что переубедить невозможно, хотя и называл несколько фамилий его замов, которые велели Москомимуществу выделить той или иной конторе помещения.

И еще один штрих к этому визиту. По-моему, он огорчен результатами выборов, но виду не показывает. Когда же я выразил свое мнение по поводу поднимавшего голову фашизма и снобизма демократов, сказал, что руки опускать все равно не следует, он мгновенно откликнулся:

- Конечно, не следует, надо работать!

А я подумал, что он опять оказался умнее многих и многих, поскольку не полез в эту кашу, мотивируя необходимостью все той же работы в городе. Хитрый черт, и умный.

Из записных книжек Здравствуйте, Георгий Валентинович

Сегодня, когда на дворе декабрь 95-го, знаменательный день в жизни страны - очередной в ее непростой и непредсказуемой истории - день очередных же выборов народных депутатов Госдумы по партийным спискам и одномандатным округам. Два года, миновавшие со дня последних выборов законодательной власти, не прошли, конечно, бесследно для России, во всяком случае, инакомыслие преследуется не так явно и не с такой ужасающей агрессивностью, как прежде и как в странах, отвалившихся от бывшего Союза, особенно азиатских и закавказских.

Киргизия, Казахстан, Узбекистан, Туркмения, Таджикистан не только выжимают всеми приемлемыми и неприемлемыми способами русских людей, но и преследуют тех своих граждан, которые каким-либо боком задели власть предрержащих. При этом делается хорошая для общественности России и особенно для правителей мина, долженствующая изображать полнейшее уважение прав и свобод человека, достигнутых в нелегкой борьбе.

Но тонкость в том, что они там, на своих югах, не добивались и не достигали ничего. Это Ельцин утробил свое здоровье

в борьбе “за это”, и хотя получилось не то, чего он хотел, и не то, тем более, чего ожидал народ, скандируя на площадях его имя, тем не менее отрицать его роль было бы несправедливо и обидно для него самого. А на югах получили неограниченную власть представители кланов и племен, издревле боровшихся за нее с переменным успехом, и приступили к широкомасштабным операциям по укреплению захваченного. Средства для этого, на их взгляд,годились (и годятся) любые. Что, впрочем, мы наблюдаем и по сей день.

В Москве преследуют (случай с отстранением С. Ковалева от деятельности в комиссии по правам человека - яркое тому подтверждение), но не так ярко и явно. Как ни говори, а теперь мы у мира на виду, и мировое общественное мнение - это тебе не то же самое, что скажет княгиня Марья Алексевна.

Правда, тут еще надо учитывать, что в Москве невероятно переплетаются интересы политических групп и группировок, финансовых воротил и крупного бизнеса. Поэтому занять лидирующее и абсолютное положение кому бы то ни было достаточно сложно и проблематично. Все следят друг за другом, все бдят, все будоражат общественность настоящими и несуществующими разоблачениями и в результате наваривают политический капитал и искушают неоперившегося избирателя.

На участке, на котором я голосовал, едва ли не каждый третий избиратель стоял рядом со столиками, которые расторопные члены комиссии поставили чуть в стороне от кабин, чтобы народ не испытывал неудобств и не создавал толчею - как-никак впервые за всю историю выборов в избирательных бюллетенях вписаны 43 партии, движения и блока, а по одномандатным округам на 17 мест претендуют 240 человек. Кто из них рвется в такую высокую власть бескорыстно, из патриотических побуждений? Попробуй, угадай...

Вот и стоит мой знакомый Иван Степанович, шевеля губами и напряженно морща лоб, мучительно вспоминая, что и о ком говорили намеренно “по ящику” и что говорили и писали они про себя сами. Да разве вспомнишь...

Отметил бы в целом спокойную атмосферу на участках. Во всяком случае, на тех, которые я посетил. Наверное, присутст-

вие человека даже не с ружьем, а с автоматом перед дверьми участка и внутри играет определенную стабилизирующую роль.

Накануне я объявил свой прогноз: победят коммунисты, а блок В. Черномырдина будет вторым, третьим ЛДПР, потом “Выбор России”. Самые организованные на сегодня коммунисты и самый преданный электорат - у них. К тому же и самый активный. В то время, когда молодежь развлекается или зарабатывает деньги, старики идут голосовать. (Посмотрел, что написал: забыл про аграриев, которые могут опередить НДР, хотя вряд ли - ведь свыше 70 процентов россиян проживают нынче благодаря мудрой аграрной политике партии в городах. Думаю, они останутся третьими, потом “Яблоко”, а потом Гайдар. Или наоборот, это не принципиально.)

Я отдал голос за НДР и велел то же самое сделать своим домашним, имеющим право голоса. Начинать новую игру по переделу власти и не дай Бог собственности просто опасно. Не верю я Черномырдину, не так должен вести себя премьер правительства такой страны, как наша, но и потрясений не хочу. Даже если за ними - в который раз - засияют величественные вершины всеобщего благоденствия и равноправия. Кто-то должен в конце концов объяснить людям, что это недостижимая и несбыточная цель и никто никогда ее не добьется. Как несравнимы между собой две былинки, так разнятся по своим качествам и достоинствам люди, не надо глумиться над ними, обещая то, что не можешь им дать.

Г. Плеханов утверждал: “Не забывайте, что в политике нет благодарностей, и если вы не будете думать сами о себе, то другие будут думать о вас лишь до тех пор, пока им нужно будет пользоваться вашей силой. Но как только дело дойдет до выгод (подчеркнуто автором. - *Ред.*), принесенных борьбой, то высшие классы будут помнить только о себе, да разве еще о том, чтобы держать вас в узде и в повиновении. Но если вы будете сильны и сплочены, если вы сознательно пойдете к своей цели, то сумеете отстоять свои права и недаром затратите свои силы”.

Трудно при внимательном чтении не согласиться с уважаемым автором - мы наблюдали это после победы октября 17-го

и после “победоносного” октября 93-го. Борцы с привилегиями пересели с “Чаек” на “Мерседесы”, напринимали кучу законов в пользу себя, любимых, и нет никакого сомнения, что следующая волна народных избранников пойдет, как изволил выразиться прекрасный поэт, “по выбитым следам”. И удивляться этому не надо. Человек - он всегда человек, денег всегда мало, а потребности всегда превышают возможности. Не верите - сходите в депутаты Госдумы.

Из дневника *17 декабря 1995 г., воскресенье*

Назад, к товарищу Ленину

Давно не звонил Ю.М. и давно не разговаривал. После того как трижды подряд он меня не принял, хотя сам назначал, я могу предположить, что его облепили со всех сторон ракушки и ему надо становиться в док, чтобы очистить днище и снова набрать 38 узлов хода, которым он пер совсем недавно.

Я уже однажды записал, что он необычайно доверчив и дурят его и ловят на этом, но он упрям и ничему такому не верит. Искренне убежден, что его обмануть нельзя - жестокое, по-моему, заблуждение, которое ему пока никакого вреда принести не может - слишком мощен, но ведь это вечно продолжаться не может. Через год будет другой президент, и хотя мэра Москвы выбирают москвичи, а выберут они Ю.М. без всякого сомнения - неизвестно, кто сядет в Кремле. История России вся соткана из взлетов и падений лиц, приближенных к монарху, а та убогая демократия, которая у нас дала пока что очень слабые ростки, вряд ли может в ближайшие десятилетия изменить ситуацию в высших кругах - если страной начинают править телохранители, то тут уж не до хорошего.

Возможно, я и сегодня не стал бы звонить, но выручил случай. Сын поставил домашний телефон на дозвон по записной книжке. Все записал и говорит:

- Попробуй позвонить...

Я взял трубку, а что с ней делать - не знаю.

- Нажимай вот здесь, - показал мне мальчик, и я нажал. - А теперь нажимай эти две кнопки, номер я записал...

Я нажал. Услышал звонки на том конце провода, и почти

тут же взяли трубку. Глуховатый его по телефону и несколько, как мне показалось, озабоченный голос - возможно, кто-либо сидел в этот момент за приставным столиком - произнес:

- Слушаю...

- Юрий Михайлович, я вас приветствую, - поздоровался я, впрочем, не слишком бодро. Внутри сидит противная мысль о том, что он ко мне переменялся и разговор этот - мертвому припарки, но дело ведь за меня никто не сделает, а отступать я тоже не привык.

- Скажите, - продолжал я, настраиваясь на разговор, потому как не ожидал, что он снимет трубку, больше проверял телефон, - а почему не показали, как вы голосовали, - всех показали, вас - нет...

- Наверное, не заслужил, - отшутился он, поскольку прекрасно знает, как и все вокруг: он-то заслужил больше всех в Москве. Возможно, противники не хотят его лишний раз показывать по российскому каналу: дескать, статуса не хватает. У Жириновского хватает, а у Ю.М. - нет. Но это — предположения, надо посмотреть итоговые выпуски новостей. - Как вы думаете, кто победит? - не отставал я, хотя основного вопроса еще так и не задал - не каждый же день мне удастся с ним связаться.

- А х... его знает, - по-моему, совершенно искренне признался он, что и подтвердилось. - В этой сегодняшней каше, в этом совершенно непонятном круговороте понять что-либо трудно. Люди-то в полной растерянности...

- Это точно, - согласился я. - На участке, где я голосовал, народ кучкуется и в полной прострации. Ну и все-таки...

- Думаю, победят коммунисты...

- Я в пятницу такой прогноз сделал. А вторыми будут кандидаты "Нашего дома"...

- Ты думаешь?

- А я это еще Ресину сказал, когда брал у него интервью. Сказал, что у меня рука легкая, вернее, перо легкое...

- Ну, хорошо, - хотел, видно, он поставить точку, но я не дал.

- Юрий Михайлович, а москвичей поздравлять будете?

- С чем?

- С Новым годом...

- Обязательно!

- Я подготовил короткий текст, послал вам, но не знаю, коротко надо или развернуть...

- Надо коротко, но емко... Сказать, что сделано по крупным программам, по основным направлениям, - самое главное.

Вот те на, подумал я. В прошлом году я накатал полторы страницы, он все завернул и даже написал, что все очень плохо, и в результате обошлись четырьмя строчками. И это несмотря на то, что я отметил все, что подчеркивал он в своих выступлениях на правительстве и по ТВ.

Что теперь? Откуда повеяло желанием доложить москвичам об итогах года? Долго не задумываясь, скажу: его выборы уже тоже на носу и скоро надо начинать. Конкурентов, понятно, нет, а мандраж остается - все люди, все человеки. Самонадеянность в таком деле еще никому не помогала - достаточно вспомнить демократов прошлых выборов.

Как бы то ни было, я остался очень доволен тем, что связался с ним по телефону, от души поблагодарил и попрощался.

21 декабря 1995 г., четверг

Не намного я ошибся, объявив прогноз исхода выборов. Движение НДР оказалось на третьей позиции после ЛДПР, которая хоть и потеряла почти половину голосов по сравнению с выборами двухгодичной давности, но все-таки зацепилась на довольно высокой отметке. Тем не менее откат свидетельствует прежде всего о том, что народ наш постепенно умнеет и прозревает. Небывалая активность - свыше 63 процентов явки на избирательные участки, - итоги голосования подтверждают это лучше всяких умозрительных заключений.

Из записных книжек

За кого Бутырка

Итоги выборов обывателей перепугали: что, возврат к тоталитаризму? Бросьте. Никакого возврата не будет, и коммунисты, если им так угодно сегодня называться, это, по-моему, вполне нормальные капиталисты, въехавшие во власть на прежних лозунгах, которым поверили наши доверчивые сограждане. Они будут теперь изображать любовь к народу из

всех сил, говорить с экранов слова, которые захотят услышать избиратели, но ничего кардинально менять не станут. Если, конечно, не полные идиоты. Они сегодня и так живут неплохо - начальники, конечно, - но им не хватает власти, чтобы жить лучше. А хочется...

В Москве НДР - абсолютный лидер, а Жириновский с компанией набрал голосов в 10 раз меньше, москвичи по-прежнему оказались мудрее и прозорливее периферии и как никакой другой регион продемонстрировали нежелание кардинальных перемен. И это, по-моему, самое весомое доказательство верности той идее, которую проводит городское правительство. Ведь никого не заставишь теперь голосовать насильно за того или иного кандидата. Вчера заседание правительства началось с информации заместителя премьера, который отвечает за политические дела, - я помню его еще со времен прежнего исполкома Моссовета, когда он был заведующим оргинструкторским - самым горячим и самым шепчущим - отделом всего Красного дома. Потом он ушел в ЦК, затем в администрацию президента - и вот вернулся. Впрочем, не совсем "вот", а года два-три прошло. Грамотный, знающий и не ленивый мужик. Доложил цифры по Москве и по стране по состоянию на 22 часа предыдущего дня и, когда кто-то пикнул, что по телевидению и радио назвали другие, парировал:

- Они вам могут сказать все, что угодно. Я привожу цифры по протоколам Центризбиркома.

Что следовало понимать как намек, нам, пишущим и говорящим: не надо торопиться обнародовать сырые цифры и факты, они могут оказаться недостоверными.

Ю.М. дополнил:

- Хочу привести два факта, довольно любопытных. Они касаются партии Жириновского. Так вот, за нее активнее всех в Москве проголосовала Бутырская тюрьма - аж 21 процент зеков! Теперь представьте, что это за партия...

И еще один штришок: за кандидата по одномандатному округу здесь проголосовали 364 человека - больше, чем за всех остальных, вместе взятых!

И, сделав паузу, добавил:

- И хорошо, что он в конечном итоге не прошел...

Из дневника 7 февраля 1996 г., среда

Уйди, Василий!

На прошлой неделе, в четверг, позвонил безо всякой надежды соединиться, поскольку уже много дней подряд пытаюсь и ничего не получается - темп его жизни и работы просто бешеный, а чем больше он набирает оборотов благодаря своей неумейной деятельности на благо Москвы и москвичей, тем больше становится всем нужен. Подозреваю - и я уже писал об этом, - что вокруг него выются такие страсти, разгорятся такие сцены при стремлении разных лиц заполучить на очередное мероприятие, которые не снились и самому Шекспиру. Некоторым ведь достаточно факта, что Ю.М. был в офисе, чтобы потом использовать факт на полную катушку. Просил же у меня один чудак фотографию, на которой я стою рядом с ним.

- Зачем она тебе, провинциалу? - спросил я.

- Мафии своей покажу, пусть видят, с кем ты, мой лучший друг, сфотографировался...

Нашел пугало.

Однажды я в сердцах мысль о ракушках Ю.М. высказал. Потом она показалась мне дерзкой, хотя и уместной, я даже подозревал, что Ю.М. переменял после этого свое мнение обо мне и о наших с ним отношениях, которые он как-то назвал "особыми". Когда-нибудь я попробую расшифровать это, просто сейчас уже довольно поздно, а нужна свежая голова, чтобы не сфальшивить, не обмануться, прислушиваясь к тому, что у тебя внутри.

Короче, не успел телефон на том конце провода пикнуть два раза, как он взял трубку. От неожиданности я даже не сразу начал говорить, а когда поздоровался, то спросил не о том, о чем хотел, а бухнул про его перевязанный мизинец.

- А почему это тебя так интересует?

- Да у меня недавно было то же самое: сломал палец, ударив по газете, под которой лежала металлическая ручка.

- И сколько же ты перед этим принял на грудь?

- Да что вы, нисколько! Просто ударил, осердясь, - уточнил я, а сам подумал о том, что его шиш проведешь - действительно-

но ведь был грех. Перед тем, как мне жახнуть по столу, выпили малость.

- Юрий Михайлович, мне ведь к вам надо попасть, чтобы сверить часы.

- А что случилось?

- Да ничего особенного, - замялся я, не желая по телефону уточнять подробности. Во-первых, был в комнате не один, а во-вторых, мне искренне хотелось увидеть его и поговорить более подробно с глазу на глаз, уточнить кое-какие его позиции и сверить со своими.

Должно быть, он это понял и сказал, что на этой неделе ничего не получится, он уезжает на три дня, а вот в понедельник надо позвонить утром и договориться.

Начал звонить ровно в 9.30, но телефон молчал, помощник, которому я перезвонил, сказал, что он давно приехал и ведет заседание с заместителями. Освободится около 11-ти. Делать было нечего, оставалось ждать и надеяться.

Накануне увидел по ТВ случайно, мельком, кадр из Давоса, куда, оказывается, он уезжал на Всемирный экономический форум. И мне было интересно узнать, ко всему прочему, что удалось сделать столичной делегации, поскольку российская там только развлекалась и развлекала публику взаимным сведением счетов и поливанием друг друга. А совет почему-то называется экономическим.

Но что на таком совете делают ведущие телепрограмм - непонятно. Однако Ю.М. все объяснил, как только с ним связался около 12 часов дня.

- Юрий Михайлович, - сказал я, едва он взял трубку, - приветствую вас. Я хотел узнать...

- Нет, - заспешил он почему-то. - Ничего не получится сегодня, извини...

- Да я и не настаиваю, чтоб сегодня, - тоже заспешил я, боясь, что он быстро положит трубку — потом ищи его, свищи. - На неделе можно будет, для меня это не принципиально.

- На неделе? Конечно! - вроде как с облегчением сказал он, зная мой скверный и настырный журналистский характер. - Если на неделе, - заметил он, - тогда в среду, в 18.15, идет?

- Конечно, - ответил я вполне бодро, при этом совершенно не надеясь на благоприятный исход затеянного мероприятия. Как правило, в последний момент что-нибудь мешало нашему общению, и я уже стал списывать это на его нежелание общаться. Когда человек нужен, это одно, но проходит какой-то период, и прежний друг, приятель, сообщник, единомышленник, подельник, товарищ, наперсник, поверенный, собеседник, собутыльник, коллега, однодворец, однокашник или одноклассник становятся так далеки и так трудно воспринимаемы, что приходится жертвовать отношениями с ними во имя высшей цели. Которая, естественно, у каждого индивидуума своя - у одного это личное обогащение, у другого - жажда странствий, у третьего - звон наград, у четвертого... Впрочем, разве можно перечислить все людские пороки и добродетели? У Ю.М. одна страсть - работа. И это не показное стремление отличиться, это внутренняя потребность деятельности, стремление реализовать открывшиеся возможности и доказать самому себе и окружающим простую, как мычание, формулу: не только хочу, но и могу!

Зная все это давно, я не претендовал и не обижался - государственные люди должны делать государственные дела - лучше, если хорошо, а наше дело - фиксировать на бумаге, на пленке, на экране.

Как бы то ни было, в среду, то есть сегодня, я прилетел с небольшим опозданием в приемную - зря торопился, его еще не было. Всегдашней и мне привычной толпы в приемной не было. За последнее время он организовал свою работу так, что допоздна уже не засиживается, нет нужды: системы работают, люди на местах, ответственность каждого определена. Доверие и спрос рождают удивительный синтез ответственности, которая дает, как правило, отличный результат в сфере управления.

Ю.М. был на заседании Совета Федерации и вот-вот должен был подъехать. Я уселся в глубокий рыжий диван давнишних еще времен и стал терпеливо ждать. Пока сидел, проскочили или остановились, перекинувшись парой слов, несколько человек. Б. Никольский поинтересовался, нет ли самого, и тут же ушел, попросив помощника Ю.М. сообщить, когда придет. Мой знакомый, известный строитель В. Мороз, прибежал **воз-**

бужденный и решительный, ему, как и всем, позарез нужны были деньги.

- Давай денег, - предлагал он префектам, - я тебе чего-нибудь построю.

На что они совершенно резонно отвечали:

- Да если б были деньги, я бы и без тебя построил!

Тем не менее это не мешало В. Морозу оставаться самым главным застройщиком столицы, иметь самые серьезные подряды, за которые платило правительство Москвы, и, как мне кажется, в жуткой нашей повседневности и бескормице оставаться одним из самых благополучных подразделений в строй-комплексе.

Давно хочу взять у него интервью и каждый раз, увидев, уговариваю: Василь Василя, давай сделаем с тобой классную заметку. А он непременно отвечает отказом. Вот и теперь я подошел поближе и сказал:

- Василь Василя, давай окончательно договоримся насчет интервью, сам приеду.

- Да приезжай в любое время! - нисколько не смутясь, парировал Василь Василя. - Только интервью я тебе не дам...

- Как это?

- А вот так. Я не даю интервью уже больше 30 лет, можешь расценивать это как заговор молчания...

- Да мне хрен с ним, с твоим молчанием, - не отставал я. — Ты молчи себе на здоровье и дальше. Только интервью мне, как главный застройщик Москвы, дай. Назначь время...

- Согласен, но при одном условии...

- Каком?

- Ты напишешь, что Лужков, такой-сякой, работать заставляет, а денег не дает, перекидывает нас с объекта на объект, мы не видим перспективы, - ну и так далее против него.

- Договорились. По рукам?

- Да я ж тебя знаю! У тебя не заржавеет все так и написать, твои заметки читаю - острые они порой не в меру.

- Значит, будем считать, что ты испугался...

- Можешь считать и так, - подытожил Василь Василя и рысью рванул с места - оказывается, уже прошел сигнал, что Ю.М. поднимается в лифте, и он решил все обсудить по пути Ю.М. от лифта к кабинету.

Я не знаю, сколько по времени занимает этот отрезок пути, но думаю, не более полминуты. И на этом отрезке его отлавливают самые отчаянные “головорезы” - помните у Некрасова: прожекторы, искатели мест, и преклонный старик, и вдовича. Это утрированный, конечно, подход, но принцип похож. Те, кого он знает в лицо и кто не может пробиться в кабинет и кого ни под каким видом не запишут на прием или у кого самые неотложные, с их точки зрения, дела, ловят Ю.М. здесь - на отрезке в полминуты пути. Если не меньше.

Некоторых он выслушивает на ходу, с некоторыми останавливается на полсекунды, других просто посылает. Никогда я не встречал его на этом перекрестке, считая подобную тактику унизительной для себя и для него тоже. Я не искателен по натуре и лишний раз лезть на глаза просто не люблю. Да и не считаю нужным. Знаю одного мужика, которого вся обслуга Ю.М. терпеть не может - он достал всех и вся, выясняя где он есть, что делает в настоящий момент и скоро ли можно будет его перехватить. Сам видел, как народ в приемной начинал едва ли не блевать, когда входил этот басурман в двери. И даже в те моменты, когда его гнали взащей, он не терялся, а, оправившись, перся в приемную опять.

Поэтому я остался сидеть на своем месте, а целая команда ломанулась ему навстречу. Если учесть, что у него и на хвосте уже кто-нибудь сидел, то картинка получается довольно впечатляющая! Как он успевает в такой каше сориентироваться - уму непостижимо. Но ведь ориентируется!

Он вошел в приемную, обвешанный со всех сторон просителями - не в прямом, конечно, смысле, а теми руководителями, о которых я только что написал. Я поднялся навстречу, он подошел поздороваться, и я увидел, как он устал. Не знаю, каким был его день, но легких у него не бывает - теперь вот еще и в Федеральное Собрание надо ходить на заседания - и ведь действительно надо!

Повернувшись, он направился к двери кабинета, уже распахнутой предупредительной службой. За ним устремилось самое малое человека четыре - важнейший, кстати, момент для желающих во что бы то ни стало перекинуться словом с мэром. Пока еще сумбур в очереди и некая заминка, можно попытаться проскочить мимо бдительнейшей службы, не допускаящей никого, кроме тех, кто имеет право входить в лю-

бой момент, если он не перекрывает кран посещений. А тут стоит возникнуть пред его очами, попросить несколько секунд, которые вам нужны для решения - ну неотложного вопроса, получить согласие, - и смело можете входить вслед за ним в кабинет.

Получить в таком случае согласие нетрудно - в тот самый момент, когда вы пытаетесь попасться на глаза, его наверняка тербит еще кто-нибудь по аналогичному делу, и он едва успевает поворачивать голову. Трудно помощникам разобраться в такой ситуации, и непонятно - кому он дал “добро” войти в заветную дверь, а кто получил полный отлуп. И нередко все ломаются следом, а уж если за ним и за тобой закрылась дверь, можешь быть спокоен - свои две минуты разговора обязательно поимеешь.

Словом, толпа вломилась следом, а я остался в кресле ожидать вызова. И он последовал довольно быстро, буквально через 20 минут. Со мной вошел Б. Никольский, а Ю.М. говорил в это время по телефону. Когда закончил, я подошел поздороваться, он показал глазами перед собой:

- Смотри, какой мне орден вручили! Сегодня буду с друзьями обмывать.

Я знал о том, что его наградили орденом “За заслуги перед Отечеством” II степени, хотя я бы ему дал и первой. Признаться, особого впечатления чисто визуально эта награда на меня не произвела - что-то легковесное наподобие жестянки. Не знаю, какими были награды во времена Романовых, но смотрятся они на мундирах довольно внушительно. Впрочем, может, и нынешний смотрится так же, если его надеть на мундир тех времен.

К ордену еще и знак: крест под эмалью с двуглавым орлом на красной ленте - вот он почему-то показался мне более солидным, хотя размером гораздо меньше.

Видно, не могут никакие власти обойтись без подобных игрушек. После 17-го года заменили всю атрибутику на новую, теперь меняем новую на старую, а власть переменится на прежнюю?

- Не переменится! - сказал Ю.М. убежденно. И - вошедшему Ресину: - А ты орден свой взял? Надо ведь в стакан опускать, когда обмывать будешь...

- Взял, - ответил Владимир Иосифович, - он у меня в машине. Нам, кстати, уже пора, народ будет волноваться...

- Сейчас идем... А ты знаешь, что Федеральное Собрание не пропустило ни одного закона Думы?

- Нет,- ответил В. Ресин.

- Тут мужики собрались, что надо! Они ведь отвечают за то, что принимают и с чем им придется работать завтра на территории, поэтому и не штампуют все подряд, не то, что Дума, где популизма больше, чем разума...

Мне показалось, что ему нравится бывать на заседаниях Совета Федерации, поскольку это восстанавливает допущенную когда-то по отношению к нему несправедливость. Ну разве можно вызывать в зал заседаний и пытаться шельмовать на трибуне лидера столицы государства, как это было во времена хасбулатовского Верховного Совета? Правильно он их послал тогда.

Замечу еще, что беседа наша не проходила в тепличных условиях - то и дело кто-то входил по неотложным делам, а В. Шахновский с огромной папкой пытался урвать полторы минуты, но был отправлен.

- Уйди, Василий, - с чувством произнес Ю.М. - Ничего не получится, мне давно пора...

- Ну, тогда в лифте, - не успокоился Василий Савельевич, вернее, успокоился только тогда, когда Ю.М. ответил:

- В лифте - пожалуйста...

- А ты знаешь, я сегодня три гола им забил, - с удовольствием выговорил Ю.М., когда Шахновский удалился. - Все ноги, мне, правда, побили. Вот такой синяк, - сложил он две ладони ковшиком.

Потом встал, заложил руки за голову:

- Так, все на сегодня.

- До свидания, - поднялся я, понимая, что больше ничего здесь не выжму.

С магнитофонной ленты

Не генерал, а рядовой

- Я считаю Совет Федерации важным органом управления государством, одним из главных катализаторов законотворчества. Поэтому мы подготовили свою программу и будем активно участвовать в его работе. Я сам собираюсь активно участвовать в качестве рядового члена Совета Федерации.

Один из первых вопросов, который, на мой взгляд, должен здесь обсуждаться, - это корректировка Закона о местном самоуправлении. Закон, принятый предыдущей Думой, неприемлем по многим своим принципиальным положениям, отрывающим структуры власти и управления друг от друга на самом нижнем уровне управления, но и одновременно - самом главном. Этот закон, если не провести корректировку, принесет колоссальный вред обществу.

Я не хочу выступать снова в качестве какого-то оракула, но напомним: мы возражали против принципа, который господин Чубайс объявил и решил реализовать при проведении приватизации. Правительство города в одиночку сражалось с этим самым Чубайсом, прекрасно представляя, каковы могут быть результаты от такой приватизации в городе. И они не замедлили сказаться.

И сейчас я очень обеспокоен тем, что, если закон будет принят, он развалит всю систему местного самоуправления, не предоставив ей хоть какой-то перспективы.

Второе - это бюджет. Вот главное, что нас интересует во взаимодействии с органами государственного управления.

Третье: инициативы в принятии законов по борьбе с преступностью. Я считаю, что понимание ситуации в обществе есть, мы сыты по горло, теряем человеческие жизни, имущество людей и прочее от всяких бандитов, бомжей и так далее. Необходимо усилить борьбу с бродяжничеством и попрошайничеством, от которого в первую очередь страдает Москва - в городе тысяча пожаров в год происходит по вине бомжей и бродяг. Они пьют, курят и засыпают на чердаках и в подвалах, сгорают сами и сжигают дома.

Глава 2

НАКАЗАНИЕ ВЛАСТЬЮ

От автора

Представьте себе нормального прежде советского, а теперь непонятно какого человека, который имеет дом, семью, дачу, друзей. Любит рыбалку и охоту, в удобное время ездит в отпуск с семьей, а если увлекается женским полом, то и с подружкой.

Какой бы пост ни занимал такой человек, он всегда недоволен властями: контейнер с мусором под окном горит день и ночь, крысы в мусоропроводе замучили, в подвале вода, зимой в квартире холодрыга, а летом постоянно отключают воду.

Да плюс ко всему “метро не ходит, в такси не содют, а автобус вообще... “. Побрызжавши, доживает человек до лучших дней и забывает о своих неприятностях, а до чужих ему дела нет и никогда не было.

Но есть в Москве и в стране люди, которым дело до всех до нас. Они считают деньги в городской казне, добывают их правдами и неправдами, чтобы купить вагоны для метрополитена, оплатить отраву для крыс, заменить текущие трубы отопления и водопровода. Это они выслушивают сотни посетителей, для которых не существует иных проблем, кроме их собственных, и принимают ответственные решения в каждом конкретном случае, стремясь проникнуться заботами просителя.

Можно до бесконечности перечислять обязанности людей, призванных обеспечивать быт жителей больших и малых городов, создавать приемлемую среду обитания и атмосферу спокойствия. Это люди при власти. И чем больше власти, тем больше забот и хлопот, тем меньше свободы. Зачем же в таком случае стремятся к ней многочисленные соискатели - можете

вы задать совершенно справедливый вопрос, и я вам отвечу: абсолютное большинство по невежеству и от незнания существа предмета, к которому стремятся. А меньшинство - из желания принести пользу людям, городу, стране.

Таких немного, но они есть - я делаю этот вывод, наблюдая на протяжении многих лет за деятельностью Ю. Лужкова на тех постах, которые он занимал с момента появления в доме на Тверской, 13 в 1987 году.

У него ведь к тому моменту все было. Без чьей-либо помощи прошагал он по крутым ступеням карьеры, стал руководителем крупного объединения, членом коллегии союзного министерства, - что еще надо? Мог стать и министром, и еще Бог знает кем. А стал нашим мэром. И каждую субботу вместо рыбалки и поездок с семьей на дачу мотается по стройкам и объектам, проводит планерки, летучки и совещания - дожимает, уговаривает, наказывает. И каждое воскресенье разгребает огромную папку с почтой, читает те глупости, которые мы сочиняем, добиваясь для себя то того, то пятого, то десятого.

И каждый вторник отчитывается перед москвичами в прямом эфире, проводит заседания правительства, на которых определяется тактика и стратегия городских властей на ближайшее время и на перспективу. И так - изо дня в день, из года в год.

Нет, граждане, согласитесь: властью не награждают, властью наказывают.

С магнитофонной ленты

Мы - равноправные партнеры

- А что касается власти, то ее у меня всегда хватало, и не такой это вкусный пирог, как некоторым кажется. Кстати, хотел бы я посмотреть на человека, который осмелится дать точное толкование такого понятия, как власть. В общем смысле власть - это возможность определять поведение людей с помощью авторитета, права, насилия, которое может быть экономическим, политическим, государственным, семейным и прочим. Весь этот букет мы еще недавно имели в полном ассортименте. Когда государственная власть добивалась угнетения народа с помощью идеологического воздействия, имела мощный аппа-

рат подавления и принуждения. Конгломерат из государственных и партийных структур, подавляющий структуры хозяйственные, отдавший в руки высшего партаппарата абсолютную власть над всем и вся, еще, по-моему, ждет своих исследований.

Хочу заметить, что в последние годы философия власти значительно изменилась, изменились отношения народа и власти. Все большее число граждан понимают, что государственные деятели должны не править народом, а служить ему. Те органы власти, которые раньше мы называли вышестоящими, на деле следовало бы назвать далее стоящими от народа.

В ближайшие годы мы будем продолжать совершенствовать отношения городской общины и власти. Это должны быть справедливые и четкие, фактически контрактные отношения. Смотрите, до чего мы, как говорится, уже дошли. Заказчиком в этом социальном контракте, естественно, выступает городская община, а исполнителем - органы и учреждения правительства города. При этом мы имеем в виду не только четкое определение содержания услуг, предоставляемых населению Москвы, но и справедливое, ясное и логичное правило определения цены услуг. Правило здесь простое: нет оплаты - нет услуги, соответственно, нет услуги - нет оплаты. Контрактный же подход означает, что власть собирает налоги и взимает платежи не в ущерб интересам граждан, а для их же пользы. Не подумайте, что я, как гоголевский городничий, утверждаю, что вдова сама себя наказывает налогами.

Если горожанам нужно, чтобы вывозился мусор, убирались улицы и ремонтировались дома и дороги, их право принять решение, делать ли все это за свой собственный счет или консолидировать эти средства в городском бюджете. Очевидно, что решение о консолидации средств они примут только тогда, когда им будет ясно, что это выгоднее. Никакой другой критерий здесь играть роль не должен. Именно поэтому мы говорим о том, что городские налоги взимаются для пользы граждан, но эта польза, конечно, зависит от правил и условий, на которых горожане вручают исполнительной власти свои свободные, заработанные нелегким трудом деньги.

Ни одна копейка не может поступить городским властям, если не определено точно, на что она должна быть потрачена.

При этом городская власть в ответе перед горожанами за выполнение двух условий: во-первых, общее бремя налогов должно справедливо распределяться между всеми гражданами, а во-вторых, нужно стимулировать снижение цен и повышение качества предоставляемых услуг.

Правда, при заключении контрактов между властью и гражданами большое значение имеет то, кто будет представлять интересы сторон. Если мощной, хорошо организованной власти будет противостоять отдельный гражданин, о равноправном договоре говорить не приходится. Именно поэтому мы планируем развивать местное самоуправление - не стихийно, не наскоком, не преследуя только цель любым способом, но срочно осуществить демократизацию общества, а спокойно, шаг за шагом, разумно. Мы будем оценивать каждый свой шаг в режиме обратной связи и делать новый, только всесторонне обдумав и обсудив его, чтобы не впасть в крупную ошибку при реализации управления общественными процессами в государстве. Москва уже имеет самоуправление: и глава исполнительной власти - мэр, и представительный орган - городская Дума избираются прямым тайным голосованием на альтернативных выборах.

Ничего подобного прежде не было. Давайте вспомним. Разве раньше москвичи имели возможность решать, кого они хотят видеть своим лидером? Разве мог он раньше рассмеяться, услышав топанье ножкой с “федерального уровня”? Разве раньше могли горожане так открыто и так всесторонне обсуждать ошибки, промахи и недоработки городской власти? Разве могли избиратели объективно оценить, хорошо или плохо эти власти им служат? Разве раньше мы могли хотя бы заикнуться о том, что ресурсы Москвы: земля, налоги на имущество - должны служить людям, а не приноситься в жертву несбыточным утопиям? Разве была у вас возможность выбирать наилучшего из нескольких поставщиков одной и той же услуги? Разве раньше была возможность у гражданина самому определять меру труда и меру потребления без вмешательства “мудрых” посредников в виде государственных надсмотрщиков? И наконец, разве могли мы прежде построить хотя бы один миллион квадратных метров жилья без федерального финансирования, самостоятельно, за свои деньги? Список можно продолжать -

все эти “разве” в корне меняют и стимулы и возможности для каждого, на каком бы посту он ни работал.

В городе никоим образом не ущемляются гражданские свободы или свобода средств массовой информации. Город имеет собственный устав, отвечающий стандартам, признаваемым Организацией Объединенных Наций. Однако Москва - слишком большой город, и ей нужны наиболее приближенные к народу уровни власти, которые должны подписывать контракт, оценивать объем и качество работы, платить деньги и приводить в действие конкурентный механизм. Это очень большие изменения во взаимоотношениях населения и власти. Такую систему нельзя создать. Она может только возникнуть. Ведь самоуправление - это не комитеты пенсионеров при домоуправах. Задача мэра, правительства города - во взаимодействии с городской Думой создать такие условия, при которых самоуправление само возникнет в Москве как мощный фактор устойчивого развития города. И я думаю, что этот этап без достаточной подготовки очень торопились ввести некоторые радикальные объединения и партии. Но для Москвы, которая постепенно движется к реализации задач самоуправления, такой этап, причем не навязанный какой-то структурой власти, теперь настал. Оно только поддерживается ею, а возникает он снизу, исходя из готовности нашего общества к этому необычайно важному процессу - созданию полной структуры, полной пирамиды общественной системы управления городом.

Главная же задача городской власти состоит в том, чтобы создать условия, при которых каждый здоровый, дееспособный, активный человек может найти или создать рабочее место, обеспечивающее ему и его семье достойное существование. И лишь тот, кто не может позаботиться о себе, должен стать объектом социального попечительства.

Вся тысячелетняя история нашей страны выработала у россиян привычку полагаться на заботливое начальство в надежде на то, что только оно может сделать народ счастливым. Несколько последних поколений россиян жили в условиях высокой социальной надежности и стабильности. С одной стороны, это определило ряд позитивных моментов в материальной и духовной сфере, но, с другой стороны, по мнению многих, активно стимулировало коррупцию и сковывало инициативу

предприимчивых граждан. Не оспаривая деморализующего действия уравниловки, следует, однако, заявить, что складывающееся сейчас расслоение не имеет ничего общего ни с социальной справедливостью, ни с экономической целесообразностью. Оно взрывоопасно и может дорого нам обойтись. Долг руководителей Москвы - максимально выправить положение. Сбалансированность личной ответственности и социальных гарантий достигается лишь при соблюдении двух принципов: ни один человек не может быть лишен права на достойную жизнь. Если же по объективным причинам гражданин не может обеспечить себе такую жизнь, о нем обязано позаботиться общество; ни один человек не может получить социальную поддержку, если нет уверенности в том, что он делает все, что в его силах, чтобы не быть обузой для общества.

Это возможно только в богатом городе, а главное богатство города - это богатство горожан, возникающее благодаря их производительной деятельности во взаимодействии с городской средой. Поддержание специфической городской среды стоит доброго, но это совершенно необходимое условие. Сумма благ, производимых в городе, зависит не только от времени и интенсивности труда. Повышение стоимости воспроизводства рабочей силы, ухудшение любых элементов инфраструктуры, повышение уровня преступности, ухудшение экологической ситуации и другие проблемы не только влияют на наши эмоции, но и играют практическую роль. В зависимости от состояния дел эти факторы приносят убытки. Доходы, получаемые или, наоборот, теряемые казной из-за изменения цены земельных участков, - один из важнейших объективных показателей качества работы городской власти.

Создание справедливой экономической системы и продуктивной городской среды, действующей в интересах граждан, невозможно, если наряду с перечисленными экономическими правами граждане не будут иметь социальных обязанностей, материальным выражением которых являются налоги, устанавливаемые демократическим путем.

Здоровая социально-экономическая среда обязательно предусматривает дополнительную социальную ответственность для граждан, обладающих значительной собственностью. Необходимость этого не только обоснована многовековым опы-

том человечества, но и постулируется всеми религиозными концессиями. Создав здоровую основу для частной инициативы, нам надо лишь помогать объективно нуждающимся в этом гражданам, учить их, если нужно, лечить, а также принуждать всех к исполнению законов, принятых на основе демократического согласия. Все остальное граждане делают сами.

Принуждение - очень нежелательный элемент общественной организации, но без него граждане не могут чувствовать себя в безопасности, спокойно владеть богатством, общественные нужды не могут быть оплачены. Нам необходимо не только совершенствовать наше умение принуждать к уплате налогов, но и вести серьезную работу по повышению престижности этой важнейшей общественной функции.

Справедливое распределение налогового бремени и других платежей будет постоянно находиться в сфере внимания мэра и правительства Москвы. Здесь мы предполагаем использовать все наше влияние на законодательные процессы в городе и на федеральном уровне, с тем чтобы перенести основное налоговое бремя с тех, кто много производит, на тех, кто много потребляет. Речь идет прежде всего о потреблении городских ресурсов. Это земли, энергия, недвижимость. Мы будем в полном объеме использовать для этой цели наши конституционные права законодательной инициативы. Очень большая и непростая работа нам предстоит в более справедливом распределении платежей за коммунальные и другие индивидуально потребляемые услуги. Существующая система огульного дотирования не является справедливой. Больше дотируется тот, кто больше потребляет. Мы должны постепенно добиться такого положения, когда каждый горожанин напрямую, без всяких дотаций оплачивает то, что он потребляет. А уровень зарплат и других доходов семьи позволяет обеспечить экономный и справедливый уровень потребления.

Оговорился ли я, сказав "справедливый уровень потребления"? Разве кто-то по справедливости имеет больше прав потреблять, чем другой? Нет. Речь, разумеется, не идет о потреблении национальных богатств - здесь все граждане равны. Более того, те, кто попали в беду, кто объективно - по возрасту, по состоянию здоровья и другим обстоятельствам - не могут сами себе обеспечить достойный уровень жизни, имеют даже

некоторые дополнительные права. И мы стараемся их осуществлять по отношению к тем, кто сегодня не в состоянии трудиться, - пенсионерам, ветеранам, многодетным семьям, матерям-одиночкам, студентам, которые хотят учиться, но не имеют по семейным обстоятельствам средств для продолжения учебы, и так далее.

Но я отказываюсь понять, почему тот, кто произвел и продал (я подчеркиваю - продал) согражданам больший объем товаров и услуг, должен иметь такой же уровень потребления, как и тот, кто проиграл в этом состязании. Ведь граждане своими деньгами проголосовали за право первого потреблять больше. Если мы оспорим это право, мы, быть может, и победим богатство, но не избавим страну от бедности.

При этом городская власть не может служить источником богатства горожан. У городской власти никогда не было и не будет средств, чтобы наделить всех граждан паями. Все, чем распоряжается городская власть напрямую, взято у горожан. Только труд, инициатива и предприимчивость могут обеспечить устойчивый прирост благосостояния. Городская власть должна лишь создать и поддерживать условия роста.

Мы активно благоустриваем Москву, развиваем ее инженерную и деловую инфраструктуру, черпаем свою силу в деловой среде. Но мы отчетливо понимаем, что делаем это не столько для себя, сколько для следующих поколений москвичей. Только тогда, когда новое, освобожденное от груза прошлых привычек, в том числе и груза общественных привычек, в организации общественно-политической, социальной системы возьмет верх, только тогда необратимо утвердится и новый строй в городе или в государстве. Этот строй можно назвать демократическим, или, что более привычно, социально-рыночной экономикой.

Думаю, что сейчас только очень дремучие люди могут рассчитывать на то, что из руководящих органов страны во все организации и учреждения, каждому человеку, поступит план мероприятий по переходу от командной к рыночной экономике. Нам сейчас дана только возможность это осуществить, а вот осуществить в полном объеме и завершенном виде никто, кроме новых молодых сил, пожалуй, не сможет.

Если мы хотим, чтобы экономика служила человеку, а не абстрактной идее, граждане в своих действиях должны руководствоваться соображениями пользы и выгоды - личной пользы и личной выгоды. Это мощные и проверенные стимулы; но они приводят к процветанию городов и стран только тогда, когда действуют в здоровой социально-экономической и налогово-правовой среде. Стать богатым в такой среде можно, только поставляя товары и услуги, нужные гражданам, пользующиеся у них спросом и не наносящие при этом вреда окружающей среде, здоровью людей или общественной морали. Не будет преувеличением сказать, что ключевым вопросом экономической реформы является именно создание среды, благоприятствующей развитию инициативы и предприимчивости, привлечение естественных интересов граждан к решению задачи роста общественного благосостояния.

Это тем более реально сейчас, когда открылись недоступные прежде в нашей стране возможности самим, за счет инициативы и предприимчивости, за счет привлечения частного капитала, решать проблемы, которые не решались в городе в течение последних 20 лет. И меня это радует. Конечно, мы утратили многие рычаги управления, к которым привыкли. Мы не являемся больше единственными распорядителями городских богатств, мы - равноправные партнеры с частным сектором. Мы не можем послать граждан на овощные базы за счет ни в чем не повинных предприятий, мы можем только заключить с ними добровольный договор, мы не можем заставить производителей продавать товары себе в убыток, стимулируя их интерес внеэкономическими методами, мы можем только воздействовать на свободные цены с помощью налогов, субсидий, манипулируя товарными запасами и применяя другие экономические методы.

Для многих эти перемены, эти методы непривычны. Но мне сейчас, честно говоря, не жалко прежних методов, которые хотя и были простыми, но не позволяли обеспечить процветание города. Вот уж действительно простота хуже воровства. Новым методам можно научиться. Новизна совсем не помеха. Зато сейчас действуют факторы, которые превращают граждан и городские власти в дееспособных участников важнейшего процесса развития города.

Из дневника 14 августа 1991г среда

Ни под кого не стелется

Не вижу Ю.М., не слышу, не общаюсь. Долетают какие-то осколки сведений о деятельности городского правительства. Моя приятельница, побывав на одном из заседаний, звонила, расстроенная. Озабочилась вдруг судьбой тех людей, что живут в пригороде и которых предполагается отселять в связи со строительством коттеджей для богатых.

- Они же уезжать не хотят, - твердила она, на что я резонно заметил:

- В правительстве ведь не дуrolомы нынче сидят. Не станут они людей мордовать и насильно сгонять с мест. Уверен: им сделают такие предложения, от которых они не откажутся.

- А как он (Ю.Лужков. - *Ред.*) себя ведет, ты бы видел! Орет, только что не топают ногами, - вот что власть с людьми делает!

- Да у него всегда власти хватало...

- И стелется под Гаврюху, интервью дает разнузданные. Посмотри в "Курантах", в "Вечерке"...

- Не стелется он. Характер - сама знаешь. А вот что уважает - это, по-моему, точно. Несколько раз я был свидетелем сцен, из которых и делаю такой вывод. И что тут плохого?

- Ничего. Только противно.

- Ерунда все это. Город до сих пор не гэпнулся навзничь только потому, что эти ребята держат руль в руках. Не будь их - давно оказались бы под откосом - в этом я абсолютно убежден.

А сам между тем подумал: скорее всего ей обидно, что связи, налаживаемые десятилетиями, выпестованные и культивируемые, уходят, уплывают, рушатся. И не по ее вине - по независящим обстоятельствам. Может, и рада пересесть на этой переправе на другого коня, да возраст не тот, и атмосфера, и воспитание, и окружение. И вообще. А связи и влияние иметь хочется, жизнь продолжается. Можно понять.

Из записных книжек

Кризисные моменты

По инициативе руководства Моссовета летом 1990 года состоялась информационная встреча московского депутатского корпуса, на которой выступил Г. Попов с программой выхода из создавшегося кризиса по основным направлениям жизнедеятельности города.

На встречу пригласили членов Межрегиональной депутатской группы, из них создали комиссию, которая была призвана обобщить предложения с мест и соображения депутатских фракций. В комиссию включили Хасбулатова, Н. Федорова, Станкевича, Музыкантского, Черепанова и Крылова. С докладом о текущем моменте и путях преодоления выступил Г. Попов.

Он заявил, что в стране стремительно разваливается старая плановая экономика, а новая пока не создана. Остановился и на проблеме дележа госсобственности, напомнив, что компартия ни одного рубля в нее не вложила, но тем не менее МГК, например, имеет гостиницу “Визит” и сдает в аренду. Альтернатива: то ли структурные звенья КПСС все захватят, то ли демократический дележ. Иного не дано, и хотя примеров подобного рода в мировой практике не имеется, нам предстоит это пережить как переходную форму на пути к рынку.

Политическая ситуация характеризуется переходом правоцентристской коалиции в левоцентристскую, в стране отсутствует демократически избранная исполнительная власть, неясна ситуация и с властью судебной, а без этих двух ветвей власти возможен путь к диктатуре.

Что касается Москвы, то здесь налицо два мощных кризиса: табачный и хлебный. Вновь избранные советы не имеют опыта работы в отраслях городского хозяйства, не могут переломить неблагоприятную ситуацию. А она складывается из нескольких составляющих: во-первых, из количества и качества сырья для производства табачных изделий, а во-вторых - из состояния фабрик.

Сократились посевы табака в Армении, Молдавии, Узбекистане, поэтому необходимо провести ярмарку и вернуть на этот рынок традиционных российских поставщиков - Тамбов и

Моршанск. Необходимо по импорту закупить бумагу, фольгу и фильтры, но денег на это нет.

Еще в 1969 году табачные фабрики страны числились среди передовых предприятий, но пять лет назад Г. Алиев отказал Москве в валютных средствах, поскольку прекратились поступления в бюджет от продажи алкоголя. В результате имеем то, что имеем: сырья на фабриках осталось на 6 дней работы. Предусматриваются премии работникам, автомобили, валюта на ремонт оборудования, а также привлечение оборонных предприятий к реконструкции фабрик, которую можно провести в течение полутора лет.

А до того? Нужно ввести талоны. Но если даже всю валюту при этом потратить на закупку табака - то и тогда дело труба. Выделенных средств хватит, чтобы закупить 40 миллионов пачек, что на 7,5 миллиона взрослых москвичей сушая мелочь. Примерно полтора миллиона из них передадут свои талоны членам семей. Все, кто не получит сигарет, возьмут сахар. Или заказ на Новый год. Кроме того, планируется проведение лотереи для женщин с косметикой и бельем, возможна и молодежная лотерея.

Зарезервировано от 5 до 10 миллионов пачек для студентов на сельхозработках, 200 миллионов пачек "Явы" предполагается продать по коммерческой цене, то есть по рублю, а деньги пустить на реконструкцию фабрик и направить в особый фонд по доплате к пенсиям инвалидам и малообеспеченным семьям. Намечается ускорение приватизации в этой отрасли.

Хлебный кризис обусловлен схожими причинами: оборудование для хлебопекарной промышленности эксплуатируется по 50 - 60 лет, основные фонды отрасли проела, и заводы останавливаются - на них просто некому работать, люди уходят. В свое время в пекарне Филиппова платили больше, чем на заводе Гужона, лимитчиков не стало, а москвичи не дураки, чтобы в таком аду, как хлебозавод, работать за копейки.

Уже предприняты меры по преодолению кризиса. Общественное питание отказалось от белого хлеба, муку эту пустили в продажу. Выделили на зарплату 5 миллионов рублей, но она все равно не превышает в отрасли 400 - 450 рублей. Планируется введение альтернативной службы для призывников, которые изъявляют желание трудиться на хлебозаводах. И конечно, стра-

тегия: переход на мелкие пекарни, где у владельцев будет приоритет личного интереса. Нерентабельные булочные пусть торгуют еще и коммерческими сигаретами, чтобы хоть как-то себя поддержать.

Как стратегическую совещание определило задачу сохранения потенциала демократии и руководства советами, а также децентрализацию управления городом. Кроме того, предлагалось усилить исполнительную власть среднего звена управления и административную - путем прямых выборов мэра.

С магнитофонной ленты

Все выполнимо

- Сейчас даже трудно поверить, что может возникнуть ситуация, когда в киосках не будет сигарет. А ведь из-за табачного кризиса - вы хорошо это помните - в Москве чуть было не начались массовые беспорядки. Конечно, и сейчас есть дефицит, но только одного товара - денег. Но поскольку товар этот один, а способов заработать деньги много, сделав ставку на инициативу и предприимчивость, товар этот получить можно. Значит, настало время инициативных и предприимчивых людей. Вот почему я проявляю оптимизм относительно наших планов. Результаты нашей работы, особенно последних двух лет, накопленный нами опыт и созданные заделы позволяют оценить эти замыслы как чрезвычайно сложные, но вполне выполнимые.

Для того чтобы добиться выполнения намеченных планов, нам нужно прежде всего обеспечить более полную преемственность руководства на всех уровнях - и в Москве, и в России. Пора кончать с нашим обычаем при появлении малейших трудностей ломать все до основания. Если мы будем все время ломать фундамент, у нас рано или поздно поедет крыша.

Главная гарантия осуществимости наших планов - повышение экономической мощи города за счет реализации системы стратегических установок, ориентированных на радикальную коррекцию сценария реформ. Мы должны проводить реформы не ради реализации абстрактных принципов, а ради пользы и выгоды российских граждан.

Из дневника 9 июня 1991 г., среда

Трое в майках

Люди на высоких постах, что прежде, что теперь, редко испытывают чувства, похожие на обязательность. Может, потому, что считают свой пост значительным, а все прочие - мелочью. Или, во всяком случае, менее важными. Много раз приходилось мне убеждаться в справедливости такого вывода, но вот Ю.М. эту мою убежденность не однажды уже поколебал, поражая тактичностью своих поступков. Некоторые утверждают, правда, что он таков лишь по отношению ко мне. Думаю, это ерунда. Притворяться долго человек - любой - не может. Поэтому верю в искренность дел и слов Ю.М. Тем более - что ему во мне? Переступил - и пошел дальше...

Сижу как-то у него в кабинете довольно поздно, говорю какие-то слова, кажется, про майки с надписью "Антарктида", которые имеют, по утверждению самого Ю.М., лишь три человека в Москве, - кроме него самого, еще А. Чилингаров и Ю. Сенкевич.

- Ты знаешь, Артур Чилингаров в приемной сейчас. Может, пусть войдет, не помешает? - И смотрит на меня вопросительно.

Причем я уверен: если бы я сказал, что помешает, он бы его не пригласил.

- Конечно, нет, - ответил я, не задумываясь, а чуть позже мысленно отреагировал: надо же, на таком посту мужик, а меня, мелочь пузатую по сравнению с ним, спрашивает,

И еще был случай. Звоню ему из дома поздно вечером, он в это время говорил по другому телефону, а меня спросил:

- Ты откуда звонишь? Из дома? Тебе удобно будет перезвонить позже?

С магнитофонной ленты

Истоки

- В мое время учеба не была таким первостатейным делом в глазах родителей, каким стала позже. Стремления во что бы то ни стало выучить детей у родителей не было, семь классов закончил - и в ремеслуху. Часто шли на шофера учиться, на то-

каря, фрезеровщика. Редкая семья - из нашего двора только две - заставляла детей учиться в институтах.

Заставляли, как правило, матери, а не отцы. Моя мамаша боготворила людей грамотных, может, поэтому после седьмого класса попал я в школу-десятилетку, что у Павелецкого вокзала. На всю жизнь запомнилась мне классная руководительница Нина Николаевна Сеницына. Не знаю, какую она получала зарплату, но мне кажется, что всю ее отдавала на нужды учеников - посещение музеев, картинных галерей. Тогда я впервые побывал в Третьяковской галерее, музее имени Пушкина - впечатления те живы до сих пор. А начальная школа была через дорогу. Лужи не просыхали ни летом, ни зимой. Рядом со школой расположилась пивнушка. Два пожилых еврея, Гриша и Аркаша, торговали пивом, водкой, закуской. Здесь же была и проходная завода, мужички, выходя со смены, прикладывались. Некоторые теперь говорят: пьяных было тогда мало. Были, и немало.

Как водится, тут же и мы крутились, молодая поросль - девки, ребята. И забавы у нас были под стать времени — самые разнообразные, порой до жестокости. Железная дорога - под боком, снаряды везли на ней на фронт и с фронта. Стащим, бывало, снаряд с платформы, сунем в костер и ждем, пока рванет. Рвало так, что углы домов выворачивало. Поджиги всякие в моде были, шпаги из проволоки - чего только не было.

Как-то купил за кило сахара у Линусика с нашего двора ружье старинное - то ли с латунным, то ли с медным стволом, боек ему приделал, приспособил резину вместо спускового крючка. Не знал только, сколько порошу в патрон набивают, думал - под завязку. Набил два патрона, лист железный нашел - и айда с пацанами на водокачку - пробовать. Нажал на спуск - и больше ничего не помню, память отшибло напрочь. Очухался - вижу, все пацаны вокруг лежат, ложе моего ружья в щепках, лист железный весь дробью прошит — сработало! А что никто не пострадал из нас серьезно - слава Богу! Повезло.

Вообще-то пальнуть всегда тянуло, может, война закончившаяся действовала, может, инстинкт какой - не знаю. Только желание стрельнуть было неистребимо, прямо чесотка какая-то, честное слово!

У нас дома ружье в комодѣ хранилось, мать ушла на работу, а комод не заперла. Хотя, замечу, в доме никогда ничего не запиралось, высока была ответственность членов семьи друг перед другом, хоть голод всех и всегда в то время преследовал неотступно.

Не смогли мы удержаться от соблазна, когда ружье вдруг оказалось незапертым, прихватили мы его - и в погреб. Странно теперь, но почему-то он располагался рядом с выгребной ямой, забрались мы в него, зажгли свечу - и как шандарахнули!

Народ вокруг перепугался, соседи подумали, что снаряд взорвался, но это нас не остановило. Перебежками вернулись в дом и из форточки бабахнули из второго ствола по вороне, что сидела на дереве напротив окна. И так случилось, что женщина одна в это самое время белье развешивала, бросила все и с диким криком “трабят!”, “убивают!” кинулась в дом.

Потом, убедившись, что бандитов нигде нет, она потихоньку пересекла двор, схватила свой таз - и пулей обратно. А вскоре выяснилось, что стреляли “бандиты” Лужковы, хоть мы и замели следы - ружье почистили и спрятали, рожи соорили постные, невинные. Но разве родителей обманешь? Так что святая расправа ждала нас после возвращения с работы матери и отца.

Летом любили мы подразнить милиционеров купанием в неположенных местах, хотя теперь понимаю - правильно нам запрещали купаться в Москве-реке. Грязь, мусор, нефть, презервативы, зараза всякая плавала в воде, но это не мешало нам окунуться в летнюю жару. Мы собирались, выставляли боевое наблюдение, и, как только милиция появлялась, над рекой несея крик: “Атанде!” - “Внимание!”, если перевести с французского.

С той поры одних шрамов от порезов стеклом на ногах у меня и теперь не счесть.

Но однажды милиционерам, видно, надоело играть с нами в прятки - никак не могли нас отловить. Только приблизятся, а мы прыснем, как горох, в разные стороны, только нас и видели! И вот как-то милиционер спрятался в кабине полуторки, а водитель притормозил возле наших шмоток на берегу, сержант их подхватил и сидит ждет спокойненько, дескать, теперь-то вы никуда не денетесь. Так и вышло. Приползли мы к нему - все десять чумазных мордах, а он нам - фигу с маслом, а

не одежду. Открыл борт машины, поставил всех в кузов и медленно-медленно на виду у всего честного народа повез до отделения милиции в Кожевниках.

Каким только боком мы не поворачивались к веселящейся при виде этого зрелища публике! Да разве спрячешься? Казалось, что не только те, кто на улице, плятятся на нас, но и **весь** народ вокруг прилип носами к стеклам окон - во какое зрелище! Позор, конечно. Но ничего, пережили и забыли, снова начали воевать с милиционерами.

Впрочем, не только с ними. Была у нас и такая забава - дразнить пожарных. Разожжем, бывало, костер под дверью пождепо, дверь чем-либо подопрем и ждем, когда они начнут выскакивать. Тогда мы - врассыпную!

Но однажды они нас здорово наказали. Депо их было двухэтажным, с плоской крышей - с одной стороны высокая стена, а с другой - низкая. Мы любили влезать на крышу - и далеко видно, и пожарных лишний раз подразнить хотелось. А они как-то забрались по пожарной своей лестнице с низкой стороны и стали нас теснить к краю высокой. Деваться некуда: либо сдаваться на милость победителей, либо прыгать на шлак, кирпичи, стекла, что валялись под стенами. И кроме того, высота приличная, прыгать рискованно. Но сдать означало быть битыми, и мы все, как один, решили прыгать. Прыгнули в общем удачно, один только парень ногу сломал.

Конечно, похулиганить мы были горазды, как, наверное, все пацаны такого возраста. Ацетилен добыть, сделать гремучку, рвануть - все было. Но - не воровали. Ждали, когда с хлебозавода вывезут шлак, чтобы покопаться в нем, попробовать отыскать куски обуглившегося теста.

По весне мать лепешечки нам всякие пекла с травой съедобной - крапивой, лебедой, кореньями разными - все годилось. И развлечения были весенние. Крюком снаряжали железный лист, цеплялись за автобус - и айда по набережной до картонажной фабрики. Ни один водитель не успевал нас настигнуть - пока остановит автобус, выйдет, а нас уже и след простыл. Ищи, свищи. Правда, однажды чуть не доигрались. Лист на ходу стал так сильно раскачиваться, что его то и дело выносило на встречную полосу. Вынесло в очередной раз, смотрим - а навстречу полуторка мчит со страшной скоростью...

Из дневника 6 июля 1991 г., суббота

С натуры

Встреча была назначена заранее, Юрий Михайлович пришел от Г. Попова около четырех, увидел меня с товарищем в приемной, на ходу бросил:

- Привет, молодые люди.

Однако когда мы поднялись со своих мест, подошел, поздоровался за руку.

В 16.30 он должен был встречаться с делегацией Израиля, времени было в обрез, но он и за минуты успевает немало.

Когда мы вошли, Юрий Михайлович наставлял В. Карнаухова (бывший министр торговли. - *Ред.*).

- Учти, в каждом округе префект должен подобрать шесть человек, а ты - порекомендовать ему своего Карнаухова. Маленького...

И тут же другому чиновнику по поводу подготовленного решения, которое Ю.М. одновременно с заданием своему министру просматривал:

- Ты, б..., все делаешь наоборот, - в сердцах, но не зло, отреагировал он на документ. - Ты хочешь меня обмануть... Напиши в решении два слова "бюджет префектуры". Все, ступай.

По внутренней связи почти одновременно что-то поручил А. Музыкантскому, своему заму.

По городскому телефону выговаривал министру П. Сапрыкину:

- Что ж это вы третью партию проиграли! - укоризненно заметил он, имея в виду встречу по волейболу в Лужниках.

Только подсел к нам, как заглянули два организатора встречи с израильтянами:

- Иду я, иду...

Он всегда в цейтноте. Как если бы летел в командировку: чемодан не уложен, а между тем автомобиль уже у подъезда, трап у самолета, и еще осталась тысяча недоделанных дел.

И среди них то, с которым пришли мы - организация службы распространения печати.

- Это крайне необходимо, - подчеркнул Юрий Михайлович. - Все киоски забиты коммунистическими изданиями, дру-

гие газеты вынуждены толпиться у порога рынка печатной продукции.

Я понял потом: его друзья - демократы очень обеспокоены этим обстоятельством, взяться за такое аховое дело никто из них не хочет и не может. Те, кто при власти, надеются только за счет своего поста получать дивиденды, те, кто к ней стремится, пока не в состоянии создать что-либо серьезное. Не могут.

Из записных книжек

Простите нас, Андрей Дмитриевич...

Вчера подхватились и полетели с приятелем к Юрию Михайловичу по тому же вопросу распространения периодической печати. В приемной народ. Осмотрелись. Вместо огромного портрета первого Ильича на стене - слабенькая картинка, изображающая Спасские ворота, стену, кремлевских курсантов, отправляющихся на почетный когда-то пост № 1 у Мавзолея. Но - большая и пока просто приставлена к стене.

Чуть позже, у “правительственного” туалета, мы обнаружили целый склад снятых в кабинетах “Ильичей” - все огромные, в золотом багете, полотна. Так городские власти отреагировали на указ Б. Ельцина о департизации государственных учреждений, предприятий и прочих структур на территории республики. Кажется, порядковый номер этого указа - 14-й. Суть его в том, что партия должна работать по месту жительства, а не на производстве. Ю. Феофанов в “Известиях” поддержал, а коммунистическая пресса взвыла: “Путь к диктатуре, народ обижен, ветераны не в строю, за что боролись...” И прочее, и прочее...

Понятно: 70 с лишним лет прошлой диктатуры якобы пролетариата, а на самом деле партаппарата теперь забыты, вроде как ничего подобного не было. Если партийное руководство надо осуществлять по месту жительства и после работы, то какого хрена станут делать чиновники парткомов, райкомов и Цек-Ков? Кому звонить? Какие давать “цеу”?

Борьба, конечно, далеко не окончена, она только началась. Вряд ли партия коммунистов сдастся так просто, хотя распад ее стремителен - на четыре с лишним миллиона уменьшилась она за последние годы, а скоро уменьшится еще на трех членов -

мы с двумя приятелями вчера решили - я, правда, уже давно, только что не написал - выходить из рядов. Один же из нас заявление написал, но никак не отвезет по месту учета, может, передумал. Хотя взносы не платит почти год. А может, ему отец сказал: погоди, дескать, неизвестно, что будет завтра.

Самое страшное, что может быть “завтра”, - это призыв национал-коммунистов бить жидов и спасти Россию. А национализм попер сегодня изо всех щелей и страшнее зверя, по-моему, нет. “Память” со своей газетой, “Молодая гвардия” с приложением под названием “Наши”, погромы в Кашине и Алапавске - все это результат прежней национальной политики КПСС, провозгласившей в свое время, что наций нет, есть “новая общность - советский народ”. Такой идиотизм благословлялся, а теперь об этом никто не вспоминает.

Понятно, что, написав “КПСС”, я не имею в виду те миллионы рядовых коммунистов, к которым отношусь и сам. Другое дело, что я такой же трус, как и прочие. Видел, знал, чувствовал, но - молчал. И очень хорошо понимаю теперь, почему больше половины записок на венках у дома А.Д. Сахарова содержали всего четыре слова: “Андрей Дмитриевич, простите нас...”

Как хорошо понимаю, почему просил прощения у народа патриарх Алексей II - много чего понимаю, но жизнь не возвращается к истокам, и каждое новое поколение делает свои, хотя и на 99 процентов похожие на отцовские ошибки. А может, потому и живет еще человечество?

Когда мы были у Ю.М. в прошлый раз, он своему сотруднику сказал: ты хочешь меня обмануть. И слова эти очень симптоматичны. На заседаниях правительства, которые проводит он каждый вторник, начиная с 10 часов утра, то и дело выплывают не подготовленные к реализации проекты постановлений по самым различным вопросам жизни города. Дело дошло до того, что он заявил журналистам: в его собственном аппарате существует мощное противодействие всем прогрессивным начинаниям, перекрываются все пути движения к рынку - тормозится приватизация, крайне медленно заключаются договоры на аренду помещений, не развивается малое предпринимательство. И это при том, что никто не заявляет вслух о несогласии с принятым правительством курсом. Разве что депутаты.

Но это понятно. Им хочется любым способом заявить о себе, во-первых, а во-вторых - Ю. Лужков не может их отстранить, скажем, от должности, если они не работают непосредственно в его аппарате.

Зато те чиновники, которые работают в аппарате, но не согласны, находят свои способы торможения, которые гораздо эффективнее пустых дебатов на трибунах парламентов. Да что чиновники! Обыкновенные технические служащие у телефонов приемных играют заметную неафишируемую роль в структурах высокой власти и значат порой для посетителя не меньше, чем сам хозяин кабинета. Они могут тебя не соединить, не заметить в приемной, не сказать, где начальник, - словом, имеют миллион возможностей указать вам ваше место.

Есть, например, такая игра. Вы пытаетесь дозвониться нужному начальнику, секретарь или помощник ласково говорит: хорошо, доложу, а вам перезвоню, будьте любезны оставить телефончик. Если вы не обивали достаточно порогов высоких кабинетов и не знаете правила такой игры - будете сидеть месяц, дожидаясь звонка. Потому что таких, как вы, сотни, а помощник один. Попад, наконец, в приемную, вы с удивлением обнаружите вдруг, что человек, обещавший неделю назад о вас доложить, точно такие же слова говорит всем страждущим. При этом он и не собирается отвлекать хозяина такими глупостями - докладывать, что кто-то домогается встречи или пытается соединиться.

Такая манера поведения - высший класс верховой езды в кресле секретаря-помощника - отшивать всех, не глядя на регалии, ранги, нашивки и прочую атрибутику. Но отшивать интеллигентно, не отказывая напрямую, а изображая участие.

Если же придется прорываться без предварительной договоренности, то помощнику нужно будет о вас докладывать - тоже целая наука. Коли захочет, чтобы вас приняли, вовремя вернет вашу карточку, выбрав подходящий момент - после обеда, звонка приятного человека и прочее. Не захочет помочь вам или боится получить нагоняй за несвоевременное вторжение - ни за что не пойдет докладывать, как бы вы перед ним ни крутились. Хотя, если крутишься перед глазами, деваться ему некуда - вдруг шеф действительно ждет вашей бумажки или вашего доклада по интересующему его вопросу.

И уж коль скоро речь зашла сама собой о высоких барьерах, дам бесплатно совет тем, кто не знает, как вести себя, попав через кордоны в нужный кабинет. Здесь также есть свои правила, нарушив которые, вы можете вообще в кабинет подобного ранга не попасть. С большими начальниками нельзя быть слишком нахальным, как бы начальник к вам ни относился, то и дело лезть ему на глаза, нельзя давать советы, что называется, в лоб. Говорить, допустим: а вы дайте команду такому-то... Каков бы начальник ни был, он имеет свое собственное достоинство, свои качества, не говоря уже об амбициях и претензиях. В любой момент он может вас послать, заметив: я бы советовал мне не советовать.

Поэтому подсказка - а начальники в них нуждаются не меньше подчиненных - должна быть мягкой, ненавязчивой: “Вы знаете, я хотел бы с вами (ни в коем случае - “вам”) посоветоваться. Нельзя ли мне сделать то-то и так-то...” А уж когда скажут, что можно, просите, что вам нужно, но только пояснив, что уже сделано в этом направлении. Иначе начальник станет думать, что вы хотите проехаться за его счет. А это наверняка не понравится.

Конечно, в подобной весьма тонкой игре нельзя переигрывать и терять чувство собственного достоинства и собственную гордость. Вы должны свое дело знать и делать его лучше любого начальника. Тогда он станет с вами разговаривать.

Впрочем, я вижу, что отвернул несколько в сторону от первоначально заявленной темы - о противодействии премьеру в аппарате, который вечен, как бюрократизм и взяточничество на Руси. Меняются под ударами политических бурь и общественных потрясений владельцы больших кабинетов и обширных приемных, но средний чиновник остается на своем месте - любому начальнику нужны, кроме своих людей на ключевых позициях, просто исполнители. Десятилетиями их выращивала система, как некие монокристаллы с определенными свойствами - малую толику этих свойств я перечислил выше. Но есть и более высокий ранг людей, которые и теперь, после всех перемен в Москве, остались на своих местах и по-прежнему обслуживают высшие структуры власти. Поменять их невозможно, нужны десятилетия. Нужны совершенно иные условия в обществе, иные подходы, комплекс мер, что обеспечат уничтожение

коррупции, пронизавшей аппарат всех учреждений снизу доверху, и системы взяток. Но этого, наверно, избежать никогда не удастся. Чиновники берут во всем мире, и управы на них не найдено.

С магнитофонной ленты

Не ходи к гадалке

- Сегодня зло взяточничества стало более опасным, чем вчера. Чиновники, как часто называют их журналисты, или работники различных аппаратных структур, несколько лет назад отчаянно боялись нарушить какие-либо нормативы, законы из-за партийного гнева. Объективно говоря, страх потери партбилета означал страх потерять работу, и это, нужно признать, было мощным сдерживающим началом при злоупотреблениях. Это тот фактор, который нынче перестал работать. Должны бы начать вместо него действовать экономика, суды. Но ситуация складывается так, что суд, как таковой, другие правоохранительные органы из-за обилия возникших в нашем новом государстве проблем, из-за нарушения законности, правил, нормативных актов, связанных с хозяйствованием, практически ничего не предпринимает в этом направлении. И в результате появился негативный момент: чиновник все меньше боится, все больше надеется воровать безнаказанно, рассчитывая, что никто его не достанет.

Я называю это вторым моментом, поскольку пошел второй этап реальной либерализации экономики, хотя либерализация законов, по которым экономика должна действовать (запись от 21 октября 1991 г. - *Ред.*), не пошла. И многое через перекося принципов демократизации жизни приравняется к вседозволенности, к полной анархии и в экономике.

Но тот, кто так считает, впадает в громадное заблуждение, с этим надо кончать решительно и быстро, потому что общество развалится в экономическом плане, произойдет полнейшая деструкция.

А коль чиновник перестал бояться, нужны новые методы борьбы со взяточничеством и коррупцией. Какие? Прежде всего, государственный служащий не должен работать в сферах предпринимательства, частных фирмах, коммерческих структурах.

Кроме того, чиновнику надо много платить. Наконец, активнее, быстрее должна идти приватизация, чтобы у государст-

ва, а значит и у чиновника, не оставалось рычагов давления и рычагов, через которые он мог бы осуществлять коррупцию во взаимодействии с предпринимательскими структурами.

Разрешительный порядок во всех сферах хозяйственной, административной деятельности должен существенным образом сократиться, если хотите - со временем просто умереть. Разрешительная нынешняя система - питательная среда для чиновника, где и проявляются его нездоровый интерес, мздоимство, взяточничество.

Конечно, рано или поздно рынок утвердится, частный бизнес достигнет определенного уровня развития, государственное регулирование резко сократится. Но это при дальнейшей капитализации нашей экономики, хотя многие почему-то боятся этих слов. Думаю, бояться их не надо - от объективной оценки происходящего в обществе и в экономике нам будет только легче.

На сегодняшнем же этапе нужно ужесточить борьбу с коррупцией через правоохранительные органы, принять соответствующие законы в парламенте. Резко ограничить государственное право регулирования взаимоотношений государства и бизнеса, отобрав разрешительные функции у чиновников. И, наконец, до предела упростить, упростить до полного понимания простыми людьми, которые обращаются к чиновнику, все инструкции, все положения, все регламенты и прочие документы этого порядка.

Рассмотрим другую ситуацию: когда человек распоряжается своим, ему без всяких условий можно полностью доверить принятие решений, ведь это его собственное. Если он редко ошибается, если быстро принимает пусть рискованные, но безошибочные решения, то быстро выиграет в конкурентной борьбе. Время при этом имеет колоссальное значение, недаром говорят: "Время - деньги".

По иной схеме работает государственный чиновник, который распоряжается чужим. Если дать ему право принимать рискованные решения, то сбудется вековая мечта Козьмы Прутова. Помните, как он говорил: "Спокойствие многих было бы надежнее, если бы дозволено было относить все неприятности на казенный счет"? Цитирую по памяти.

Поэтому есть большой соблазн опутать лиц, принимающих решения в общественном секторе, огромным количеством вся-

ческих правил, процедур и ограничений. Как показала мировая практика, стоимость процедуры принятия решения становится просто гигантской, а времени на это уходит в 300 раз больше, чем в частном секторе.

При этом вероятность ошибочных решений не только не снижается, а даже увеличивается. Дело в том, что такие сложные процедуры снимают личную ответственность за конечные результаты труда, но они страшно живучи, потому что создают большое количество спокойных, высокооплачиваемых рабочих мест.

Смотрите, как все ясно! Но никому еще не удалось эту болезнь даже начать лечить, я уж не говорю - вылечить. Если мы хотим подлинной, здоровой конкуренции между частным и общественным сектором, мы должны поставить государственного чиновника и частного предпринимателя в сходные условия. Нужно дать чиновнику возможность принимать самостоятельные решения, но одновременно и увеличить его ответственность за конечный результат.

Я не понимаю, почему частный предприниматель, принявший ошибочное решение, прыгает со сто первого этажа небоскреба, а чиновник, принявший ошибочное решение, всего лишь переводится на другое, часто даже более высокооплачиваемое место.

Я, конечно, далек от того, чтобы заставлять таких чиновников делать себе харакири, но что-то нам нужно придумать.

Из дневника

28 июня 1991 г., суббота

Едва вошел в кабинет, как обратил внимание на следы колоссальной усталости на лице Юрия Михайловича - таким я его вообще никогда не видел.

30 июля 1991 г., вторник

Пьем чай

- Чай будем пить? - спрашивает Юрий Михайлович, поздоровавшись.

Мы не отказались.

- А я сперва вот это, - показал он красивую коробку, из которой достал порошок в упаковке.

- Что это? - чуть не в один голос спросили мы.
 - Не знаю, лекарство какое-то принесли, - ответил он и высыпал содержимое упаковки в стакан. - Третий день уже температура, черт знает что...
 - Небось на стадионе простудились, - предположил я.
 - Да нет. Хотя в футбол играл.
 - И зря. Нельзя с температурой...
 - Ну, ладно, - остановил он эту неблагоприятную тему. - Лучше вот что скажите: люди неоднозначно оценивают нашу акцию по продаже с аукциона лицензий на прописку. Хотя мы и выручили два миллиона. А как вы?
 - Народ не привык, ему хочется “по брежневу”. А вы могли выручить не два, -а все двадцать миллионов, если бы не заложили стартовую цену, отпугнувшую покупателей.
 - Теперь сделаем ее вполовину меньше. Рынок есть рынок...
- Помню, много лет назад пришлось побывать в Совмине России еще в старом здании на Делегатской улице. Дамы в накрахмаленных наколках величественно плавали там по коридорам, обнося высокопоставленных государственных чиновников с ярко выраженным чувством своей высокой ответственности перед народом и перед отечеством.
- У Ю.М. чаепитие обставлено скромно. Самовар, пакет с печеньем, сахар от “Аэрофлота”. И никаких наколок. Нормальный рабочий ритм ненормального, нетипичного государственного деятеля. Я слушал Гришина, Промыслова, Сайкина, брал интервью у Рыжкова, Лигачева, Бочарова. Видел “в деле” Ельцина - никто из них в моем представлении не способен составить конкуренцию Ю.М. в деле организованности, ответственности, скорости реакции на события, а может быть, и в их предвидении.
- Он предсказал безработицу уже тогда, когда ею и не пахло, предвидел развитие многих событий, для других деятелей явившихся впоследствии полной неожиданностью.

Из записных книжек

Когда согласия нет

Как продолжение темы об отношениях Ю. Лужкова с аппаратом, о том, как исполняются его поручения и готовятся документы, приведу пример попытки создания в Москве параллель-

ной “Союзпечати” сети распространения периодической печати, о чем, кстати, уже неоднократно упоминалось.

Трижды давал премьер задание своим службам по созданию альтернативной сети. Впервые - еще до августовских событий в Москве. Смысл создания подобной сети - в демонополизации системы распространения, принадлежавшей тогда “Союзпечати”. Жалоб со стороны независимых от властей и правительств изданий накопилось к середине 1991 года столько, что не реагировать московское правительство просто не имело права. Ведь, несмотря на настоящий бум периодики, в киосках по-прежнему на первом месте “светились” “Правда”, “Советская Россия”, “Московская правда” и другие официальные издания. С большими потугами шли к читателям “Демократическая Россия”, “Независимая газета” и даже “Московские новости”. Ответ руководителей “Союзпечати” на претензии был стереотипен: нет мощностей, киосков мало, людей не хватает, площади не позволяют и т.д.

Хотя совершенно очевидно: если киоскеру с каждого проданного экземпляра любого издания будет идти определенный процент от стоимости, то дело распространения рванет вперед со страшной силой. Но у нас, как всегда, работник на последнем месте, чиновник - на первом. Львиную долю заработанного за счет продажи периодики забирают центральные органы управления, копейки остаются непосредственным исполнителям. Интересы у них нет, экономика не работает.

И такое положение вещей было чрезвычайно выгодно партгосаппарату. Привыкший оболванивать народ грубой пропагандой, обрабатывать его изо всех идеологических орудий, он пользовался бесконтрольно и сетью распространения. Само же ведомство приспособило ее не столько для периодики, сколько для продажи всякой мелочи из товаров ширпотреба. И распространением печати занималось постольку-поскольку. Жило же (да и сегодня живет, хотя и под другим “флагом”) совершенно безбедно. А всякие попытки организовать иную структуру блокировались напрочь, думаю, не без согласования с горкомом партии.

Многие пытались прошибить эту стену - и отступали. Не только из-за противодействия со стороны партийных властей и ведомства, но и перед серьезностью задачи. Хорошо организо-

ванная структура должна быть обеспечена транспортом, киосками, помещениями, складами, горюче-смазочными материалами, наконец, кадрами. Шапкозакидательские настроения некоторых отчаянных лиц, пытавшихся свернуть эту гору, быстро менялись на упаднические. Нужна была серьезная поддержка правительства, чтобы это осуществить, нужен был человек, который смог бы это организовать и которому премьер мог бы доверить такую работу.

Один мой знакомый предприниматель предложил Ю. Лужкову свои знания и энергию в обмен на материально-техническое обеспечение альтернативной сети распространения. Ударили по рукам, был подготовлен проект постановления правительства, Ю. Лужков дал команду своим службам довести его до кондиции и представить на утверждение правительства.

И ничего не получилось. Председатель комиссии по гласности Моссовета, имевший, как я теперь понимаю, свой интерес в другой структуре, сразу сказал, что никакого постановления правительства не будет, подключайтесь к тому, что делает “Независимая газета”, тогда все решим. Кроме того, Московское отделение “Союзпечати” развило такую бурную деятельность, что чиновники, которым Ю. Лужков поручил заниматься этим делом непосредственно, ничего делать не собирались - лишь доказывали при каждом удобном случае, что реализовать предложение невозможно. Если, дескать, волевым порядком демонополитизировать “Союзпечать”, тогда центральные газеты, коммунистические издания откажутся от услуг альтернативных киосков, и сеть прогорит.

Прошло время. Вопрос всплыл снова. И снова родилось предложение - на этот раз без насильственной экспроприации имущества “Союзпечати”. И вновь было дано поручение, и вновь история повторилась - никто не стал готовить проект постановления правительства, несмотря на строгое указание его премьера.

Потом был путч, два дня тузы от “Союзпечати” ликовали, потом дрожали, потом сидели тихо, потом преобразовались в “Роспечать”, потом...

Потом еще на одном документе по тому же поводу Ю. Лужков наложил резолюцию - на уже готовом, со штампом Мос-

юрцентра, постановлении своего правительства. Дал день сроку, чтобы согласовали все его члены кабинета или написали обоснованные соображения.

И что же? Ответственный за этот участок работы заместитель премьера “спустил” документ на нижние этажи своей службы, где тот и умер.

Что же происходит в датском королевстве?

- Вы думаете все резолюции, наложенные Юрием Михайловичем, исполняются? - спросил меня как-то в частной беседе один из его министров. И хмыкнул: как бы не так.

А по-моему, так получается вследствие чрезмерной доверчивости премьера к исполнителям. Он думает, что его поручения тут же бегут исполнять сломя голову. Да ничуть не бывало! У чиновника аппарата всегда наготове самое малое десять причин для невыполнения поручения - от мигрени бабушки до проигрыша “Спартак”. Часто в газетах появляются заметки о борьбе двух, а то и нескольких организаций за нежилые помещения. И у каждой из них оказываются права, ордера, разрешения, подписанные, как правило, разными руководителями, в том числе и вице-мэром.

Он быстро загорается новыми идеями и готов всячески их поддерживать, помогать инициаторам. Среди которых, однако, попадаются просто недобросовестные люди, а то и жулики разного калибра. Или не оказывается грамотных, пробивных исполнителей - и идея потихоньку умирает.

При огромном штате, при громадных затратах на содержание аппарата не находится людей, которые строго следили бы за исполнением решений премьера, доводя их выполнение до конечного результата. И это при том, что сам он работает только на результат. А нередко и на износ.

С магнитофонной ленты

До какого состояния дойдем без газет

- Все меньше и меньше газет приходит в квартиры москвичей, в результате мы все в конце концов можем дойти до скотского состояния - просто жевать и спать. В этом всем деле сперва должна быть логика, а уже потом - сметы, тарифы и прочее.

Как это может быть, что произвести товар, то есть выпустить газету, стоит единицы, а перевезти его, доставить потребителю - в десять раз дороже? А это может быть по той простой причине, что связисты, используя свое монопольное право на доставку периодики, закладывают в основу своей работы расходный принцип. Он превалирует, и за счет этого растет цена - что в отдаленном уголке России, что в таком мегаполисе, как Москва. Но это разные вещи!

Кроме того, для связистов доставка газет - дополнительная услуга населению, договорная, а экономический базис должен складываться на основе выполнения государственной задачи по доставке почты. Почта должна работать независимо от того, поступил ей заказ на доставку газет или не поступил, почтовые работники обязаны вне зависимости от этого пять раз в день извлекать из почтовых ящиков корреспонденцию и обеспечивать ее доставку адресатам. А за дополнительную нагрузку - доставку газет - они должны получать 10 процентов к зарплате.

Доставку от 21 цеха Моспочтамта до отделения связи надо оплачивать полностью, а затем - как за дополнительную нагрузку. Оплачивать расходы на доставку должна государственная система, но не редакции газет и газетчики.

Можно таким образом констатировать факт двойной оплаты почтовикам за одну и ту же услугу - доставку почты и корреспонденции. И это предмет для разговора и принятия мер антимонопольным комитетом и органами представительной власти. Если не примем мер - задушим саму возможность чтения периодики москвичами.

А “пускача” из меня не получилось

- Для меня вопрос выбора профессии остро не стоял - отец работал на нефтебазе, люди, меня окружающие, также, трудились там, постоянно приходилось слышать разговоры о ней, и я решил пойти по отцовским стопам. Институт располагался в самом начале Калужской улицы, рядом с метро “Октябрьская”, здесь же был горный институт, другие учебные заведения.

Экзамены сдал без проблем, набрал баллов больше проходного и стал студентом нефтехимического факультета. Специальность же в то время была совершенно новая - автоматиза-

ция нефтеперерабатывающего производства. Новая, поскольку на предприятиях нефтехимии тогда применялись лишь приборы для замера температуры и давления.

Система же контроля и анализа была в зачаточном состоянии, хотя идеи бродили в головах ученых и производственников. Необходимость автоматизации химических производств была очевидной, хотя теперь-то я понимаю: автоматизация могла тогда основываться только на механических и электрических системах, так как электроника едва начинала свой путь на наших заводах.

Студенческая жизнь началась бурно. Как всегда, резкий переход от обязательного посещения школы к необязательному вроде бы посещению института сыграл не очень хорошую шутку. Тогда ведь такого контроля за посещением, который ввели позже, попросту не было - староста отмечал присутствие, редкий преподаватель перепроверял его. Конечно, мы тут же начали пользоваться предоставленной свободой, попросту прогуливать. Уходишь из дома как будто на занятия, а сам в кино, парк Горького, благо он рядом с институтом.

Студенческая жизнь захватила полностью, особенно, если учесть, что в школе девчонок не было, а тут мы учились вместе с ними. По вечерам устраивались танцы, хотя ходили на них бог знает в чем. Я, например, четыре года проходил в таком полупердончике трофейном типа осеннего полупальто. Причем таких бургерских размеров, что в него вполне могли поместиться двое Лужковых, хотя я был далеко не худеньким. Но пальто висело, как на скелете.

Еле-еле одолел первый курс, что вполне понятно при таком отношении к учебе. Думаю, закончил только благодаря хорошей подготовке в школе. В институте же учеба давалась легче. Две ночи не поспишь, поучишь в круглосуточном режиме - и твердая троечка обеспечена.

В первом семестре мы платили за обучение, потом стали платить стипендию - 300 рублей. Да еще триста я подрабатывал дворником. Все, однако, отдавал мамаше, у нас не принято было иметь карманные деньги в таких количествах. Хотя, конечно, брал я у нее больше, чем отдавал. Впрочем, как и мои братья. Наверное, таков удел всех родителей - отдавать больше, чем получать.

К концу второго года обучения понял: если так будет продолжаться, то мне не достигнуть поставленной элементарной цели закончить институт и получить диплом. Но ни о каких высоких должностях, чинах и прочем я не мечтал и к ним не стремился. Но честолюбие подогревало: чем я хуже тех ребят в группе, которые учатся хорошо?

Так, через два года вольготной жизни я понял, что при ней капитальных знаний не получу, и поэтому начал новую жизнь. Честолюбие подгоняло меня, я стал повторять то, что описал Джек Лондон в “Мартине Идене”, кстати, мне этот роман очень нравится.

В дополнение к ежедневному институтскому заданию я отматывал обратно катушку своих нетвердых знаний и учил. К концу второго года начал сильно удивлять преподавателей. Они ведь не знали, что сплю всего 4 часа в сутки, не знали, что буквально палкой мамаша каждую ночь гнала меня спать, перед ее глазами был пример соседской девчонки, которая не выдержала напряженной учебы и попала в больницу. Не секрет, однако, что, взявши зачетку студента, каждый преподаватель сперва смотрит, какие у него оценки, а потом начинает спрашивать. При этом он невольно ориентируется на своих коллег и больше четырех баллов мне сперва не ставили, но все зависело от меня. А, может, они думали, что это временное явление и скоро я снова вернусь на прежнюю дорожку.

Но я сдюжил. Перелом наступил через полгода, в очередном семестре, когда я вышел на уровень отличных оценок. Правда, однажды меня чуть не вышибли. Не знаю, что нами двигало, кроме желания пошалить, похохмить. Короче, с Витей Березовским, дружкой моим, пошли сдавать зачет по оборудованию не под своими фамилиями. Он прикинулся Лужковым, а я - Березовским. Причем никакой особой идеи в этом поступке не было, никаких, как сказали бы теперь, корыстных устремлений. Просто от избытка сил и молодости затеяли мы подобное действие. Но преподаватель, которому сдавали, нас вычислил. Это было нетрудно, так как мы ходили к нему на семинары, и он нас знал в лицо.

И подал докладную ректору. Такие штучки карались в то время сурово. Ректор Кузьма Фомич Жигач был добрейшей души человек, долго нас он расспрашивал: зачем один и тот же

зачет в одно и то же время сдавать одному и тому же преподавателю, да еще не под своей фамилией? Что мы могли сказать на это? Мы и сами толкам не знали, зачем так сделали. Словом, Кузьма Фомич нас понял, приказ о нашем отчислении не подписал, зато нас с Виктором этот случай здорово отрезвил - мы поняли, что переступили грань, за которой начинается недозволенное.

И продолжали с интересом учиться. Сопромат до сих пор помню, могу и сейчас балку рассчитать, эпюру построить, многое помню. Или взять такую чудесную науку, как металловедение, или лекции по приборам, нефтяному оборудованию. Среди преподавателей не было равнодушных людей, они были увлечены своими предметами, и увлечение их передавалось нам. Профессор Лапук, например, читал гидравлику. Наука еще та, сложная, сплошь формулы, режимы. И эту сухую информацию он подавал так, что к нему на лекции народ сходил, как на представление, - всегда было больше людей, чем числилось по спискам групп.

Помню случай, когда профессор завоевал большой авторитет, сказав всего одну фразу. Надо заметить, что занимались мы часто в неподходящих для этого условиях (снимали помещения, где находили), часто поздно вечером, в третью смену. Сидим однажды в аудитории - и свет погас. Самый подходящий случай себя показать, хотя на людей посмотреть невозможно. Студенты ведь не только интеллигентный народ, но еще и едкий. Вот один из однокашников в темноте громко заметил: "Темно, как у негра в..." Кто-то хихикнул, кто-то испытал неловкость, но остротнее всех оказался преподаватель. Он сказал: "Мне очень хотелось бы познакомиться с человеком, который везде побывал!"

Причем сказал он это след за фразой студента, тут же, не задумываясь, не воспитывая, не изображая обиженную нравственность. Можете себе представить, как вырос после этого его авторитет в студенческой среде, а случай этот еще долго имел хождение в Москве как анекдот.

Не однажды приходилось мне применять на практике полученные знания. И удивляюсь, когда говорят: институт ничего не дает, учиться, дескать, не обязательно. Ерунда все это! Если

знания глубокие, а работа связана с полученной специальностью, то применение знаниям обязательно найдется. Даже через много лет.

Как-то, когда я уже работал директором завода, позвонил министр нефтехимической и газовой промышленности. На Казанском заводе вышел из строя импортный прибор для контроля процентного соотношения олова и свинца в сплаве, предназначенном для пайки баллончиков под аэрозоли. Прибор этот давал показания моментально, на лабораторные исследования требовались сутки, а без контроля качества пайка давала плохие результаты, производство страдало.

Разбирать прибор было нельзя, и мы попытались “на глазок” определить принцип действия. Сообразили: обыкновенная термопара. Но как она может показывать качество состава, когда классически предназначена для измерения температуры? Несколько часов потратили на разгадку, пока наконец я не сообразил: внутри прибора не что иное, как эвтектическая смесь с концентрацией олова и свинца. Конец термопары запаян в этот состав и является эталоном для той смеси, что плавится в ванной завода.

Поздно ночью лаборатория проверила догадку, бегут вне себя от радости: Юрий Михайлович, кричат, получилось!

В министерстве даже не поверили сперва, а мы с этого момента вышли со своей фирмой на новый уровень отношений. Правда, довольно часто поступали совершенно провальные задания, просто безнадежные с точки зрения из реализации технически. Но мы старались, и многое получалось.

А вообще учеба мне запомнилась как большой и светлый праздник. Бывали всякие минуты. Например, выходила у нас подпольная газета, такая тетрадоочка, передаваемая из рук в руки, всякие штучки в ней публиковали. Пристал как-то комсомольский секретарь: покажите, дескать, что там у вас. Мы поняли: атас. Стали искать газетку побезобиднее, отдали, все на этом и кончилось, слава Богу.

Каждое время рождает свой взгляд на студенчество, условия их жизни. В наше время в основном это были бедные, малообеспеченные люди, зато веселые и бесшабашные. Если кто-то из ребят начинал выкобениваться, его быстро ставили на место.

Питались во время занятий пирожками, выходила крупная такая тетя каждую перемену, выносила пирожки с повидлом и мясом - полтинник все удовольствие. А кому нужны были деньги - пожалуйста, на линию, там заработаешь, чтобы потратить на вечеринку.

Пришлось побывать и на целине: когда учился уже на четвертом курсе, отряд из 57 человек отправился в Казахстан, возглавлял его известный теперь человек Владиславлев - он тогда в комсомоле заворачивал. Условия были невероятные. Я поранил руку, а до центральной усадьбы - 40 километров, естественно, никто меня туда не повез.

Приезжал в отряд член ЦК компартии Казахстана Беляев, убеждал, что надо хорошо работать, что очень важно собрать урожай. Я слушал-слушал, а потом и говорю: мы, дескать, сюда затем и приехали, чтобы не дать пропасть урожаю, нас подгонять не надо. И это была сущая правда, я даже знак получил "За освоение целинных земель" вместе с одноклассником Борисом Захаровым. Ребята потом его носили по очереди на экзамены: посмотрит преподаватель — целинник, глядишь, поблагечка выйдет. Хотя, как правило, такие трюки мало помогали.

Да, а Беляеву этому я и говорю: вы лучше скажите, почему здесь выращивают море пшеницы, а продают только ржаной хлеб с песком, от которого целый день на зубах хрустит. В автолавке - только конфеты "Золотой ключик" - на всю жизнь след оставили на зубах. Ботинок - и тех нет, хотя многие из нас порядком поизносились, бродили без обуви, зато у каждого карманы были набиты деньгами, мы бы сами себе могли все купить.

Реакция секретаря была моментальной: вы, дескать, работник тут временный, вам не положено никаких таких товаров, лучше бы слушали, что вам старшие говорят.

А вам бы, возражаю, постоять у штурвала комбайна, да пыль поглотать, да камни бы поотбрасывать, да зерно жевать из бункера вместо хлеба.

Он быстро свернул программу и с собой увез Владиславлева, требовал исключить меня из комсомола, передать протокол в институт, чтобы тоже выгнали. Саша Владиславлев собрал комсомольскую организацию, меня обсуж-

дали, но жожака не поддержали. Я со своим упрямством заявил: виноватым себя не считаю, Беляев не ответил на мои вопросы, вы все тому свидетели. Не очень настаивал и сам Саша на том, чтобы меня исключили. Ограничились замечанием, но преследовали меня до самой Москвы, говорят даже были попытки из Алма-Аты надавить на институтское начальство, чтобы меня выперли, но подробностей я не знаю. А может, учитывая, что учился я хорошо, они на все это махнули рукой.

Язык мой не раз меня подводил. Помню, однокашник Борис Стальнов пригласил отобедать у него дома, мы, ясное дело, не отказались. Отец у него был полковник КГБ, мамаша приветливая, все было хорошо до того момента, пока я не шмальнул про Сталина, про репрессии: дескать, он не должен нами так почитаться, как теперь. Полковник побелел, а жена его чуть не выронила из рук гору тарелок. Правда, и на этот раз все мне сошло с рук, хотя Борису, думаю, досталось. Чтоб знал, кого в дом приглашал.

Учеба закончилась как-то неожиданно, и не таким распределением, о котором я мечтал. А мечтал я пойти “пускачом”, то есть запускать автоматику новых комплексов, новых нефтяных промыслов, производств. Во сне видел себя в этой роли и все вроде бы должно было получиться.

Я шел на распределение четвертым и мог надеяться, что мечта осуществится. Ведь при распределении первый выбирал из списка то, что хотел, второй - кроме того, что выбрал первый, и так далее. Никто не позарился на мое место. Но едва я вошел, как мне сказали: а вас мы направляем на ВНИИпластмасс, поскольку пленум ЦК проголосовал за химизацию И прочее, и прочее. Я отказался. Это, говорю, несправедливо. И ладно бы метил на тепленькое местечко, а то ведь согласен был на грязную, тяжелую работу, лишь бы по душе. А мне: вы, товарищ, не понимаете задачу, поставленную партией и правительством. Идите и подумайте.

Примерно через месяц позвонила секретарша декана: Юра, говорит, ты можешь остаться без диплома, комиссия из министерства решает, что делать с теми, кто отказался. Я говорю: хрен с ним, пиши, что я согласен.

Защитился я легко, без напряжения, хотя много задавали всяких, в том числе и непростых, вопросов, я ответил на все.

Из дневника **16 августа 1991 г., пятница**

Так власть не берут

Пришел к Юрию Михайловичу с твердым намерением задать некоторые каверзные вопросы о работе городского правительства, на часах было уже начало двенадцатого ночи.

- Устал чертовски что-то сегодня, - сказал Ю.М., а мне показалось, что он еще и хворает, никак не оклемается после простуды. Вроде как шмыгал носом и весь был какой-то небодрый, что случается с ним крайне редко. В любой, по-моему, ситуации он в состоянии сохранить самообладание и принять решение.

- Машину вызывай, - нажал он кнопку помощнику и набрал домашний телефон.

- Представляешь, - повернулся ко мне, пока дома шли к телефону, - молодая жена сидит и ждет меня с шести часов вечера. - И он вопросительно посмотрел: дескать, тебе это понять или нет?

Мне было понятно, о чем я промолчал, подумал же о том, что ему с женой явно повезло. Думаю, впрочем, что и ей с ним. Вслух сказал:

- Мне ведь надо с вами как следует поговорить. Когда?
- А давай-ка во вторник, 20-го числа. Идет?
- Хорошо, - согласился я. Потом спохватился: - Нет, 20-го не могу, у меня юбилей!
- Тогда в среду, 21-го, в 21 час. Я записываю.
- Договорились...

26 августа 1991 г., понедельник

Утром в прошлый понедельник, 19-го, вернулся с зарядки, а жена испуганно вдруг говорит:

- Коллега твой звонил. Спрашивает: что случилось? Он что-то услышал по радио, вроде как Горбачева скинули.

Включил "ящик". По всем каналам - одна и та же заставка,

а потом диктор объявляет: Горбачев болен, вице-президент Янаев подписал указ об образовании государственного комитета по чрезвычайному положению.

Внутри у меня все оборвалось. Я не большой поклонник Горбачева, но он избран по закону и свергать, снимать, освобождать и прочее можно также только по закону. А тут - на тебе.

Металл в голосе диктора, текст заявления ГКЧП, в котором слова о наведении порядка, снижении цен, посулы 15 соток земли каждому желающему, подавление преступности. Ничего ровным счетом нового, кругом обман и безобразие.

- А этот мужик, - сказал я дочери про диктора, - покрыл себя навеки позором.

- Почему?

- Потому, что именно он согласился читать все это. Да еще с металлом...

Созвонился с коллегами, а после того, как объявили о закрытии средств массовой информации, понял, что остался без работы.

- Девочки мои, - сказал жене и дочери, - теперь вы будете меня кормить, пока не найду работу.

- Конечно! - в один голос сказали они. Потом добавили по-рознь.

Жена:

- Не бойся, мы тебя не оставим.

Дочь:

- Хорошо, что я не истратила свои деньги.

Чуть позже сын пообещал приносить в дом большую часть зарплаты, чего уже давно не делает.

Так я узнал, какая у меня замечательная семья.

Поэтому, когда приехал на работу, однозначно высказался на собрании, что на поклон к этим самозванцам и ворам, как называл их мой друг, приехавший из Курска специально на мой праздник, не пойдем и регистрироваться вновь, как они велят, не станем.

До этого собрания в редакции я проехал специально через центр, побывал у Центрального телеграфа, Моссовета и пришел к выводу, что "так" власть не берут. Танков видно не было, Красный дом функционировал, вокруг было спокойно. Я

сказал ребятам, вернувшись в контору, что все у путчистов произошло спонтанно, но, видно, ошибся. Буквально следом приехал один из наших корреспондентов и сказал, что у Лесного городка по Минскому шоссе стеной прут на Москву танки. И вспомнил: немцы шли не только по Волоколамскому шоссе, но и сбрасывали десант у Кубинки.

Состояние тревоги нарастало. К середине дня поехал снова в центр. На Манежной был митинг, встретил у памятника Долгорукому ребят из “Курантов”.

- Что там происходит?

- А уже ничего. Митинг кончился, народ сидит на бэтэрах, угощает солдат, уходить не собирается. Митингующие пошли защищать Белый дом на Красной Пресне, а вторая их часть - к Моссовету, - объяснили мне.

Так я понял, что малость опоздал и танки теперь уже на позициях. Атмосфера сгущалась. Наш редактор заметил:

- Как хорошо, что нас сегодня не вывезли из типографии в киоски “Союзпечати”. Представляете, в какой компании газет лежала бы сейчас наша? Потом бы не отмылись.

Единогласно постановили: в случае чего организовать новое дело, где надо работать руками, в комиздания наниматься не пойдем и служить самозванцам и ворах не станем.

К обеду 19-го числа по Москве уже были расклеены листовки с указом Б. Ельцина о неподчинении ГКЧП, народ кучковался вокруг агитаторов. Горком, видно, готовился, потому что у Долгорукого несколько ораторов призывали поддержать ГКЧП, а дядя-ветеран торчал с плакатом, на котором текст слов приветствовал наступающие времена.

В это же время или чуть раньше Ю. Прокофьев вызвал Ю. Лужкова, вернее хотел вызвать, чтобы вручить ему ключи от кабинета председателя ЧП по Москве. На что Юрий Михайлович, думаю, предварительно пославши, ответил решительным отказом и заявил, что едет в Белый дом к Ельцину.

Тогда Ю. Прокофьев вызвал Б. Никольского, человека в Москве также довольно авторитетного, партийного в прошлом деятеля, но он тоже отказался.

Однако все это я узнал позже, а 19-го к вечеру обстановка все еще была неясной. Кажется, именно вечером ГКЧП провел пресс-конференцию, на которой Бовин (тогда политобозрева-

тель “Известий”, ныне - посол в Израиле. - *Ред.*) задал Стародубцеву непонятный для того вопрос:

- Но вы-то как попали в эту компанию?

Видно, имел в виду следующее: в комитете собрались люди, никогда и ничего не умевшие делать, комсомольские в прошлом и партийные в недавнем функционеры. А Стародубцев, что ни говори, всегда растил хлеб. Не признает фермерства, единоличника, но это, извините, его личное дело. А к танкистам-то зачем?

Не знаю, что он ответил, не смотрел. Наверное, что-нибудь невразумительное. Зато про Янаева потом целый день рассказывали анекдоты. Оказывается, он только что не продемонстрировал по “ящику” свои мужские достоинства, а рассказать о них - рассказал. И что всеми якобы болезнями переболел мужскими, и жена на него не жалуется.

И такой вот идиот объявил себя президентом. Хотя ничего удивительного. Он ведь из комсомольцев, а то, что в среде вышших их чинов творилось в свое время, - не передать. Разврат и пьянство, воровство, кумовство и протекционизм, аморальщина и безнравственность, граничащие с подлостью, - все присутствовало в верхах этих наследников больших и малых престолов на Руси, на Украине и во всей бывшей метрополии.

Какое счастье, думаю, что никогда не стремился в эти структуры, даже до комсорга нигде не дослужился, судьба миловала.

Поздно вечером я ехал домой, еще не зная, что у Белого дома растут баррикады, что люди встали стеной на пути танков. Впрочем, не знал я этого и весь следующий день. Угораздило ведь родиться, да еще стать юбиляром! Проскочила и исчезла мысль о том, чтобы отменить намеченный праздник на работе и дома. Но было поздно: и на работе, и дома готовились к нему с большим тщанием, загодя, и не мог я обидеть родных мне людей. Хотя, если бы проявил твердость, они бы меня поняли.

И второе. После того, как редактор мой признался, что всю ночь с 20-го на 21-е число простоял на баррикадах, а мне не сказал специально, чтобы не сорвать юбилей, я долго размышлял над тем, пошел бы туда или нет. Конечно, задним числом ответить утвердительно легко. Но, видно, к тому моменту я все-таки не созрел нравственно для того, чтобы в первые же минуты рвануться на защиту российского правительства. Я не

бывал в рядах демонстрантов на митингах, организуемых прежде демократами. Не потому, что не люблю демократию. Просто в отличие от людей в их колоннах я довольно общался с лидерами движения, знаю многих, и у меня к моменту путча не было слепого доверия к их словам и действиям. Я не мог (и не могу, и не буду) истерически орать: “Ельцин, Ельцин!” - не потому, что он того не заслуживает, тем более теперь, а потому, что себя уважаю. И знаю, что Ельцин имеет вполне нормальные человеческие слабости и недостатки, которые, впрочем, при всеобщем поклонении могут стать ой какими опасными для самой демократии и для всего народа русского.

Если не ограничивать власть нормальными, жесткими, демократическими законами, то она может оказаться разнузданнее прежней, и тот же Ельцин станет “Сталиным сегодня”.

Народу, по-моему, все едино, кто им понукает, демократ или коммунист. Важно, чтобы никто не понукал, а давал жить. Получится?

Пока мы 20-го вечером выпивали и закусывали, редактор наш дежурил на парапете, в конце дня в Москве ввели комендантский час, но мои гости все равно стали разъезжаться, их никто не задерживал на улицах. Во всяком случае, никто из них на следующий день не пожаловался. Значит, в определенной степени час этот был чисто бутафорским, работа, проделанная за два дня Россией, москвичами, дала свои плоды. Не решившаяся на большое кровопролитие хунта была арестована, подробности были во всех газетах.

Меня, как вы помните, Юрий Михайлович записал на 21-е число, и я теперь понимаю: дурак, не поехал. Послушался редактора, который на мой порыв с утра 19-го сказал:

- Ну, куда? До тебя ли ему сейчас?

Поздравить же его лично я сумел только через 2 дня, после окончания путчевского “концерта”.

Из записных книжек

Кольнуть было легко

Удивительно, но факт: мне совершенно некуда втиснуться с тем, что хочется сказать, - документы выживают со страниц повествования, и это, мне кажется, лучше, чем ес-

ли бы было наоборот. Документ ведь ничем не заменишь, да и надо ли?

По поводу поведения Ю. Лужкова в дни путча “Вечерняя Москва”, начиная с 27 августа 1991 года, опубликовала целый цикл статей, шаг за шагом, час за часом и день за днем описывающих перипетии борьбы, его чувства и действия. Заметки шли под рубрикой “Ю. Лужков рассказывает” под заголовком “Момент истины” и вызвали большой интерес москвичей. Потом они были изданы отдельной книгой, а так называемая “Белая книга” (“Смерть заговора”) вышла в Москве и содержала документальные свидетельства тех поворотных дней.

Мне они показались значительнее “Момент истины”, может, по причине подлинности или потому, что в первом случае корреспондент просто “сфотографировал” рассказ действительно прекрасного рассказчика Ю. Лужкова, однако и самая блестящая устная речь - всего лишь устная речь.

Может, это придирки, а один мой приятель сказал даже, что я ревную к коллеге: дескать, не ты написал про это, а он. Ревности нет, а вот сожаление — откровенно - есть. О том, что не оказалось меня в те дни рядом с ним, и именно это не давало мне морального права писать на всех тогда интересующую тему путча.

Единственный вопрос, который я задал, готовя материал для газеты, звучал так:

- Рассказывают, что вы отказались взять в руки автомат, когда его предложили. Почему?

- Для начала хочу вас огорчить - никто не предлагал мне автомат. Но если на эту тему рассуждать... Вы ведь сравниваете меня с тореро, не так ли? Легко шпагой кольнуть быка, а вот заставить его со всего разгону влететь в бетонное ограждение стадиона - на это нужно мастерство. И какое!

Наша задача в период путча состояла в том, чтобы заставить до зубов вооруженного противника врезаться в бетонную стену живого противодействия организованных москвичей, а если бы этого не получилось, можно было бы попросить автомат.

Из дневника
27 августа 1991 г., вторник

Один-единственный наркотик

Вчера не успел сесть к столу и начать работать, позвонил мой начальник, поинтересовался, не звонил ли я Ю.М. по его делам. Я сказал, что нет.

Кстати, совершенно неожиданно он попросил меня позвонить Ю.М. накануне, в субботу.

- Послушай, - сказал начальник, услышав по радио объявление, что Ю.М. стал членом временного правительства, - как хочешь: звони ему домой, в машину, в кабинет, но скажи, чтобы он не уходил из города. Ты же понимаешь, что с нами будет, если он уйдет.

- Понимаю, но звонить не буду. Я ему домой никогда не звонил, не стану и сейчас. И потом, я убежден: большому кораблю - большое плавание. А то, что ты предлагаешь, - это глупость.

- Ну, ты так не горячись, - по-моему, обиделся на том конце провода человек, который считал себя самым умным, впрочем, не без оснований: - Ты подумай хорошенько, прежде чем решать окончательно, - добавил самый умный.

- Хорошо, - нехотя согласился я, кладя трубку.

Не успел, однако, приехать в контору - он меня нашел по телефону вновь. Приезжай, говорит, к шести часам в приемную, обещали, мол, устроить встречу. Потом перезвонил: приезжай еще швыдче.

Швыдче получилось лишь на полчаса. Приемная, как всегда, битком, сам проводит совещание по национализации имущества компартии. Накануне были опечатаны все здания ЦК КПСС, горкома, обкома, райкомов, а сама партия распущена отрекшимся генеральным секретарем М. Горбачевым. Моссовет взял здания под охрану.

Я видел записку депутата Бурбулиса Горбачеву, в которой говорилось о том, что вывозятся из бывших партийных резиденций документы и имущество. И просьба: дать право мэрии Москвы взять все под охрану. "У Лужкова сил хватит", — было написано на записке, и косая надпись черными чернилами: "Согласен. М. Горбачев. 23.08.91".

- Исторический документ! - прокомментировал текст записки и резолюцию на ней сам Ю.М., кладя в папку с надписью: “Белая книга”.

В кабинете со дня моего последнего визита заметных изменений два: мозаичное панно “Москва” работы З. Церетели появилось над столом Ю.М., и портрет Б. Ельцина, лежавший прежде поверх красной папки на столе, стоял теперь на подставке настольной лампы и, улыбаясь, смотрел на сидящих перед Ю.М. просителей.

Когда мы вошли, Ю.М. говорил по телефону.

- Ты знаешь, голова раскалывается, затылок напрочь трескается - лег вчера в 2.30, а встал в полседьмого, надо было к Силаеву спешить на совещание четверки. - И продолжал: - Нет, у меня к тебе просьба. Сделай мне к утру, к полдевятому, тезисы концепции вывода экономики из кризиса. Пусть я с ними не соглашусь, но сделай. Капай соплями, если простыл, но пиши.

Как оказалось, говорил с Е. Быстровым, работавшим в аппарате М. Горбачева и каким-то боком, во всяком случае так сказали по “ящику”, причастным к путчу. Думаю, если бы это было так, Ю. М. с ним дела иметь не стал бы.

- Мне видится тут четыре блока проблем, - продолжал между тем Ю.М., - вокруг которых надо крутиться, без мелочевки. И прежде всего, надо заменить центробежные силы в экономике центростремительными.

Пока говорил, зазвонил еще один телефон, и, видно, звонок был от человека, ему приятного:

- Ну что я тебе могу сказать, - довольно бодро начал Ю.М. - Как говорится, слухи о моей смерти оказались сильно преувеличенными! Да, на грани официального отказа!

(Мы поняли, что речь идет о назначении во временном правительстве.)

И почти тут же по городскому позвонил Ю. Афанасьев: Ю.М. положил первую трубку на стол, а не на рычаг, весело поприветствовал:

- Юрий Николаевич! Привет тебе, привет! Ну, что, все! Можешь со своими студентами занимать ВПШ, обеспечить охрану, выкидывая там всех!

Это, признаюсь, меня сильно насторожило. Нельзя произ-

вол одних менять на произвол других. И в том и в другом случае страдают люди, как правило, втянутые не по своей воле в битвы гигантов. Впрочем, в народных пословицах это давно отражено. Насторожили последние слова не только меня, но, видимо, и собеседника Ю.М., который заметил, что соответствующее постановление по этому поводу будет подписано только завтра с утра Г. Поповым или самим Ю.М.

- Слушай, - продолжал Ю.М., - ты ведь у нас депутат Верховного Совета Союза! И России? Так вы там смотрите, не упустите никого из этих сволочей! Это ведь не охота на ведьм, а могучее обновление общества! - с пафосом, ему, в общем-то, не присущим, закончил Ю.М.

Что, откровенно, мне тоже не понравилось. По-моему, его время от времени нужно останавливать, он умный, и если не раз в неделю, то уж раз в месяц точно себя спрашивает: а не дурак ли я? Хотя понять его именно сейчас можно. Наверняка был в числе тех, кто оказался в списках на уничтожение в первой волне.

В ночь на 21 августа вместе с молодой женой, - которой при нас позвонил и извиняющимся, каким-то не своим голосом пожаловался на боль в затылке, пообещал быть к 10 часам дома (что вряд ли у него получилось), - они были у Белого дома, вернулись утром. Как доложила разведка, при трех молодых, охранниках Гавриила Попова, Ю.М. "выкатил" им единственную бутылку "Зубровки" - все спиртное, что оказалось на тот момент в доме.

Понять его, повторюсь, можно, а останавливать необходимо, иначе сам будет не рад - при следующей встрече я обязательно это скажу. А в этот раз - не успел. К нему пришел еще один мой "крестник" - Ю. Скоков, первый среди пяти кандидатов в народные депутаты СССР, о которых я писал заметку в газете, самый первый материал о выборах.

Ю. Скоков шел в компании с А. Туполевым, А. Крайко, Р. Быковым. Он долго объяснял, как проехать на его фирму, за каким углом поворачивать и т.д. Кажется, в конце концов я прочитал ему заметку по телефону, он остался доволен. Но, по-моему, не победил. (Черт, что за инструмент - память!?)

Теперь он заместитель Силаева и, по-моему, уважаемый человек. Подошел, обнял Ю.М., - видно, сблизилась на баррикадах, - сел в сторонке, терпеливо дожидаясь своей очереди.

А Ю.М. в это время уже общался по телефону с депутатом Л. Шемаевым, который говорил, похоже, об имуществе КПСС, которое где-то растаскивают:

- Это мы сейчас уладим, - уверенно сказал Ю.М. - Не надо Баранникова, сами справимся. Хотя то, чем вы сейчас занимаетесь, - для меня говно, а не работа. У меня есть наркотик. Я в воскресенье ездил по городу, побывал на стройках школ, больниц, домов. Вот это музыка, вот это симфония, это красота. Здесь я вижу, как мои усилия - медленно, с потугами, с передрыгами - воплощаются в реальное дело, в нужное дело. Прежде всего - москвичам.

Нет, не собираюсь. (Видимо, речь опять зашла про временное правительство.) Силаев уже надувается, ставит вместо москвичей своих людей. Мне это не нравится. Пока москвичи мне верят - буду с ними. Скорее всего так...

Чуть позже другому абоненту объяснял: Г. Попов назначен представителем Б. Ельцина в Московской области - и добавлял:

- Ну ты же сам понимаешь, кто там будет работать. Если я обгажусь с продовольствием, то все. Я бы с удовольствием возглавил какую-нибудь другую отрасль. Например, культуру... Это безопасно, надежно... Не то, что продовольствие, - закончил он.

Наш весь комплекс вопросов он решал три минуты. Я чувствовал себя виноватым - домогался, а приперся неподготовленным, со старой информацией. Впрочем, мой начальник придерживался другого мнения, но оно его личное - пусть при нем и останется.

Из записных книжек

Пугнули комиздания

После путча вышло распоряжение властей о приостановке выхода партийных изданий. В одной из редакций я побывал 21 августа вечером. Давнишнюю мою приятельницу, проработавшую не один десяток лет в этой газете, застал в кабинете плачущую и причитающую:

- Посмотришь, что теперь начнется. Вы еще не раз вспомните этот день, вы его еще вспомните...

При этом она рвала бумаги, бросала куда ни попади - корзина и бумажный мешок были уже полны. На мой вопрос, зачем она это делает, ответила, что придут за бумагами вот-вот, будут наводить шмон.

- Да бросьте вы, - заметил я, - кто станет это делать?

- Станут, станут, - не прекращала она своего занятия и не переставала плакать.

Подошел сотрудник отдела, известный среди журналистов тем, что месяца два назад, на пятидесятом году жизни, вступил в партию назло всем.

- А у нас ЧП, нас вот закрыли, - в несвойственной ему манере, небодрым тоном сказал он.

- Подумаешь, закрыли, - в отличие от него довольно бодро отреагировал я. - Мы вот тоже два дня были закрытыми. Как закрыли, так и откроют.

Потом мы сидели и пили шампанское, они благодарили, что мы с коллегой пришли к ним в этот тяжелый день. Кстати, никто из них нам даже не позвонил, когда прихлопнули нас.

С магнитофонной ленты

Плюс капитализация

- Когда несколько лет назад заговорили о необходимости перехода к рынку, по сути - о капитализации экономики, многие рядили саму проблему в розовые одежды: смотрите, дескать, как хорошо у них там в условиях рынка. Но те, кто так говорил, забывали, что мы - это не "они". Сами же руководители, призывавшие здесь к рынку, были не так сильны, как те, кто там управляет государствами. Именно поэтому в последние годы допущена, с одной стороны, масса ошибок на пути к рынку, которые вместо облегчения принесли новые тяготы народу.

В нынешних условиях главное, что нужно понять нам всем: рынок - это поляризация возможностей, в том числе и в условиях жизни людей. "Усредниловки" он не допускает, как и понятия "социальная справедливость", трактуемого часто у нас как уравниловка. Самое главное состоит в том, что либерализация частной собственности и частной инициативы неминуемо приведет и к возникновению капитала, и к определенной дифференциации доходов.

В какой мере это согласуется с представлениями россиян о социальной справедливости, допустимо ли, нужно ли это для здорового развития? Наш ответ на эти вопросы состоит в том, что в определенных условиях нужно и то и другое. Какие же это условия?

Само понятие капитала долгое время в нашей стране было жупелом, которым, как детей страшными сказками, пугали взрослых людей. Как молитву повторяли мы заклинания о том, что с развитием капитализма увеличивается обнищание трудящихся, все чаще возникают циклические кризисы производства и происходят многие другие беды. Нам даже не разрешалось задать себе простой вопрос: почему же массово нищающие в капиталистических странах трудящиеся в среднем живут лучше, чем трудящиеся в стране, где “все во имя человека, все для блага человека”? Дело в том, что общие выводы Маркса - правильные - относились к той форме капитализма, которая была в его время. И к тем правилам владения капиталом, которые были тогда. Но капитал капиталу рознь. Есть капитал производительный, работающий по практической схеме “деньги - товар - деньги”. Люди, набравшись опыта после многих кризисов и неудач, в совершенстве научились так управлять его развитием, что наряду с ростом производительного капитала происходит рост общественного благосостояния. А есть другой капитал, работающий по другой схеме: “деньги - сырье - деньги”. Словом “сырье” я здесь называю все то, что не нужно создавать трудом, но можно тем или иным способом присвоить.

Второй, паразитический, капитал растет не за счет производства товаров и услуг, а за счет присвоения чужого - прежде всего, ресурсной ренты — и другого общественного богатства. Для существования паразитического капитала почти не нужен труд, и потому цена труда на рынке падает.

Если же какой-то человек стал богатым в ходе создания производительного капитала, его богатство является оправданным в глазах общества. Любой, кто хочет стать богаче, имеет в своих руках простое средство: достаточно произвести товары и услуги дешевле или лучше конкурента. Особой нужды в криминальных действиях нет, зато жизненно необходимы стабильность и законопослушание. Производительный капитал в разумной налогово-правовой среде не может существовать без

среднего класса, без производства товаров и услуг, без конкуренции.

Для производительного капитала жизненно необходим труд, и он приобретает на рынке особую цену. В этом секрет процветания и стабильности таких стран, как США, Германия, Япония, и других. Существенно, что найденные человечеством правила функционирования производительного капитала наилучшим образом согласуются с естественными интересами людей. Есть законы природы, Адам Смит переложил их на общественные отношения, а кто-то для удобства назвал это капитализмом.

Совсем по-иному дело обстоит, если человек стал богатым на основе паразитического капитала. У него нет иного основания для этого, кроме силы, а это, в свою очередь, значит, что никогда не кончатся кровавые попытки перераспределения капитала. Это будут разборки или на уровне мафиозных кланов, или на уровне государственных территориальных образований. Стабильности не будет, пока всей страной не завладеет один криминальный клан и не превратит ее в полицейское государство, которое ему нужно для того, чтобы управлять этой новой, приобретенной таким способом собственностью.

Если мы хотим жить в здоровом и процветающем городе, в котором низок уровень преступности, в котором надежно защищены права и имущественные интересы граждан, мы должны, прежде всего, подавить условия для развития капитала паразитического и создать условия для развития капитала производительного. И не бояться этих понятий - капитал и капитализм.

Из дневника *29 августа 1991 г., четверг*

Эхо путча

Подготовил коротенькую заметку о поведении диспетчера гортранса, который не хотел выделять автобус по команде премьер-министра правительства, и попытался согласовать текст по телефону в его машине - никогда не звонил, но другого выхода не было. Ехать и сидеть под дверью приемной времени совершенно не было, да и не люблю я этого занятия. Хотя весьма полез-

но бывает посидеть и понюхать - много интересного вокруг происходит!

Ю. М. сразу взял трубку, а я с испугу спросил:

- Юрия Михайловича можно?

С испугу, потому что никак сразу не врубился, думал, водитель, может, другой кто в его машине - мало ли.

- Я слушаю... - сказали в трубку, и я понял, что у него есть несколько минут, пока он ехал от Кулика к Шахраю - это я знал от помощника.

- Хочу вам прочитать несколько строчек, дело-то серьезное...

Прочитал.

- Там, где ты пишешь, что я ничего не добился, добавь: добился только после того, как объявил, что с завтрашнего дня диспетчер будет уволен за невыполнение распоряжения Президента РСФСР и мэрии. И обязательно укажи фамилию.

- Хорошо...

- Теперь прочитай последнюю фразу...

Прочитал.

- Впиши: "руководители городского пассажирского транспорта", потому что грузовой зарекомендовал себя положительно.

- Но у меня так и есть...

- Ну, хорошо...

А я, быстро открутив ленту памяти, уловил, почему ему важно было вписать про городской транспорт. Три руководителя крупных транспортных объединений - это три бывших заговорщика против Ю.М. на выборах. Они активно, хотя и всячески скрываясь, агитировали в своих подразделениях за Сайкина, и Ю.М., видно, этого не забыл.

По неподтвержденным данным, они же были накануне путча в горкоме партии у Прокофьева, которого теперь напрямую обвиняют в пособничестве путчистам. Да, скорее всего так оно и было.

Прав ли Ю.М., помня прежнюю их приверженность его сопернику? Не знаю. Хотя держать за спиной людей, тебе не преданных, для руководителя такого ранга, конечно, не дело. Команда должна забивать не в свои ворота, а в ворота противника.

Я уже хотел отключиться, когда он спросил:

- Слушай, а ты Муладжанова знаешь?

Спросил потому, что тот стал главным редактором "Московской правды", как я и предполагал.

- Конечно!
- Что он за человек?
- В работе - зверь, хватистый, оборотистый. Был ответственным секретарем, слетел по бабьей части...
- Так это же хорошо...
- Конечно...
- А взгляды?
- Трудно сказать. Он всегда умел сосклизнуть. Думаю, настоящие взгляды его станут ясными только теперь, ведь человек на первой руке - совсем другой, чем на второй или десятой.
- Это точно. Мы решили не закрывать газеты.
- Правильно. Нельзя действовать их методами, вас бы не поняли.
- Мы будем бороться с ними с помощью общественного мнения.
- Это лучше, чем давить... Кстати, об общественном мнении. Я тут видел листовку демократов, где они призывают убирать город, поднимать хозяйство, не бездельничать. Все хорошо. Но зачем призывать - а там есть такой пункт - к стукачеству? К тому, чтобы выявить всех руководителей не только помогавших путчистам, но и якобы помогавших? Ведь так мы придем черт знает к чему, а не только к 37-му году...
- Да, считаю, напрасно они такой призыв повесили. Хорошего от него ждать не приходится...
- И еще один вопрос, - не унимался он. - Вы не против дать мне интервью о первых ста днях городского правительства? Без соплей, без надувания щек, только по делу.
- Пожалуйста. Давай на той неделе встретимся часа на три, это надо все как следует обсудить.

15 октября 1991 г., вторник

До сего дня, хотя уже и отпуск пролетел, не смог встретиться с Ю.М., чтобы записать его, показать деятельность городского правительства, а тут он позвонил на работу сам. Пока соединяли, минут 10 прошло, и я заметил помощнику: “Когда же он у вас работает, если столько времени говорит по телефону?”

Тот, по-моему, шутки не понял или не принял, стал довольно пространно объяснять, что телефонные беседы - тоже работа. И серьезная.

Дней за несколько до того я послал Ю.М. записку с просьбой о встрече, которую (записку, конечно) начинал словами: “Уважаемый г-н премьер-министр! (Хотя больше Вы похожи на тореро.)”

- Привет тебе, привет, - сказал он наконец в трубку, - давно тебя не видел и не слышал...

- Да сам соскучился, - заторопился я, боясь не успеть сказать основное, то есть договориться о времени встречи. - Юрий Михайлович, пора встретиться, время идет...

- Да, давай в среду запишем.

- Во сколько?

- В 19 часов. Но ты позвони после обеда...

- Хорошо, спасибо, до встречи.

17 октября 1991 г., четверг

Ночь у самовара

Вчера с 19 до 22.10 просидел сперва в приемной Ю.М., потом в кабинете, затем - в комнате для чаепития. Но так и не перекинулся ни словом. Кроме как о телепередаче, в которой Ю.М. участвовал - снова как тореро.

Передача эта шла по РосТВ и называлась “Без ретуши”. Человек 10 журналистов клевали Ю.М. разными гадкими вопросами типа: “Зачем вы набрали в правительство прежних аппаратчиков?” Ю.М. выглядел молодцом. Он вообще-то берет в большинстве подобных случаев откровенностью и напором, не говоря, конечно, о скорости соображения и умении сформулировать мысль.

Мне особенно понравился ответ на вопрос, не кажется ли ему его карьера головокружительной. На что он, опять же по-моему, совершенно искренне ответил, что каждый вечер ложится спать и встает утром с чувством глубокой неудовлетворенности собой и тем, что удалось накануне сделать. (Да и вопрос звучал похоже, что-то вроде: “За последние годы вы четырежды ложились спать в одном качестве, а просыпались в другом, в новой уже должности?”)

И совершенно бестактно поступил ведущий, заторопившийся, напомнивший всем, что он здесь хозяин и имеет потому первоочередное право задавать вопросы. И выдал. Почему, дескать, в вашем коррумпированном городском правительстве никого до сих пор не посадили?

Надо было видеть, как вскинулся Ю.М.! И надо знать его характер, чтобы понять или предвидеть реакцию на такой провокационный вопрос.

- А где факты? - спросил он возмущенно и затем уже заговорил о том, что для подобных заявлений надо иметь хотя бы немного: объективные факты.

На что ведущий вяло - явно не ожидал такого отпора - парировал: "А дело Трегубова? Он ведь даже еще не отсидел свой срок..."

- Я в то время даже в Мосгорисполкоме не работал, - среагировал Ю.М., и его противнику крыть стало нечем.

Передача в результате оказалась смазанной и оставила неприятное впечатление.

Короче, когда он после встречи с американцами в Белом зале Моссовета вошел в приемную и кивнул - пошли, дескать, - разговор завязался сразу вокруг передачи. В нем участвовали первый вице-премьер Б. Никольский, депутаты О. Орлов, управделами В. Шахновский.

Я устроился за приставным столиком, достал диктофон, поскольку твердо решил без интервью не уходить.

- Ты что это достал? - спросил Ю.М., увидев мои приготовления.

- Запишу все, что вы тут говорить будете и продам американцам.

- А я не боюсь, - махнул он рукой. - Пусть услышат нормальный русский мат.

Все ему в один голос твердили, что выглядел он достойно, хотя знакомая журналистка из "Московской правды" мне накануне сказала, что выглядел он похабно. Я не стал ей активно возражать, потому что, резко переменявшаяся - от любви до ненависти действительно шаг? - по отношению к Ю.М., она, по-моему, уже не способна объективно оценивать ни его, ни его поступки. Видно, так уж человек устроен...

Я сказал, что по ходу общего разговора премьер расшвырял своих собеседников, как щенят, и журналиста, способного задать ему достойный вопрос, в студии не оказалось.

На этом разминка закончилась, и началась его обычная свистопляска. Он звонил, ему звонили, он выслушивал доклады, давал указания, принимал решения, подписывал бумаги.

Я заметил: ни одной бумажки не подписал, не читая. В некоторых случаях требовал даже первоисточник, подписывая подготовленный чиновниками аппарата ответ. Думаю, в случае чего, ему трудно будет сослаться на то, что, дескать, подсунули и подписал не глядя.

Так простоял я пред светлыми его очами до тех пор, пока не пришли С. Станкевич и С. Шаталин, оба с нами поздоровались, причем Шаталин скорее всего по инерции, а Станкевич, видно, меня узнал в лицо, хотя наверняка не помнит, кто я и откуда. А вот я его помню. С того момента, как выдвигался кандидатом в депутаты на собрании избирателей в клубе “Меридиан”.

- Нам встреча назначена на 8.30, - заметил, подходя к столу, Станкевич, и я молча снял свой дипломат со столика, микрофон с диктофоном и передислоцировался за длинный стол заседаний. Разговора с этого места почти не было слышно, но вот Ю.М. взорвался:

- Это возмутительно! Вы к существующему помещению хотите хапнуть еще 300 метров! Зачем?

С. Шаталин стал доказывать, что площади необходимы для размещения какого-то фонда.

- Не нужно для фонда столько народу, - не унимался Ю.М. - Я сам президент Фонда малого бизнеса, у нас весь фонд 10 человек! А вам зачем 200?

С. Шаталин не сдавался, а С. Станкевич, кажется, сидел молча. В конце концов пригласили дожидавшегося в приемной человека с расчетами, и, по-моему, Ю.М. сдался.

За этими двумя ввалилась целая команда, и мне снова пришлось отступить на задний план.

- Сиди, куда ты? - остановил было меня Ю.М., а потом нашел вариант более подходящий: - Иди, ставь чай...

Я выскользнул в облегчении в боковушку - неудобно торчать перед глазами других людей, слушать, как они чего-то добиваются. Но и уходить из кабинета в подобном случае нельзя: шиш потом вернешься обратно, про тебя в такой круговерти запросто забудут и будешь куковать до утра под дверью.

Несколько раз включал самовар, и только в 11-м часу ночи Ю.М. пришел, чтобы сообщить: концерт окончен, пора собираться по домам, у него объявились гости.

Я сидел совершенно подавленный, и вид скорее всего был у

меня соответствующий. Может, поэтому по пути к лифту Ю.М. сказал:

- Знаешь, я виноват перед тобой. Приходи в воскресенье в семь тридцать. Сможешь?

- Конечно, Юрий Михайлович, какой разговор...

Уже в лифте он поинтересовался:

- А что это вид у тебя не очень бодрый?

На что ответил его охранник:

- Он сегодня ездил картошку грузить на базу, вот и устал...

И мы вспомнили нашего общего знакомого тележурналиста, который любил показывать, как гниет в хранилищах картошка, на этом придумал себе депутатство, а в конце концов пришел к Ю.М. просить должность.

- Так выбил он себе что-либо? - поинтересовался я.

- Не знаю, - заметил Ю.М. - Кажется, сидит в комитете по земельной реформе, и в этой новой для себя жизни так и не нашелся. Ездил бы себе по базам, поливал Лужкова говном - и все было бы нормально. Так нет - в политику ударился...

Спустились во внутренний двор, едва не насильно - шел приличный дождик - Ю.М. усадил меня в машину и довез... аж до Пушкинской площади.

Из записных книжек

Еще рас о кошке и колбасе

Вообще-то к журналистам Ю. Лужков относится вполне лояльно. Кого только не встретишь в его приемной после 20 часов - а именно на это время он назначает обычно встречи пишущей братии. Представители газет самых разных стилей и направлений ищут с ним встречи, добиваются интервью, и это понятно - такой город, как Москва, привлекает внимание всего мира. И хотя я не помню таких многолюдных пресс-конференций, как у Г. Попова или С. Станкевича, интерес к деятельности премьер-министра постоянен и устойчив. Ведь речь здесь всегда идет о самых насущных потребностях людей.

Понимая это, Ю. Лужков настойчиво и терпеливо объясняет при встречах с журналистами, чего хочет и чего добивается его правительство. И, как человек доверчивый, надеется, что все понимают проблемы так, как он сам. Потом с удивлением

читает в прессе совершенно иной взгляд на то или другое событие, проблему.

Самую широкую известность приобрела в Москве несколько лет назад история с публикацией в “Литературной газете” статьи про колбасу, которую кошки есть отказались и которую выпускали на мясокомбинате Мосгосагропрома, возглавляемого Ю. Лужковым. Его требование опубликовать опровержение результата не дало. Больше того - редакция поместила еще одну статью, “последушку”, как говорят журналисты, где снова бомбили председателя столичного агропрома. Он хоть и занимал высокий пост, не знал, конечно, секретов тогдашних редакций. Ни одна из них никогда не признавалась, когда допускала промашку. И те руководители, которые это понимали, быстро отписывались: недостатки, дескать, устранены, жулики выловлены, несуны ликвидированы, любовницы сокращены, а пьяницы уволены. Копию такого ответа посылали в горком или райком, и все были довольны. А смеялись критикуемые, поскольку ничего подобного изложенному в отписке они делать не собирались. В случае же поступления в редакцию или райком повторной жалобы, ее автору приклеивали ярлык - “склочник”. И он мог писать хоть до конца своих дней - нигде б ничего не добился. Разве что могли мимоходом, рассердившись, посадить на пару лет. А если интеллигент, то и в психушку.

Ю. Лужков по накатанному пути не пошел, думаю, характер не позволил. Не побежал жаловаться в партийные органы, откуда, естественно, газету бы приструнили, не стал отписываться, признавая “некоторые недостатки” и обещая их исправить, не начал интриговать, чтобы в других газетах появились положительные заметки о его деятельности, а написал гневное письмо главному редактору. К чему это привело, я уже сказал - к появлению новой заметки, и тогда Юрий Михайлович подал в суд.

В городе и прецедента-то не было, и закона о печати не было в помине, и суды вообще подобными делами не занимались или, если занимались, то единственно по указанию партийных начальников и с определенной целью - дискредитировать истца и оправдать газету.

Не помню нынче, состоялся ли суд и чем закончился, это в конце концов не принципиально. Принципиален поступок.

Впрочем, вполне вероятно, этот неординарный случай помог и самому Ю. Лужкову почувствовать и понять силу печати. Не слышал, чтобы он утверждал, что она - коллективный пропагандист и организатор, а вот о том, что печать - мощное оружие, слышать приходилось. Хотя характер его взаимоотношений с газетами после этого случая не изменился.

Вообще же, если тема пресс-конференции, вопросы интервьюера интересны, задевают, то Ю. Лужков отвечает охотно, увлекается, перемежает ответы доходчивыми примерами, сопоставлениями. Некоторым кажется, что он многословен. Но это не совсем так, поскольку многословие многословию рознь. Его всегда интересно слушать, на какую бы тему он ни говорил. Его можно обвинить в чем угодно, но только не в равнодушии к делу, которым занимается самозабвенно и преданно. Он редко маскирует многословием свою позицию - в этом ему нет никакой нужды. Тем самым как бы показывает: вот я каков есть, нравится это вам или нет. Не политик, как утверждает, но судит о политике трезвее многих профессионалов.

Из дневника *21 октября 1991 г., понедельник*

Что он делает по выходным

Ну, наконец-то! Вчера состоялась встреча, к которой я так долго готовился. Перед выездом из дома позвонил помощнику, а он говорит: у меня ничего нет, то есть я не записан в "поминальник". Если бы фамилия не примелькалась, шиш бы я прошел в здание. И без того дежурный забыл позвонить милиционеру, пришлось ему мне напоминать из телефона-автомата, что у столовой.

В приемной опять В. Шахновский, О. Орлов и еще один мужик, как впоследствии оказалось, с компанией. Разговор шел о днях путча, потом вспомнили, с чего началось два года назад демократическое движение, первые демонстрации.

Что-то у меня внутри было шевельнулось типа сожаления о том, что я не был в свое время в рядах тех демонстрантов, но тут же пропало. Иные времена - иные песни. Нет не так: другие юноши поют другие песни. И пусть себе поют, лишь бы не особенно фальшивили.

Ю.М. появился без чего-то восемь, окинул всех быстрым взглядом, что-то сказал вроде: что вы здесь делаете и зачем собрались в воскресный день - и прошел в кабинет. Тут же пригласил Шахновского, чему я обрадовался. В прошлый раз он не попал на прием, так же как и я. Хотя наивно думать, что он четыре дня не появлялся в этом кабинете - все-таки управляющий делами - большой начальник.

Вышел он довольно быстро и назвал мою фамилию. А сам смотрит вокруг вопросительно: дескать, что за зверь, почему не знаю. “Здесь я”, - разрешил я его сомнения, взял дипломат и открыл тяжелую дверь.

Ю.М. сидел за столом какой-то непривычно сосредоточенный, чересчур серьезный. Позже я понял: это потому, что вокруг не толпились люди, не трещал телефон, тишина эта и располагала, наверное, к сосредоточенности.

Огромная стопка бумаг лежала перед премьером, а он что-то писал, как мне показалось, на визитке. Голый череп склонил чуть набок, коротко остриженные ногти на ухоженных пальцах рук прижимали к столу бумагу, на безымянном пальце правой руки - тонкое обручальное кольцо и - что меня несколько удивило - на шее золотая цепочка. То ли крестик на ней, то ли украшение какое. Спросить постеснялся, скажет - нахал.

Одет Ю.М. был по-спортивному: кроссовки “Адидас”, джинсы (фирму не разглядел), хлопчатобумажная клетчатая рубашка, так называемая “ковбойка”, и серый свитер. Если бы мне еще три года назад кто-то сказал, что председатель Мос-горисполкома будет восседать в своем кресле в таком непотребном для своего поста виде, я бы просто плюнул тому в физиономию за такое кощунство. Но, оказывается, и нормальные люди могут управлять нами. Невероятно.

Несколько сбитый с толку таким серьезным его видом, сел к столу, достал пакет с вопросами, - а их получилось аж девять штук, хотя я сперва говорил о шести, и спросил:

- Вы с каких вопросов любите начинать работу, с трудных или с легких?

- Мне все равно, - ответил Ю.М., продолжая писать.

Наконец он оторвался от писанины, я протянул ему листы с отпечатанными, придуманными мной накануне вопросами:

- Посмотрите, пожалуйста, вот это. Может, вам покажется, что и разговаривать на подобные темы не стоит...

Он прочитал один - самый, кстати, длинный - вопрос, затем другой, третий, а на пятый начал отвечать. Да не как-нибудь, а стал писать ответ прямо под вопросом.

К краю листа начал поджимать строчки, я протянул ему чистую страницу:

- Не надо, я закончил, - сказал Ю.М., ставя точку и протягивая мне исписанный листок.

- Посмотри, что получилось...

- Нормально получилось, - сказал я, пробежав листок глазами. А он между тем уже писал ответ на следующий вопрос.

Признаться, я не чувствовал себя комфортно в этой ситуации. Сидит государственный человек и упирается над моими идеями. Когда он приступил к ответу на очередной вопрос, я заметил, впрочем не слишком уверенно:

- Юрий Михайлович, а может, я включу эту хреновину, - и показал на диктофон, - вы будете просто говорить, а не писать.

- Ну, давай. А вообще-то ты заставил меня делать ох...ую работу. Я-то надеялся отдохнуть в воскресенье.

- Вы уж меня извините, ради Бога. Хочу представить вас массовому читателю...

- Ты думаешь, мне это надо? Я ведь не хочу выходить ни на какие уровни.

- А куда вы денетесь? От людей скрыться невозможно, они же видят, кто чего стоит, - заметил я и включил свою адскую машинку, однако не хватило провода.

- У вас нет поближе розетки?

- Кажется, нет. А пойдем-ка поближе к чаю, - предложил он и спросил: - А кто у меня там в приемной?

- Орлов, депутат бородатый и еще какие-то мужики.

- Я никого не приглашал, - уже несколько подзаведясь, воскликнул он и, нажав на кнопку вызова помощника, прокричал в микрофон:

- Вячеслав! Всех, кого я не приглашал, принимать не буду, пусть не ждут!

Пока закипал самовар, диктофон включить было некуда, а начав отвечать, Ю.М. заметил:

- Диктофон у тебя говенный. Вот поеду в Америку, привезу тебе настоящий...

- Спасибо, - поблагодарил я, прекрасно понимая, однако, что

Америка, диктофон и я никак не укладываемся на одной плоскости. И даже в объеме. И даже если это такой объем, как сам Ю.М.

...Когда время завалило за 22 часа, а в приемной еще толкался А. Музыкантский, Ю.М. сказал:

- Все на сегодня, что не успели - допишешь сам.

- Но надо ведь, чтобы вы прочитали, выправили - мало ли что я наворочу.

- Прочитаю...

Я вывалился в приемную. В ней, как всегда, толпился народ.

31 октября 1991 г., четверг

Не будем ждать до понедельника

Хороший день! Сегодня в “Труде”, с его почти 20-миллионным тиражом, опубликовано мое интервью с Ю.М. - 15 страниц на машинке из тех 32, что я написал, они дали на 3-й полосе со “свистком” на первой.

- А как ты вышел на “Труд”? - спросил меня один коллега, и я ему объяснил популярно - проще не бывает! Пришел, показал “товар” - и тут же на него нашелся покупатель. Думаю, в любой редакции его бы сразу взяли. Но это дело 14—е. Моя задача - рассказывать здесь не о себе, хотя и без этого не обойтись.

Чувствуя, как быстро уплывает из-под ног почва, а время уходит, я надулся со страшной силой, без сна и отдыха после расшифровки упирался над материалом и закончил все ровно неделю назад, в четверг.

Позвонил заведующему секретариатом, спросил, как показать.

- Запишу вас на завтра, на 21.30, - сказал Александр Иванович, - может, попадете...

И - странное дело - действительно попал к Ю.М. в пятницу и даже раньше назначенного времени. Пришел в приемную минут 10 десятого, говорю помощнику - хочу, дескать, предстать перед его очами.

- Все хотят, - философски заметил он, кивая на толпившийся в приемной народ.

Я тихонько отвалил в сторону, чтобы не торчать перед глазами, потом подсел к охране.

- А ты один? - спросил знакомый охранник и добавил: - Сейчас дружок твой приедет, звонил.

- Вот только мне его и не хватало, - с досадой заметил, по-

меня, что уже несколько раз этот приятель садился мне на хвост, когда я пытался прорваться к Ю.М., и под общее дело пытался решить свои частные вопросы. Они виделись мне совершенно бесперспективными, и лишний раз озадачивать Ю.М. такой мурой мне просто было неудобно.

Не успел я, правда, как следует все обдумать, как помощник пригласил в кабинет. Я вошел вслед за начальником Мосводоканала Храменковым и скромно остановился у длинного стола, пока тот сидел у столика приставного.

Ю.М. выглядел не слишком измученным и издерганным, во всяком случае смотрелся несколько свежее, чем обычно. Может, сказывалось приближение отпуска, предчувствие полной свободы от ежедневной гонки с жуткими препятствиями, может, просто день выдался полегче.

- Даже не говори! - прервал он Храменкова, который пришел с предложением повысить плату за воду. - Я же тебе подписал для предприятий, а население - не тронь! - категорически остановил Ю.М. поползновения водяного начальника на кошелек потребителя.

- Вот включают свободные цены - тогда пожалуйста! Да и то без нашего участия. Мы вот бытовке цены подняли...

- И она оказалась в заднице, - не выдержал я. - Народ к ним идти перестал...

- Это их трудности! - заметил Ю.М. - Они просили - мы сделали. Так и ты, - это к Храменкову, - повысишь под общий шум. Но он, - кивок в мою сторону, - этого не слышал...

- Конечно, - согласился я. - Только если бы Мосводоканал сумел устранить утечки воды, пользы было бы гораздо больше, чем от повышения цены, - не преминул я поддеть водного начальника, поскольку, как и все другие прочие, пер он напропалую по самому легкому пути - по пути поднятия цены.

Пришел министр транспорта А. Пешков, доложил: таксисты перегородили у Центрального телеграфа улицу, требуя к себе городские власти на переговоры. Ю.М. выслушал это сообщение довольно спокойно, что, признаться, меня несколько озадачило. Я хорошо знаю, как требователен он к соблюдению дисциплины, как сурово обходился всегда с теми, кто его нарушал. А тут прореагировал как-то слишком уж мирно.

Только потом я понял, что ситуация эта никакой угрозы для

города и его жизнедеятельности не представляет, побузыт - и разойдутся, и Ю.М. это, видно, хорошо знал по информации из, как говорят, достоверных источников. Он велел просто всех бузотеров переписать, номера машин зафиксировать, чтобы после разобраться с водителями, и стал вызывать по рации - новое техническое средство у него в кабинете - генерала Юрьева, начальника ГАИ. Никто, однако, на позывной то ли "Ока-15", то ли "Ока-3" не отозвался, и он выключил эту игрушку.

Храменков тем временем демонстрировал новый кран, придуманный внутри его ведомства. Ю.М. посмотрел, покрутил.

- Это хорошая штука, - сказал одобрительно. - Только какого хрена вы не можете найти организацию, которая вырубит вам прокладку? Вот смотри! - бросил он на стол полиэтиленовый пакет с прокладками. - Это кооператив делает, я Матросову еще год назад показывал и рассказывал.

Потом он мучительно соображал, сколько же кранов у него в квартире, насчитал 8 штук и попросил - за деньги, естественно, - ему изготовить.

- А то я замучился менять прокладки, - подытожил Ю.М.

И я ни на секунду не засомневался, что меняет он их сам. Мужик, он мужик и есть.

Он полистал мой труд, и я понял, что сейчас читать не будет - время вышло. Тогда я попросил посмотреть до понедельника.

- Нет, давай завтра, - решительно сказал Ю.М., заглянул в свой расписание на субботу. - Приезжай к 10 на стадион, на Малую арену, я дома посмотрю...

Утром, чем свет, полетел я на стадион. Хотел на велосипеде - домашние отговорили: куда, дескать, в такую негодимость, слякоть, дождь - забрызгают с ног до головы.

Ю.М. - в кепочке, в тренировочном костюме типа китайского белья, в бутсах "Адидас" - пасся постоянно у ворот противника и забил-таки гол. Бегал мало, видно, все-таки не отдыхает как следует, а без чего-то 10 пошел с поля, на ходу снимая футболку.

- Пошли, - бросил мне, проходя мимо, мы направились в раздевалку.

- Может, на улице подожду? - не слишком уверенно спросил я, поскольку он пригласил довольно решительно, а я сомневался - ему надо вымыться, а тут человек над душой стоит.

- Зачем? Я тебе сейчас все отдам, - сказал Ю.М. и полез в черную спортивную сумку, извлек на свет мою рукопись.

- Посмотри, как я поправил.

В раздевалке было темно, я ни фига не мог разглядеть, понял только, что он правил там, где я пытался ответить на вопросы сам.

- У тебя со зрением все в порядке? - неожиданно спросил он, придержавши шаг на пути в душевую. - Ты все видишь?

- Вижу, зрение нормальное, - бодро ответил я, хотя разобраться в таком сумраке его правку было нелегко. - Вы хорошо справились с заданием, - заметил я на его вопрос о том, как он поправил.

- А ты думал, я сачковал? - спросил он таким тоном, что я совершенно искренне повинился:

- Юрий Михайлович, мне очень неудобно от того, что я вас заставил работать в выходные дни, но просто отступать некуда.

А ему совершенно необязательно знать, что журналисту, готовившему материал, все равно, какую правку внес человек, который давал интервью, главное, что он прочитал и подписал.

Как обычно, Ю.М. предложил меня подвезти.

- Да мне ведь в деревню надо, - возразил я, имея в виду свое местожительство.

- Ну и что? - не согласился Ю.М. - Поедешь через центр, а оттуда рукой подать до любой деревни.

Так и сел я с ним в машину, доехал до Бородинского моста, выскочил и пошел на электричку, а Ю.М. поехал в СЭВ.

Я иногда задумываюсь: почему бы ему просто не бегать трусцой вместо футбола? И сразу себе отвечаю: да потому, что он по натуре боец. Его увлекают борьба, игра, стремление добиться для себя обязательно положительного результата. Не знаю, подыгрывают ему на футбольном поле его министры и заместители или нет. Скорее всего нет, он бы это заметил.

И второе: при колоссальных психологических нагрузках, которые выпадают на его долю, футбол дает ему хоть какую-то разрядку.

С магнитофонной ленты

Счетчики воды и тепла - это выгодно

- Не говорите мне, что нельзя сократить водопотребление. Пустышку тянем. Поскольку счетчика у потребителя нет, вы берете с человека. Получается белый шум: счетчик вроде бы показывает, а воспользоваться его показаниями нельзя - неза-

метные реки подземной воды утекают. Лазал тут по подземелью, вдруг - гейзер! Откуда он?

То, что сегодня на пять домов один счетчик, - от бесхозяйственности, этого общего показателя общества. И сумма оплаты определяется по нормативу, а не по факту. Выходит, в одном случае Храменков - продавец, а в другом - поставщик. В том, что мы выступаем перед квартиросъемщиком не как продавцы, а как поставщики, нет логики. Квартиросъемщик не заинтересован в снижении водопотребления, а довести до каждого необходимость учета и каждому установить счетчик мы не в состоянии по финансовым возможностям.

Поэтому надо создать нормативно-экономическую систему, которая пригласила бы пользователя к участию в установке счетчиков под действием экономических факторов. Установишь счетчики воды и тепла в своей квартире - будешь платить меньше. Установишь счетчик - **В** дальнейшем все повышения уровня платежей - а не секрет, что энергия и дальше будет дорожать, - тебя уже не касаются, ты просто не будешь платить, несмотря на повышение.

Из дневника *21 ноября 1991 г., четверг*

Первый звонок демократам

Ну и дела! Вряд ли Москва, а тем более Россия ожидали подобное. Впрочем, коротко, по порядку.

Утром, ровно без пяти девять, набрал номер телефона Ю.М. в его машине - нужда заставила.

Он сразу взял трубку.

- Слушаю...

- Юрий Михайлович, - сказал я, представившись, - здравствуйте. Мне необходимо в вами встретиться сегодня до четырнадцати часов. По важному делу распространения периодики.

- Хорошо, приезжай сейчас, я тебя до обеда приму. - И он положил трубку.

Я тут же вывалился из дома, прибежал на Тверскую - он был на приеме, до чего-то договаривался с австрийцами. В "предбаннике" стояла удивительная тишина, даже телефон звонил лишь изредка. Ю.М. появился без каких-то минут одиннад-

цать, велел подождать, и я спокойно сидел, пока стрелка не подвинулась к 11.20. Через 10 минут у него был в Белом зале назначен новый прием - на этот раз японцев. Если бы он пил, то спился бы только на фуршетах.

Но вот меня пригласили, я протянул бумагу без комментариев - времени не было.

- Надо бы написать, что в целях антимонополизации, - заметил он, читая.

- Так там есть это, - осторожно подсказал я, зная, что большим начальникам не нравится обычно, если их наставляют или пытаются навязать свое мнение. В таких случаях прежде принято было сразу соглашаться и говорить: да, хорошо, исправим. Однако я, черт побери, много лет прокрутившись среди больших начальников, так и не научился ловить их пожелания. Тут уж ничего не сделать.

Он дочитал, пригласил заведующего секретариатом, протянул ему документ.

- Возьми вот это, срочно, в течение дня подготовь на заседание правительства. Или пусть представят обоснованные возражения.

Когда заведующий вышел, он сказал:

- Ты знаешь, Гавриил уходит...

-Как?

- А вот так. За сердце хватается.

- Но этого нельзя допустить! Что люди скажут? И вообще, как это называется... Одолели, победили - и теперь псу под хвост? Представляете, что теперь начнется?

- Представляю... Наши противники используют этот момент, чтобы свалить не только мэрию целиком, но и правительство.

- Зачем же ему уходить? Пусть хоть просто для антуражу сидит. Найдется, кому тащить этот воз...

- Сегодня говорил с Борисом (Ельциным. - *Ред.*). Он сказал: х... с ним, пусть уходит. Но, возразил я, демократическое движение сильно ослабнет. Оно и так в противоречиях и ссадинах от взаимных укусов.

- Правильно народ говорит, - вспомнил я недавнюю беседу двух слегка поддатых мужичков в автобусе. - "Вот все твердят: Попов, Попов, - рассуждали они. - А что Попов? Он в конце концов в Израиль уедет, а мы останемся..."

- Так и сказали? - переспросил Ю.М. и, ничего не добавив, встал. Пора было ему отправляться к японцам.

Я же по дороге в свою контору думал о том, что мэр Москвы собрался с корабля в самый тяжелый, самый драматический момент, когда корабль дал крен. Но ведь борьба за его живучесть далеко не окончена. Больше того, по-настоящему она еще не начиналась, поскольку обоюдный жестокий бой едва завершился с потерями с обеих сторон. А теперь, когда бой окончен и обнаружены у победителя тяжелые пробоины под ватерлинией, надо спасать корабль, не считаясь ни с какими потерями. Если же вся команда его сбежит на плотках и шлюпках, он просто утонет.

22 ноября 1991 г., пятница

В программе ТВ “Вести” прочитали сообщение о том, что на столе у Б. Ельцина - заявление Г. Попова с просьбой освободить от обязанностей мэра и перевести на должность уполномоченного президента по Московской области.

Официального подтверждения пока ниоткуда не поступало. Как оказалось впоследствии, никакого письменного заявления в природе не существовало, были устные разговоры, о чем Г. Попов сказал на многолюдной пресс-конференции в Круглом зале его резиденции в здании бывшего СЭВ.

Из дневника

14 марта 1992 г суббота

Лихо в прорубь

Накануне 8 марта позвонил приятель: приезжай, дескать, в Серебряный Бор, городские власти в проруби будут купаться, как и в прошлом году. И, кстати, все газеты к этому дню раззвонили и по всем “ящикам” - большим и малым - было сказано.

Поехал, предварительно созвонившись с Аркашей Климовым, моим безответным фотокорреспондентом с давних пор, который снимал и в прошлом году.

Не успел я поздороваться с приятелем, добравшись до места действия, - как за спиной затормозила машина. Из нее вышел Ю.М., его жена, А. Чилингаров. Я обратил внимание на то, что жена не похожа на женщину, которая собирается рожать, - а ведь еще полгода назад вся Москва обсуждала ее беременность. Но то ли это была очередная сплетня, то ли она не стала рожать - не знаю.

Едва Ю.М. вышел из машины, поздоровался, я спросил: купаться будете?

- Не знаю, - ответил он, - но плавки взял...

- А я не буду, не в форме...

Приятель пристал к нему: снимите, дескать, кепочку.

- А что - не нравится? - спросил Ю.М., снимая кожаную маленькую, наподобие восьмиклинки, кепочку и надевая спортивную шапочку.

- Юрий Михайлович, - спросил я, пока шли от машины к будке для переодевания, - что за бред пишут газеты про Америку и Церетели? Что, действительно будете финансировать строительство знака в Штатах?

- А что они написали? - спросил он быстро. - Им не нравится?

- Ругаются. Дескать, сами с голой попой, а туда же...

- Будем строить и будем финансировать! 80 миллионов “деревянных” потеряем.

- А приобретем?

- А приобретем 300 миллионов настоящих денег...

- За счет чего?

- За счет эксклюзивного права на изображение знака на открытках, конвертах и прочей муре. Так что считать надо, а не ругаться, - улыбнулся он и тут же попал в окружение фотокопиров, операторов, репортеров.

Я отошел, поскольку все, что меня интересовало, уже узнал, а до купания было далеко.

Разные мнения по поводу этого шоу можно было услышать в толпе - от полного одобрения до возмущенного неприятия - дескать, кругом разруха, а они развлекаются. А по мне - молодцы! В свой выходной день приехали, пообщались с народом, окунулись в проруби, сказали слова о здоровье - кому от этого хуже?

Гаврила опоздал, но тем не менее купаться - в своих фирменных прошлогодних трусах до колен - тоже полез. Потом злословили: заболел. Но уже во вторник он выступал по Московской программе ТВ, и никаких признаков болезни видно не было - может, накачали специально, поставили на ноги и показали, чтобы убедить публику: все подобные разговоры - сплетни.

Кстати, о сплетнях: говорят, он в год имеет 150 тысяч долларов. На что “иностранец” - заведующий иностранным отде-

лом “Московской правды” Стоянов заметил: ну, это немного. А вторая заведующая добавила: для него, может, и немного, а нам хватило бы.

Из записных книжек

Способен!

В августе 1991 года, будучи членом “временного правительства”, Ю. Лужков говорил о необходимости преобразовать центробежные силы в центростремительные. Но за короткое время от центра все разбежались в разные стороны, и обратного движения не наблюдается. Напуганные танками в августе, бывшие лидеры бывших республик срочно трансформировались в мощную президентскую рать и стали биться головой об экономическую разруху практически в одиночку, пытаясь одновременно проломить стену к соседям - кто на Запад, кто на Ближний Восток, не подозревая, что проще двигаться навстречу друг другу хоть по временно заросшей, но протоптанной тропе, проще возобновить в полном объеме отношения с Россией.

И некоторые это хорошо понимают. Уже несколько краткосрочных визитов - продолжительностью в один день - совершил Ю. Лужков в бывшие республики - Грузию, Казахстан и другие. И везде, несмотря на краткость пребывания, сумел заключить двусторонние выгодные договоры о поставках Москве продовольствия и товаров. Может, действительно со временем, как он прогнозирует, все вернется на круги своя, хотя и в совершенно ином качестве?

Его 100 дней завершились в начале октября. И показали дееспособность премьера и возглавляемого им правительства, хотя новая система власти укрепляется трудно, нормативы и положения разрабатываются медленно, а входят в жизнь еще медленнее. Да и после первых 100 дней правительство ожидали трудные испытания: отставка, угроза ухода с поста Г. Попова, митинги красно-коричневых. И реформа Е. Гайдара, свергнувшая в нищету не только город, но и целый народ. Имея на начало 1992 года плюс пять миллиардов в бюджете, к апрелю правительство съехало к минус трем.

ЧАСТЬ II

В КРЕСЛЕ МЭРА

Глава 1

ТОЧНАЯ ИНФОРМАЦИЯ ИЗ ПЕРВЫХ РУК

От автора

Я решил назвать эту главу редакционным девизом газеты правительства Москвы “Тверская, 13”, поскольку он объективно отражает взаимоотношения нынешней городской власти и мэра столицы с москвичами. Готовя материалы главы, я пересмотрел, перечитал и перелистал сотни страниц машинописи, совершенно непригодной к чтению в его обычном понимании, - это протоколы заседаний, стенограммы совещаний и планерок, отчеты о встречах кандидата в мэры Юрия Лужкова с избирателями. И должен констатировать: все, что правительство обещает, оно выполняет.

Хотя довольно часто, например, нам пишут: что ж это, дескать, за правительство такое - вводит миллион квадратных метров бесплатного жилья каждый год, а я до сих пор квартиру не получил. И приписка: стою на очереди много лет, ветеран и прочее.

Мы внимательны к подобного рода письмам, работаем почти с каждым, и свидетельствую: многие из них подсказаны уважаемым авторам родственниками, которым хотелось бы улучшить жилищные условия за счет бабушки, дедушки, дяди и тети, имеющих заслуги. Единицы тех, кто воевал или кому положено жилье как ветерану-очереднику района, не получили его к 50-летию Победы в Великой Отечественной. И то лишь потому, что либо несвоевременно обратились в соответствующий жилищный орган, либо не согласились с теми условиями, которые им предлагали.

Кроме того, следует знать, что из этого миллиона обеспечиваются жильем не только очередники районов, но и работники бюджетной сферы, которым на их зарплату квартиру никогда не купить. Да что там квартиру! На прихожую надо копить всю жизнь.

А в этой категории врачи, учителя, милиционеры - кому из них отказать?

Обратите внимание, как ведет себя мэр Москвы в передаче МТК "Лицом к городу", как отвечает на вопросы, и вы поймете, что он счастливый человек. Он делает дело, которое ему нравится, делает его добросовестно, и ему не надо притворяться и врать, чем отличались все руководители города в течение последних 70 с лишним лет. Его ответы всегда конкретны, цифры в памяти - и как только удастся запомнить? - а на интересные вопросы он отвечает с увлечением.

- Юрий Михайлович, - говорю после одной из передач, - вам надо менять ведущего, вы же ему слова не даете сказать.

- Это он мне не дает слова сказать! - парировал мэр. - Когда тетерев токует, то ничего не слышит, ему мешать не надо.

Накануне очередного года правительство отчитывается за сделанное в уходящем и обнародует обычно программу деятельности на будущий год. Причем закладывает в свои планы только то, что может реально исполнить для блага горожан. Никаких популистских заявлений не делает и никаких шагов подобного рода не предпринимает - нет необходимости. Когда нет денег на выполнение программ - берет кредиты у государства. Если государство не дает - а оно-таки не дает даже на то, на что давать обязательно, - занимает у банкиров и богатых предпринимателей. Но строит, поддерживает малоимущих и немощных, обеспечивает зрелища и снабжает хлебом - тоже, кстати, задача не из легких. Потому что когда-то это являлось обязанностью федеральных органов, а теперь снабжение такого громадного города, как наш, - полностью на плечах городского правительства. И за его деньги.

- Вам хорошо, - говорили люди в других городах, когда столичные журналисты шли круизом по Золотому кольцу, - у вас есть Лужков...

И считали, что этим все сказано. А мы им отвечали: кто вам мешает найти своего Лужкова, маленького...

Но и маленького, подобного нашему мэру, найти трудно. Потому что выбили умных, сильных и головастых.

С магнитофонной ленты

О генофонде

- Удивительно, но факт: несмотря на все гонения и преследования, русская церковь сохранила веру и духовность, а ее служители - едва ли не самые культурные люди в России. В недрах храмов и монастырей сохранился и генофонд, который наша страна утратила в значительной степени и теперь отстает от цивилизованных государств и наций. Почему?

Причины на поверхности. В первую мировую войну погибли самые смелые. В гражданскую - офицеры, помещики и целый пласт старой русской интеллигенции. Ушли навсегда многие тысячи революционеров, не примкнувших к большевикам.

Во времена НЭПа родился класс деловых людей, которых вырезали в 29-м году. В 32-м настала очередь слоя лучших крестьян, мужиков, на которых держалось сельское хозяйство. Ну, а в 37-м добивали остатки старой интеллигенции и выбраковывали едва народившуюся новую, собственную.

Те, кто случайно уцелели, погибли за землю русскую в ополчениях Великой Отечественной, а до 53-го года вылавливали тех, кто чудом остался жив. После смерти Сталина вырезали, не убивая, одновременно культивируя приспособленчество, насаждая кумовство, протекционизм и другие пороки, которые постепенно привели к деградации общества. И в конце концов оно осталось без талантливых руководителей, настоящих личностей и просто работяг в городе и на селе.

Из дневника

9 января 1995 г., понедельник

Знак - в основание Храма

День нерабочий. Праздник Рождества Христова совпал с выходным днем - и вот гуляем. Но у Ю.М. нерабочих дней не бывает, поэтому я решил позвонить по прямому телефону, поскольку была нужда. 7 января произошло важное событие в жизни Москвы и в жизни России - состоялась закладка памятного знака в основание воссоздаваемого Храма Христа Спасителя на Волхонке.

Несмотря на то что общество далеко не однозначно воспри-

нимает эту акцию, думаю, теперь ее никто уже не остановит - поезд пошел. И это, наверное, правильно. Если начать рассусоливать, обсуждать, обобщать мнения, развернется такая склока, что свернуть ее будет невероятно трудно. А Ю.М. - человек действия. Пока народ вокруг шумит, он делает дело.

Доводы противников восстановления храма сводятся в основном к двум позициям: во-первых, ужасная дороговизна - по оценкам специалистов, строительство обойдется в 150 миллионов долларов, во-вторых, смущает этический аспект. Нельзя вернуться в прошлое, и новый храм не будет иметь для России того духовного значения, которое он имел, будучи возведен на народные деньги в первый раз.

Термин "народные" употребляется чаще в пропагандистских целях, чем соответствует своему прямому понятию. И при царе-батюшке и, думаю, ныне невозможно построить такого монстра, не запустив руку в государственную казну. Три собранные к сегодняшнему дню миллиарда слишком малая сумма, чтобы говорить о ней серьезно.

Так вот, на 7 января была назначена торжественная служба в Успенском соборе, крестный ход до места закладки капсулы с посланием потомкам. Патриарх Алексей II шел об руку с Ю.М., и на экране телевизора он смотрелся довольно любопытно. Жаль, что нельзя применить слово комично, потому что не тот случай. Крупный Алексей, увеличенный в росте за счет ряссы и головного специфического убора, был величествен, а вот сам по себе не мелкий Ю.М. выглядел бледновато.

На фоне сплошной белизны церковных одежд, выплывающих из ворот Спасской башни, он, в своем черном пальто и неизменной приплюснутой кожаной кепочке, казался совершенно инородным телом. Хотя посвященные знают, сколько он сделал для того, чтобы этот торжественный момент наступил.

Зато при закладке капсулы и установлении сверху на цементном растворе памятной доски - точной копии той, что была заложена когда-то, - равных ему не было. Мастерок в его руке держался свободно, а раствор он разравнивал - и это хорошо было видно - с удовольствием.

Должно быть, он испытывал в этот момент большое удовлетворение: как-никак завершен длительный этап подготовки и сомнений, возврата назад нет.

Объявленное заранее присутствие на церемонии Президента лишь ужесточило для журналистов режим работы, а сам он так и не появился - говорят, трудился над разрешением чеченского кризиса, готовил документы. А то их некому у него готовить...

Ю.М. по окончании церемонии сказал речь - эмоциональную, короткую и логичную. Не знаю, кто готовил, может, и сам, только прозвучала она убедительно, я записал, как успел, решив выдержки дать как подпись под снимком о закладе храма.

И было в выступлении одно место, которое наверняка не останется не замеченным внимательными наблюдателями. Итожа сказанное, Ю.М. заметил, что Россия никогда не укреплялась с помощью оружия, а всегда только словом, молитвой и делом. Это можно расценить, как его позицию в кавказской войне, позицию здравого смысла и тех людей, которые не составляют партию войны. Скорее Ю.М. по другую сторону вместе с Черномырдиным, а Сосковец с Грачевым и иже с ними остались в другой команде.

Я решил оставить слова Ю.М. в окончательном тексте подписи под снимком, но обязательно согласовать с ним. Одно дело речь устная, и совсем другое - слово напечатанное. Устное может вырваться и случайно, а опубликованное как твоя прямая речь выдает тебя с головой.

Я набрал номер в 9.25, он сразу взял трубку:

- Слушаю.

- Юрий Михайлович, я вас приветствую...

- Приветствую тебя, - сказал он, и по тону я понял: либо у него там серьезная беседа с кем-то, либо он чем-то недоволен - в таких случаях я всегда почему-то думаю, что недоволен он моим звонком, хотя никогда даже не намекнул - во всяком случае к разговору расположен не был, что меня сразу же несколько смутило. Правда, не настолько, чтобы отказаться от задуманного, - дело-то серьезное.

- Юрий Михайлович, полсекунды, я хочу вам прочитать слова из вашего выступления при закладке капсулы...

- Хорошо...

Когда я дочитал до конца, он сказал:

- Все правильно.

А пока он не положил трубку, я успел вставить еще один вопрос:

- А где вы так научились хорошо держать мастерок? Видно было, что не в первый раз...

- Талант от природы, - сказал он уже другим тоном, чем отвечал до того, и добавил: - Плюс несколько сложенных фундаментов на дачах у друзей.

Дальнейший ход событий показал, что догадки мои оказались справедливыми. На очередном заседании Совета Безопасности - новом политбюро Ельцина, как определили этот орган на Западе, Президент поручил заниматься вопросами Чечни Черномырдину, хотя до того этим ведал Сосковец. И буквально через день премьер-министр встретился с чеченцами Москвы и по предложению С. Ковалева - ученика и последователя А. Сахарова - предложил 48 часов перемирия для уборки трупов с улиц и вывоза раненых из зоны боевых действий.

Однако партия войны и здесь приложила руку. В окончательном варианте родился ультиматум с предложением сдачи оружия, от которого С. Ковалев тут же открестился. Должно быть, он лучше прочих знает, что отобрать оружие у живого чеченца невозможно.

Из записных книжек

Старикам почет

Попросил как-то Юрия Михайловича принять меня на несколько минут по важному делу. Я решил начать собирать, описывать и систематизировать экспонаты для будущего музея еженедельника правительства Москвы "Тверская, 13", поскольку считаю, что начинать эту работу надо с первого дня создания организации. Уже через десять лет не найдешь первичных документов, не вспомнишь, кто начинал и кто что говорил. Попытка руководителей "Московской правды" создать ее музей к 70-летию закончилась ничем. И ни у одной газеты города музея нет. А у нас будет.

Я попросил Ю.М. подписать для нас экземпляр книги "Тихайшие переговоры", в которых он принимал участие на стороне Президента в период октябрьского мятежа при посредничестве

ве патриарха Алексия II. Он согласился, и я заодно рассказал о ситуации с пенсионерами Центрального округа, которых вытолкали в шею из выделенного на улице Чехова дома. После публикации ко мне пришел один из активистов “Мемориала” и сказал, что мы смелая газета, коль критикуем вице-премьеров и заступаемся за пенсионеров. Он сказал также, что хочет созвать пресс-конференцию иностранных журналистов и хочет, чтобы все узнали, как городские власти обижают стариков. Я после его визита разговаривал с руководителем молодцов, что вытолкали стариков вон, и попросил помочь, но он - ни в какую.

В двух словах я нарисовал эту картинку Ю.М.

- Я ничего про это не знаю, - сказал он. - Ты мне покажи статью.

- Когда мне к вам подскочить?

- Давай завтра...

- А в котором часу? - не отставал я, помня, что ему осталось всего два дня до короткого отпуска.

Он задумался - видно, в “разблюдовке” была такая плотность, что не оставалось и маленькой щелочки.

Наконец он сказал: “В 18.30” - и мне показалось, даже вздохнул.

Я прибежал к назначенному времени, с трудом оторвавшись от рождественского стола, устроенного в музее Коломенского, и концерта, что показывали гостям.

В приемной - как обычно, значит, полно. У самого - совещание. Собрал всех замов, членов правительства и, видимо, давал последние “цеу” перед отбытием. Минут без 20 семь из кабинета стали выходить люди - по два-три. Я встал, здоровался со всеми, и мы поздравляли друг-друга с наступающим праздником - Рождеством Христовым. Удивительное дело! Еще каких-либо пять лет назад мы так же поздравляли друг друга с праздником - днем Великого Октября.

Но я бы погрешил против истины, если бы не заметил: что-то облегчающее есть в поздравлениях с Рождеством и всегда было что-то напряженное в поздравлениях с революцией. Возможно, Богу противны революции, как один из самых жестоких видов насилия одних людей над другими, возможно, подавляюще в каждом из нас все годы правления коммунистов и подавления личности жило стремление вернуться к общечелове-

ческим ценностям, к провозглашаемым религией идеям. Можно триста раз не верить в Бога, но оспаривать рождение Христа, по-моему, просто глупо. Можно по-разному относиться к религии, но не согласиться с тем, что она ловко приспособила множество общих идей под свои цели, нельзя.

Около семи часов меня пригласили, предупредив, что времени - ноль. Ю.М. сидел за столом без пиджака, в белой рубашке и, кажется, даже без галстука. Он договаривал с министром, ведающим жильем, а когда поднял голову и глянул на часы, я увидел его глаза. Усталые до невозможности глаза уставшего человека. Таким, похоже, я его еще не видел.

- Времени у тебя нет, - заметил он, и я сразу согласился.
- Вы мне книжечку подпишите, - говорю.
- Подпишу, она у меня есть...
- Сейчас?
- Я же тебе сказал, подпишу...

Я понял, что настаивать бесполезно. Подошел к креслу, в котором он сидел, показал копию статьи о пенсионерах. По подчеркнутым мною накануне абзацам коротко изложил историю вопроса. Он молча написал на полях резолюцию Б. Никольскому, своему первому заму, с просьбой лично разобраться и решить вопрос. Я поблагодарил, пожелал хорошего отдыха и здоровья и откланялся.

Из дневника *17 марта 1992 г., вторник* **Территория и власть**

Две недели назад рюхнулся: давно не показывался на глаза, так ведь и забыть могут. А тут как раз и прецедент нашелся: публикация в одной из газет беседы за “круглым столом” о системе власти в городе. После публикации в “Труде”, бесед с ним и с префектом А. Брячихиным вполне логичным смотрелось продолжение разговора, хотя с “Трудом” я в эти игры больше не играю.

Как всегда неожиданно, свалился цейтнот: в понедельник поздно вечером Ю.М. вернулся из Штатов, жаловался:

- Ничего не посмотрел, 18 часов в полете...

И тем не менее сразу заявился в свой Красный дом, и все во-

круг завертелось - представляю, что там творилось. Но отступить было некуда, к 22 часам раздобыл новые номера телефонов - все поменялись к этому времени, в том числе и прямой, - и дрожащей рукой в 11-м часу вечера набрал.

Он сразу взял трубку, не узнал, пока я не назвал. По голосу я понял, что там все горит и плавится, и он сразу сам сказал:

- Слушай, у меня полно народу, что у тебя?

- Юрий Михайлович, я знаю, но мне надо полминуты. Завтра я публикую статью о разделении властей в городе, хотел бы, чтобы вы прокомментировали.

- Хорошо, приходи завтра в 22 часа.

- Не могу, поздно. Я приду утром на заседание правительства, передам вам статью, а вы во время заседания посмотрите...

- Договорились, - согласился он и положил трубку.

Надо заметить, что ход с комментарием придумал мой хитрый начальник после того, как прочитал заметку. Публиковать он ее не стал — показалась слишком жесткой по отношению к городским властям.

- А нам с ними еще жить, - философски заметил он, с чем не согласиться было нельзя. И хотя наш принцип - ничего ни у кого не просить - строго соблюдается, не хотелось бы, чтобы нам мешали.

- И в другом месте не публикуй - покажи Юрию Михайловичу, хуже не будет, - посоветовал мой доброжелатель.

Я немножко поупирался, потом все же согласился - где-то в самой глубине души гнездились у меня сомнения относительно заметки и, хотя показываю их перед публикациями кому бы то ни было чрезвычайно редко, здесь решил это сделать. Были принципиальные моменты, и не хотелось подставлять Ю.М. под негативное общественное мнение по поводу пострайонного деления города, против которого активно выступали депутаты Моссовета и прочие деятели. А тут еще и я - вот он, нарисовался.

Была также и уважительная причина: времени с момента написания заметки прошло довольно много, ситуация изменилась и на один из ближайших вторников было назначено заседание правительства по этому вопросу, то есть разделению функций между городом, префектурами и муниципальными округами. И во вторник же утром или в среду с учетом обсуждения должна была появиться статья.

Ее, впрочем, и поставили на среду в первоначальном виде. Хорошо я, сориентировавшись, попросил сдвинуть на день, поскольку в повестке дня заседания вопрос о власти числился третьим и сдать комментарий в номер никак не получалось.

В перерыве, после второго вопроса, префект, которого я попросил посодействовать, поскольку в заметке в основном рассуждали его подчиненные, сказал:

— Он еще не смотрел. Но лежит прямо перед ним.

“Это уже прогресс”, - подумал я, но повлиять уже никак не мог ни на ситуацию, ни на самого Ю.М. Оставалось ждать.

Тем более что заметка действительно лежала перед ним. Едва войдя в зал после перерыва, я увидел на столе перед Ю.М. свою синюю папочку с надписью по-английски: “К России - с любовью”. Писал заметку про гуманитарную помощь, ее опубликовали, а кроме гонорара у меня на память осталась и папочка.

Едва началось обсуждение второго вопроса, как Ю.М. открыл папочку и начал читать. По мере чтения лицо его все больше хмурилось, и я понимал почему. Люди, которые в заметке говорили за “круглым столом”, сказали все, что думали, по поводу своего бесправия на территории, что прежние структуры живут и мешают работать, что территориальное и ведомственное управление совершенно непропорционально представлено в городе - все подчинено ведомственному принципу в ущерб территориальному.

Но принял-то эту программу вице-мэр и премьер Ю. Лужков, однако читать о себе как об узурпаторе власти ему явно было не по нутру.

Дойдя до комментария, он взял ручку и начал что-то вписывать, а заметку передал сидящему рядом своему заместителю Б. Никольскому. По очереди ее прочитали также В. Ресин и В. Шахновский - и у всех были кислые физиономии.

Ю.М. время от времени поднимал голову и задавал по ходу обсуждения вопросы докладчикам, содокладчикам, членам правительства. И лишний раз можно было убедиться в его поразительной способности ориентироваться в обстановке и делать сразу несколько дел.

А вот встретившийся мне до заседания председатель профкома аппарата мэрии В.Максименко - надо же столько лет усидеть в таком кресле! - заметил:

- Не будет же он читать твой опус во время заседания правительства...

- Почему? Будет! - уверенно сказал я, и уверенность моя, как потом выяснилось, была обоснованной.

Когда Ю.М. сказал в заключение, что вопрос о передаче власти на нижние этажи находится в центре внимания правительства и будет решаться по мере накопления опыта муниципальными округами, я понял: выстрел мой был не холостым, хотя, может быть, и несколько самонадеянно считать, что под воздействием неопубликованной статьи принимается решение правительства. Хотя как знать...

Как бы то ни было, а я на виду у изумленной публики встал после его речи и принятия решения и попер через весь зал к премьеру - надо же было забрать свою папочку с надписью по-английски.

Стол, надо сказать, за которым сидят члены кабинета, довольно широкий, и нам пришлось наклониться друг к другу, чтобы общаться без напряжения голосовых связок.

- Ну, ты знаешь, какое-то говно получилось, - начал Ю.М. с соответствующей моменту гримасой, хотя в глазах и чувствовалось некоторое напряжение - он прекрасно знает, что управы на меня нету и если захочу, то опубликую, что угодно. И доказательно.

- Все-таки у тебя тут взята лишь одна сторона, - продолжал он, - одна проблема, один взгляд. Ты же сам приводишь пример префектуры, где все решается нормально, надо ведь не ждать, а работать, тогда все будет в порядке. Я там тебе все написал...

- Хорошо, - согласился я, - конечно, переделаю... С учетом сегодняшнего заседания и с вашим комментарием опубликую.

С магнитофонной ленты

Заработали новые структуры власти

- В соответствии с законом, принятым Верховным Советом, город приобрел особый статус - столицы России. Нынешнее административно-территориальное деление в связи с новым законом сохраняется, а всяким инсинуациям и спекуляциям во-

круг префектур, округов и муниципалитетов должен быть положен конец.

Порядком введения закона предусмотрен своего рода мораторий на изменение нынешнего административно-территориального устройства столицы. Поэтому попытки некоторых райсоветов немедленно приступить к переделу территории, возврату к прежним границам надо рассматривать как нарушение закона, который будет действовать до принятия устава города Москвы. Этим же законом предопределено право городских властей создавать муниципальные районы на основе нынешних муниципальных округов, компенсировать затраты города на содержание федеральных властей и выполнение столичных функций.

У нас уже заработали новые структуры власти, новая ее система, доведенная сверху донизу, до муниципальных округов, находящихся, как мы говорим, в шаговой доступности населения. Над ними - административные округа, префектуры, объединяющие обычно свыше миллиона человек населения.

Мы создали эту систему в кратчайшие сроки, ликвидировали исполкомы, и уже есть первые положительные результаты. Мы готовы поделиться своим опытом по преобразованию управления городским хозяйством с теми, кто пожелает последовать нашему примеру. Конечно, при такой скорости преобразований возможны и ошибки, недоработки в правовых возможностях муниципалитетов, округов, но база создана, теперь нам есть над чем работать и что усовершенствовать. А противоречия будем постепенно убирать совместными усилиями.

За новую систему исполнительной власти говорят такие факты: мы безболезненно провели подготовку к зиме, на совершенно других организационных началах вывели строительство жилья в столице на более высокий уровень. Впервые за многие годы москвичи не привлекались к уборочным работам на полях Подмосковья.

Из дневника *4 апреля 1992 г., суббота*

Не пьет мордвин спиртное “Двин”

Вчера встретился с Ю.М. на “его” поле, но об этом чуть позже, поскольку до вчерашней была еще одна встреча недели три назад. Это было 18 марта после коммунистического митинга на

Манежной площади, прозванного организаторами всенародным вече.

Народу было полно, примерно полплощади. В первых рядах - явно сумасшедшие, может быть, даже те, кто кричали совсем недавно: "Ельцин! Ельцин!" А теперь с не меньшим усердием орущие: "До-ло-й!" Им все равно, что орать. Но если даже это не они, то все равно очень похоже, стереотип политического сумасшествия вырабатывается четко.

За первыми рядами сумасшедших выстроились оголтелые - оглушительная группа поддержки, не жалеющая легких и глоток. За ними бывшая номенклатура в ондатровых шапках, среднего возраста - дирижеры. И, наконец, в последних рядах, зеваки типа меня. Лозунги прежние: продают Россию, долой жидомасонов, да здравствует СССР и тому подобная чушь.

На следующий день рассказал о своих впечатлениях Ю.М., заметив, что и 23 февраля ничего не надо было запрещать, то есть не надо действовать их методами, надо быть умнее и терпимее. Они поорали и разошлись. И пусть.

Ю.М. согласился, хотя, помню, был момент, когда его правительство пыталось запретить этот митинг. Но все меняется, и мы тоже. Наверное, и он.

- Что тебе подарить? - неожиданно спросил он, едва я вошел в боковушку, где обычно пьют чай его гости. Перед этим он пригласил помощника, велел никого не пускать и ни с кем не соединять.

- Ничего мне не надо! - опешил я, он между тем из стопки разного рода блокнотов, календарей и прочей муры уже вытащил один, достал из картонной упаковки. С золотым обрезом, в коже с застежкой, блокнот смотрелся красиво.

- Держи, - протянул его Ю.М., я поблагодарил, а когда стал заталкивать подарок в дипломат, нечаянно загремел бутылками - прихватил в надежде поменять на полные, а поскольку не удалось, так и таскал пустые с собой.

- Что там у тебя? - спросил он.

- Да вот бутылки таскаю, водки купить не могу. В баню собрался, а спиртного нет...

Ю.М. открыл холодильник, покопался в его недрах и достал бутылку армянского коньяка "Двин" десятилетней выдержки, который я, честно говоря, ни разу в жизни не пробовал.

- Бери! - сказал Ю.М. протягивая бутылку, - я все равно не пью...

За чаем он ругался и плевался по поводу гайдаровских реформ, благодаря которым напрочь опустела городская казна.

- У меня на первое января было плюс пять миллиардов, - воскликнул в сердцах Ю.М. - А теперь в городе - минус три. И так у всех крупных городов! Я только сегодня с ним разговаривал - нельзя, говорю, отпускать цены на энергоносители перед посевной, нечем будет сеять, крестьяне вас не поймут. А Москва - тем более, она ведь крупный потребитель топлива и электроэнергии. Что ж нам - по миру идти?

Потом, чуть поостыв, сказал, что пригрозил Гайдари конфронтацией Москвы с правительством и что пора по этому поводу поговорить с Гавриилом, чтоб он доложил ситуацию Ельцину. В результате вскоре объявили: цены повысят в середине лета.

- Надо же закрепиться на достигнутых рубежах, - убеждал то ли меня, то ли самого себя, а может, невидимого, но упрямого собеседника Ю.М. - Нельзя все время над народом издеваться, должен быть хоть какой-то перерыв!

- А как тебе удалось так быстро переделать статью о власти, что там все перевернулось? - довольно неожиданно для меня перевел он разговор.

- Так я же профессионал, - скромно потупил я глазки.

- Ты хороший журналист, - согласился он. - А знаешь, Яковлев тоже неплохой. Мы с ним книжку выпустили про путч, эх, жалко не осталось ни одного экземпляра, все раздал, а то бы тебе подарил... - посетовал он, оглядывая помещение - не завалилась ли поблизости. Нет, не завалилась...

Вчера же я напросился на прием после того, как понял: без рассказа его о себе и о нем его ближайшего окружения ничего у меня не получится, как бы я ни пыжился.

Он назначил встречу - удивительное дело - в этот же день на 18 часов, я попал в кабинет в 19, а за чай - в 19.30 - он долго разговаривал по телефону с А. Тяжловым, возглавляющим администрацию Московской области. Как менялось выражение лица Ю.М. при этой беседе, передать невозможно. Подвижное, живое, оно принимало самые разные выражения, а то и просто их оттенки - от сосредоточенно-сострадательного участия до свирепого неприятия.

- Это глупость! - кричал Ю.М. в трубку. - Эта накачка идет специально, что область находится под пятой Москвы, это же неправда. Если мы с тобой скатимся до подобных рассуждений и выяснения отношений, то грош нам цена в базарный день. Никакого неравенства в отношениях не существует, и мы его не потерпим, нет у Москвы великодержавного подхода.

А речь, как я понял, шла о налогах столичных предприятий в области и областных - в столице. Ю.М. моментально все разложил по полочкам: чья собственность, тот и должен получать налог с предприятия. А для создания работающим сносных условий надо вводить местные налоги, в том числе и на трудовые ресурсы.

- А если ты заломить большой налог на все это, - заметил Ю.М., - то мы просто не потянем или нам станет невыгодно содержать предприятие, и мы его просто продадим.

И затем, выслушав ответ, добавил:

- Нет, ты не купишь, у тебя денег не хватит.

А когда собеседник сказал что-то, видимо, про собственность, то Ю.М. возразил, как всегда экспрессивно:

- Я не хозяин даже собственного кабинета и стола в собственном кабинете! А с собственником надо быть на "вы". Лужков же в данном случае представляет интересы города, если доверили управлять его собственностью.

Потом еще долго-долго он слушал своего собеседника на том конце провода, наконец устал, начал подписывать бумаги, потом слушал стоя, потом, положив трубку, развел руками:

- Поддал он там, что ли...

Подписал несколько документов Б. Никольскому, В. Коробченко, а всех остальных отправил восвояси:

- Извините, я вот должен с ним, - кивнул на меня, - поговорить, он уже полтора часа сидит...

В "чайной" он спросил:

- Чай будем пить?

- Вы - да, я буду работать...

- Нет, давай сперва чайку попьем.

Пока пили перекипевший в самоваре чай с печеньем и бутербродами, я рассказал о своем замысле.

- А "эти" не будут злорадствовать?

- Будут. Ну и что? Рой Медведев пишет политические био-

графин, Собчак сам про себя пишет, Гавриил пишет и даже Рариса Максимовна. Вы-то не хуже, а гораздо лучше и интереснее, потому что вы - личность, и нельзя этого очевидного факта не признавать, нельзя его закапывать. Надо работать, потому что жить осталось мало... И еще. Я хотел бы попросить вас быть соавтором такого труда.

Он отрицательно покачал головой.

— Но ведь я отнимаю у вас время, заставляю заниматься со мной и напрягаться.

Он остался непреклонным.

Из записных книжек

По “Лужкову” по мосту

Когда Юрий Михайлович начинает говорить о качестве покрытий московских автомагистралей и причинах убогого их состояния, он преображается. Вполне равнодушно, вполуха слушающий беседу, вяло ее поддерживающий, он, едва уловив, что речь зашла о дорогах, начинает говорить, энергично жестикулируя. Оказывается - сел на своего любимого конька, который, правда, доставляет ему, как главе кабинета, больше неприятностей, чем все другие отрасли городского хозяйства вместе взятые. Впрочем, как и многим москвичам. Не говоря уже **об** иностранцах.

Среди причин плохого качества Юрий Михайлович называет, кроме классического русского разгильдяйства, шляющегося, по его мнению, не врожденным, а привитым порочной системой хозяйствования и государственного устройства, слабую материально-техническую базу дорожников, неподходящее сырье и еще с десятков причин, знать которые может только человек, хорошо знакомый с технологией производства асфальтобетонной смеси и ее укладкой.

Больше всего поражает, что он на память может перечислить, в каком карьере России какой щебень добывают и какая нужна фракция для дорог того или иного класса. “Ему-то это зачем?” - думал как-то я, слушая увлеченные рассуждения о будущем столичных магистралей. Потом понял: он, прикоснувшись к проблеме, не может выслушать специалистов и принять решение на основании их слов. Он должен знать! Причем речь

не идет о недоверии тому или иному спецу. Неоднократно приходилось наблюдать, как он внимательно слушает их объяснения: голову чуть склонит набок, лоб нахмурит - не по причине недовольства, а выражая напряженную работу мысли, - следит за говорившим непрерывно, не отвлекаясь. И сразу включается в обсуждение, выказывая знание предмета. И улавливая слабые места в разработке, технологии, конструкции, экономических выкладках. Удивительно развито у него чувство реального, прямо нух какой-то...

Строить дороги он пригласил как-то знаменитого старателя В.Туманова с его не менее знаменитым кооперативом, перевернувшим на российском Севере все прежние понятия о темпах строительства и качестве дорожного полотна в нашем государстве. Приглашал и знаменитую германскую фирму, заставил вкалывать доморощенных специалистов и рабочих. Но эффект пока нулевой: каждой зимой разваливается, разбивается, размораживается, расслаивается, разухабливается дорог гораздо больше, чем удастся отремонтировать в короткие летние месяцы. Кроме того, не хватает бетона, асфальта, машин, рабочих, попросту денег.

Болезненно он переживает неспособность быстро добиться здесь результата. Как-то в одной из городских газет появилась заметка с критикой политики и практики ремонта дорог. Как возмутился Ю. Лужков! Не потому, по его словам, что покритиковали - кто нынче без греха, а потому, что написали, не разобравшись в существе, с ходу отвергли сам принцип, предложенный правительством, в то время - исполкомом Моссовета.

- Он бы хоть меня спросил! - возмущался Юрий Михайлович, имея в виду корреспондента. - Я, можно сказать, душу вкладываю в асфальт, готов сам лечь в это проклятое полотно, а он?

Кажется, его службы подготовили по этому инциденту опровержение или появилась статья другого характера - я уже не помню, но факт такой имел место.

Он вообще ревниво относится к реализации собственных идей, болезненно переживает, когда критикуют. Хоть и утверждает, что двумя руками за справедливую критику, но, как и все, критики не любит. Или любить ее - это патология?

Я, например, тоже не люблю, когда критикуют огульно. Как-то в недружелюбной мэру компании пришлось услышать мнение, что, дескать, одной кольцевой дорогой занимается, а все другие в запустении. Но это, конечно, неправда. Хотя за ту же кольцевую водители готовы поставить ему памятники на каждом километре - кто ездил по ее обновленной части, тот согласится.

Но и кроме того, ежегодный объем ремонта дорог перевалил уже за 10 тысяч квадратных метров, а однажды эта отметка подскочила к цифре 17. Правительство города ищет новые подходы к решению транспортных проблем с учетом того, что количество автомобилей растет в городе с невиданной прежде скоростью и пробки на улицах города становятся для автомобилистов досадным, но, увы, привычным явлением.

Одно время Ю. Лужков усиленно пропагандировал идею “закручивания” Садового кольца в одну сторону, то есть хотел организовать здесь одностороннее движение, но потом остыл и как-то признался, что эта идея была предложена им больше для затравки, для тренинга мозгов транспортников, дорожников, архитекторов и проектировщиков. Остановившееся было третье кольцо успешно продвигается с развязыванием “лефортовского узла”, прокладывается магистраль - дублер Ленинградского проспекта, устраиваются развязки, съезды, туннели.

На одном из заседаний правительства Москвы в течение двух с лишним часов обсуждался вопрос об устройстве транспортной эстакады через Москву-реку и водообводной канал в районе Замоскворечья. Одновременно решали, как быть с общей схемой транспортного движения у Храма Христа Спасителя.

А обсуждать было что. Бульварное кольцо, как хорошо знают москвичи, на самом деле вовсе и не кольцо - с двух сторон оно прерывается на берегах реки Москвы в районе Замоскворечья, которое остается едва ли не со времен своего основания самым труднодоступным районом города для пешеходов и транспорта. Так исторически сложилось, но так не должно быть, считали еще авторы первого Генерального плана развития Москвы 1927 года. Потом был Генплан 35-го, потом 71-го, и не один из них так и не был реализован до конца.

Теперь времена переменялись. Если предшественники нынешних городских властей делали в свое время ставку на рас-

чистку улиц, мешающих соорудить мост в районе станции метро “Кропоткинская”, то теперь борцы за сохранение московской старины вряд ли позволят это сделать.

И даже не в них дело. Стоило послушать, как шло обсуждение, чтобы без усилий понять: в зале заседаний собрались москвичи, действительно заинтересованные в сохранении былого и нынешнего облика столицы, люди, которые даже для благих целей не позволят снести ни одного памятника.

Конечно, противоречия в отношениях с общественностью возникают - не могут не возникать. И если группе людей кажется, что предназначенный под снос дом представляет какую-то ценность, хотя порой это им действительно только кажется, то правительство тщательно рассматривает варианты, отстаивает свою точку зрения и доказывает с документами на руках свою правоту. И только добившись понимания, продолжает работы.

Впрочем, справедливости ради, надо сказать, что не только расчистку улиц под эстакаду со сносом памятников планировали прежние власти. В середине 60-х годов директор института Мосинжпроект И.Н. Муравьев прорабатывал различные варианты прокладки туннелей, которые должны были по опыту крупных зарубежных столиц рассекать чуть ли не весь город и располагаться порой ниже туннелей линий метрополитена.

В начале 70-х руководство страны и города постарело, одряхлело и к новшествам охладело. Возможно, и с деньгами начались проблемы, словом, поступила команда: хватит копать. И прекратили.

Несмотря на то что к этому времени на площади Восстания, например, полностью переложили все коммуникации под строительство транспортной развязки, но - законсервировали. По сей день.

Вариант туннеля в районе Замоскворечья предусматривает спуск под землю у Гоголевского бульвара, где устраиваются развязки с сооружениями метрополитена, а выход должен быть, по мнению специалистов, на Б. Якиманку в районе “Президент-отеля”, длина - 940 метров.

Будет он проложен при нынешнем правительстве? Думаю, если не при этом, то и ни при каком другом.

А вот то, что при нынешнем правительстве будет постро-

ен пешеходный мост через водообводной канал, - это точно. Необходимость строительства такого моста диктуется возведением Храма Христа Спасителя, к которому сегодня, по существу, пешеходных путей нет. С возведением моста образуется пешеходная экскурсионная зона: Замоскворечье - Храм Христа Спасителя - территория Пушкинского музея - объекты Кремля.

Считается, что мост создаст также совершенно новый имидж Москвы как туристского центра и станет любимым местом отдыха горожан, как стал мостик к Третьяковской галерее, называемый все чаще “Лужковским”, или “Лужков-мост”. А вы говорите памятники...

С магнитофонной ленты

Дорога к Храму

- Во-первых, конец Бульварного кольца, пересечение его с Москвой-рекой - это один из самых старых заповедных районов города, и надо к нему относиться предельно внимательно и бережно.

Второе. Нам нужно замкнуть Бульварное кольцо. Рано или поздно мы вынуждены будем подойти к реализации этой задачи.

Третье. Нам нужно разгрузить Большой Каменный мост, куда стекается и где концентрируется сейчас движение, поскольку на довольно большом протяжении Москвы-реки он является единственным мостом, который пропускает весь поток транспорта из центра города в Замоскворечье, на Ленинский проспект и так далее.

Кроме того, на некоторых участках Замоскворечья мы имеем такие рекреации, которые являются, несмотря на то что это центр города, труднодостижимыми для человека. Скажем, тот же Кремлевский полуостров: кажется от Каменного моста к стрелке рукой подать, а на самом деле шаговая и даже автомобильная доступность весьма и весьма здесь ограничены. И полуостров получился тупиковым. Это застойная зона Москвы, такая же, как и Краснохолмский кусок, или Красные холмы. И если мы не развяжем эти узлы каким-либо образом, то такие участки в центре города будут пребывать в нынешнем их состоянии - полуразвалившемся и необитаемом.

Все это требует бережного, внимательного отношения к сохранению среды, и в то же время - создания коммуникационных систем, связывающих эти куски, участки города с остальной живой городской средой.

Сложный вопрос, если говорить о том воздействии, которое новые градообразующие элементы оказали бы на уже существующую историческую застройку. Если провести эстакаду по крышам - это все, это значит, что мы будем растерзаны, убиты морально средствами массовой информации, теми, кто дорожит видом Москвы и прочее. Поэтому нам нужно принять решение о строительстве пешеходного моста.

Мы должны соблюдать определенные условия для того, чтобы не испортить облик города, с одной стороны, а с другой - нас поджигает необходимость выводить Бульварное кольцо на замкнутый режим. Это так или иначе приводит нас к пробивке туннеля, но здесь возникает много сложностей.

Туннель - это не просто участок, который нас перенесет с одной стороны реки на другую. Скажем, от Кропоткинской, или Пречистенки. К этим названиям, кстати, нужно привыкнуть основательно, потому что полсотни лет называли так, а теперь в один день назвали по-другому, и путаешь Воздвиженку со Знаменкой, Пречистенку с Варваркой, а все это потом мешается с Ильинкой и Маросейкой.

Так вот, вернусь. Туннель должен быть сложен с выходами на Якиманку - не просто элемент, где мы в одном месте въехали и дальше где-то в другом месте выехали. Говорить о строительстве туннеля и не поставить перед собой задачу замкнуть Бульварное кольцо - это абсурд, это выброшенные деньги, которых нет.

Меня почему-то не очень сильно волнует, что будет на Пушкинской площади или у Никитских ворот, а в большей степени, что будет в районе Новокузнецкой, Пятницкой и у Яузских ворот. Туда вся эта система должна быть развернута, и мы должны знать, что там нужно сделать. Скорее всего мы придем к туннельно-эстакадному варианту, но пока об этом говорить очень опасно и очень преждевременно.

Нужно поставить задачу перед архитекторами, транспортниками по отработке системы замыкания кольца и рассмотрению всех тех опасных, сложных или, наоборот, всех тех воз-

можностей, которые дает нам превращение Бульварного кольца в единую транспортную систему.

И если архитекторы докажут, что есть реальная возможность замкнуть Бульварное кольцо с проходкой туннеля на участке, о котором говорилось, то сама жизнь будет заставлять нас двигаться навстречу этой задаче, и, самое главное - мы при этом не оставим ее воплощение нашим внукам.

Из дневника

3 июня 1992 г., среда

Радость безмерная

Жаль, что у меня не получается записывать тут же за событием. И ведь не сказал бы, что лень, просто не всегда могу собраться, хотя и время есть - грех жаловаться, - и если когда-нибудь сошлюсь на его отсутствие - то только для того, чтобы оправдаться перед самим собой. Ведь вовсе необязательно писать помногу и сразу - достаточно зафиксировать событие, и потом эта запись станет вехой, вокруг которой можно вертеться, сколько угодно. И подробности всплывут и превходящие обстоятельства и все прочее, необходимое для воспроизведения картинки. Так что придется возвращаться, пока я не стал дисциплинированным и строгим по отношению к самому себе.

Итак, 14 мая в два часа я, как штык, торчал под дверью кабинета, терпеливо ожидая, пока пригласят. Пригласили.

Ю.М. сидел за своим рабочим столом - спокойный, не суевливый. Даже телефон почему-то не трезвонил, и за все время нашей беседы никто не ворвался из тех, кто, как принято говорить, имеет право (или присвоил таковое) открывать дверь ногой. Под занавес беседы и под хорошее настроение решил пригласить его поучаствовать в фестивале одной городской газеты, которую совсем недавно он хотел подвергнуть обструкции. А тут неожиданно сказал:

- Газета, по-моему, изменилась в лучшую сторону, она стала освещать объективно. Если ей не помешают некоторые старые кадры, она будет еще лучше.

Думаю, он намекал на заметку моей давней знакомой, которая в самой последней ее фразе клюнула Г. Попова: дескать,

депутаты требуют его немедленной отставки. По этому поводу я свою старую приятельницу спросил: зачем ты к заметке искусственно приклеила такой хвост? Он ведь не вытекает из существа заметки, что видно из текста, и отнюдь не украшает автора. Мне лично, добавил я, Гаврила - до фени, хотя и умница необыкновенный. Но плевать надо грамотно даже против ветра, чтобы не попало самому себе в физиономию. Она упиралась, но я чувствовал: сама видела, что промахнулась.

За два дня до фестиваля я позвонил Ю.М. по прямому проводу, он тут же взял трубку, узнал. Когда же я обозначил предмет, по какому звоню, сказал:

- Не могу, извини. Как раз 24-го числа - праздник славянской письменности, он начнется в 10 часов, а в 11.30 состоится открытие памятника на Славянской площади, там будет духовенство, патриарх. А я отсутствовал на пасхальных торжествах...

- И патриарх обиделся.

- Не то, чтобы обиделся. Огорчился. Так что никак не смогу.

- Понял. А когда мы с вами продолжим наши “беседы при ясной луне?”

- Давай в среду, в 20 часов, сейчас я себе запишу. - И после паузы добавил: - А ты знаешь, я еду к Сургутскому, хочешь поехать со мной? Это фермер, бывший директор совхоза, отсидел два года, выпустили — да, может, ты и слышал о нем...

- Слышал, - подтвердил я, хотя еле-еле смог вспомнить фамилию. - Сам хотел с вами напроситься, - продолжал, - да постеснялся. Так что - с удовольствием!

На том и расстались.

26-го числа было заседание правительства, на которое меня погнала моя начальница, правда, теперь бывшая. Поезжай, говорит, тема твоя, о разделении властей. Делать было нечего.

Вообще-то ход с постановлением о разделении ветвей власти, уровней ее компетенции правительство, хоть и с небольшим опозданием, сделало верный. Буквально накануне депутаты приняли решение вернуть все “взад обратно” в административном делении Москвы, то есть префектуры - по боку, снова образовать 32 района. Под соусом, что властью муниципалитеты не обладают, денег у них нет, штатов нет - ничего

нет. А народ требует работы и заботы о себе. А как все это можно осуществить, не имея ни гроша в кассе властной структуры?

Им же, этим сумасшедшим народным избранникам, надо править, все время чувствовать себя необходимыми, иначе от значимости и напыщенности ничего не останется.

Короче, своим постановлением правительство вышибло основной козырь у представительной власти - козырь преимущественной заботы о сирых и убогих и вообще об обывателе. В муниципальные округа, префектуры передавались все функции по распределению жилья, управлению жилищно-коммунальным хозяйством, словом те, без которых управляться с населением невозможно. И одновременно рабочая группа готовила очередное предложение по экономике, культуре и прочему.

Обсудили документ довольно быстро, внесли поправки, велели доработать. Мне понравилось, что Ю.М. подметил казуистическую фразу: “супрефект вносит предложения”, которую он велел заменить на “принимает решения”. Кардинальный, однако, поворот!

Хорошо он отвесил и префекту Северо-Восточного округа В. Систеру, который тут же, на заседании, начал сводить счета по зданиям с другим префектом:

- Я должен сказать, - нахмурил брови Ю.М., - что здесь не время и не место вести подобные разговоры. И во имя единства правительства я готов на любые жертвы, - подчеркнул он, имея, наверное, в виду жертву в виде префекта Северо-Востока. Зал только что не заплодировал. Я тоже.

7 июня 1992 г., воскресенье

В перерыве заседания я подошел к столу президиума. Ю.М. с кем-то говорил, отвернувшись. Я стоял, ожидая, хотел спросить, состоится ли поездка к Сургутскому. Он увидел и через широченный стол заседания протянул руку - я еле дотянулся, чтобы пожать. Он не стал ждать, пока я задам свой вопрос. Опередил, что, впрочем, для него вообще характерно.

- Завтра едем рано.
- Я знаю, в 12.
- Нет, намного раньше...
- Во сколько?

- Приезжай сюда в полдевятого...

На следующий день я прибежал очень рано, в приемной было тихо и безлюдно. Такой контраст по сравнению с вечерними часами, что тишина просто оглушает.

Дежурный сказал, что выезжаем ровно в 9, со двора. Без 15 минут пришел охранник или телохранитель, не знаю, кем он числится, а минут без 10 мы спустились во двор.

Тут и там кучковался чиновный люд, то и дело подъезжали автомобили, высаживая гладких лидеров городского парламента и замученных министров правительства.

Депутат в полковничьих погонах злословил:

- Вот, говорят, Костя Боровой получает сто тысяч. Но он на эти деньги все содержит в отличие от нашего председателя, и если подсчитать, то окажется, что у Гончара расходы подскочат до трехсот тысяч. Одного казенного бензина он “съедает” на десять тысяч. А сколько вокруг него прихлебателей? И при этом газетчики, - взгляд в мою сторону, - утверждают, что депутаты много тратят. Да совсем немного...

Ю.М. появился в 10-м часу, взъерошенный, со здоровенной сумкой и почему-то не на своей машине. Оказалось, с утра играл в футбол, едва сполоснулся и вот прилетел.

- Иди садись, чего ждешь? - скомандовал он, поздоровавшись, и я пошел занимать место в “рафике”. Вспомнил его выражение про народ, который не любит вереницы черных машин.

Телохранитель сел рядом с водителем, у рации. Потом, когда снял пиджак, стали видны всем два пистолета - под каждой подмышкой по кобуре. Один - “Макаров”, другой - газовый. Ю.М. сел рядом с незнакомым мне мужиком, скорее всего из комиссии Моссовета по продовольствию, Ю. Афанасьев сел сбоку, министр транспорта А. Пешков - впереди меня. Позади разместился С. Веселовский, по-моему заведующий распорядительным управлением или что-то в этом роде. Он из старой моссобетовской гвардии, я помню его еще со времен работы в Моссовете, почему-то его в тогдашнем аппарате не любили, не знаю, как теперь.

Ю. Афанасьев, как выяснилось, ехал к Сургутскому на правах старого знакомого, знал его еще по Красноярску, откуда последний родом. Может, и Афанасьев оттуда.

Едва тронулись - завязался разговор о последних событиях - повышении цен на энергоносители, положении в городе, кризисе промышленности.

- Я ему, Гайдару, - энергично заговорил Ю.М., - доказываю, что Москва не может жить по тем порядкам, которые ей диктует российское правительство. Или ты, говорю ему, идиот, или просто негодяй. На идиота вроде бы не похож, значит, второе. Если судить по действиям в отношении промышленности и предприятий. Еще немного - и наступят полных крах, хаос и неразбериха.

Ситуация, при которой Центральный банк отнял все у всех, переключил на себя все расчеты и в результате захлебнулся, придумана с одной целью: добить крупную промышленность, поставить ее на колени.

Я им доказываю: оставьте в границах России все, как было прежде, пусть предприятия рассчитываются друг с другом без посредника, это ведь 85 процентов взаиморасчетов. А прочие - Украина, Татарстан - пусть проходят через расчетный центр банка, чтобы средства не утаивали, чтобы они не утекали мимо государственного кармана. В этом случае оборот денег не будет длиться больше двух месяцев, наличность наконец-то появится.

А они: мы как-то не подумали. Врут все. У них все продумано и придумано. Вредительство какое-то. Я предупредил: Москва терпеть все эти издевательства не намерена и будет бороться всеми доступными средствами.

На что С. Веселовский заметил:

- Самое лучшее - отключить в Совмине холодную воду. Без канализации долго протянуть еще никому не удавалось. Без света, тепла, газа - держатся, а вот без толчка - быстро сдаются.

Ю.М. между тем рассказывал о Сургутском, с которым познакомился в 1978 году, будучи директором ПО "Химавтоматика", шефствующего над Рузским районом. Он ему помог на самом трудном этапе становления, потом директор зашагал сам. Да так широко, что завистники не простили. Едва бывший секретарь его парткома стал первым в районе, как объявил своему бывшему директору выговор, потом снял с работы и отдал под суд. До которого, правда, дело не дошло. Два года мужика

продержали в камере, дело прекратили, но за это время дом сожгли, мать умерла, что-то произошло и с семьей.

Все, естественно, от него отвернулись, а Ю.М. сказал:

- Виталий, можешь на меня ссылаться где угодно, я везде скажу, что тебя знаю и тебе верю.

Рассказал Ю.М. и такой эпизод. Когда совхоз В. Сургутского уже разбогател, директор решил поставить на центральной усадьбе монумент под названием “Рабочий, колхозница и солдат”.

- Кто, вы думаете, выступал автором проекта, архитектором и скульптором памятника? - лукаво спросил нас Ю.М. и, не дожидаясь, пока мы будем гадать и догадаться, сам же ответил: - Конечно, Сургутский!

- Кто изображен в качестве рабочего? - спросил он публику, широко улыбаясь. И опять сам ответил: - Конечно, Сургутский!

- А кто, вы думаете, изображен в качестве солдата? Конечно, Сургутский!

- А в качестве колхозницы? - громко уже смеясь, спросил Ю.М. пассажиров “рафика” и самого себя, и мы дружно отреагировали:

- Конечно, Сургутский!!!

Так, за разговорами и смехом, довольно быстро проскочили мы почти 100 километров по Минскому шоссе до Тучкова и там, среди садовых участков, нашли хозяйство бывшего директора, а ныне простого фермера Виталия Сургутского. Дом он ставит новый - из железобетона, чтоб нельзя было поджечь. На подворье - всякой твари по нескольку пар. 50 овец, бычки, козы, птица, корова. 10 гектаров земли, что выделили ему как пай, явно мало. Он просит еще 100 в аренду - не дают. Но и не отказывают. Его бывший парторг и преследователь ныне - представитель Президента по Московской области. Говорят, сильно не ладит с главой администрации, с которым ладит Ю.М. - привез же он команду на ферму, чтобы конкретно определиться, чем можно мужику помочь в такой ситуации. А он того стоит.

Хотя было и другое мнение: а городу-то Москве что с того? Которое, по-моему, после посещения хозяйства, уступило место другому: городу польза.

Любопытен был эпизод за обедом, когда хозяин выкатил к офонарительной закуске - все домашнее, свежайшее: колбаса собственная, мясо копченое, чеснок маринованный, зелень, жаркое из баранины - вчера специально для вас зарезал, уточнил хозяин, - две запотевшие бутылки "Столичной". Ю.М. сразу отказался - не пью. И автоматически отказались все, кто с ним приехал, Ю. Афанасьев чуть пригубил, а я сказал:

- А у меня тут начальства нет, я выпью!

Правда, выпил немного, впереди был еще полный рабочий день, дорога, репортаж в номер.

Телохранитель вслух громко отказался, но, отвернувшись, сумел-таки опрокинуть чарку - молодец! На обратном пути почти все кемарили - обед, дорога, жара. Телохранитель потом скажет:

- Никогда шеф не садится на переднее сиденье, никогда не разрешает открывать окна.

К вечеру я настроил четыре страницы текста на машинке, но не репортажа, поскольку прецедента для того не было: с чего бы это премьер правительства поехал именно к этому фермеру, а не к какому-либо другому, каким боком и пр. Повез ему показать, тем более что на 20 часов мне уже было назначено.

По пути в приемную встретил несколько веселых мужичков-аппаратчиков - ничего не мог понять. И только в приемной все прояснилось: три часа назад жена Ю.М. родила ему дочь. Теперь уже точно. На радостях он выкатил ящик коньяку, где праздновали, я не понял, но телохранитель пришел тоже ничего себе и сказал, что вес малышки 3,5 килограмма, назвали в честь матери Леной, а Ю.М. уехал с В. Ресиным в роддом и, конечно, теперь не вернется - такое событие!

Я поотирался в приемной, потом телохранитель мне моргнул, и мы пошли в его каморку. Посидели, отметили это радостное для шефа событие, а в десятом часу помощник из приемной сообщил по рации: приехал, дескать, сам, собственной персоной.

Я спустился этажом ниже в надежде показать все-таки свое сочинение.

- Вячеслав! - спросил он по громкоговорящей связи помощника, - кто у меня в приемной?

- Воронин и журналист, - ответил Вячеслав Иванович и пошел в кабинет, видно, Ю.М. пригласил.

Вышел и сказал:

- Велел Воронину войти, а журналисту передать привет. Я не понял, что это означает...

- Это означает, что он меня послал, - перевел я.

- Может быть...

Тем не менее я не уходил - все бывает в этом мире, а в высших кабинетах - и подавно.

Без каких-то минут одиннадцать ночи Ю.М. вывалился из кабинета - плащ нараспашку, сам какой-то вроде растерянный или даже обалдевший.

- Слушай, ничего не могу, - сказал, увидев меня в приемной и поняв, что я до сих пор топчусь здесь, а не пошел туда, куда он меня послал.

- Да мне ничего и не нужно, - сказал я, - только показать, что получилось из этого рая.

- Давай посмотрю, - присел он в кресло.

Я примостился рядом.

Кто-то влетел в приемную, пока он читал мой опус, громко крикнул:

- А я хотел вас поздравить...

Тут и я подсуетился:

- А с чем вас поздравляют?

- Да у меня дочь сегодня родилась!

- Поздравляю! - сказал я, пожимая ему руку, по-моему, он не очень поверил, что я об этом узнал только что: кто его проведет, тот трех дней не проживет.

Между тем он дочитал:

- Хорошая заметка. Публицистическая.

- Я не стал писать репортаж. С чего?

- Правильно сделал, - заметил он, поднимаясь.

За ним увязался Л. Кадуков, человек от спорта или для спорта, точно не знаю, что-то вслед канючил.

- Лева! - вскипел Ю.М. - Я тебе во сколько назначил?

- В девять...

- Где ты был в девять часов?

- Я опоздал на 10 минут... Сказали, что вы не приедете.

- Кто тебе сказал?

Диалог этот продолжался, пока Ю.М. шел через приемную, потом из коридора донеслось:

- Пошел ты! У меня там сын внизу уже полтора часа ждет, семья собралась...

Лева между тем продолжал что-то бубнить.

Из записных книжек

Мавр ушел и дело не доделал

Примерно через месяц после попавших в печать сообщений о том, что Г. Попов собирается в отставку, он провел в зале заседаний дома на Тверской, 13 пресс-конференцию для журналистов всех мастей, на которой попытался объяснить причины своего ухода. Пресс-конференция длилась часа два, и гадких лобовых вопросов ему задали немало. Он ответил на все, приводить их не стану, напому об основных.

Мэр во вступлении сказал, что решение его - не спонтанно, а продумано и выверено, оно обсуждалось на всех уровнях и везде нашло поддержку. Никаких подводных камней здесь нет, объяснил Гавриил Харитонович, просто он увидел вдруг то, на что прежде не обращал внимания, а именно: советы фактически не дают работать исполнительной власти, подменяют во всех вопросах, приватизация не проводится, а поэтому реформы пробуксовывают и неизвестно, когда удастся переломить ситуацию. Предлагаемые же варианты выхода из создавшейся ситуации его не устраивают, и потому он решил уйти. На вопрос, не отступает ли он от борьбы за идеалы, Попов ответил, что он, напротив, опережает события, поскольку этим своим демаршем хочет привлечь внимание общественности к тому, что страна может в конце концов свернуть не туда, куда следует, если немедленно не начать либерализацию цен, приватизацию и не решить главного вопроса - о власти. Нынешняя система не имеет доверия, подчеркнул он. Нет даже никаких гарантий, что человек, взяв кредит, может определить свою судьбу и судьбу своих детей - настолько все неустойчиво и зыбко.

Землячка его, гречанка, спросила: скажите, если негативные проявления путча подавлены, кто мешает двигаться вперед? Раньше мешал центр, теперь же видна ваша собственная неготовность к реформам. Чем тогда занимались демократы, год находящиеся у власти и два года стремившиеся к ней?

Гавриил ответил, сославшись почему-то на высказывание Руцкого, что сегодня нет ни власти, ни демократии, и вообще тип власти не соответствует его стремлению проводить реформы.

Спросили про Пияшеву, которой он выдал карт-бланш на обвальную приватизацию, против чего, кстати, активно возражал вице-мэр Ю. Лужков.

Ответ был оптимистичен: правительство Москвы доведет дело с обвальной приватизацией до конца, не даст ей погибнуть, а его собственный уход станет толчком для демократических преобразований большого масштаба. И добавил, что вместе с ним не уходит ни один человек из структур управления городом, все остаются на местах и они должны предпринять все усилия, чтобы дело, начатое Поповым, довести до конца.

Корреспондент ТАСС спросил: на каких условиях вы могли бы остаться? Попов довольно подробно пояснил, что его приглашает Верховный Совет и если окажется, что в недрах высшего органа власти есть здоровые идеи, то он готов их рассмотреть. А смириться с тем, что депутаты низводят Москву до уровня периферийного уровня, не предоставляют ей достаточной самостоятельности, он не может. Столицу притесняют, несмотря на то, что прошли выборы мэра, эта власть утверждается в качестве полновесной исполнительной власти. Советы же по-прежнему орут: вся власть советам! А депутаты делают вид, что ничего не происходит. Короче, при реализации суммы политических мер, определяющих статус Москвы, как самостоятельного города со своим уставом, он может подумать.

В качестве дополнительных условий, при которых он остался бы на посту, Г. Попов назвал и другие: Москва должна получить режим особой экономической зоны и двигаться энергичнее по пути реформ, чем Россия. Реформы вообще не должны везде идти одинаково - даже царь-освободитель принял четыре разные модели освобождения крестьян.

В случае если это высшими властями будет принято, основным условием остается полная приватизация. Взаимоотношения с представительной властью, с Моссоветом то есть, должны быть такими, при которых она только следит, чтобы администрация не допускала злоупотреблений. Необходимо также избрать городскую Думу и усилить смычку города и Московской области. Надо дать горожанам возможность жить нор-

мально, обеспечив участками в 50-километровой зоне и защитив от грабителей.

Корреспондент “Голоса Америки” поинтересовался: какую из ветвей власти вы критикуете? И получил развернутый ответ, сводившийся, впрочем, к уже называемым уровням. Правда, расцвеченным новыми красками.

Власть на разных уровнях, сказал Г. Попов, попала к представителям “Демократического выбора России”, а многие из них оказались просто популистами. Народ предпочел их как альтернативу коммунистам, но программы преобразований у многих не оказалось, возможности созидать ограничены.

Кроме того, на своих местах остался прежний аппарат, который всеми доступными ему способами мешает проводить реформы и саботирует. Но пока есть собственность в руках государства, с аппаратом ничего сделать нельзя, избавиться от него невозможно. Он охотно принимает либерализацию, но не приемлет приватизацию.

И тут я вспомнил одну из публикаций Гавриила Харитоновича, в которой он откровенно удивлялся: я - мэр, а путевку в санаторий должен получать у начальника финансово-хозяйственного управления, устраивать свой быт следует также через него, определять родственников в поликлинику - опять через кого-то.

Он, никогда не работавший в высоких чиновных инстанциях, не подозревал, что система власти, вся ее пирамида держится на исполнителях из аппарата, на незаметных порой личностях, которые оказываются иногда на первых теневых ролях и играют в игру, которая им выгодна. Похоже, это явилось для него настоящим открытием и, возможно, послужило либо первым, либо последним толчком к принятию решения об отставке.

Кроме того, злые языки утверждали, что он сумел ухватить приличный кусок земли в районе Немчиновки, там, где когда-то была дача Л. Брежнева - место, доложу я вам, классное.

Поднявшись с дороги на крутой берег Сетуни, попадаешь на освоенную и ухоженную территорию со своей инфраструктурой, охраной, домами для obsługi, вертолетной площадкой, которую, говорят, уже застроили.

Правда или нет, что Попову там удалось что-то поиметь, наверняка не знаю, хотя по нынешним смутным времена можно ожидать всего.

А “Голос Америки” между тем не унимался: что же тут, говорит, позитивного, если на носу зима, а вы бросаете город на произвол судьбы? Да, ответил экзаменуемый, хаос возможен, но в этом и есть позитивный момент - спохватятся те, кто нынче у власти. Многие ведь понимают, чего я хочу, но не они сегодня у руля.

Добавил жару итальянец: ваша отставка, заявил он, это удар в спину Президента и по раздробленному демократическому движению.

Нет, возразил Попов, никакого удара Президенту я не наношу. Надо учитывать в моем случае приоритетность интересов. Если во главу угла ставить мир с парламентом, то можно согласиться с вашей постановкой вопроса, а если все-таки основной задачей считать переход к рынку, то я помогаю Президенту, уходя в отставку. Раздробленное же демократическое движение перед лицом опасности должно консолидироваться, и это уже происходит. Моя акция должна освободить энергию демократических сил, сконцентрировать усилия на главных направлениях.

Три вопроса были похожими - все про Ю. Лужкова. Один - любовой, про преемника, второй - про прямое президентское правление, если Лужков не справится, третий - про расхождение в позициях.

Г. Попов ответил, что согласно постановлению о мэрии столицы преемником на посту считается вице-мэр, то есть Лужков. Народ за него голосовал, опыта достаточно, так что вполне справится.

Что до прямого президентского правления в Москве - оно возможно в том случае, если российское руководство не сумеет удержать ситуацию, тогда никакой мэр ее не спасет.

По расхождению программ заметил: да, действительно, оно есть. Но не такое значительное, как может показаться на первый взгляд и как его изображают порой в прессе. Если бы была уверенность, что программа Пияшевой будет реализована хотя бы на 50 процентов, он бы и сам не ушел.

Когда Лужков станет мэром, то вынужден будет изменить свою позицию под влиянием обстоятельств, он окажется в моем положении и будет зависеть ото всех, подчеркнул Гавриил Харитонович.

Лужкову придется не только крепко думать, но и последовательно поступать, если он хочет развивать городское хозяйство в благоприятном для реформ направлении.

В заключительном слове Г. Попов нарисовал довольно мрачную картину будущего страны. Он призвал провести немедленную земельную реформу и обосновал: Венгрия и Польша всегда имели в аграрном секторе частную собственность, поэтому передача земли прошла там безболезненно и с пользой для государства. У нас частная собственность, как таковая, отсутствовала на протяжении длительного времени, а потому с фермерством ничего пока не получается.

Никакого путча он больше не ожидает, а вот стихийный взрыв при мощном движении снизу возможен. И вспомнил тот период Веймарской республики, когда миллионы людей остались без работы и куска хлеба, в результате чего ринулись за фашистами и фашизмом.

А в самом конце пресс-конференции признался: в главном вопросе я ничего не сделал.

Не расстраивайтесь, Гавриил Харитонович, успокоил бы я его, если бы он был мне симпатичен так же, как мой герой. Вы просто не придуманы для такой сумасшедшей работы, которая требует полного напряжения сил - духовных и физических. Вы хорошо замахнулись, но молот оказался слишком тяжелым, а наковальня так далеко, что рублевый замах обернулся копеечным ударом.

Но и он не пропал даром. К разогретому горну встал другой кузнец, которому и молот и наковальня оказались по плечу. Найти и показать миру такого молотобойца - тоже заслуга. И немалая.

Шесть бумажных соток

Не знаю, обратили вы внимание или нет на слова Г. Попова о земельной реформе и о выделении земли под садовые участки. А я, сколько себя помню, слышу об этом, но все программы по выделению земли в ближнем Подмоскowie любым категориям москвичей захлебываются на дальних или ближних подступах. В прежние времена эта работа проходила под флагами постановлений ЦК КПСС и Совмина, но ни одно из них реализовано не было - под всякими предложениями столичная область отказывалась выполнять постановления. Возможно, и у областного начальства были свои люди в ЦК, которые лоббировали его интересы. Время от времени под давлением стариков и в

преддверии политических перемен изображалась бурная деятельность по предоставлению пресловутых шести соток, но при этом упорно культивировался областной постулат: земля есть только на 101-м километре, а то и подальше.

В новые времена оказалось, что земли полно не только в пределах 50-километровой зоны, но и гораздо ближе. Местные начальники и народившиеся председатели акционерных обществ - бывших колхозов и совхозов - обнаружили вдруг такое количество дефицитных прежде гектаров, что кольцевую автомобильную дорогу облепили еще одним кольцом - теперь уже уродливых монстров-объектов новых русских, а попросту - жуликов. Потому как ни на какие трудовые сбережения и ни на какую министерскую зарплату при нынешних ценах построить такое чудовище невозможно. Ворованные деньги, с которых не уплачены налоги, — вот что спрятано за высокими заборами из бетона и кирпича новостроек вблизи кольцевой дороги.

Есть у этого мелкого - по сравнению с общегосударственной проблемой - земельного вопроса и еще один аспект - спекулятивный. Вспомните программное заявление гэкачепистов - они сразу пообещали по 15 соток земли каждому в зубы, повторив исторический финт большевиков, купивших крестьян на простейший лозунг: земля - крестьянам.

Разменная эта монета действовала и, как ни странно, действует до сих пор. Спекулянты от идеи и деятели более мелкого масштаба используют вековую мечту россиянина о собственном клочке земли на всю катушку. Сам А. Руцкой приложил руку к “земельному вопросу” в период кратковременного своего пребывания на посту “президента”. Ну и, как водится, - не обходится в таком жизненно важном, интересующем тысячи москвичей деле без аферистов.

Вот и я сижу и перелопачиваю кипу документов, касающихся кипучей деятельности так называемой ассоциации “Народное землепользование”, сбившей с толку тысячи москвичей. Далеко не все попавшиеся на заманчивый крючок скорого получения земли под садовый участок знают, что их попросту обманывали недобросовестные активисты, недавние народные депутаты Моссовета.

Несколько слов об истории вопроса. Прежде чем состоялась первая конференция ассоциации, с идеей наделить каждо-

го желающего москвича садовым участком, огородом или землей под индивидуальное строительство рьяно выступил депутат Моссовета В. Григорьев, сразу без обиняков присвоивший себе звание председателя правления. Пишу “присвоивший”, поскольку документально ассоциация оформилась, согласно протоколу, гораздо позже.

Самозванец так лихо взял в места в карьер, что уже через несколько месяцев взбаламутил всю Москву - наивные, мы ждем подачек откуда угодно, любой шарлатан может поманить нас в даль несветлую, но, пообещав там светлую жизнь, точно поведет за собой толпы людей.

Вера наша в доброго молодца и хорошего царя, видно, неизбывна и вечна, а надежды на лучшую жизнь мы связываем не с собственными усилиями, упорным и ежедневным трудом и совершенствованием духа, а с чудесным явлением избавителя от несчастий. Для многих обиженных и обделенных именно таким оказался новоявленный защитник из Моссовета.

И ведь знал на что надавить! Он опубликовал в газете Моссовета “Дума” целую полосу со своими рассуждениями вокруг земли, поместил и устав организации. В нем говорится, что членом ассоциации “может быть как один представитель семьи, так и каждый из ее взрослых членов. Каждый член ассоциации может иметь право на получение земельного участка на себя и членов семьи из земельных массивов, передаваемых ассоциации”.

Граждане дорогие! Да вы бы спросили В. Григорьева, прежде чем вступать в его организацию: “Мужик, а сколько тебе земли уже передано?” И тогда бы вы узнали, что никто ему никакой земли не передавал и передавать не собирается. Есть официальные органы государственной власти, которые занимаются всеми вопросами, связанными с закреплением, распределением, продажей, передачей, арендой и прочими операциями с землей. Плохо занимаются, жульничают, спекулируют, транжируют, но это - другое дело. Никаких гарантий, что любая новая организация станет продавать и распределять лучше и справедливее, - нет. Тем более если таковой станет организация В. Григорьева.

В уставе есть и ограничения для желающих: не могут стать членом ассоциации лица, уже имеющие участки в размере 0,03 - 0,05 га на члена семьи. Да сколько же таких наберется? Идея проста, как голый Вася: чем больше людей вступит в ор-

ганизацию, тем больше взносов, тем легче козырять в любых кабинетах - народ, дескать, за нами.

И еще одно замечание: в уже названной газете, четыре полосы которой заняты под изложение концепции, письмами в поддержку, обращениями и сообщениями, нет ни слова о состоянии собственно подмосковных земель. Ну хотя бы для смеха написали: дескать, в 50-километровой зоне, где мы вам всем собираемся дать землю, пустуют два миллиона гектаров. Или десять. А еще столько же занято под полигонами. Да 20 тысяч га выделяется по президентскому указу под коттеджное строительство, но до сих пор не выделено полностью. Да написать бы о том, что в очереди на коттеджи - 9 тысяч москвичей.

Так нет же. Ни одной цифры, ни одного факта - популистские рассуждения и очевидная напыщенность тона: “Возникло поистине всегородское движение горожан за земельные участки”, “В качестве инициаторов (учредителей) ассоциации выступили многие известные москвичам люди...” Какие?

Чуть позже приведу список, вы многих ли узнаете?..

Заметка в “Думе” была озаглавлена претенциозно: “Организация создана. Что дальше?”

А дальше в редакции раздался звонок и в почте появилось письмо от жителей бывшего Ленинградского района, вступивших в организацию Григорьева. И решение общего собрания, принятое от имени 211 человек. Собрание постановило: “Группа лиц, поименованных в преамбуле протокола, от имени общего собрания ассоциации “НЗ”, нарушив принцип равноправия и гласности, законности и общности интересов, провозглашенных в первом пункте устава (см. газету “Дума”) келейно, без согласия москвичей изменила программу, условия, направленность деятельности ассоциации, переизбрала правление, введя в его состав своих родственников”.

Далее, решено провести экспертизу регистрационных документов, признав до ее окончания регистрацию недействительной. И наконец, пункт предпоследний решения: “Обратиться в правительство г. Москвы с просьбой оказать помощь в получении земли пострадавшими москвичами, введенными в заблуждение руководством ассоциации”.

Здравствуйте, приехали. К новому “Техническому прогрессу”. Учат нас, дураков, учат и никак не научат. Полтора года

желающие быстро стать владельцами участков поддерживали, по сути, шарлатанов, баламутили Москву своими сходками, веря опять шарлатанским приглашениям с припиской в конце: “От вашей явки зависит получение вами земельного участка”.

И ведь верили! Ходили, орали, возбужденные и возбуждаемые недобросовестными лидерами. И никто ведь не пришел в правительство и не спросил его прямо в лоб: а что, дорогое правительство, выгрясут из тебя григорьевцы участки для всех желающих или нет? И тогда правительство бы наверняка ответило, что вся эта затея направлена на удовлетворение амбиций отдельных личностей, которые нигде до того момента не смогли их реализовать, а когда спохватились, то все хлебные, денежные, выгодные фонды и ассоциации, а также должности в Моссовете оказались расхвачанными. Оставалось одно - сыграть на извечной тоске горожанина по земле, на доверчивости наших сограждан, которые сами обманываться рады.

Правда, все это - лирика, а мы хотели ограничиться физикой, то есть документами, хотя вернуться к ним никогда не поздно.

Вот передо мной тот самый протокол № 1, о котором говорится в решении первичной организации ассоциации “НЗ” Ленинградского района. Очень любопытная бумажка! Прямо скажем, замечательная. Побалую вас цитированием избранных мест.

“Мы собрались в небольшом составе, - сказал В. Григорьев, - так как у нас сейчас нет возможности арендовать большое помещение. Но для того, чтобы принять решение об образовании ассоциации, нам достаточно и десяти человек”.

Собрались “в небольшом составе” не потому, что негде - несколько конференций проводили в свое время и в Мраморном зале Моссовета, а потому, что никто этой компании не был нужен из посторонних. Судите, впрочем, сами. Всего 16 человек собрались, запротоколировав сход, как общее собрание (а мы помним, что только в Ленинградском районе 211 членов). А если учесть при этом, что явились двое Седых-Бондаренко и двое Григорьевых, то и того меньше.

За вычетом родственников получается всего 14 человек, из которых 11 стали членами правления, а один - членом ревизионной комиссии, то есть фактически все избрали самих себя. В. Григорьев стал председателем правления, а Е. Григорьева - главным бухгалтером. Ю. Седых-Бондаренко избран

заместителем председателя, а его дочь Е. Седых-Бондаренко - секретарем правления. Теперь, пожалуй, инициатору многодневной голодовки не придется ее повторять - земли-то в распоряжении будет навалом!

Коренным образом перелопатили затворники и прежний, опубликованный в свое время в “Думе” устав, нацелив его острие не на обеспечение москвичей участками, а на коммерческую деятельность - ничего себе общественная организация!

Уже в первых строках устава записано: “Ассоциация имеет право осуществлять производственную и хозяйственную деятельность, в том числе и внешнеэкономическую и предпринимательскую”. Наверное, вослед В. Жириновскому будем раздавать участки на берегу Индийского океана.

И дальше в том же духе, что отчетливо указывает: организация образовалась коммерческая, а зарегистрирована как общественная. Как вы думаете почему? Догадаться нетрудно: общественные организации, всякие фонды и ассоциации с названием “общественная” платят налоги совсем по другим ставкам, нежели коммерческие. А некоторые и вообще не платят. Так что разъезжают на “мерсах” самых крутых марок не обязательно спекулянты черным золотом, это могут быть и владельцы частных фондов, представляющихся общественными.

Есть в уставе и еще одно примечательное место: она “вправе устанавливать льготы при распределении участков земель наиболее активным членам в качестве поощрения за хорошую работу”. Надо думать, имеются в виду прежде всего члены правления, а для прочих - неплохая приманка: заманивайте как можно больше доверчивых сограждан в нашу паутину, а мы вас отблагодарим. Но нет ни критериев заманивания, ни шкалы, хотя бы отдаленно напоминающей объективность при оценке активности, что лишний раз подтверждает мысль о блефе чистой воды. Или с примесью мошенничества.

Думаю, резкий крен в сторону коммерции сделан в связи с последними изменениями в политической обстановке. “Скончавшиеся” политики из Моссовета рады зацепиться за любую соломинку, которая выведет их на хорошие доходы без особого напряжения духа и тела. Пусть и путем околпачивания дорогих москвичей.

И последнее. Вы, должно быть, читаете все изложенное с некоторым недоумением: а при чем же тут Руцкой? Оказывается,

при всем. Едва вступив в должность “президента”, он подписывает “указ” с длинным названием: “О создании пригородной зоны “Подмосковье” в целях обеспечения жителей городов Москвы и Московской области земельными участками для...” и т.д.

В “указе” всем велено воплотить бредовую идею В. Григорьева “разработать и представить на утверждение Правительства Российской Федерации предварительный проект организации пригородной зоны “Подмосковье” исходя из принципа совместного пользования и управления природными ресурсами этой зоны двумя субъектами федеративного договора”.

Никогда еще два хозяина не уживались на одном подворье, и нет у нас в стране политика и правительства, которые бы не спекулировали на благодатной почве перераспределения земли - в пользу, естественно, тех, кто на ней работает, и всех, кому на ней работать не лень.

Но земля остается тем не менее непонятно в чьих руках, и на поверку в один прекрасный момент может оказаться, что делить-то и нечего - все давно поделено.

А Григорьевы и руцкие - близнецы-братья. По части обмана и фальсификации. Председатель ассоциации пользовался печатью в то время, когда организация де-юре не существовала, а Руцкой изготовил себе печать президента. Только не могу сказать, сам резал ее из армейского каблука или заказал защитничкам Белого дома из уголовного элемента.

Факт в том, что документ сей исполнен на бланке “указ президента Российской Федерации”, подписан “исполняющий обязанности президента Российской Федерации” и заверен круглой печатью - “президент Российской Федерации”.

А еще говорят, что они там, в Белом доме, защищали Конституцию...

С магнитофонной ленты

Цель, которой не достигли

- Согласно Указу Президента Российской Федерации о выделении земли в ближнем Подмосковье под строительство коттеджей мы получили первые 400 гектаров и передали их заказчику-застройщику.

Вопрос: что город получил и что он получит в результате этой работы? Какой экономический эффект будет достигнут?

И наконец, если земля выделена акционерному обществу, какой тут наш, города, интерес?

За эти годы построено 110 тысяч квадратных метров жилья, однако из трех тысяч человек, стоящих в очереди на покупку коттеджа, купили это жилье только 20 человек.

Очевидно: для рядового москвича отказ от квартиры в городе - вещь непривлекательная. И коль скоро москвичи не хотят менять свои квартиры на коттеджи - а у нас еще и порядок этот не отработан, - значит, мы объявили цель, которой не достигли. Деньги тратим, земля стоит, результат нулевой.

А если мы не достигли главной цели и не сумели ее реализовать, значит, надо перевести стрелку полностью на коммерческую основу. Пусть акционерное общество строит коттеджи за свои деньги и само же их продает. И это будет справедливо.

Из дневника

8 июня 1992 г., понедельник

Отставка

Ну вот, свершилось! Третий день подряд объявляют: Г. Попов подал в отставку, и она принята. И уже якобы Ельцин подписал указ, согласно которому Ю. Лужкову надлежит исполнять обязанности мэра.

Вечером в субботу, уже довольно поздно, позвонил Борис Войдецкий, лучший, на мой взгляд, радиожурналист московских программ.

- Слышал, твой друг кем теперь стал?
- Да я про это давно знал, он мне говорил.
- Но вообще он много очков потерял, подписав постановление о свободных ценах на хлеб, отдал последний бастион. Как на него будут теперь реагировать люди?

- Да не он в этом виноват, ты же знаешь это лучше других. Ведь Москва так же, как и прочие, повязана по рукам и ногам федеральным правительством. Я с нашими ехал тут пару часов в машине, так члены его кабинета на многое открыли глаза.

- Но москвичи-то об этом не знают, они просто клянут Лужкова.

- И я говорю о том же. У него пресс-центр под рукой, а вернее - под ногой. Были бы свободны и независимы - помо-

гали бы, а не блюдолизничали. Надуваются вместо того, чтобы работать на правительство.

- Ну и как, ты думаешь, он себя поведет?

- Нормально. Думаю останется в своем кабинете, в СЭВ не поедет. И заберет всю власть, ни с кем делиться не станет, — закругил я этот разговор.

По этому же поводу был у меня разговор с Н. Баталовой из “Московской правды”, изменившей свое мнение о Ю.М. после того, как он официально поприветствовал газету в связи с фестивалем и принял саму журналистку - человеку ведь немного надо, чтобы изменить мнение о другом человеке.

- Ты думаешь он согласится? - спросила она.

- А почему нет? Ельцин уже указ подписал, по ящику сказали.

- Да? А я не слышала.

- Еще вчера...

- А как ты думаешь, почему Гаврюха слинял именно сейчас?

- Не знаю. Как бы на тропу войны не вышел с Ельциным за президентское кресло.

- Может. Но ничего у него не получится.

- Кто знает. Время еще есть, будет готовиться.

- Ну а наш друг как себя поведет? Любит тоже власть, сладкую черешенку...

- А ты не любишь? Опять мы с тобой начинаем мочить это мочало. Все власть любят, но в отличие от камарильи, которая его окружает, у Ю.М. власти всегда было довольно. Впрочем, об этом мы с тобой уже не раз говорили.

- А ведь Гаврюха ему СЭВ не отдаст, он там оставит себе штаб-квартиру. Не случайно он всех своих прихлебателей собрал под эту крышу.

- На какие шиши он станет содержать эту бригаду? Ведь за помещение надо платить, да и зарплату получать из чего-то...

- У них денег полно. Структуры, которые их поддерживают, денежки - и немалые - имеют. Да и хозяин подкинет из своего тайного фонда. Сейчас они развернут работу по организации референдума за разгон советов и по Конституции - так что не все так просто. И Лужков из-за здания на конфликт не пойдет.

- Конечно, не пойдет, ему это не надо.

- Скорее всего он останется в доме на Тверской. А что Гаврюша уходит - это хорошо.

- Точно. Мешать не будет.

- Мне как-то Ю.М. на это очень осторожно намекал.

- Не знаю, может быть, на этапе выборов или сразу за ними можно было почувствовать нечто подобное. Хотя для этого надо его хорошо знать. Кстати, я сегодня с ним говорил по телефону, спрашивал, что он станет делать, - закончил я обсуждать тему, которую обсуждала вся Москва.

А было это так. Около 9 вечера позвонил по прямому номеру, представился и спросил:

- Юрий Михайлович, не знаю, поздравлять вас или вам сочувствовать, радоваться или огорчаться.

- Радуйся, огорчаясь, - довольно бодро ответил он. Чувствовалось, что в настроении.

- Будете съезжать на Калининский?

- Зачем?

- Мне тоже кажется, что не надо, не стоит торопиться. Все-таки здесь символика, традиции...

- Я там буду проводить общие мероприятия, а работать стану здесь. С вашей помощью. И с твоей, в том числе.

- Готов всегда, тем более надо дело-то доделать, так что вы меня не забывайте.

- Да нет, что ты... Мы все сделаем. А ты знаешь, у меня дочь родилась, на меня похожа, точная копия.

- Да это сейчас еще и рассмотреть-то невозможно, на кого она похожа...

- Нет, точно говорю. Лена ее называет Гуль... Гюль...

- Гюльчатай, - догадался я.

- Вот-вот, Гюльчатай.

- А вы знаете, что она у вас родилась уже в третий раз?

- Знаю, еще месяца три назад в Моссовете трепали: выкидывай, дескать. Я уж жене ничего не сказал. Думаю, в таком положении это для нее слишком серьезно, действительно выкинет. Ну а народ-то каков?

- Народ нормальный. Чем выше пост у человека, тем больше про него ходит сплетен, это естественно, и воспринимать вам надо все, как должное. Такова наша жизнь, а ваша планида.

- Надо было фотографию беременной супруги везде опубликовать.

- Точно. Информации не хватает, пресс-центр ваш ни хрена не делает, а надо бы анализировать, просеивать...

- Они и просеивают...

- Понятно. Жалеют, а жалеть руководителей нельзя, иначе они знать ничего не будут. Кстати, знаете, как крестьяне вас в области называют?

- Нет, как?

- Они вас зовут Луна...

- Почему Луна?

- Не знаю. Может, лысина на экране отсвечивает...

- Вообще, я заметил - они меня уважают. Я по полям излазил Бог знает сколько. Как пехотинец на пузе по минному полю, - сказал Ю.М.

Думаю, он решил, что я имею в виду крестьян, которые прежде работали с Сургутским. Другие - откуда его знают?

- Юрий Михайлович, у нас с вами беседа в прошлый раз сорвалась, когда теперь?

- Давай на следующей неделе, в среду.

- Во сколько? В 20 или 21?

- Приходи в 21, я записываю.

- Спасибо, до встречи.

29 июня 1992 г., понедельник

Быть мэром - радость небольшая

Ни хрена не получается, чтобы записывать по горячим следам: встретился, поговорил или даже просидел в ожидании - и на бумагу. Так нет же. Проходят дни, а то и недели, прежде чем удастся сесть и записать. Хорошо еще, что делаю пометки, когда сижу у него в кабинете, а то бы вообще фигу чего вспомнил.

17-го числа, как и договаривались, я прилетел к назначенному часу. Ю.М. не было, кажется, опять принимал какую-то делегацию, правда, и в приемной никого не было.

Едва появившись, Ю.М. нас тут же пригласил, но не прошло и нескольких минут, как ввалилась целая команда: Б. Никольский, В. Шахновский, К. Буравлев и, по-моему, юрист.

Двое или трое из них были с "Литгазетой" в руках, в которой на целую полосу разверсталась заметка под названием "Страх". В. Шахновский по этому поводу заметил:

- Собрал все сплетни, про что уже десять раз писали.

А Костя Буравлев сказал, подавая Ю.М. газету с подчеркнутыми абзацами:

- Ни одного точного факта не привел. - И потом добавил, больше к публике, чем к Ю.М., который в это время уже говорил по телефону: - Хотя ругательная статья - лучшая реклама...

Ю.М. между тем говорил в трубку:

- Да, я займусь этим. Мне нужно капельку времени, самую капельку, хоть немножечко... - И потом: - А ты не говори лишних слов. Ты тратишь время, которое я мог бы потратить на решение твоих проблем. - И положил трубку.

В. Шахновский рассказал о том, что происходило на сессии Моссовета. Оказывается, доблестные депутаты решили не признавать - ни больше ни меньше - Указа Президента о назначении Ю.М. мэром как неконституционный.

- Не слабо, - заметил Ю.М. - Если они это примут, то Борису Николаевичу ничего не останется делать, как ликвидировать органы представительной власти. Не ликвидировать, точнее, а распустить... Кстати, надо нам по-другому разговаривать и с российскими властями. Что это с их стороны за дискредитация исполнительной власти Москвы? Распоряжения по нашей городской собственности подписывают все кому не лень. - Полторанин, Бурбулис, Шахрай.

Потом в трубку: "Надо по-другому работу организовать!" Затем посмотрел на часы, что висят на противоположной от него стене кабинета - в это время я редко наблюдал, чтобы он на них бросал взгляд, - может, как написала одна газета, действительно спешил купать свою Гюльчатай?

Чуть позже я спросил: кстати, а почему Гюльчатай? Черненькая, что ли?

- Нет, - ответил Ю.М. - Видишь, у меня какой тип лица - азиатский, мать-то родом из Башкирии. Вот и дочь на нее похожа - словом, Гюльчатай...

А телефонная его беседа между тем принимала довольно острый характер.

- Разве надо радоваться, когда становятся мэром? - спрашивал Ю.М. невидимого для меня собеседника, и звучало это довольно убедительно, хотя, мне кажется, доля кокетства в этих словах присутствовала. Может быть, совершенно ничтожная. А может, мне так показалось...

- Я бы хотел через час соскочить с этого места, - продолжал Ю.М., а из дальнейшего я мог понять, что говорит он с кем-то из депутатов.

- На х... мне все это нужно? Тем более что вы все делаете, чтобы в Москве разразился кризис власти. Вы доведете до того, что народ разгонит либо представительную, либо исполнительную власть. Но люди не дураки, они исполнительную власть оставят, потому что есть надо каждый день. Вам не нужен мэр? Так следовало его отменить, как такового - и дело с концом! Вы же признали неконституционным указ, хотя не имеете право его трактовать.

Он, увлекшись, говорил уверенно, убежденно, громко - все стояли вокруг стола, слушали.

Вообще-то я заметил: когда он говорит по телефону со своими знакомыми - единомышленниками или оппонентами, собравшиеся слушают его с неподдельным интересом. Не знаю, приемлет ли он подхалимаж и лесть, но то, что в ближайшем окружении этого незаметно, - точно.

- А ты сам-то за что голосовал? - вдруг, словно спохватившись, спросил Ю.М. своего собеседника. - Я так и думал, - услышав ответ, сказал он и откинулся на спинку кресла. - Закон о краевом совете на нас не распространяется, и ты против перемен, которые произошли в городе. Вам же Конституционный суд объяснил, что статья десятая Конституции о местном самоуправлении тоже для Москвы не годится, для нее нужны - и уже есть - особые законы. Москва шире, глубже, разностороннее любого целого региона, а вы хотите под нее подложить плоскую простынку, Николай Иванович!

Потом продолжал:

- Я, говорите вы, ваш союзник. И везде голосую против. А ведь я уже мэр, мне никакой совет не нужен. И нигде не написано, как вы утверждаете, что через три месяца должны состояться новые выборы. Следующие - да, но через пять лет. И надо быть последними мудаками, чтобы раскачивать лодку, в которой вы все сидите. И даже топить эту лодку.

Зазвонил городской телефон, на проводе был Г. Явлинский.

- Григорий, - сказал Ю.М., положив на время трубку прямого своего телефона на стол. - Ты мне срочно нужен. Да какая там должность! Не мэрская, а мерзкая. Спасибо. Ты второй человек, который вначале поздравил меня с дочерью, а потом -

с должностью. Первым был Шеварднадзе, который прислал телеграмму, - подытожил он.

Через две примерно минуты он продолжил разговор с уже порядком надоевшим ему прежним собеседником. По ходу беседы Ю.М. несколько раз пытался его остановить, говоря:

- Все, ладно, дай мне пообщаться с людьми, которые у меня в кабинете, они уже сорок минут слушают, как я с тобой говорю, вместо того чтобы обсуждать дела с кем-нибудь другим.

Все его попытки, однако, были тщетны.

- Где только они мой телефон берут? - спросил скорее самого себя, чем присутствующих, Ю.М. в следующей паузе затянувшегося до неприличия разговора.

- Не знаю, - сказал я, поскольку в этот момент оказался ближе всех к нему. - Лично я беру его исключительно у вас.

- Так ты-то мне не надоедаешь.

- Потому что знаю, какая у вас напряженка...

- Николай Иванович, - продолжал Ю.М. говорить в трубку, — нас с тобой связывают неформальные отношения, и я тебе врать не буду. Если что-то заколеблется, я сразу же уйду, место себе я всегда найду - у меня есть руки, у меня есть голова, я еще бегать могу, в футбол играть и за место не держусь, как некоторые. Вам не нравился на этом месте прежний человек, он ушел, пришел другой - и тоже вам не нравится. Вы просто хотите развалить исполнительную власть - вот чего вы хотите, - закончил наконец Ю.М. этот разговор.

Пришел к этому времени Г. Явлинский, который торопился, кажется, на самолет, и я несолоно хлебавши вынужден был удалиться. До лучших времен.

Однако не в лучший день встретились снова. Выяснилось, что в заметке “Страх” автор перешекотал, подвязав к Ю.М. даже милицееское начальство, исправно доившее СП “Совкувейт”. Не мог упустить я этот случай, чтобы не написать заметку во имя восстановления справедливости. Откровенно, я не верю в коррумпированность Ю.М., фактов автор заметки “Страх” действительно не привел, о личном его участии в коммерческих структурах неизвестно, есть лишь догадки.

Мне захотелось заступиться еще и потому, что на основании знакомства с документами можно было сделать вывод: если бы Ю.М. был замешан в чем-то, на Петровке, 38 наверняка знали бы и он бы тогда их оставил в покое и не трогал. А мэр

велел провести ревизию, глубокую проверку и дал команду направить документы в МВД и прокуратуру России.

Словом, заметку я написал, решил показать ее самому. Дозвониться, однако, не удалось, и я попросил заведующего секретариатом найти для меня время в его графике: без особых сложностей Ю.М. назначил время - после пяти. А число было 23-е.

Накануне вечером шел через Манежную площадь, где коммунисты проводили очередной митинг, уже на подходе услышал крики: “Убийцы, убийцы!” Это, как я понял позже, сгоняли с трибуны министра столичного правительства В.Коробченко, который пытался рассказать, что же делает правительство Москвы для ветеранов.

На самой площади то и дело вспыхивали жесткие и злобные перебранки между “демократами” и “коммунистами”. Атмосфера была накалена. Вот когда я понял, почему надо разводить митинги разной идеологической направленности - распаленные с трибуны люди неизменно станут доказывать преимущество своих воззрений с помощью кулаков. А то и винтовок.

На музее В. Ленина висел рукописный плакат, призывающий всех идти в Останкино - добиваться отмщения пятерых убиенных ОМОНОм пикетчиков телецентра. Я сразу понял, что это гнусная ложь. Во-первых, потому что говорилось об убиенных подростках, во-вторых, не было ни одной фамилии, фотографии. В-третьих, я, зная отношение Ю.М. к подобным эксцессам, убежден: если бы кого-то и пристукнули - никто бы не узнал, труп, как будто живого нарушителя, забрали бы в отделение - и только его и видели. Утрируя, я на работе ребятам сказал: омоновцы его так бы пришили к телеграфному столбу или к стене, что в течение недели никто бы не догадался, что это труп.

“Советская Россия” на следующий день опубликовала заметку: “Ребенка убили на глазах у матери”, что явилось чистым вымыслом, газету официально предостерегли из прокуратуры. Нагнетать, не давать людям спокойно жить и работать - вот чего добиваются нынешние сумасшедшие, типа земляка моего В. Анпилова, побившего в свое время нынешнего председателя муниципалитета, а тогда заместителя председателя исполкома Е. Гавричева, - и вот что из всего этого получилось!

В начале шестого я пришел в приемную, было тихо, самого не было. Вошел же он не торопясь, не стремительно, как обыч-

но, поздоровался с поднявшимися ему навстречу посетителями, подошел и ко мне.

- Что-то, пока я тебя не видел, борода у тебя побелела, - заметил он, пожимая руку. Я даже не нашелся, что ответить, а когда он отошел, вдогонку крикнул:

- За вас переживаю...

- А чего ты переживаешь? - спросил Ю.М., уже входя в двери кабинета, так что я не успел ответить на его вопрос.

До половины восьмого вечера просидел я под дверьми, пока не настало время ехать ему на телевидение, на прямую трансляцию. Чувствовалось, что он напряжен и ожидает острых вопросов по поводу последних событий в Москве, разгона демонстрантов и пикетчиков в Останкино, публикации в "Литературке". Приглашал к себе то одного, то другого сотрудника, разбирался с ценами, предупредил членов правительства, чтобы до конца передачи оставались на связи.

Думаю, форма общения с москвичами через ТВ перспективна и весьма полезна для начальников и для жителей. Судя по передачам радио, в которых я сам нередко участвую, дозвониться до эфира может теперь практически каждый желающий, и начальник таким образом имеет возможность узнать, что о нем люди думают. Даже если их вопросы не звучат с экрана - для того в нем и торчит рядом с экзаменуемым ведущий, чтобы не допускать зловредных вопросов. Но в природе-то они существуют!

Короче, он вышел из кабинета, задержался на минуту в приемной, давая последние "цеу", и тихо, - не знаю почему - сказал мне:

- Поехали со мной.

В машине он сперва стал смотреть проекты постановлений Моссовета о нем, я сидел на заднем сидении "Волги" в центре, Ю.М. - справа, а слева - С. Цой, впереди - охранник с рацией. Сзади нас ехал "жигуленок" с опером и председателем КГБ по Москве и Московской области В. Савостьяновым. По рации сообщили о числе собравшихся у Останкинской башни демонстрантов, милиция перебрасывала своих людей с одного места на другое.

Ю.М., читая, хмурился, а слова говорил такие же, как и неделю назад, когда только узнал о нападках.

- Мощная пошла атака на исполнительную власть! - сказал он, дочитав, а я ехал и боялся, что он не посмотрит за время пути заметку, лови тогда его. Поэтому попросил:

- Юрий Михайлович, вы вот это посмотрите, пожалуйста. - И протянул рукопись.

Он читал, улыбаясь время от времени, дочитал где-то в районе Марьиной рощи, сказал, что все нормально. А вот заголовок он на моем месте придумал бы другой, со словом "страх". Я пообещал.

На подходе к телецентру замаячила толпа человек в 200 - 300, может, и больше. С красными флагами, транспарантами, черными и желто-черными флагами она двигалась в направлении телецентра. В машине чувствовалось напряжение: охранник нажал все кнопки дверей, водитель свернул за толпой, хотя, как выяснилось тут же, ехать надо было прямо. Неприятный холодок разлился в груди, когда подумал, как будут нас вытряхивать из машины.

Особенно заглохало, когда двое шпанистых парней лет по 18-25 остановили прямо перед капотом нашей машины трамвай. Тотчас у меня промелькнула мысль о заранее разработанном сценарии, и я только ждал момента, когда кто-либо из толпы крикнет: да вот он, здесь! И толпа начнет вынимать Ю.М. из салона, а вместе с ним, естественно, и нас.

Но из машины сопровождения вышел подполковник, махнул рукой вожатой - дескать, проезжай, какого ты встала посреди пути, и вагон медленно покатился, освобождая нам путь.

Впечатление от этого эпизода осталось неприятное не потому, что холодок пополз - это, наверное, естественно, а потому, что я вдруг понял: эти сопляки остановили трамвай из баловства, от ощущения собственной безнаказанности. Опасное это чувство культивировалось пять дней, пока осаждали телецентр, пока власть думала, как ей поступать. И вожатая дура - взяла и остановилась посреди дороги, как будто ей указатель повесили. Или, может быть, тоже напугалась.

- Самое страшное, - сказал Ю.М., когда мы благополучно миновали кордон из омоновцев, осаживающих толпу, - что не-обольшевики, национал-патриоты объединились теперь с депутатским корпусом. Это ведь депутаты призывали толпу к штурму телецентра - и в этом их сущность.

...Передача прошла на редкость спокойно. Ведущий избрал режим мирного диалога с мэром и мэра с москвичами. И правильно сделал.

Глава 2

ОН ПЕРЕВАЛ НЕ МИНОВАЛ

От автора

Предвыборные плакаты, на которых Б. Ельцин и Ю. Лужков стоят рядом, пожимая друг другу руки, накануне второго тура голосования по выборам Президента России, дополнились двумя словами: “только вместе”. Их наклеили по полю фотографий, и теперь уже очевидно - действительно ближайшие четыре года мэр Москвы и Президент страны пройдут рядом - Б. Ельцин победил своего соперника с отрывом в 13 с лишним процентов.

Представляю, с какими трудностями пришлось бы столкнуться Ю. Лужкову, победы на выборах Г. Зюганов. Хотя наш мэр и говорил неоднократно, что будет идти своей дорогой при любом президенте, думаю, идти с нынешним ему все-таки сподручнее.

Да и объективно он столько наворочал в Москве, что отступать совершенно некуда - только вперед. Программы правительства столицы, реализация которых должна улучшить качество жизни москвичей, рассчитаны не на один год, и поэтому мэру до своего перевала еще топать и топать. Но он дойдет.

В Кремле Б. Ельцин принял Ю. Лужкова, и они пожимали руки перед камерами точно, как на предвыборных плакатах. Что говорил мэр, слышно не было, а по поднятой вверх руке, по этому его характерному жесту можно было сделать вывод, что произнес он слова типа - вперед и выше.

К теме выборов я обязательно вернусь, поскольку они были какое-то время частью нашей жизни, а теперь стали историей. Историей страны, историей города, историей его мэра.

Из записных книжек

Маленький юбилей

В сентябре 93-го года исполнялся ровно год со дня выхода в свет первого номера "Тверской, 13", и к этому сроку мы решили приурочить небольшую, но со вкусом организованную презентацию. Долго выбирали место встречи правительства Москвы и коллектива редакции с гостями, долго добывали деньги на это мероприятие, поскольку считали неприемлемым для себя тратить из бюджета, грубо говоря, на водку. В конце концов все образовалось, мы решили провести встречу в здании бывшего СЭВ, а ныне мэрии, на Новом Арбате.

Уже отпечатали приглашения, где указали дату - 24 сентября, совпадающую день в день с выходом первого номера, но неожиданно выяснилось, что Ю. Лужков в этот день будет отсутствовать - якобы собрался в Вену на открытие Московского торгового дома. Его заведующий секретариатом сказал, что окончательную дату проведения важного мероприятия я должен согласовать сам.

Делать нечего, стал домогаться встречи и пытаться соединиться по телефону, потому как без него никакой презентации не получилось бы. Наконец меня соединили, и я спросил, когда назначить встречу - на неделю раньше или на неделю позже, то есть в районе первого октября.

- Нет, - сказал Юрий Михайлович, - давай на 23-е число.

Оказалось, нет худа без добра. 24-е была пятница, народ обычно торопится на дачи и на всякие мероприятия, а в четверг - нормально.

Все у нас получилось, публика осталась довольна, а те, кого мы по забывчивости или рассеянности не пригласили, сильно обиделись и еще долго вспоминали, как нехорошо мы поступили. Из-за стола мэра вызвали люди с Лубянки, что-то там происходило по соседству с нами, в Белом доме, где засели Хасбулатов с Руцким и компанией. Он ушел, а уже на следующий день здание мэрии взяли под охрану и выставили оцепление - представляете, что было бы, если бы мы так и остановились на числе 24? Вся наша подготовка пошла бы прахом, праздника не получилось бы, а через 10 дней

вы помните какие события произошли на этом самом месте. 3 октября днем провокаторы смели милицейские кордоны и ринулись на штурм Останкина. Многих удивила та легкость, с которой милиционеры побросали свою амуницию и автомобили и поспешно спасались бегством. Вечером позвонил Борис Войдецкий, ведущий радиопрограммы “Москва и москвичи”, и спросил:

- Ну, видел?

- Видел, - отвечаю.

- А тебе не кажется, что это сильно смахивает на поджог рейхстага или захват радиостанции на территории Польши?

- Черт его знает, не думаю. Какой резон?

- Да покончить с оппозицией одним махом - и дело с концом, показать им, кто все-таки в стране есть кто.

- Такие кроссворды вообще не для моих мозгов. Я было ломанулся по призыву Гайдара на защиту Моссовета, а мне оттуда умные люди посоветовали: сиди тихо, без сопливых тут обойдутся...

- Вот видишь, возможно, они знают то, чего не знаем мы с тобой.

- Так на то они и власти, чтобы знать больше нас. Наше дело - пиши да рассказывай, как ты.

- Что дальше будет, как ты думаешь?

- Дальше лучше не будет.

- Вот это точно.

На следующий день я поехал в свою контору на Новом Арбате и спокойно прошел с утра к себе, а примерно через час вход закрыли во все организации.

С магнитофонной ленты

Ребенок зашагал раньше, чем ожидалось

- Мы внимательнейшим образом следим за тем, как развивается и как осваивается в компании прочих изданий наша газета. И делаем вывод: год со дня выхода в свет ее первого номера прошел для коллектива редакции не напрасно. Москвичи теперь знают, где можно получить достоверную и качественную информацию о работе городского правительства, прочитать

полностью те постановления и распоряжения, что рождаются в наших департаментах, комитетах, аппарате управления.

Ведь именно отсутствие информации порождает часто критику в наш адрес - человек приходит к технику РЭУ “на прием”, а там его попросту не замечают. В результате рождаются жалобы в адрес правительства и мэра, в очередях и на остановках бранят нас же. Любое самое распрекрасное постановление или грамотное решение погибает, если нижние этажи управления игнорируют его и не принимают к исполнению - либо не заинтересованы, либо не контролируемы как следует.

Считаю правильной линией газеты на освещение городских проблем, а не на декларирование тех или иных коллизий вокруг политических дебатов и препирательств - о чем, кстати, можно прочитать в любой другой газете. Совершенно очевидно, что такой город, как Москва, остро нуждается в объединении усилий администрации, депутатского корпуса, руководителей промышленных предприятий, партий и движений по выводу его из сложной экономической ситуации, обеспечению социальной защиты малоимущих.

И газета, на мой взгляд, способствует реализации этой цели.

Год, который проработал коллектив, показывает: ребенок зашагал даже раньше, чем ожидали родители-учредители. Именно поэтому я утвердил мероприятия, в результате выполнения которых газета должна будет выходить не как приложение к “Московской правде”, а как самостоятельное издание. И я абсолютно убежден, что наше дитя будет расти и развиваться в здоровой конкуренции, в споре за лидерство и приоритеты в общественном сознании москвичей. И это - нормально!

Из записных книжек

Злая третья сила

В последнее время активно ведутся разговоры о том, что наконец-то появилась в России реальная третья сила, способная вроде бы примирить сторонников неистового Руслана и необузданного Бориса - это православная церковь. Но рассуждающие подобным образом политологи и аналитики слишком поторопились, отводя этой силе заметное место в

противоборстве сторон. Пока ожидания не оправдываются - договоренности, достигнутые в стенах Свято-Данилова монастыря, не выполняются, насилие с обеих сторон не прекращается.

А по-другому и быть не могло. Выкорчевывание из сознания граждан России в течение семи десятилетий одной идеологии и замена ее другой не могли не оставить следа в сердцах и душах людей: воинствующие атеисты в рядах “защитников”, сидящих в Белом доме, - отнюдь не редкость. И им совершенно все равно, о чем рассуждает наш патриарх Алексий II. А уж бомжам и уголовникам, по которым давно плачет Матросская тишина, - и подавно.

Верующим прежде втихаря нардепам - а с переменой политического ветра и в открытую - теперь приходится вновь конспирироваться, как будто не они еще вчера пытались при каждом удобном случае появиться на экране телевизора со свечой в руках. Но в окружении воинствующих пожилых атеистов они должны изображать атеистов же.

Посреднические услуги православной церкви можно и должно всячески приветствовать, но вот делать на них окончательную ставку и рассчитывать, что именно они сыграют главенствующую роль в урегулировании кризиса, вряд ли возможно. Или, во всяком случае, несколько наивно.

Но третья сила есть. Чернорубашечники, появившиеся в метро и проверяющие по информации газет документы у пассажиров, флаги со свастикой и фашистское приветствие дюжины молодчиков во дворе Белого дома, зафиксированное камерой фотокора “Известий”, - наглядное подтверждение тому, что она действительно есть.

Но не сам по себе этот факт является настораживающим - много всяких сил появилось у нас за последние два-три года. Настораживающим, заслуживающим внимания общественности, принятия решительных мер по борьбе с подобной силой являются ее сущность и условия, при которых она получает преимущественное развитие. Мягкотелая демократия, как показывает история не только нашей, но и других стран, проигрывает в споре с наглой бесцеремонностью.

Для наших доморощенных фашистов нынешний кризис, противостояние и нерешительность, а может, и неспособность

президентской стороны развязать завязавшийся узел - единственная возможность в ближайшие сто или двести лет не только поиграть вооруженными мускулами, но и реально захватить власть. Все видели на экранах телевизоров, кто шел по Старому Арбату за Ильей Константиновым - недомерки и несмышлениши, которым все едино что громить: Верховный ли Совет, Верховный суд или верховную власть, независимо от того кем на момент погрома она представлена.

И это самое ужасное. Бесноватый спикер уже не ведает, что творит. Как можно, призывая к взрывам и пожарам, изображать из себя защитника Отечества? Чему учил такой профессор своих студентов, если уже в прошлом веке историки знали: бунты в значительной мере отбросили Россию в ее развитии, а бунт в октябре 1917 года привел, как мы теперь убедились, вообще к катастрофе.

И нас всех могут привести к катастрофе неопределенность и нерешительность, которые демонстрировал Президент России чуть не с момента своего избрания, а с момента переизбрания на Всероссийском референдуме - абсолютно точно. Уже на следующий день после подтверждения полномочий он мог спокойно распустить парламент - и никто бы о нем даже не вспомнил. Но то ли эйфория помешала, то ли помощники так заинтриговались, что потеряли нить и смысл президентской деятельности - нам сие неизвестно. Только плоды той нерешительности пожинаем мы сегодня - угроза, реальная угроза гражданской войны, неудобства в передвижении - можно на обе власти подавать в суд за ограничения свободы передвижения по родному городу, - ограничения в работе журналистов, а значит и граждан, в получении информации.

А в результате - консолидация оголтелых вокруг "Дня", избитые и задержанные иностранные, российские и столичные корреспонденты.

Зная, как относится мэр столицы к журналистам, не могу допустить мысли, что именно он отдал распоряжение "не пущать" и учить нашего брата дубинками.

Можно предположить, что озверевшие от бесконечных вахт милиционеры тоже не ведают уже, что творят, совершенно перестали ориентироваться в обстановке, если взятых журналистов держат в кутузке по несколько часов. И это при том, что аб-

солютно все средства массовой информации поддерживали действия Президента и московских властей по блокаде сидельцев Белого дома. При том, что два года назад лишь некоторые - не будем сегодня о них вспоминать, они перековались - газеты поддерживали ГКЧП. Зачем же, спросим, рубить сук, на котором зиждется объективность? Или действительно есть что скрывать исполнительной власти? Ничего бояться не надо - все видят, как показывают иностранные корреспонденты. Смею утверждать - наши видят не хуже. Только нам это не показывают. И зря.

Представляется, что подобные меры также являются следствием несвоевременных или вовсе не принятых мер по стабилизации политической обстановки в стране. Зачем отставному генералу Макашову оставлять право на ношение формы, лишив которого его можно было привлечь уже на первом митинге, организованном его сторонниками. Или у наших высших должностных лиц у самих превратное понятие о демократии, или есть иные причины деликатного свойства, о которых мы все можем только догадываться.

Почему ни один хулиган, маравший стены гаражей и арки мостов оскорбительными лозунгами в адрес Президента страны и мэра города, не был сыскан и примерно наказан за оскорбление личности при исполнении служебных обязанностей?

На вопрос этот, заданный мною одному из высших должностных лиц в системе ГБ Москвы, лицо ответило: нет сегодня закона, по которому можно привлечь. А Верховный Совет не принимает. Так привлечите за мелкое хулиганство, заметил я, это-то реально. Цель не оправдывает средства, которые будут вложены в поиски хулигана и его привлечение, - был ответ.

Теперь вам понятно, почему родился сегодняшней беспредел у Белого дома? А сражение на Смоленской площади? А призыв депутатов Моссовета к москвичам встать как один на защиту ВС, съезда и прочих атрибутов отжившего, но упорно не сдающегося мира? Старички с древками и молодцы с булыжниками не безобидная бутафория - это самые настоящие поджигатели национального противостояния и национального бедствия в России.

Власть в городе есть - в этом любой непредвзятый житель столицы, любой человек со стороны мог за время противосто-

яния убедиться неоднократно. Если бы ее не было, я боюсь даже предположить, что бы уже случилось с Москвой, со всеми нами и следом - со страной. Но она должна проявить себя не только как сила, охраняющая никому уже сегодня не нужных народных депутатов, но и как реальность, обороняющая всех нас от разнузданности и хулиганских выходов, играющих мускулами фашистиков и их безумных главарей. Не поверю, что не найдется статья, если есть подобные извращения в поведении людей по отношению к своим согражданам. Как говорят, ищите - и обрящете.

Из дневника

12 мая 1992 г., вторник

Будем судиться

Долго не мог попасть на прием, чтобы продолжить наши беседы “при ясной луне”, как называл их сам Ю.М. Заваруха во-круг 1 Мая, забастовки водителей, учителей и медиков требуют от него полного напряжения сил. Тем не менее он велел мне приехать 2-го числа, но сорвалось. Я позвонил, а он сказал, что ничего не получится: Б. Никольскому 55 лет, поедет поздравлять.

- Звони завтра, от трех до четырех, - сказал Ю.М. на прощание, а я, обзвонившись, так и не соединился.

Короче, только сегодня, договорившись с утра, в 19.30 попал в знакомый кабинет. Со мной вошел юрист правительства, готовивший иски премьера к “Правде” и “Независимой”,

- Ты должен так все подготовить, - подчеркнул Ю.М., - чтобы “Правда” выплатила мне за моральный ущерб 5 миллионов - пусть они разорятся окончательно!

- Пять миллионов вам никто не заплатит, - вмешался я, как обычно, не в свое дело.

- Почему?

- А кто определяет, что ущерб нанесен именно на эту сумму?

- Никто, я сам...

- Практики такой нет, Юрий Михайлович, - заметил молчавший до того юрист.

- Значит, все зависит от того, как посмотрит суд, - констатировал я, гордый своими познаниями в юриспруденции, какой-то никогда не занимался.

- Я могу оценить такой ущерб и в 500 миллионов, - парировал между тем Ю.М. - его ведь руками нельзя пощупать. Что, если для меня это - единственная возможность реализовать себя, добиться в жизни успеха? Мне на материальные блага, скажем, наплевать, я могу и помимо сегодняшней должности зарабатывать больше. Но я очень щепетилен до того, что касается чести и достоинства. Обливание помоями в печати образует вокруг моего имени вакуум, я теряю точку опоры, я надломлен, не могу продолжить исполнение обязанностей в полном объеме. Нет, моральный ущерб дорого стоит...

После такой эмоциональной тирады юрист пообещал лично поехать в суд и представлять интересы Ю.М. с перспективой вырвать 5 миллионов.

В "боковушке" я показал Ю.М. свежий номер газеты с моей заметкой про футбольный матч в Лужниках 2 мая, который его команда выиграла у российского кабинета со счетом 1:0. Самым любопытным в этой заметке была концовка, где я предполагал, что со временем капитан москвичей Г.Попов может вступить с капитаном российской команды Б.Ельциным в борьбу не только на футбольном поле, но и за пост президента. Ю.М. читал, улыбаясь, а закончив, сказал:

- Концовка хороша.

- А что вы, интересно, будете делать, если окажетесь вдруг между двух огней - выдвинутся и Ельцин, и Попов?

- Я тебе скажу, только не для печати. Гавриил, наверное, скоро уйдет. Он сильный политик и будет заниматься политической.

- А вот хозяйственник он никакой...

- А хозяйственник никакой. У меня уже был по этому поводу разговор с Борисом Николаевичем. Он зовет меня в российское правительство, чувствует его слабинку. Но я отказался, чему он очень удивился: все туда рвутся, а я нет.

- А действительно, как это?

- Понимаешь, я не могу бросить свое дело. Полгода назад, вернее, первые полгода я, несмотря на то что прежде работал в исполкоме Моссовета, не знал, куда бежать. Теперь я ориенти-

руюсь гораздо лучше и хочу продолжать свое дело. Ведь, как ни говори, промышленность у нас не остановилась, город живет.

- Удивляюсь иногда, как вам удастся выкручиваться.

- Да не это главное. Главное, что мне хочется увидеть хоть какие-то результаты моих усилий. А если уйду в федеральные органы, я их никогда не увижу.

- Вы станете мэром, а кого оставите вместо себя? И попутный вопрос: уезжая из города в командировку, не испытываете ли чувства беспокойства за его судьбу: без вас здесь сделают не то и не так?

- Нет, не испытываю. Я доверяю тем людям, которые со мной работают, они профессионалы высокого класса, знают, что делают, и я спокоен, где бы ни находился. Насчет своего преемника не думал, не знаю пока ничего, рано об этом говорить, посмотрим, - не стал он обрубать концы.

Из чего я тут же сделал вывод: он не станет - и вполне вероятно так и будет - торопиться с вице-мэром, своим преемником. Кого-то, может, Ресина, может, Никольского, что вероятнее, назначит исполняющим обязанности - и все. А пахать будет сам.

Поговорить же об основном предмете мне на этот раз не удалось.

Едва сделали по глотку чаю, вошел помощник: Юрий Михайлович, Попов на первой трубке.

- Сейчас иду, - сказал Ю.М. и быстро встал. - Бери чай, пошли туда, - обратился он ко мне.

Мы перешли в кабинет, он поговорил с Гавриилом, потом пришел Е.Быстров, паясничал, преклонил колена, потом подошел к Ю.М. и чмокнул в щеку. Рассказал анекдот: в Москве работяги готовят постамент под памятник, а прохожие спрашивают: кому, дескать, памятник-то будет? Работяги отвечают: Лужков сказал Чехову, потому что он написал "Муму".

Прохожие удивляются - в Москве все-таки живут, грамотные: "Муму", дескать, написал Тургенев! Теперь очередь удивляться работягам: что ж получается и что же этот Лужков делает - "Муму" написал Тургенев, а памятник велел поставить Чехову?

Похоже, Женя Быстров переиначил какой-то анекдот на свою колодку, что для него - раз плюнуть.

Потом пришел В.Ресин. Ю.М. в результате записал меня на четверг, на 14 часов, и сказал на прощание: приходи, у нас будет для беседы целых полтора часа.

После чего я откланялся, совершенно неуверенный, что все получится так, как задумано.

Из записных книжек

Расстрел Белого дома

Удивительно, но факт: мы прошли в здание на Новом Арбате, 21 совершенно беспрепятственно, никто не спросил пропуск. Охрана дома в этот момент смотрела репортаж CNN о событиях возле Белого дома и надеялась, видно, что мимо милицейских кордонов не проскользнет и мышь.

А проскальзывали и люди с автоматами: с высоты 16-го этажа мы отчетливо видели бегающих по крышам домов на противоположной стороне человечков, то залегающих, то ныряющих в слуховые окна. Возможно, среди них не все были солдатами двух фюреров, может быть, то были любопытные или журналисты, но то, что время от времени с крыш начинали палить из автоматов, - это точно.

В такие минуты мы отгоняли друг друга от окон и выходили в длинный пустынный коридор - пережидали. Потом снова возвращались и прилипали к окнам, наблюдая, как разворачиваются события.

Вот на крышу ресторана "Арбат" вышли несколько человек с автоматами - свои, чужие? Прячась за вентиляционными шахтами и подиумами с прожекторами, они, крадучись, перебегают с места на место, держа автоматы наизготовку. В подозрную трубу мы разглядели отличительные знаки рязанцев - значит, свои.

Больше всего мы боялись столкновений между самими воинскими подразделениями. Одно дело, когда они находятся где-то и подтверждают свою верность Президенту и правительству, а другое - когда они уже прибыли на танках в белокаменную. Куда повернут они дула своих орудий, по каким целям станут палить, если усатый генерал лишь накануне утверждал, что многие части преданы им - предателям.

С помощью CNN и ТВ-6 мы видели отчетливо фасадную сторону штурмуемого дома, а с помощью подозрной трубы

могли разглядеть даже усы Руцкого, если бы он вздумал высунуться в окно. Толпы зевак вокруг места события заметно затрудняли действия воинских подразделений. Тем более что не одни зеваки собирались в толпы. Прямо под нами то один, то другой молодчик выскакивали навстречу бойцам оцепления, начинали размахивать руками и что-то доказывать. Их тут же брали под белые рученьки и вели в стоявший рядом с цепью “воронок”. Время от времени бойцы с разбегу врезывались в толпу и выхватывали из нее наиболее крикливых - быстро, четко, профессионально. Вот бы так всегда. Тогда бы Москва не пережила ужасный день с многочисленными жертвами.

Но, видно, до последнего момента президентская сторона верила в возможность мирного исхода, а сторона противная - что Президент не осмелится применить силу. Наглость, с какой защитники “демократии” отвергали все предложения по мирному исходу, поражала и невольно заставляла задуматься: а, может, действительно они правы и за ними сила?

Теперь, когда положено столько жизней, когда пролито столько крови, все вдруг отчетливо увидели истинную сущность этих людей: их непомерные амбиции сопряжены с потрясающей трусостью. После нескольких выстрелов из танкового орудия по бункерам предателей, захвата спецназом первых этажей Белого дома стало ясно, что пора его защитникам сдаваться, что рассчитывать им не на что. И тут женщина, которая была с нами, предположила: Руцкой обязательно застрелится, как честный офицер. Должно быть, ей очень хотелось верить, что благородство еще есть, что рыцарь должен оставаться рыцарем.

Мы двое возразили: предатели не стреляются, и оказались правы. Коллегу же окончательно сразила просьба бывшего спикера и бывшего генерала к послам зарубежных стран о предоставлении им политического убежища. Сколько обманутых, одураченных ими людей устраивали в столице митинги, учиняли беспорядки, мешали нормальной жизни горожан. Сколько пены вышло изо рта Анпилова, пока он их защищал, сколько подметных писем написали депутаты Моссовета, призывая защитить и оборонить.

Оборонили... Положили свои головы за двух предателей.

Время от времени под нашими окнами возникали интенсивные перестрелки, хотя понять, кто и откуда бьет, было совер-

шенно невозможно. Треск автоматных очередей и стук крупнокалиберных пулеметов металась в зажатом пространстве между домами, и только отбитая штукатурка да куски выбитой пулями щебенки указывали место очередной дуэли.

Обозначивших себя стрельбой снайперов снимали с крыш и чердаков, и тогда толпы зевак ломались от любопытства: кто же это был? Сбившаяся в кучу толпа молодых людей и подростков перетекала с одной стороны улицы на другую - в зависимости от того, где события казались ей интересней. В конце концов бойцам это надоело, и они оттеснили любопытствующих к "Октябрю", где те и остановились.

Многие наши коллеги позже отмечали: в реальность происходящего верилось с трудом - замечание совершенно справедливое. Прекрасное осеннее утро, солнце, какого не было даже летом, с высоты здания на Новом Арбате далеко просматриваются улочки старой Москвы и с другой стороны - арбатские переулки. И во всей этой благодати - треск автоматных очередей, пальба из гранатометов и танковых орудий, тела убитых.

Ужасно было видеть выбивающееся из окон пламя и клубы черного дыма над Белым домом. Огонь становился все интенсивнее, а дым плотнее, и мы как-то разом заговорили о том, во что обойдутся городу и государству ремонт и восстановление.

После того как на Краснопресненскую набережную направилась колонна "воронков", стало очевидно, что дело приближается к своему логическому концу. Иным он не виделся, пожалуй, никому. И лучше всего это знали сами оборонявшиеся, хотя продолжали бессмысленное сопротивление.

...А в "Смоленском" между тем было полно покупателей, зеваки толпились под стенами расстреливаемого дома, прохождение, как обычно, торопились по своим делам. Может быть, именно так привыкают к войне в горячих точках и именно привыкание к ней - самое страшное.

С магнитофонной ленты

Подстрекатели разгуливают на свободе

- Мне то и дело приходится отвечать на вопросы журналистов по поводу разрушений, произведенных в Москве во время событий 3-4 октября, и рассказывать о том, какие меры при-

нимает правительство к скорейшей ликвидации последствий драмы, разыгравшейся на Красной Пресне и в Останкине. Должен признаться, для меня ответы на подобные вопросы не составляют труда. Квалифицированные специалисты из управлений и комитетов, подчиненных правительству, четко и согласованно выполняют все этапы работ, связанных с ликвидацией последствий мятежа. С территории вокруг Белого дома убраны остовы сгоревшей и разбитой варварами техники, разобраны баррикады - одних бетонных блоков было 4 километра по периметру - включен фидер для подачи электроэнергии на Белый дом, и готовится ее включение в мэрии.

Сметы, калькуляции затрат, подсчет необходимого количества материально-технических ресурсов и рабочей силы рассчитать не трудно и организовать работу тоже. Конечно, придется отвлечь строителей с жизненно важных для города объектов, ускоренными темпами вести восстановительные работы. Вандализм разгулявшихся бандитов дорого обошелся городу и горожанам. Никогда ни один мятеж и ни одно восстание не приближали общество к благоденствию. - они всегда разрушали экономику и задерживали развитие производительных сил.

Но все последствия “второго Октября” можно преодолеть довольно быстро - были бы средства и желание. Нельзя, как уже очевидно, быстро преодолеть синдром всепрощенчества, поразивший наше общество в августе 1991 года и не выветрившийся из нашего сознания по сей день. А ведь именно он привел нас к кровавым событиям октябрьских дней.

Тогда, на фоне победы над тоталитаризмом, нам всем хотелось быть до конца демократичными и добренькими, не наказывать виновных в смерти трех молодых парней, списать их жизни на волю случая.

Списали. Теперь воспрянувшие в результате подобной “доброты” политические авантюристы и фашиствующие экстремисты убили уже 130 человек, 800 ранили, 400 из них госпитализированы. И опять не видно виновных.

Бывший заместитель председателя Моссовета Седых-Бондаренко, лично повинный в том, что произошло на Смоленской площади 3 октября, организовавший преступный штаб по борьбе с существующей властью, призывавший к насилию и виновный в избиении милиционеров, отпущен правоохранительными

ми органами на свободу. Значит, и дальше он может действовать безнаказанно?

Именующий себя “лидером Красной Пресни” Краснов подталкивал одурманенных людей на баррикады. Он не только не исполнил Указ Президента страны, но и активно ему противился, подстрекал массы к неповиновению и сопротивлению. Неужели в Лефортове не найдется места для таких деятелей?

Куда, вы думаете, пойдут эти люди - если их можно еще так называть - после освобождения? Они снова пойдут организовывать боевиков, джентльменов удачи, раздавать им оружие, тренировать для следующих кровавых игр. Они снова станут призывать к разбою, потому что для них человеческая жизнь - копейка, разменная монета - и больше ничего. Не их, конечно, собственная жизнь, а наша с вами, чужая и чуждая для них жизнь.

Чтобы привести в порядок и восстановить порушенное, потребуется много сил. Чтобы привести в норму политическую ситуацию в обществе, нормализовать отношения внутри него - потребуется гораздо больше. Для этого в первую очередь необходимо наказать виновных в кровопролитии по всей строгости законов чрезвычайного положения, невзирая ни на прошлые заслуги, ни на обещания исправиться. Иначе история может повториться не как фарс и не как комедия, а как трагедия огромного масштаба, как национальное бедствие русского народа, не говоря уже о Москве и ее жителях.

Не надо витийствовать, рассуждая о демократии. Наказание виновных за преступления - это самая настоящая демократия и есть. И это сегодня - требование времени, требование момента, требование самой жизни. Если мы хотим в ней порядка, спокойствия и благоденствия нашим детям и внукам.

Из дневника

1 сентября 1993 г., среда

А это - История

Звоню, набравшись нахальства, по весьма необычному делу. Трубку он взял сразу, а по голосу я понял: говорить может.

- Приветствую вас! - сказал я достаточно бодро.

- Привет, привет, - ответил он почти таким же тоном.

- Юрий Михайлович, мы когда-то собирались устроить вечер поэзии для двоих, когда это может случиться?

- Когда... когда... - повторял он, видимо листая свой поминальник, где свободных минут не бывает. - Могу сегодня, у меня есть полчаса, - совершенно неожиданно для меня предложил он. - Приезжай в 19.30...

- Не фига себе! Я так сразу не могу, у меня и рукописи под рукой нет, мне надо собирать все ненаписанное и незабытое...

- Тогда устроим сегодня мой вечер...

- Хорошо, - согласился я, как будто не руководитель такого уровня приглашал меня, а коллега из соседней редакции. Но это я понял чуть позже и подумал тут же о том, что его поведение совершенно естественно в любых ситуациях и он, наверное, не задумывается над тем, на какой высоте находится, а я не задумываюсь над тем, с какой вершиной общаюсь. Благодарение Богу, что так есть!

Получилось, что я прилетел в Моссовет слишком рано, пришлось болтаться по коридорам, потом зашел к заведующему его секретариатом, а там - еще и заведующая канцелярией Натали. Поболтали. Читайте, говорю в завтрашнем номере мою заметку под названием "Мы все - мутанты".

- Зачем же так? - не возмутилась, а с некоторым неодобрением заметила Наталья.

Я кратко объяснил суть заметки и еще раз напомнил, чтобы читали. Потом поинтриговал насчет будущего помещения для моей конторы, и заведующий секретариатом согласился мне пособить, вывести на руководителя, который может это решить со своего уровня, с верхнего этажа, чтобы я не колупался внизу, где взяточничество, мздоимство и лень...

В 19.30 я, конечно, не попал, а вот в 20.00 вошел в знакомый кабинет. Василий Шахновский, уходя, поднял с пола какой-то предмет, похожий на заколку.

- Везет Василию Савельевичу, - с порога заметил я, - золотую запонку нашел.

- Мне всегда везет, - улыбнулся Василий, а вид между тем был довольно усталым.

Он ушел, а золотая запонка оказалась прищепкой для бумаг. Ю.М. протянул мне руку, глянул на часы.

- Времени совсем нет, - с огорчением констатировал он и

нажал на кнопку. - Следи, чтоб нас не беспокоили, - велел дежурному. - Ни с кем не соединяй, никого не пускай.

- Есть! - по-военному отрапортовал дежурный, и мы удалились в “чайную”.

Еще когда он брал со стола большой казенный конверт, я увидел на нем надпись: “Ю. Лужкову от Е. Яковлева” и подумал, что он давал Егору читать и рецензировать свое произведение.

Ю.М. сел на свое обычное место, а я - напротив, положив на колени дипломат и включив подаренный им же диктофон, приготовился слушать.

Он достал из конверта пачку листов бумаги, кажется, старых бланков его присутствия, исписанных строгими четверостишиями знакомого мне почерка, и с ходу начал читать.

Я сразу понял, что это - не отдельные стихи, не созданное в течение многих лет, а написанное в порыве. Он так и объяснил потом: в больнице делать было нечего, вот и занимался писаниной.

Читал он, конечно, как все начинающие - неуверенно, но с чувством. Неуверенность происходила, думаю, от непривычки представлять свое произведение на чей-то суд. от ложного стыда: дескать, я - и вдруг такое...

Он не знает, что все это - чушь. Выше творчества нет ничего на свете, и хотя он свою работу считает наркотиком, я расцениваю все сделанное им в городе как творчество.

Читал он долго, перебивая себя в некоторых местах комментариями - тоже удел начинающих, думающих, что их не понимают. Непрофессионал, он поразил меня в некоторых образах истинными поэтическими находками типа “упавший сук обратно не пришьешь” или чего-то в этом роде, не запомнил, надеясь на диктофон, который, как оказалось впоследствии, не включился. А после того, как я его несколько раз повернул, пощелкал кнопками и он заработал - было поздно. Ю.М. категорически приказал убрать машину, что я и сделал. Но не тотчас. Кое-что записал и после воспроизвел в своем дневнике - простите, Юрий Михайлович, что ослушался, но это - История. История ваша, История Москвы, История России. Которую все мы недооцениваем, пока живем.

Из записных книжек

Борьба за метры

В ноябре 1993 года вдруг возник имущественный спор между моей конторой и несколькими другими, стремящимися закрепитесь в высотном доме на Новом Арбате, на самом престижном, 13-м этаже.

Возможно, я бы туда и не сунулся - сидел бы спокойно на своем 16-м этаже в этом же доме, в своем маленьком кабинетике, достаточно уютно и скромно обставленном - надо сказать, во мне никогда не было желания надуваться, а тратить государственные деньги в больших масштабах я так и не научился, жалко было, будто свои кровные выкладываю. Однако обстоятельства начали складываться так непредсказуемо, а события развиваться так стремительно, что мне надо было срочно принимать решение.

После октябрьского мятежа разогнали Моссовет, там освободилась масса служебных помещений, и самые приткие резво стали ими овладевать. Правда, удалось не допустить партизанских захватов, но особы приближенные успели. Именно в этот момент ко мне подошел сотрудник и предложил переехать или, во всяком случае, попытаться.

- Серега уже захватил помещения пресс-центра Моссовета, - сказал он.

- Ну и х... с ним, с Серегой, - ответил я. - Я же не мародер.

А сам между тем задумался. В трех моих комнатенках уже негде было повернуться, принять кого-то дополнительно, не обеспечив рабочим местом, я не мог - человек в таком случае не имеет перед конторой серьезных обязательств.

Я напросился на прием и - странное дело - довольно быстро был принят. Ю.М. сидел за столом без пиджака, в белой рубашке, в ту редкую для него минуту, когда никого рядом не оказалось, телефоны молчали, а радио, по-моему, у него отрадясь не включалось. Он быстро прочитал подготовленный для газеты текст.

- Надо уточнить, сколько на сегодняшний день убитых и раненых, - заметил по ходу и тут же нажал кнопку: - Найди мне Ершова, - сказал помощнику.

Ершова не нашли, Юрий Михайлович ему позвонил позже и велел дать мне точные цифры убиенных - он никогда ничего не забывает.

Однажды наш общий приятель, журналист, понес ему на визу не тот экземпляр заметки, который Ю.Лужков видел накануне и который приятель отдал в набор, а другой. Мэр читал-читал, а потом говорит: я же здесь вчера исправил, какого рожна ты мне подсунул?

- Я же вас предупредил, - оправдывался журналист, - что это другой экземпляр, не тот, что вы видели вчера. Я просто правку не смог внести, с собой не было...

Ну и так далее. Вообще-то подобные промашки на столь высоком уровне общения не прощаются, он мог бы ему просто швырнуть в физиономию заметку - и был бы прав. Или высокомерно воспитывать, занудно повторяя прописные истины, или поучать с высоты своего положения. Однако он спокойно дочитал до конца, поставил свой крючок и отпустил его с богом. Это штрих, но довольно характерный.

Перекинуться с ним словами о площади в тот раз я не успел, пришлось потом звонить. По “мероприятиям”, что мэр мне утвердил, Москомимуществу следовало выделить 800 - 900’кв. квадратных метров для размещения редакции.

- Зачем тебе столько? - спросил меня первый заместитель председателя Москомущества, который занимался нежилыми помещениями.

Я его понимал. В Москве, при всей ее, казалось бы, необъятности и ресурсах площадей, за каждый метр, особенно в центре города, шла ожесточенная борьба. Нередко на одно и то же помещение, на одну и ту же площадь выдавалось по два ордера, принималось несколько постановлений правительства, подписывалось несколько писем самим мэром, его первыми замами и просто теми, кому казалось, что они имеют на это право. В результате завязывались ожесточенные схватки, вплоть до рукопашных, и чаще всего побеждал сильнейший не по преимуществу права, а физически - у кого было больше наличных денег, крепче нервы и мощнее охрана.

Самое беззастенчивое, беспрецедентное и беспардонное взяточничество царило в самом низу - в муниципальных округах, где сидящий на нежилых помещениях чиновник мог делать все, что ему взбредет в голову. Подчинявшийся по инстанции административному округу и Москомимуществу, он плевать хо-

тел на все распоряжения сверху и мог замотать любое из них. Что и подтвердил первый зам в конце разговора. А пока я объяснил ему, зачем мне площади.

- А кто сказал, что газета всегда будет выходить на четырех полосах и один раз в неделю? Завтра мэр скажет: давай-ка три раза в неделю, да на восьми полосах - и что я стану делать? Опять побегу к вам с протянутой рукой?

Второе: в тех же “мероприятиях” записано, что управление внешних сношений обязано закупить для редакции издательский комплекс. Не век же нам сидеть на шее у города, надо и гроши, в конце концов, зарабатывать.

Довольно долгий и дружелюбный разговор, в котором, кстати, выяснилось, что мы давно знакомы, закончился принятием общего решения: Москомимущество будет мне помогать.

—Раз уж ты сюда добрался, - подчеркнул начальник и добавил: - К нам ведь идут только такие нищие, как вы. Все прочие идут туда, - он показал пальцем в пол, имея в виду нижние этажи собственной епархии. - И там все решают...

Через некоторое время на хвосте почтового голубя прилетела весть - освобождается 13-й этаж дома, в котором я занимал скромный кабинет. Позвонил, поехал, посидели - решили, что надо попытаться. Но противником выступала такая сила, как Госкомимущество во главе с Чубайсом - отцом неприемлемой руководством Москвы модели приватизации. Кажется, его заместитель решил усесться в престижном кабинете.

В один из дней претенденты пришли захватывать этаж силой - вскрыли, несмотря на сигнализацию, обошли, обнюхали комнаты, оцупали мебель. Вселиться не успели - прибежала снизу охрана, запыхавшийся комендант, вернее комендантша. И выставив всех, быстро накинули навесной замок с металлическим хомутом. Между тем у меня на руках уже было распоряжение о выделении 530 метров - фактически половины этажа - редакции, однако комендантша уперлась: давай, дескать, договор на аренду, тогда все будет по закону.

Заключать же подобный договор - это целая катавасия, только у дверей конторы БТИ проторчишь месяц. В течение которого могут произойти всякие события, упустишь все.

Позвонил хозяин площади, арендодатель.

- Слушай, - говорит не своим каким-то, робким голосом, - может, позвонишь Юрию Михайловичу, пусть скажет, чтобы тебя заселили. Я знаю, ты врать не станешь.

- Ни хрена себе, задачка, - отвечаю. - Да где **я** его сейчас найду?

- А ты постарайся...

- Я две недели стараюсь, да ничего не получается.

- Ну все-таки...

Все-таки, так все-таки. Набрал дежурного помощника, объяснил: дело не терпит отлагательства, просил доложить, как только сам появится. По возможности - соединить.

Помощник быстро все понял, дал телефон в машину - новый, мне до того неизвестный, значит, поменялся - отметил я.

Делать нечего, отступать некуда - крутанул ручку. Трубку взял не он, водитель.

- А где Юрий Михайлович? - спрашиваю.

- Уже вышел...

- Вы стоите у Красного дома?

- Нет, на Поклонной горе.

- А когда он поедет обратно?

- Не знаю, может, через час, а может, и через два.

- Вы ему передайте, что я звонил по срочному делу. И соедините меня, хорошо?

Он записал телефон, пообещал.

Но я-то знаю цену подобным обещаниям. Он может забыть, может просто не сказать, увидев, что шеф в плохом настроении, могут, едва он сядет в машину, позвонить еще откуда-то, наконец, сам мэр не захочет разговаривать. Словом, потянулись томительные минуты ожидания.

Через час примерно сообразил, что Поклонная гора - это рядом. На машине - десять минут езды, и хотел уже рвануться навстречу. Потом тормознул: а если мы разъедемся? А если там не будет никакой возможности подойти к нему, что вполне вероятно, хотя охрана меня знает и свита тоже. В тоске и ожидании стал смотреть на проспект и вдруг увидел "Вольво" с сопровождением. А он, говорили, поменял недавно свою "Волгу" на эту иномарку.

Я решил, что это машина мэра и схватился за телефон - ехать ему до резиденции оставалось минут 5 при том сумасше-

ствии, с которым он носится по городу. Набрал номер, трубку взял водитель.

- Это еще раз я. Не подошел Юрий Михайлович?

- Вот он идет...

- Далеко?

- Рядом уже...

- Дай ему трубку, скажи редактор звонит.

- Слушаю, - сказал Лужков строгим голосом, видно, разбор полетов на горе был довольно крутым.

У меня это энтузиазма, мягко говоря, не вызвало, но и отступать было поздно. Потом бы он всыпал за то, что я не добился своего.

- Юрий Михайлович, - заговорил я, стараясь не частить и сохраняя самообладание, чтобы четко и кратко изложить, чего хочу. - Срочное дело. У меня на руках распоряжение на площади бывшего "Возрождения", а у Москомимущества и арендодателя мандраж, говорят, вы должны дать добро на заселение.

- Ничего я им не должен. И пусть они там не вибрируют, я же сказал.

- Спасибо, Юрий Михайлович, все понял.

Не успел набрать номер руководителя, который меня просил о звонке, как он сам спросил:

- Ты почему не заселяешься?

- Ах ты старая чиновная крыса! - заорал я. - Откуда ты знаешь, что мэр сказал? Он же только трубку положил, просто завидую твоему нюху. А сказал он, чтобы вы не вибрировали и меня заселяли...

- Ладно, я сейчас дам команду комендантше.

- Да ее целый день ищут, нет ее и не говорят где. Она, видно, играет в твоей команде, а деньги получает в другой...

- Сейчас пришлю человека, он все решит...

Человек приехал, я дал команду таскать шмотки, которых, как ни странно, за короткий срок нашего пребывания на 16-м этаже поднабралось уже достаточно.

Комендантша так и не появилась, ключа не было, мы крутились вокруг висячего замка, как лиса перед кувшином с медом, гора столов и шмоток в холле лифтов выросла до неприличия,

отступить было поздно, и я изловчился: отвернул три утопленных шурупа, которые держали ручку двери, она снялась довольно легко со штифтов, а вместе с ней снялась и скоба - путь в заветные апартаменты был свободен.

Но радовались мы рано. Прибежала охрана, в дверях встал мордovorот, долго разбирались, и мне больше всего понравилась фраза, сказанная человеком, который нас заселял. Уходя, он сказал, кивая на мордovorота в дверях:

- Теперь он будет охранять вас.

Этот пример с моим крохотным помещением в масштабах такого города, как Москва, наглядно показывает, как боролся, как борется Ю. Лужков за каждый квадратный метр городской собственности с федеральными властями, потому что он убежден: богатство города прирастать будет землею и недвижимостью.

С магнитофонной ленты

Собственность не манна небесная

- Важнейшим источником благосостояния городской общины являются городское имущество и земельные ресурсы. Если мы хотим справедливого распределения городских расходов между гражданами, мы должны понимать, что доходы от этого имущества на равных основаниях принадлежат каждому гражданину Москвы. В прошлом из-за неразумной приватизационной политики (в недавнем прошлом, совсем недавнем - мы даже еще не успели оценить результатов) этот принцип нарушался.

Городская община при таком способе приватизации утрачивала доходы, но и большинству горожан они не доставались. В предстоящие годы мы должны сделать все, чтобы восстановить справедливость. И я могу сказать, что Москва была единственным так называемым субъектом Федерации - в глазах господина Чубайса мы действительно были субъектом, - который возразил, восстал, можно сказать, против такой политики и против такой практики. И мы не дали возможности растащить, раскасировать имущество города - сейчас многое нужно поправлять.

Речь, разумеется, идет не о переделе собственности, но увязать налогообложение с размером собственности - наш

моральный долг. Прежде всего перед теми, кто эту собственность создавал, лишая себя многого. Конечно, в будущем мы должны изменить сами принципы так называемой приватизации, и уж особенно того, что после нее еще осталось. В будущем слово “приватизация” должно быть исключено из нашего лексикона, а соответствующие действия - из нашей практики. Собственность должна стать товаром и может менять собственника только по рыночным законам. И новый собственник должен использовать ее лучше, чем она использовалась прежде.

Мэр Москвы и городское правительство понимают, что переход госсобственности в частные руки для нового владельца не манна небесная, но и не неоправданная щедрость со стороны городской общины. Стороны должны получать, взаимную пользу.

Из записных книжек

Война с отцом приватизации

У всех на памяти самая настоящая война Ю. Лужкова с бывшим вице-премьером федерального правительства А. Чубайсом, вылившаяся в непримиримость двух позиций, двух взглядов на приватизацию, на разгосударствление собственности и в конечном итоге - на замену собственника.

В разгар этой борьбы, когда, видно; господин Чубайс так допек, премьера столичного правительства, что дальше терпеть стало невозможно, Юрий Михайлович собрал пресс-конференцию - значит, действительно достали, поскольку хорошо известно его отношение к подобным шумным сборищам нашего брата - он предпочитает им конкретные дела.

Надо учесть, что было это в тот момент, когда ни о какой отставке А. Чубайса не было и речи, никаких упоминаний в прессе не проскакивало и позиции вице-премьера казались незыблемыми и устойчивыми. Он то и дело щипал на разных уровнях Ю.Лужкова, приводил примеры якобы срывающегося процесса приватизации в Москве, которой препятствовал, по его словам, мэр Москвы.

Во всех этих дискуссиях А. Чубайс лез напролом, то ли действительно как не сомневающийся в своей правоте и конечном

результате, то ли как выполняющий поставленную задачу - сбросить с плеч государства непосильную для него ношу лишней собственности. Скорее всего второе, поскольку уже после отставки он остался в команде Б. Ельцина, вошел в штаб по подготовке и проведению его выборов: мавр сделал свое дело, мавр может уходить. И уходя - оставаться. Темное дело политика.

Возможно, Ю. Лужков знал о готовящейся отставке и потому затеял встречу с журналистами, хотя - кто ему может отказать в смелости суждений и наличии собственной линии поведения? Думаю, его довольно резкие слова, высказанные на той пресс-конференции, были продиктованы как раз интересами дела, а не какими-либо конъюнктурными соображениями. Хотя замечания о борьбе двух этих личностей, волею судьбы оказавшихся по разные стороны рыночных баррикад, зачитывалась тогда вся Москва.

Хочу, кстати, заметить, что мэр столицы на пресс-конференциях, увлекаясь, высказывается, как правило, гораздо откровеннее, чем на хорошо спланированных и тщательно подготавливаемых его службами встречах. Там он гораздо сдержаннее в оценках и выводах, редко нападает на соперников - хотя где они теперь? Наверное, без А. Чубайса в федеральном правительстве ему скучновато, нюх теряется. Он сам как-то признался: прежний руководитель антимонопольного комитета города боролся с Лужковым - было противно, но интересно. И - в упрек его преемнику: а вы-то почему не боретесь?

Так и здесь. Со свойственной ему напористостью и способностью к анализу Ю. Лужков сразу поставил два ключевых вопроса: на какой базе должна основываться постваучерная приватизация и в чем концептуальные различия в позициях Ю. Лужкова и Чубайса, если учитывать результаты работы в этом направлении Москвы как субъекта Федерации и всей страны.

И тут же - возможно, впервые за все время их непримиримого спора, назвал причину, по которой приватизация не дала ожидаемых результатов: в ее основе лежит политическая, а не экономическая цель.

- Это и предопределило, - сказал Ю. Лужков, - я убежден в этом, ее неуспех.

Затем расшифровал формулу неуспеха, заметив, что отцы приватизации хотели сделать собственниками земли, недров и промышленных предприятий 165 миллионов россиян, однако собственниками стали те, кто благодаря политике А. Чубайса скупили ваучеры, недвижимость, в том числе и в жизненно важных для России отраслях экономики. Причем скупили за бесценок, бюджет страны не получил ничего, если не считать жалкие полтора триллиона рублей.

Территории продемонстрировали полное недоверие к акции, а обещания А. Чубайса вернуть каждому россиянину в результате ваучеризации эквивалент в виде двух автомобилей “Волга” канули в никуда.

- Мы получили, - сказал Ю. Лужков, - страшную и дикую картину. Сегодня ваучер должен стоить 500 тысяч рублей, а он продается за 20 - 30 тысяч, демонстрируя полное недоверие населения к этой бумажке, которую скупают для последующей перепродажи предприимчивые люди. - И подчеркнул: - Экономическая сущность в данном случае подавлена политическими целями, мы получили обратный знак тому, который хотели получить.

Затем сказал, что призвал оппонента остановиться и оглянуться, подвести итоги промежуточного этапа этого всеобщего обмана граждан великого государства российского. И заметил, что никто, однако, останавливаться не хочет. На волне революционного абсурда в правительстве решили добавить еще один элемент существенного ущемления прав населения и территорий, а именно: предоставить Госкомимуществу право распоряжаться арендуемыми помещениями без согласования с органами территориального управления.

Я слушал энергичную речь мэра и думал о том, что самое для него болезненное - это когда кто-то командует в Москве без его участия, а то и без уведомления о желании покомандовать. Но происходит это не от желания его как-то себя преподнести в виде исключительной личности и хозяина-собственника, а от искреннего чувства достоинства, от того, что своим трудом - и каким! - колоссальными усилиями он поднимает и возрождает свой любимый город независимо ни от каких властей, ни от каких инсинуаций. Именно так назвал он на той пресс-конференции попытки А. Чубайса умалить достижения

Москвы в проведении приватизации. Столица к тому моменту занимала 5-е место по “связыванию” ваучеров, то есть по их практическому вложению. А. Чубайс же не устает повторять слова об игнорировании правительством города этой работы. Москва просто не желает бежать сломя голову и останавливать действие ваучеров после июля 1994 года, она отстаивает свою позицию последовательно и самым естественным образом, обращаясь к правительству и Президенту страны, распространяя официальные документы. На все это ответ из Госкомимущества один: вы враги реформ.

- Чубайс, - сказал Ю. Лужков, - должен читать наши распоряжения и постановления внимательно, они выдержаны в нормальных тонах, в них нет истерии. А если что-то там не соответствует законам Российской Федерации, на то есть суд, прокуратура и есть прецеденты, когда я подчиняюсь решениям, вынесенным этими органами не в мою пользу.

Возможно, кому-то такие слова в устах мэра Москвы покажутся кокетством - ничего подобного. У газет, которые его в одно время охаивали, как только могли, он выиграл практически все иски. А вот протесты городской Думы ему удавалось преодолеть не всегда. И ничего, соглашался на компромисс, не чувствуя себя ущемленным и обделенным. Так что про суд и прокуратуру — вовсе не для красного словца. Под занавес пресс-конференции Ю. Лужков достал и козырного своего туза: если бы, говорит, мы проводили по Чубайсу приватизацию строительного комплекса, то там бы уже ничего не осталось, не удалось бы построить и 10 процентов того объема, что сдается теперь.

Туз - он и в Африке туз. Дважды собирались в Москве строители со всех концов страны, чтобы познакомиться с организацией работы строительного комплекса, который действительно не развалился в отличие от ему подобных в других городах и регионах. Не стану подробно на этом останавливаться - о совещаниях с участием Президента страны писали все газеты. Даже с учетом опять же политического налета в подобных мероприятиях эпохи развитого социализма, они наверняка принесли практическую пользу тем строительным начальникам, которые в них участвовали: столице есть что показать и есть чем гордиться.

В городе должно быть единое правовое поле - это стратегическое направление движения, сказал мэр и напомнил, что в свое время именно Москва стала центром, вокруг которого объединились русские земли, и станет последней из тех, кто захочет отделиться от России. Но правовое поле не должно заменяться монополией Госкомимущества на городскую собственность.

- Спина кругом идет, - признался Ю. Лужков журналистам, - страшно трудное положение с бюджетом, и Чубайс предоставляет нам шанс: продайте, говорит, все, и на два года вам денег хватит, будете благоденствовать.

И тут я задаю себе вопрос, - замолчал вдруг Юрий Михайлович и внимательно посмотрел в зал - все ли слушают, - а люди, которые придут после, что о нас скажут? Что они о нас подумают? Ведь если я хочу создать условия для будущих поколений, я должен об этом думать сегодня. И поэтому я говорю: никакой продажи собственности мы допустить не должны. Нам выгоднее долгосрочная аренда. В противном случае все разбазарим, и потомки наши схватятся за голову и возопиют: что же он натворил, этот Лужков, Господи?!

Вот так закончилась его эмоциональная речь на этой не совсем обычной пресс-конференции, и я довольно подробно остановился на ней по одной причине: именно здесь были высказаны и сформулированы его основные мысли по приватизационным спорам. Позже они - более причесанные и адаптированные - будут фигурировать в разных изданиях, в выступлениях и интервью.

С магнитофонной ленты

Их надо примерно наказать

- Ушел в отставку мой главный оппонент - господин Чубайс, но я не испытываю от этого никакого облегчения и никакой радости. Я думаю, что уход в отставку человека, который развалил экономику страны, который обманул народ России, - дело не только вполне естественное, но и довольно запоздалое.

Если же речь вести не об эмоциях, а об оценках, то я считаю, что прокуратура страны должна расследовать или исследовать те решения, которые он принимал и последствия

которых остались не Чубайсу, а остались нам всем, россиянам.

Самое главное сегодня - это сделать правильные выводы по результатам горе-ваучеризации и приватизации, этого грубейшего обмана, крупнейшей аферы, которую господин Чубайс допустил по отношению к экономике и российскому народу. Думаю, нужно сделать ясные выводы и правительству, то есть выполнить все, чего ждет сегодня общество. Надо трезво, без какого-либо ажиотажа проанализировать состояние экономики, в котором она оказалась после Чубайса. Наследство здесь разное. Есть предприятия, которые в результате приватизации работают нормально, - их немного. Их не нужно трогать, они срослись с новой экономикой, приспособились - и пусть себе работают, пусть платят налоги государству, обеспечивают рабочие места и прочее. Есть предприятия, которые провалились в результате приватизации, таких много. Тот же ЗИЛ, институты, бывшие организации оборонного комплекса - они должны быть возвращены в государственную собственность с соответствующими минимальными выплатами тем организациям и фирмам, которые в свое время заплатили, покупая их за бесценок.

Я неоднократно повторял: что значит продать ЗИЛ за 4 миллиона долларов? Деньги надо вернуть за вычетом тех потерь, которые новые хозяева нанесли ЗИЛу; государству следует вернуть собственность, оно должно восстановить потенциал заводов, а затем спокойно решать вопросы разгосударствления или приватизации. Здесь нет сложностей, нужно двигаться в этом направлении, обеспечивая, увеличивая долю собственности, принадлежащую частным фирмам, акционерным обществам и прочим, - это правильно. Это неизбежно, я вам скажу, если мы не хотим потерять экономику.

Что касается ваучеров и фондов, которые ограбили народ, отобрав у наших граждан, по некоторым оценкам, 60 триллионов рублей, - это вина Чубайса, это вина государства. Оно должно было, усмотрев первый фонд, который ограбил людей, - какой-нибудь "Технический прогресс" - сразу же сделать выводы: найти этих людей, предать суду и не дать развернуться другим фондам, которые также грабили — сегодня это состоявшийся факт.

Что должно было сделать государство и что нужно сделать сейчас, после Чубайса: во-первых, подтвердить свой долг перед обманутыми людьми. Если нет денег, надо выпустить облигации, которые в течение ряда лет покрывали бы недостаток средств. Это сейчас денег нет, но мы ведь оптимисты, и через какое-то время экономика должна все-таки встать на ноги. Во-вторых, государство должно расчистить все эти авгиевы конюшни, найти этих людей и судить, они должны быть наказаны для того, чтобы историческая справедливость восторжествовала.

Кроме всего прочего, политика Чубайса, строго говоря, была не только политикой в области приватизации - им была отпущена на вольные хлеба и политика ценообразования. Конечно, основной массив цен должен быть свободным, но ряд позиций обязано регулировать государство, например, на топливно-энергетические ресурсы. Господин же Чубайс их отпустил.

Я думаю, что те энергетические комплексы, которые дешевы и которые были проданы господином Чубайсом за бесценок - такие, как "Норильский никель", "Юкоснефть", Северо-Западное речное пароходство, - это лишь незначительная часть того, что составляет основной потенциал государства, и она должна быть возвращена государству. Оно же должно устанавливать цены, снижать их, чтобы увеличить количество платежеспособных предприятий, обеспечивая достаточный потенциал для развития топливно-энергетического комплекса.

Сегодня только 20 процентов хозяйствующих субъектов в государстве и в Москве способны платить за топливно-энергетические ресурсы. Стоит снизить цены - и получим 40 процентов платежеспособных предприятий, снизим еще раз и получим 80 процентов платежеспособных! При этом масса денег, которые получит топливно-энергетический комплекс, будет возрастать, а не снижаться. Нужно сводить ножницы, которые разошлись, путем снижения цен, по-другому ничего не получится. Потребности топливно-энергетического комплекса, выраженные через цены, радикально оторвались от способности экономики страны платить такие суммы.

Из дневника

29 апреля 1996 г., понедельник

На суд читателя

Неделю назад, во вторник, в Москве состоялась небывалая по размаху тусовка, как сказали бы мои молодые и борзые коллеги. Юрий Михайлович представлял и киноконцертном зале “Россия” свою новую книгу “Мы дети твои, Москва”.

Накануне я встретился с несколькими коллегами обоего пола, и разговор зашел о сравнительно недавнем представлении Юрия Михайловича на страницах бесплатного издания, заполненного до последней строчки рекламой, - это так называемая газета “Центр-плюс”.

В ее редакции Юрий Михайлович отвечал на звонки столичных обывателей, потом ответы появились в газете, были растиражированы в миллионах экземпляров и насильно “впарены”, как выражаются торговцы периодикой, каждому москвичу в почтовый ящик. А продолжение эта история имела на заседании правительства, посвященном информированию населения о деятельности правительства и местных властей. Видимо, за эту заслугу на заседании дали слово представителю “Центра-плюс”, который ничего путного не сказал, разве что плюнул мимоходом в конкурентов: дескать, их не читают, бросают под ноги. Как будто “Центр-плюс” читают... Но это к слову. Важнее другое.

На заседании Ю.М. произнес несколько фраз типа: “информация должна быть доступна, и бесплатный “Центр-плюс” в каждом доме это хорошо”.

В тот день, когда появилось на развороте его интервью, - а потом ему последовал еще и В.Ресин - я хотел позвонить Ю.М. и сказать, что негоже в его положении, при том общественном звучании, которое теперь имеет его фамилия, помещать фото и интервью в издании рядом с рекламой презервативов, аксессуаров и писсуаров. И напомнить его же слова о том, что газета должна стоить денег, информация имеет цену стабильную и высокую. А тут - на тебе.

При общении с коллегами понял, кто втравил его в такую игру, и знаю, вернее догадываюсь, зачем. Но, странное дело, сам Ю.М. не понимает, что на его имени люди порой просто спекулируют, пользуясь его доверчивостью.

- Ребята, - сказал я в своем кругу, - нельзя этого делать, никак нельзя! Это же реноме, это авторитет, и если он сам не понимает, надо подсказать, хотя теперь уже поезд ушел.

- Ты не прав! - возразил его пресс-атташе. - Миллионные тиражи есть далеко не у каждой газеты, и далеко не каждый москвич может себе позволить теперь купить хотя бы одну газету. Информации у людей нет, и надо использовать любую возможность встретиться с читателями...

- Но не такую! - не сдавался я. - Как ты не понимаешь, что такие встречи роняют авторитет среди тех людей, которые его хорошо знают, ценят и поддерживают во всех начинаниях. Особенно в среде интеллигенции...

- А, пожалуй, он прав, - кивая на меня, вмешалась в спор Татьяна Цыба, известная своими кусачими заметками во многих изданиях столицы.

Кстати, любопытный был однажды эпизод, связанный с нашими профессиональными интересами. Года три тому прослышал я о вылете делегации во главе с Ю.М. в Ставрополь по поводу закупки продовольствия для столицы. Едва Ю.М. заикнулся об экспедиции в Ставрополье, я тут как тут: возьмите, дескать, меня с собой.

- Пожалуйста, - согласился он, - только Цюю скажи...

Я позвонил руководителю его пресс-центра и сказал, чтобы он включил меня в бригаду, предупредив, что с "самим" - договорился.

- Хорошо, - ответил Сергей и положил трубку.

Однако в список меня не вписал, думаю, по причине ревности или по другим, только ему ведомым причинам. Сказал же мне об этом поздно вечером накануне вылета.

- А что, - переспросил я, - Юрий Михайлович действительно решил меня не брать по причине отсутствия мест в самолете?

- Точно так, - не моргнув глазом, ответил Цой.

Я был поражен. Никогда не замечал, чтобы Ю. М. говорил мне неправду - ему нет в том нужды. И, естественно, решил выяснить, что и как, поскольку самолюбие мое было задето, что называется, по-настоящему. Ну сказал бы сразу "нет" - и все. Нашел его в машине по дороге домой после очередной встречи на телевидении, где он, как всегда, отбивался от назойливых телезрителей.

- Юрий Михайлович, - говорю дрожащим голосом, - а это правда, что вы меня с собой не берете в Ставрополь?

- Кто тебе сказал?

- Серега говорит - вы не велели, вроде бы мест нет...

- Да он негодай! Приезжай завтра во Внуково к 8 часам.

- Хорошо! - обрадованно крикнул я в трубку, но он этого уже не слышал, отключился.

Хорошо-то хорошо, да как в той песне, ничего хорошего. Добираться как? Стал вызывать тех крупных чиновников, кто собирался лететь, но половина из них, как неожиданно выяснилось, улетела с ночи, а оставшиеся лететь вообще не собирались.

Долго выяснял, как идут автобусы, больше всего боясь опоздать - в такой ситуации это было бы, конечно, глупо. Так спешил, что приехал чуть не на полчаса раньше, а сопровождающие Ю.М. чиновники уже были на месте - даже те, кто улетел от жен и детей еще накануне вечером.

Серега, увидев меня и довольно удивившись, не показал, однако, виду - пообтерся возле шефа, почти заматерел. Вовсю суетился министр транспорта, это было вполне оправдано; по его прикидкам, набралось довольно много лишних людей, что в пересчете на задницы и килограммы приводило к перегрузу самолета.

Без каких-то минут восемь влетел на поле Ю.М. с сопровождением, вышел из машины и стал здороваться с народом. Для каждого находил какие-то приветливые или подначивающие, но не обидные слова, и общая атмосфера была вполне благоприятной.

До того, впрочем, момента, пока к нему не подошел министр по транспорту и не сообщил что на борту, то бишь пока на поле, лишние люди.

- А я никого не приглашал! - ответил Ю.М. в своей обычной моментальной манере, и я в очередной раз убедился в его поразительном умении ориентироваться в обстановке. Коли есть пресс-атташе и министр - вот пусть и определяются со свитой, на то они ответственные люди, за это и получают зарплату. А Ю.М. между тем продолжил свою мысль: - Я вот его пригласил, - показал на меня, - и вот ее, - кивок в сторону Татьяны.

- А остальных отправить обратно? - с сомнением в голосе спросил министр.

- Как хотите... - был ответ.

Внутреннее напряжение, которое возникло в сей момент среди журналистской братии, разрядилось таким образом довольно быстро, и полетели с Ю.М. только те, кого он назвал. Никакие интриги никому не помогли.

В аэропорту Минеральных Вод встречали руководители Ставрополя, но почему-то не первые лица - видно, тогда для многих Ю.М. еще не был той фигурой, которой является сегодня, - проводили в зал приемов, угостили завтраком - без спиртного.

Разговор между членами делегаций шел о ценах на зерно, не помню, по какой цене хозяева хотели его толкнуть, помню лишь реакцию Ю.М. Он характерным образом наморщил лоб, мысль его под голым черепом работала, видно, чрезвычайно интенсивно, потому как через какие-то секунды он сказал:

- Если вы просите такую цену, нам буханочка хлеба обойдется в сумму, совершенно неподъемную для населения. Мы за такие деньги купим зерно у американцев, впрочем, даже дешевле.

Хозяева после такой его реакции не то, чтобы смутились: они просто поняли, что перед ними - хозяин, который за просто так свою копейку не отдаст и будет искать выгоду на каждом шагу и при каждой сделке.

Сообразив, что могут потерять и то, что еще не успели приобрести, ставропольские хлебоборобы или те, кто представлял их интересы в тот момент, почти моментально согласились на бартерный обмен. Они готовы были за зерно получить машины для сельхозработ, резиновые сапоги и прочий ширпотреб, список которого Ю.М. предусмотрительно захватил с собой. Скорее всего он предполагал, что переговоры ударятся именно по этому пути, и соответствующим образом вооружился. А я понял, что самая главная задача для него в таких поездках - добиться максимального результата с наименьшими материальными потерями для города.

Потом на автомобилях мы поехали в совхоз-комбинат "Южный". Помню, сколько было шума вокруг его строительства, но, едва познакомившись с ситуацией на месте, я понял,

что он теперь для Москвы потерян навсегда. В Карачаево-Черкессии, слава Богу, нет межнациональных распрей, однако во все времена там шла непримиримая борьба за власть и сферы влияния между черкесами и карачаевцами, предметом которой и вожделением служили, естественно, недвижимость и объекты промышленного производства.

А Ю.М. ходил снаружи и внутри теплиц и убежденно говорил о реальных возможностях использовать для подводки воды и тепла нержавеющие трубы, поскольку стальные изнашиваются очень быстро. Складывалось впечатление, что для него вообще не существует нерешаемых проблем. Если такие трубы дороги, говорил он, значит, надо увеличить съем продукции с квадратного метра, собирать в год не один, а два, а то и три урожая, чтобы компенсировать затраты. Многие в свите слушали его, открыв рты, не веря и одновременно удивляясь такому дерзкому полету мысли, хотя вполне могли бы до этого додуматься и сами.

Впрочем, считаю, им этого не требовалось. Москва построила агрогород, возвела жилые дома и здания соцкультбыта, давала деньги на их содержание. При этом никакими помидорами невозможно было окупить затраты - воровали гораздо больше, чем собирали.

Потом был обед, но тут тоже не наливали. Заставленный яствами стол ломился от всевозможной снеди, бараньи ноги вздымались посередине огромных блюд, однако даже традиционного для северокавказцев вина нам не выкатили.

- Они, видно, знают, что Юрий Михайлович не пьет, - говорю Андрею Леонову, представлявшему Московский телеканал, - но мы-то тут при чем? Уж нам-то можно было хоть винца плеснуть под баранью ногу?

Наверное, нет нужды говорить, что ноги эти так и остались нетронутыми.

Только перед посадкой в самолет по пути обратно, в той же комнате приемов в аэропорту, наконец-то хозяева расщедрились - выкатили спиртное на всякий вкус. Времени, правда, было мало, и мы успели лишь пригубить - не прихватишь же с собой с чужого стола.

...По результатам этого десанта все газеты - даже те, корреспондентов которых с нами не было, - отчитались перед чи-

тателями. Я написал нейтральную заметку о том, как все происходило, а Татьяна не удержалась и плюнула в коммунистов, обозвав свой труд лозунгом Ставрополя: “Течет вода Кубань-реки, куда велят большевики!”

И вот теперь мы сидим и обсуждаем ситуацию вокруг выборов мэра Москвы и Президента страны, перспективы продажи не прочитанной пока нами книги. Кто-то высказывает мнение, что Ю.М. не надо было идти на поводу у окружения и устраивать такое грандиозное шоу в зале “Россия”, поскольку это может вызвать раздражение у определенной части избирателей.

- Да раздражение может вызвать все, - замечаю и я, думаю, не без оснований.

Представишь книгу широкой публике - скажут пропаганда, не представишь, скажут - боится. А в результате оказалось, что Ю.М. сделал все правильно.

Народу в зале собралось столько, что проще назвать, кого там не было, чем перечислить тех, кто пришел. Достаточно сказать, что впереди меня в амфитеатре слева сидел Михаил Ульянов, далеко не последний, как вы понимаете, человек в Москве и стране. Ю.М. с женой и Черномырдин с супругой сидели вместе в первом ряду, министры, деятели культуры и искусства, помощники Президента страны, члены правительства города, руководители департаментов, литераторы - словом, именно в такой момент надо брать власть в Москве, если кому-то захочется это сделать.

Я, кстати, оказался единственным журналистом, которому удалось взять интервью у Ю.М. по поводу презентации его книги. Не потому, что он меня знает - он всю Москву знает и она его, а потому, что везет, как говорят, сильнейшим.

Едва я прошел через пункт досмотра, как увидел Ю.М. беседующим с кем-то из знакомых, точнее, окруженным довольно плотной толпой. Вокруг сустились охранники и люди из пресс-служб, но Ю.М. не такой человек, чтобы пройти мимо старинного приятеля или человека, с которым когда-то работал, а теперь вот встретил здесь, - единицы из тех, с кем он когда-то сотрудничал, могут попасть к нему на прием или встретиться где-то еще.

Я решил, что упустить свой шанс не имею права, и притиснулся к толпе, выжидая удобный момент. Кивали головами ох-

ранники и пресс-секретари: дескать, тебе-то что - обязательно сегодня? Но я не поддавался, поскольку журналистский азарт сродни любому другому. Именно поэтому убивают нашего брата везде на континенте, где есть горячие точки, а на место убитых тут же приезжают другие неугомонные - таковы законы профессии.

Обнявшись с двумя-тремя людьми на входе и перекинувшись с ними несколькими фразами, Ю.М. двинулся по направлению к зрительному залу. Вот тут и я был начеку. Знаю, что он не любит таких наскоков и как-то отшил меня в бывшем Кремлевском Дворце съездов, заявив, что говорить ничего не станет.

- Юрий Михайлович, - подлетел я, - не хотите ли сказать пару слов москвичам?

- Нет, не хочу, - был ответ, и я умылся.

Но тут ситуация была другая. Я достал диктофон из чемодана - замечу, кстати, что с чемоданом этим, как курва с котелком, был я, по-моему, единственный на этом форуме.

- Юрий Михайлович, - сунул я диктофон ему под нос, - что бы вы хотели сказать москвичам по поводу выхода своей книги?

И только я это произнес, как понял, что на такой плевый с точки зрения интереса вопрос он отвечать не станет - слишком рядовой и слишком приземленный. Я тут же переориентировался:

- Нет, не так. Что бы вы хотели от своих читателей, от москвичей?

- От читателей?

-Да...

- От них я хотел бы только одного: чтобы они прочитали книгу, и, конечно, я просто мечтаю о том, чтобы она им понравилась. Но, может, это и не главное. Главное, чтобы она пробудила какие-то мысли о Москве, желание жить в этом городе и улучшать его.

Есть у меня в запасе и пожелание потенциальным авторам: если очень хочется писать, еще раз подумайте, стоит ли это делать...

Потом был довольно приличный концерт всего с двумя-тремя слабенькими номерами, но, правда, слишком затянутый, и

много хороших слов не только в адрес писателя Юрия Лужкова, но и по поводу его по-настоящему творческой деятельности, во имя города и его горожан.

Кстати, он то и дело запрещает говорить хвалебные слова в свой адрес - мне кажется совершенно искренне, - но запреты не действуют: люди все видят и высказываются от всей души.

В конце этого замечательного вечера Ю.М. вышел растроганный на сцену - думаю, таким его видели редко, если видели вообще, скорее всего он сам не ожидал, что дело его получит такой отклик среди дотошных, привередливых, образованных, умных и требовательных москвичей. Всегда в движении, всегда в работе, он мало слышал слов, которых заслуживал, а тут услышал столько! Поневоле растрогаешься, хоть и кажешься другим нестигаемым и железным. А Ю.М. не железный. Он подвержен, как и все мы, эмоциям и чувствам - и в том его привлекательность как личности, человека и большого начальника при огромной власти.

Из записных книжек

Строим не хуже немцев

Получил по факсу Указ Президента страны о присуждении Государственных премий в области литературы и искусства за 1995 год. Смотрю - первой в списке стоит фамилия Ю. Лужкова. Удивился: неужели, думаю, за книгу “Мы дети твои, Москва”? Когда вчитался, выяснилось: присудили премию за сооружение мемориального комплекса на Поклонной горе, за что я лично выдал бы ему и две премии.

По старой записи в блокноте вы можете почувствовать дыхание тех дней, когда строительство было в самом разгаре. Она короткая, но достаточно емкая, чтобы дать представление даже непосвященному, сколько сил, средств и энергии положили люди, причастные к возведению этого, как оказалось, столь необходимого городу объекта, куда москвичи приходят теперь в любое время года, где венчаются в церкви Георгия Победоносца молодожены, а ветераны тихо плачут, вспоминая погибших товарищей. Итак, запись.

Стремительно накатывается 50-летие Победы над фашистской Германией, и как бы ни тосковали любители баварского

пива и немецкого орднунга, который установился бы, побей нас Германия, - историю вспять не повернуть. Наше дело было правое, и мы победили. Достоинство увековечит это историческое событие мемориальный комплекс зданий и сооружений на Поклонной горе. Полностью он предстанет перед гостями праздника Победы в будущем году, но уже 9 Мая нынешнего здесь пройдут торжества.

На окончание строительно-монтажных и оформительских работ направлены сегодня усилия столичного правительства и лично его премьера. Под председательством Ю. Лужкова прошли совещания непосредственно на объекте 19 августа, 7 октября, 13 ноября, 25 декабря прошлого, 2 и 26 февраля нынешнего года. Протоколы этих совещаний - не развлекательное чтение, они - действенный инструмент контроля за ходом работ.

Не знаю, как строят немцы. Но нашего строителя - будь он бетонщик или начальник управления - без кнута на объект не загонишь, без пряника не заманишь. И если непосвященным кажется, что для возведения в городе подобного объекта достаточно решений и постановлений, то они сильно ошибаются. Нужны постоянные усилия и контроль со стороны руководителей самых высоких рангов, деньги, материалы, проекты, механизмы и, наконец, люди. А для подобного объекта - много людей.

В протоколах от совещания к совещанию цифры численности строителей, в том числе военных, все возрастают. В протоколе от 19 августа речь идет о выделении лишь 300 военнослужащих для проведения вспомогательных работ, а в протоколе от 2 февраля нынешнего года - уже о дополнительной численности в 500 человек от Моспромстроя и 80 - от Мосмонтажспецстроя, 700 человек добавились на объектах от Мосинжстроя.

Но наши дотошные коллеги заметили не это. Они вдруг обнаружили, что на комплексе работают две тысячи солдат, и "Известия" опубликовали статью под интригующим заголовком: "В бой на Поклонную гору брошена армия". Под снимком подпись и вывод: вот-де, нагнали людей, они не заняты, опять аврал и штурмовщина, а правительство Москвы надавит и заставит в конце концов принять незаконченные объекты.

Бросьте, господа. Почитайте документы. Например, план-график подготовки площадей музея к празднованию 9 Мая.

По каждому из 12 объектов, которые должны быть завершены, есть четкие сроки и есть ответственные. Скажем, художественная галерея должна быть закончена строительством 14 марта, вводный зал - 21 марта, а оформительские работы начинаются уже на следующий день. И так - по каждому объекту. И нет никакого сомнения, что все намеченное будет выполнено. И недоделки будут устранены немедленно. Последним протоколом (№ 21 от 26 февраля т.г. п.б) предусматривается: "Принять к сведению заявление В.В. Мороза, что Моспромстрой до 15.03.94 г. примет необходимые меры по устранению на мемориальном комплексе замечаний и недоделок (кровля, полы, герметизация витражей и др.)".

Я уже заметил, что не знаю, как строят в Германии, а у нас пока — с недоделками. Мне бы хотелось обратить внимание коллег на другое: с 1984 года комплекс на Поклонной горе строился ни шатко ни валко. То из-за дискуссий было не до строительства, то политика мешала, то безденежье одолевало. И эта тягомотина продолжалась бы и поныне, если бы за дело не взялся Ю. Лужков и правительство города. И теперь, когда объект близок к завершению, некоторые горячие перья набивают себе цену неперменным желанием укусьть хоть за что-нибудь. Кстати, по утверждению самого премьера правительства Москвы, не впервые и не за один завершённый объект.

Из дневника 10 мая 1996 г., пятница

За что нас не любят американцы

Моя исполнительская дисциплина повышается: вчера было событие, а сегодня я уже сижу за столом. Однако идея в другом - запись должна вестись в тот же день. Тогда письмо будет ярче, язык сочнее, изложенное - достовернее. Но, как говорится, нет предела совершенству...

Итак, вчера в знаменательный день 51-й годовщины со Дня Великой Победы над фашистской Германией присутствовал на параде войск Московского гарнизона на Красной площади. Кажется, года три после поворота государства на новые рельсы, после того, как было признано, что победили белые, а не крас-

ные в той никому не нужной войне, парады войск не проводились - новое государство решило жить по-новому, никого не боясь, но и никого не запугивая, отказавшись от демонстрации силы всему миру.

Первый после принятия новой доктрины парад состоялся в прошлом году - и не мог не состояться, поскольку случилась дата - 50 лет со Дня Победы. Никто бы в стране не понял, если бы государство не отпраздновало, “не заметило” великой даты. Тогда по Красной площади прошли в пешем строю старики-ветераны, и надо было видеть, как они старались, как держали шеренги, как тянули свои больные ноги, как ели глазами трибуну Мавзолея.

Войска и техника прошли по Кутузовскому проспекту ввиду Поклонной горы и возведенного на ней невероятными усилиями Ю. Лужкова, его мозгового штаба и строителей мемориального комплекса. Впечатление, конечно, незабываемое, хотя я до сих пор не могу определить, какие чувства тогда испытывал. Представьте себе стальную громаду танков, самоходок, тягачей с ракетами, мощных автомобилей, которые прут буквально у тебя под носом, в каких-нибудь 20 метрах. Копоть, лязг гусениц, невероятная жара, не поддающееся учету количество народу, самолеты и боевые вертолеты над головами - словом, ад крошечный.

Нынче решили парад техники не проводить и обойтись без стариков, зато вернуться на Красную площадь. Стоявший рядом со мной бывший председатель исполкома Моссовета В. Сайкин заметил:

- Стоило столько дров ломать, чтобы все вернулось на круги своя.

Эти или похожие слова он произнес, едва Б. Ельцин начал со свитой подниматься на трибуну мавзолея. В отличие от прошлого года на сей раз не стали даже драпировать слово “Ленин”. Скорее всего это связано с приближающимися выборами Президента, до которых осталось чуть больше месяца, - они должны состояться 16 июня.

Правда, злые языки упорно твердят о том, что выборов не будет. Потому что нынешний Президент может якобы проиграть их лидеру коммунистов Г. Зюганову. Во всяком случае, опросы общественного мнения никому из них не отдадут явно-

го преимущества - они идут, как говорится, “ноздря в ноздю”. Хотя верить опросам - это либо демобилизоваться, либо от мобилизоваться. Ведь не случайно поэт сказал, что “умом Россию не понять”. Мы и самих себя порой не понимаем, что уж говорить обо всей России.

Как бы то ни было, а один из самых приближенных к монарху чинов, начальник его личной охраны генерал Коржаков в интервью английской газете заявил, что хорошо бы все претенденты на пост президента договорились и отменили бы выборы. Это мнение циркулирует в обществе на разных этажах, и нынешняя власть, боясь потерять свои посты и привилегии, - при хорошей маскировке стремлением продолжать реформы - всячески культивирует и поддерживает это состояние неустойчивости.

По поводу же реформ можно сказать, что это попросту развал и деградация экономики. В. Сайкин, пока шагали солдаты и офицеры внизу под нами, рассказал, как он беседовал с одним из крупнейших немецких специалистов в области экономики.

- Я его спрашиваю, - говорит бывший председатель, - как будем беседовать - откровенно или по протоколу?

Немец предпочел откровенный разговор. Тогда В.Сайкин в лоб задал вопрос: кто сотворил с Россией нынешнее зло и за что? Почему, спросил он, немцы такое нам подстроили.

- А это не мы, - был ответ.

- А кто же?

- Американцы. А вы наделали непростительных ошибок, - заметил иностранец. - Во-первых, совершили или хотели совершить резкий скачок из социализма в капитализм, хотя даже у нас в стране социализма гораздо больше, чем капитализма. Во-вторых, вы открылись перед миром, фактически разделись перед всей Европой и Америкой экономически, и пороки системы стали видны всем, кроме вас самих. Эти-то пороки используют в своей тактике американцы, чтобы вы никогда больше не поднялись.

В-третьих, непростительная схема приватизации загубила вашу промышленность чуть не на корню. У нас не закладывают доходы от приватизации в бюджет, напротив - планируют значительные вливания в приватизированные предприятия, чтобы они как можно быстрее заработали и стали приносить прибыль - у вас же все наоборот.

- И что теперь делать?

- Три года назад я бы ответил на этот вопрос, а теперь не знаю, - сказал растерянный немец.

Промышленность в руинах, торговля сворачивается, бюджет не то, чтобы трещит, он попросту лопается. В этих условиях победить на выборах невозможно, если не предпринять кардинальных мер.

Думаю, восхождение Бориса Николаевича на трибуну Мавзолея - одна из них. Парад на Красной площади, возврат красных знамен, Мавзолей - все это должно, по мнению окружения Президента, сыграть ему на руку и оттянуть часть избирателей у Зюганова, преданных ему именно по признаку прежней атрибутики и прежних символов.

Игра в перенос сроков или вообще в отмену, игра, в которой Президент погрозил пальчиком своему верному охраннику, заявив, что дело последнего охранять, а не лезть в политику, разворачивающаяся интрига привлекают внимание, и многие считают все эти заявления и высказывания не более чем хорошо разыгранным спектаклем, нацеленным на определенный результат.

Только как бы не получился он прямо противоположным тому, который ожидается.

Из записных книжек

Накормят обещаниями

Самые многочисленные заседания столичного правительства случаются тогда, когда слушается исполнение бюджета города за прошедший год и планируется городская казна года текущего, а то и предстоящего. Все заинтересованные стороны, все первые лица, кому предстоит зарабатывать, исполнять, выделять и выбивать, присутствуют в зале - каждый слушает в три уха, боясь пропустить момент, когда можно будет хоть как-то “подкрутить” ситуацию в свою пользу.

Оно и понятно. Денег всегда мало, а расходы год от года растут. Деление тем не менее происходит по устоявшемуся принципу: все средства раскладываются, грубо говоря, на три “кучки”. На социальную поддержку населения, на содержание

отраслей городского хозяйства, на инвестиции. И как бы ни изгалялось над собой столичное правительство, денег больше, чем сумеет заработать, оно не получит.

Поэтому на всех этапах подготовки бюджета происходит серьезная борьба между префектами административных округов, или территориями, и ведомствами, то есть департаментами и комитетами, - каждой стороне хочется иметь денег в бюджете больше. Приходилось слышать из уст руководителей территории, например, такие слова:

- Сколько же можно над нами издеваться? - то есть, поручать выполнение определенного вида работ, а денег на эти цели не выделять. Или дать сущие крохи только для прецедента: дескать, денег дали, гони работу.

Вот и крутись, как знаешь, и не случайно мэр как-то заметил:

- Сейчас мы не можем сидеть как галчата с раскрытыми клювами и ждать, когда из федеральной “кормушки” нам бросят червячка. Точнее, сидеть-то мы можем, и кое-кто все еще сидит. Да прокормиться так уже не удастся. Если и бросят нам что-нибудь, то только самую малость, когда потребуется снять чрезмерное социальное напряжение. А могут даже вообще ограничиться обещаниями, - подытожил он.

В подобных условиях оказались многие регионы, но Москва - особый город и условия жизни здесь особые. Правительство и мэр хорошо это понимают и многое делают для защиты населения, для изыскания дополнительных средств, которые нужны и строителям, и милиционерам, и детишкам, и пенсионерам.

Ю.Лужкова как-то спросили: а почему вы так заботитесь о стариках? И тогда он сказал, что практически у каждого из нас есть престарелые родственники, все мы живем не в поле, а среди людей. Когда отпустили цены и начали переход к рыночной экономике, то думали, что наши пенсионеры станут жить так же, как их “коллеги” в странах с развитой рыночной экономикой, однако ничего пока не получается. Больно и недопустимо видеть людей, которые страдают из-за того, что те, кто обязан обеспечить людям старость, не делают этого. И город принимает на себя дополнительные расходы, доплачивая пенсии и пособия.

С магнитофонной ленты

Экономическая блокада

- Я вам еще раз повторяю: любое нарушение бюджетной дисциплины должно жесточайше преследоваться. Дисциплина в расходовании бюджетных средств должна быть абсолютной. Это тем более важно, что город остался один на один с системой. Недобор налогов по России составляет 25 процентов, у нас этот процент гораздо ниже, но нам от этого не легче. Кому легче оттого, что у соседа корова сдохла?

Мы имеем реальный факт экономической блокады правительства Москвы со стороны Правительства России (запись в марте 1995 г. - *Ред.*). По некоторым частностям можно представить общую картину: сокровищница России - Большой театр никого, кроме нас, не интересует. Мы нашли помещение, со скандалом отселили банк, готовы были приступить к ремонту, а нам говорят - нет денег. Мы на полтора года раньше закончили ремонт Малого театра - иначе он просто мог развалиться, мы потратили из городской казны семь миллиардов рублей на ремонт Дома Пашкова, не получив взамен ни копейки. Я уже не говорю о национальной гордости России - Центральной государственной библиотеке, которая также относится к федеральной собственности. И многие годы ждет, когда приведут ее в божеский вид.

Добавьте сюда полтора триллиона рублей, необходимых для приобретения продовольствия, которое также повесили на нас, да плюс правоохранительные органы. Если прежде на их содержание МВД России выделяло 88 процентов от потребности, то теперь - только 30, а остальное дает город. Представьте теперь, какой это хомут на городские социальные программы.

Что касается субвенций на выполнение Москвой столичных функций, то тут тоже радоваться нечему. Мы определили их в 11 триллионов рублей, доказали в Минфине 5,3. В результате было принято решение выплатить городу из федерального бюджета 2,9 триллиона, фактически же дали 1,9. Отсюда я делаю вывод: как того и добиваются некоторые депутаты, столицу надо перенести в другой город, не знаю только - в Самару или Нижний Новгород.

Год назад мы приняли от ведомств жилые дома на 600 миллиардов рублей под финансирование из федерального бюджета. Всем городам России, где проводится эта работа, финансирование открыто, а нам - нет, пришлось приемку приостановить.

Эквивалентно мы не получили примерно 8,2 - 8,4 триллиона рублей, где-то четвертую часть бюджета города.

Я спрашиваю: какая и з статей расходов названа необоснованно? Мы встречаемся, настаиваем, требуем, но пока ничего не добились. Не потому, что позиция неправильная, а потому, что Ясин и Чубайс решили задавить Москву. Они считают, что борьба с инфляцией - это невыполнение своих обязательств, но ведь это уже было при Гайдаре! За счет Москвы инфляцию в России победить нельзя, подобная политика может лишь привести к катастрофе в столице.

Поэтому предлагаю: осуществлять режим наибольшей экономии средств в жестком режиме в отраслях и в префектурах - и мы выживем. Нужно иметь реальные, выполнимые программы, провести анализ по инфраструктуре, по федеральному уровню и регулярно пересматривать вводимые и подготавливаемые объекты. Все должно быть здесь сбалансировано.

Нужно также организовать работу по более полному сбору налогов по отдельной программе, установить в каждой палатке кассовый аппарат, поскольку основной оборот средств идет все еще через палатки.

Нужно задействовать всякие инициативные программы. Мы вот поставили по Тверской улице паркометры: припарковался - плати, однако результат пока нулевой. В других столицах мира такая мера приносит городской казне до 30 процентов дохода. Мы же понесли значительные затраты в валюте, ничего не получив взамен.

Следует организовать на высоком уровне хозяйственную работу. С какой стати в Мосремонте выросли вдруг затраты? Начальник себе живот отрастил, ходит как барон - и что? Никто здесь никаких конкурсов не проводит, а почему - непонятно.

Почему, скажем, Метрострой требует денег на проходку одного метра в 3 - 4 раза больше, чем иностранные фирмы?

Есть и еще вопрос: сколько мы ни пытаемся 30 процентов

средств передавать префектурам - ничего не получается, хотя то же самое можно отметить и по отношению префектур к муниципалитетам. Надо это обязательно сделать, приведя прежде нормативную базу к общему знаменателю.

Мы не можем больше жить в условиях финансового произвола, надо все в бюджете раскладывать по полочкам, и тогда можно будет говорить о системе. Она должна прийти на смену панибратству и вкусовщине, когда действует принцип - даю тому, кого люблю. Нравится мне сегодня Ресин - значит, самый лакомый кусок достается ему, завтра разонравился - отдам Никольскому, и так далее. Такая практика не годится.

И, наконец, о жилье. Мы должны решить важнейшие вопросы финансирования строительства муниципального жилья. Мы должны точно знать, что будет в двухтысячном году. Какие тенденции, какие перспективы, какие перемены? Четыре года ныне действующая формула инвестиций в жилищное строительство спасала, но мы рухнем, если не найдем способа профинансировать муниципальное жилье. Надо либо найти эти способы, либо отказаться.

Сложившаяся система не может и не будет существовать вечно, инвесторы уже уходят, если им предлагают делить построенное или реконструируемое жилье пополам. Рынок насыщен, и мы должны предлагать другие условия.

Возможно, придется ввести налог на строительство этого типа жилья, но меньше миллиона бесплатного - для тех, кто никаким образом не может поучаствовать в его строительстве, - мы вводить не имеем права. Это социальная направленность и защита обездоленных.

Выходит, надо разнообразить программы финансирования, выяснить те категории населения, которые могут принять участие в финансировании. Следует отработать этот перечень, определить нормативную базу, расширить круг людей, готовых хоть какой-то частью своих средств принять участие в строительстве.

По социальным программам правительство должно выполнять свои обязательства - выделить жилье ветеранам, коренным москвичам, бюджетникам. Не объявлять об этом людям, мы не имеем права, а если объявили - значит, нельзя обмануться: надо выполнять.

Из дневника 20 июля 1993 г., вторник

И мэр Манагуа в придачу

Я никогда не описывал, как Юрий Михайлович ведет официальные переговоры с иностранными просителями или предпринимателями. Вчера побывал на встрече его с мэром Манагуа.

В Белом зале за длинным столом при пустующих стульях для журналистов прошла эта беседа - в "теплой и дружеской обстановке", как написали бы мои коллеги совсем недавно.

Едва Ю.М. открыл рот, как я понял: эта встреча и беседа для него - совершенно ненужные мероприятия, чистейшая потеря драгоценного времени. Если же учесть, что его гость перебежал мне дорогу в буквальном смысле - именно на это время у меня была назначена встреча с мэром, - то станет понятным мое раздражение и неуютность в пустующем зале.

Надо сказать, что я не видел и не встречался с Ю.М. очень давно, примерно с апреля. Но об этом я напишу как-нибудь в другой раз, а пока - о дне вчерашнем.

Мне позвонили из его пресс-центра и попросили присутствовать, я поехал, хотя и знал: толк от подобных встреч невелик. Поехал, чтобы при случае перекинуться с Ю.М. парой фраз по делу, как накануне.

В прошлый четверг он посещал Черкизовский мясоперерабатывающий завод, я сел ему на хвост на моей разваливающейся машине и еле-еле удержался: по городу он носится как сумасшедший, на зашкаливающей за 120 километров в час скорости. На следующий день у моего автомобиля отвалилась рулевая тяга, и сведующие люди сказали, чтобы я поставил свечку - это ведь могло случиться, когда гнался за мэром.

Хотя, как я понял, догнав его, жертвы были не напрасны. Едва вошел в комнату, где выдавали халаты, а мне, как всегда, не досталось, Ю.М. увидел меня и, притиснув к столу в стороне от народа, сказал:

- Давно хотел тебя увидеть, запиши мой прямой телефон.

Я конечно же сделал это с готовностью, потому что несколько дней уже не мог дозвониться и понял: телефон поменялся.

Возвратившись в редакцию, выпил стопку водки, а товарищ, с которым летал, успокаивал дрожь в руках и ногах, отдыхая в кресле. Для себя мы решили: гоняться в таком темпе - ну ее к черту, здоровье дороже.

Может, поэтому на сей раз я приехал заранее, поднялся по лестнице - гостей еще не было, хотя назначенный час пробил. Минут через 15 появился Ю.М. в сопровождении неизвестных мне личностей и с новым охранником-порученцем вместо привычного и знакомого моего приятеля. Поздоровавшись со всеми, Ю.М. подошел ко мне:

- Как жизнь?

- По-разному. Когда деньги есть, чтобы продолжать начатое дело, - хорошо, а когда нету - плохо.

- А я в таких случаях говорю - все прекрасно!

- Это потому, что вы - оптимист, а я - оптимистический пессимист.

- Выходит, ты сегодня один, а завтра - другой?

- Полосатый, как арбуз...

Тут появился мэр Манагуа, толстый и, как мне показалось, с больными ногами черноволосый дядька в сопровождении столь же толстого потного рыжебородого переводчика. Защелкали жиденькие затворы фотокоров, стреканула единственная камера ТВ, и мы вошли в зал - переговоры начались.

После обязательных слов о впечатлениях от Москвы, показа ее светящейся карты грузный мэр Манагуа пригласил нашего посетить его город и изложил свою просьбу - как я понял, все и затевалось ради этого. В Никарагуа после падения насаждаемого нами режима коммунистов остались оборудование, техника, но запчастей нет, ремонтировать некому.

Ю.М. ответил в том смысле, что отраслям городского хозяйства столицы Никарагуа он готов помочь, послать своих специалистов. А также готов как президент общественного фонда "Новый свет - 500" развивать взаимовыгодное сотрудничество в самых разных областях - науке, культуре, деловой сфере.

Не сказал, что приглашение принял, а сказал, что вскоре пошлет туда своего заместителя в правительстве - по делам службы.

Для него, помнится, переговоры с литовской премьер-министершей были гораздо сложнее, а тут он сидел совершенно без напряжения - что ему до манагуанцев-никарагуанцев, когда под его высокой рукой - сама Москвы. И просить пришли к нему, а не он - к ним.

Побывав на этих переговорах, я лишь утвердился во мнении, что они ему совершенно не нужны, а чья там такая интрига, что пришлось идти и разговаривать, не знаю.

С магнитофонной ленты Куда пойдет Россия?

- Я бы не стал утверждать, что хорошо ориентируюсь в политических дебрях сегодняшних дней. Говорю так не из ложной скромности, а потому, что не являюсь специалистом в политике. Я - хозяйственник и останусь им до конца своих дней или, по крайней мере, до конца активной трудовой деятельности.

Если же говорить о событиях недалекого прошлого, о том, что предшествовало августу девяносто первого года (запись в октябре 1991 г. - *Ред.*), то увидеть и почувствовать попытки консервативных сил остановить демократическое движение, движение к рынку и суверенитету республик мог и не политик. Зачем быть политиком, если наблюдаешь явное?

Наступление было таким наглядным, таким, скажем, дуболомным, что не увидеть его было невозможно. Возьмите Указ Президента СССР о совместном патрулировании милиции и воинских частей - это же не что иное, как желание правых приучить москвичей и жителей других городов к введению постепенно чрезвычайных мер. Да еще с привлечением боевой техники. Это было настолько прозрачно, что не нужно быть политиком - угроза демократии виделась каждому думающему гражданину.

Не нужно быть политиком, чтобы в Указе Президента о защите экономики страны, разрешающем врываться в помещения малых предприятий, приватизированные организации и производить обыски, увидеть стремление задушить нарождающееся предпринимательство. И законодатели проглотили, что называется, этот незаконный в своей основе акт с момента, как говорят, подписания указа.

Не нужно быть политиком, чтобы увидеть, как пошла ползучая чрезвычайщина, волна наката на новую экономику - требование премьер-министра В.Павлова о введении чрезвычайных мер, кучкование всех структур, которые начали объединяться и с трибуны Верховного Совета через доклады и информацию запугивать депутатов союзного парламента тем, что надвигаются какие-то действия со стороны демократических сил и нужно вводить чрезвычайное положение.

Сейчас, в еще более усложнившейся ситуации, важно попытаться спрогнозировать, что будет дальше, определить направления и тенденции в развитии государства и государственности.

Прогноз сложный. Прежде всего в России, да и во всех республиках, где введен институт президентства, один президент сделать ничего не сможет, хотя и избран, как правило, всенародно. Как руководитель исполнительной власти, а не монарх, он должен иметь вертикальную систему исполнения всех тех решений, которые принимает. Эта схема должна базироваться на подчинении ему администрации на местах. Подчеркиваю: не представительных органов власти, а именно исполнительных - в областях, национальных и территориальных образованиях.

И, естественно, подобная система должна сформироваться до самых нижних этажей управления - до села, деревни, хутора.

Схематично это выглядит примерно так: президент - глава администрации области - руководитель более низкого звена.

Это, уверяю вас, не то же самое, что прежняя партийно-государственная структура, как некоторые противники преобразований пытаются представить. Принципиальное отличие - в демократическом выборе руководителей. Ведь прежде генеральный секретарь ЦК КПСС был вечным. Вечным был Брежнев, вечным был Сталин, Хрущев практически был бы вечным, если бы дурью не начал маяться - значит, все вечны.

При этом рядовые коммунисты никогда ведь их не выбирали на эти вечные должности. Как, впрочем, не избирали они и первого секретаря райкома, который волевым порядком назначался сверху при имитации выборов. Вот и все.

Сегодня администрация на местах должна избираться людьми, проживающими на данной территории, и это должны быть

руководители, которым население доверило право управлять экономикой соответствующего уровня на территории. От имени народа этот руководитель должен представлять во властных и исполнительных структурах, через них реализовывать свои функции.

Но при этом обязательно подчиняться руководителю вышестоящей администрации, не говоря уже о президенте, иначе власти не будет. Президент же должен иметь право сместить руководителя, не выполняющего его указы и распоряжения, и назначить новые выборы. Не другую личность, я подчеркиваю, а новые выборы. Исключающие, впрочем, возможность избрания устранимого руководителя. Это необходимое условие, которое поможет избежать местничества. Считаю подобный подход оправданным, поскольку президент избирается всем народом, ему принадлежит верховная исполнительная власть.

Государство не может нормально функционировать, распавшись на медвежьи углы, пересев на натуральные сани со стремительного современного экспресса рыночных отношений. Другое дело, что их пока тоже нет, но и на натуральном обмене мы далеко не уедем. Хотя некоторые думают, видно, по-другому.

Руководитель, например, администрации Краснодарского края решил вдруг не отправлять в российский фонд мясо, чем немало возбудил население: дескать, самим мало. Он, говорят, наш защитник и какая нам беда, что на Севере, на Кольском полуострове, люди не получают мясо, мы того не чувствуем. И в этом своем ослеплении натурой, собственностью население края забыло, что именно с Кольского полуострова получает минеральные удобрения для своих полей и бычков на мясо откармливает в немалой степени за счет северян. При таком подходе ничего не получится, это очевидно.

Поэтому Президент, создавая административно крепкую, но демократическую систему, не должен заигрывать с Верховным Советом, четко, а если требуется - то и жестко, проводить свою линию, иначе он не сможет выполнить задачу, поставленную перед ним избирателями, по существу - всем народом.

Прогноз мой заключается в том, что проведенные подобным образом преобразования, существенно улучшат ситуацию в России. О Союзе говорить не буду - это сложно.

Есть и еще один аспект у обсуждаемой проблемы - территориальный, который также требует решения. Почему-то мало кто обратил внимание на опубликованные в "Известиях" предложения Гавриила Попова о территориальном устройстве. Суть предложения в том, чтобы отойти наконец от привычной схемы деления по национальному признаку, как у нас до сих пор ведется, а перейти образно говоря, на блочный принцип территориального устройства, где нации не будут обособливаться, не станут прочерчивать новые и пытаться восстанавливать прежние границы. Все это ведет только к провокации межнациональных конфликтов, которых у нас и так уже предостаточно.

Почему-то предложения мэра Москвы остались не востребованными, а по сути - и незамеченными. Хотя подобное с нами уже было. Было с предложениями Андрея Дмитриевича Сахарова, когда он говорил о федерации, о конфедеративном устройстве Союза. Все тогда на него махали руками, а в итоге то, что он говорил три года назад, возвращается. Только в худших вариантах. Экономика ввергнута политикой в полное разорение, хотя я лично убежден: со временем история все вернет обратно, пусть в иных ипостасях, на иных принципах, но вернет обязательно.

Теперь Россия. Москва - ее столица. И я не чувствую себя гражданином Союза в том смысле, что не хочу быть гражданином Молдавии, Армении или Грузии. Может, у кого и есть такая потребность - у меня ее нет. Не нужен мне берег турецкий, и Африка мне не нужна. Ведь каждый человек привязан к своей малой родине, своей земле, и дай Бог, чтобы люди из всех этих мест, что олицетворяют для них родину, процветали.

Великая страна - Россия, и я искренне, как россиянин, хочу, чтобы все в ней было хорошо. Но у нее сложный выбор. Я вообще-то с трудом представляю, по какому пути она пойдет. Думаю, по одному из трех: первый - не в той последовательности, которая для меня кажется более привлекательной, я просто их перечисляю - это полная изоляция от всех остальных республик и попытка России, как таковой, стабилизировать свою экономику, обеспечить нормальный уровень жизни российскому - не русскому только - народу, населению, то есть тем, кто живет на ее территории.

Россия - богатейшая страна, она выживет и быстро поправит свои дела. Быстро. Два-три года — и будет существеннейшее улучшение жизни народа. Еще раз подчеркиваю - российских людей, живущих на ее территории, а это более ста национальностей.

Второй вариант: этот тот, который сегодня имеет место на практике. Россия входит в союз вместе с другими республиками-государствами, которые признают политические и экономические интересы друг друга, на равных участвуют в реализации экономического договора. Я убежден, что это правильно, что экономика всегда должна быть на первом месте - за нею должен последовать какой-то политический союз - обеспечение единства представительства во всем мире, военная стратегия. Это будет похоже на Соединенное Королевство Великобритании, такая своеобразная конфедерация со слабыми общими структурами и мощной автономизацией.

Хотя и на этом пути есть две большие сложности, можно их назвать и опасностями. Первое: не все бывшие республики войдут в такой союз из тех, кто прежде составлял экономическое общее пространство. Вот, говорят, Украина пока решает, как быть, решают и другие. Я не считаю Прибалтику - это отрезанный ломоть.

Если подобное случится и с другими, то мы будем иметь существенно ослабленную экономическую систему, в которой единый баланс производства и потребления имеет оторванные куски. Скажем, Украина делает массу полуфабрикатов для химической промышленности, сама потребляет массу производимого в России. И вдруг она уходит. Это повлечет за собой установление и охрану границ, организацию таможен, усложнит деятельность всего общего хозяйственного механизма, сделает союз практически нежизнеспособным. За этой первой опасностью последует масса политических неувязок. Таких, как: не вошел в союз, значит, являешься суверенным государством. И не де-юре, а де-факто. Автоматически потребуются разработка мер по защите проживающего на территории такого государства русскоязычного населения, опять же возникает вопрос о границах - никуда от этого не денешься. Как бы не пришлось защищаться от бывших братьев по государственному устройст-

ву. Придется решать вопросы и по ядерной энергетике, военным базам, в целом об армии.

Но и для тех, кто войдет в новый союз, все будет складываться непросто - это вторая сложность. Возникает необычайно много проблем, и прежде всего проблема консенсуса. Любое решение может быть сорвано из-за позиции какой-либо одной республики-государства. Кто-то может быть несогласен по политическим мотивам или исходя из эгоизма экономической выгоды для себя - есть ведь и такие. Или, скажем, по мотивам социальным - кому-то покажется, что его интересы в социальном плане ущемляются - все субъекты союза разные. У одних громадная трудоизбыточность, у других промышленность развита недостаточно и решать вопросы экономики в полном согласии и единстве практически невозможно.

Поэтому вполне прогнозируется ситуация, при которой принятие решений будет тормозиться по довольно простой причине: кто-то из лидеров сказал "нет" - и все. Ведь правила простого большинства или двух третей тут применить нельзя - слишком деликатная сфера. Поэтому опасность увидеть такой союз недееспособным чрезвычайно велика, и я буду молиться, буду искренне мечтать о том, чтобы этого не случилось.

И наконец, третий вариант развития событий в России. Он, конечно, далеко не беспспорный, но имеет немало сторонников. Россия по этому варианту является такой же республикой-государством, как и все остальные. Она сама решает свои проблемы, никому ничего не дарит и ни от кого ничего бесплатно не получает. Финансовые проблемы и денежное обращение также решает сама и, по сути, не нуждается ни в каком союзе ни с кем. Пусть каждое государство решает свои проблемы само - так, как считает нужным, правильным и допустимым. Но если какое-то из них захочет присоединиться к России и создать союз - милости просим. Но Россия при этом остается естественным лидером нового образования - раньше это была империя, теперь должен быть равноправный союз. Хотите присоединиться - пожалуйста. Вот вам наша технология, наша нормативная база, наши принципы хозяйствования. Не хотите - не надо. Мы никого не просим, мы ни в ком не нуждаемся и будем жить не хуже, а лучше.

Можете присоединиться к России как к лидеру, это нормально: добровольно пришли - добровольно ушли. Экономической основой подобного союза должна быть полная взаимная выгода при безусловном лидерстве России и при политическом, национальном равноправии.

Долгая история отношений России с другими народами не была такой сплошь негативной, как нам ее в течение десятилетий рисовали. Дескать, царское самодержавие только и делало, что угнетало народы и народности национальных окраин и меньшинств, но сегодня истина все больше проясняется. В дооктябрьской России отношения с присоединившимися добровольно, да и присоединенными территориями были нормальными, нации жили в ее составе с достоинством. Русский царь их не угнетал, не лишал родного языка и письменности, не изгонял лидеров. А уж о таком вандализме, как депортация, и говорить не приходится.

Эмир Бухарский до октябрьской революции жил и правил в своей Бухаре, и никакой царь его не дезавуировал, не изгонял. Его изгнали после революции. А до того он правил под верховенством белого царя самостоятельно. И ничего плохого в той системе государственного устройства не было. Были чрезвычайно разумные пропорции между государственностью людей, Российской Империей и управлением на местах, территориях национальных образований.

Мы все это отвергли после революции, заявили, что там угнетение и прочее. Надо, по-моему, вернуться, посмотреть исторические корни взаимоотношений - что там было хорошего, а что плохого. Теперь Россия никого не должна заставлять идти с собой, никого не надо втягивать или тем более принуждать. Но и зависеть в экономике от кого бы-то ни было - тоже не годится.

Из тех трех вариантов пути, по которому двинется Россия, последний мне представляется наиболее разумным - поверьте, во мне ни на гран не говорит великодержавный шовинизм или национализм. По своему духу, по системе мышления, по способу руководства хозяйством города я интернационалист. Но тем не менее при всем понимании, при полнейшей поддержке права наций на самоопределение, на суверенитет, на отделение, выделение и все прочее мы должны признать и другую реальность,

которая сложилась к сегодняшнему дню в бывшем Союзе. Россия является экономическим лидером, и этот бесспорный факт должен существенным образом влиять на ее отношения с остальными республиками-государствами.

Из дневника *11 августа 1993 г., среда*

Прощай, Баку, тебя я больше не увижу

Добывая продовольствие и расширяя связи, Ю.М. собрался в Азербайджан решать эти задачи с его новым и все же прежним руководителем Г. Алиевым, который в тот момент исполнял обязанности президента республики.

Мне позвонили из пресс-центра мэрии - в кои веки сподобились - и спросили подозрительно вежливо: не хочу ли я, дескать, слетать с мэром в Баку. Конечно, хочу, сказал я, ни минуты не задумываясь. Во-первых, потому, что хотел посмотреть, как ведет себя Ю. М. в ближнем зарубежье, во-вторых, хоть одним глазом взглянуть на столицу Азербайджана, воспетую еще С. Есениным, родину столичной рыночной мафии в Москве. И наконец, интересно было поближе познакомиться с Г. Алиевым, про которого едва ли не накануне "Известия" опубликовали целую полосу довольно откровенного разговора.

Только я намылился, как дали отбой почему-то именно мне. Объяснили: прессу не берем, чтобы, значит, не было лишнего шума. Там хорошо встречают, доверительно шепнули мне, а еще лучше провожают. Поэтому, чем меньше свидетелей - тем лучше.

Я не стал доказывать, что представляю не совсем ту прессу, которую надо не пускать, а попытался дозвониться "самому" - все тщетно. Тогда попросил сказать о моем желании заведующего его секретариатом, что он и сделал. Ответ был вначале неопределенным: дескать, если я сам полечу, сказал Ю.М., тогда пожалуйста. Через пару дней выяснилось - летим.

Я был во Внуково, на поле официальных делегаций, без четверти восемь, там уже собрались все, кого Ю.М. брал с собой: заведующий пресс-центром, два первых заместителя силовых структур - МВД и МТБ, первый вице-премьер по региональ-

ным связям и первый заместитель руководителя департамента продресурсов.

Примерно половину из этой публики я знал давно, силовиков видел впервые. Ю.М. прилетел ровно в восемь, поздоровался со всеми за руку и, перекинувшись несколькими словами с членами делегации, направился, как всегда решительно, к трапу Ту-154.

Против обычного летело большее число охранников, самолет предварительно “обшмонали”, прошлись с соответствующими приборами.

Удивительное все-таки зрелище - облака под крылом. Они вздымаются, освещенные солнцем, могучими пиками и покатыми вершинами и кажутся неподвижными, прочными и твердыми. К ним совершенно не подходит выражение “плывут облака”, и эта обворожительная, застывшая масса напоминает скорее загустевшую, бесформенную кучу алебаstra.

Еды, как и обычно в таких рейсах, подали много. Все миниатюрное, аэрофлотовское, но тем не менее. Колбаса сыро- и полукопченая, мясо отварное, икра черная и красная, рыба, севрюга горячего копчения, сыр, перец кружочками и зелень, хлеб, шоколадка, сахар, масло, кофе или чай на выбор, спиртное в ассортименте и по желанию, а на горячее - куриный огромный шницель или рыба с гарниром. Словом, гуляй - не хочу.

Однако желающих гулять было мало. Даже я заказал всего лишь сухое вино в малом количестве.

Аэропорт Бина близ Баку встретил шумно и бестолково - никто, по-моему, не знал, кто прилетел с Ю.М., сколько всего человек и как они выглядят. Но - разобрались. Мы с пресс-центром чуть не вломились в чью-то “Чайку”, но вовремя остановились, пересев в “Волгу”. Черная кавалькада рванула и понеслась под вой милицейской сирены, разгоняя встречающих и поперечных. Минут через 20 мы были в Доме приемов, отстроенном пышно и в то же время довольно изящно. Здесь парился в сауне и купался в бассейне - кажется, я и снимок такой видел - сам Л. Брежнев. Уже после его смерти попавшему в опалу Г.Алиеву припаяли заодно и строительство этого дома, якобы специально для Брежнева.

Жара плыла невероятная, во всяком случае, для нас, северян. Термометр запрыгнул за 35°, а в черной машине - и того

больше. Поэтому, ввалившись в номер и помня, что счет идет на какие-то минуты, я сразу полез в душ.

Комнатенка в этой гостинице - ничего себе! Телевизор, холодильник, ковры, двуспальная софа под роскошным покрывалом, а в ванной - импортная сантехника темно-коричневых тонов, вычищенная до зеркального блеска. Несколько свежих полотенец, в том числе и для ног, мыло нераспакованное, паста - все для вас. Кроме, как тут же выяснилось, горячей воды.

Постояв под холодным душем, растерся по-быстрому и вывалился в вестибюль. В центре его свешивается от самого потолка и пронзает все этажи огромного размера люстра в виде грозди винограда — ее заказали специально для этого дома, как жется в Австрии.

Раздвижные перегородки делят пространство первого этажа на залы неодинаковой площади, которые можно использовать для самых различных мероприятий - от легкого дружеского ужина до правительственного приема.

Едва успел осмотреться, как заиграли построение - пора прыгать в машину и мчаться дальше. Важный, впрочем, момент - своевременный прыжок в машину. Опоздаешь - никто ждать не станет. Машина с Ю.М. рванет в карьер, а ты будешь только таращиться вслед или же догонять, что хуже всего: пока догонишь - а они уже рванули дальше. Нет, отставать в таких делах никак нельзя.

Должно быть, все делегации, а российские наверняка, начинают свои визиты со знакомства с кладбищем Шахидон. Здесь похоронены все жертвы февраля 1990 года, когда русские танки били прямой наводкой по окнам жилых домов, давили демонстрантов и расстреливали митингующих. Не думал, что в те дни положили столько народу. Молодые в основном люди покоятся под одинаковыми плитами черного гранита с портретом, гравированным также на плите. Есть могилы без надписи, я обратил внимание на одну и спросил, в чем дело.

- Личность не установлена, - пояснил сопровождающий полицейский.

- Родных не нашли?

- Нет, просто размесило танком...

Ниже, спускаясь террасами к подножию горы, расположенны ряды могил - это захоронены жертвы войны в Нагорном

Карабахе. Хоронят здесь каждый день, каждый день бьются в истерику матери, каждый день приносит горе и слезы. Хоронили и тогда, когда мы шли. Кончится ли это безумие когда-нибудь? Неужели они будут убивать друг друга до тех пор, пока не сойдутся один на один два президента и победитель отпразднует победу сам с собой.

Позже Г.Алиев расскажет, как его, отстраненного от дел и, как он считает, ошельмованного Горбачевым и его присными, нашли в санатории Барвихи и сам Горбачев позвонил ему.

- Гейдар Алиевич, - якобы сказал Михаил Сергеевич, - обратитесь к своему народу, пусть в Баку образумятся, они ведь хотят свергнуть советскую власть, и вы хорошо можете представить, что за этим последует.

- Они, конечно, прекрасно знали, где я нахожусь, - рассказывал Алиев. - Я сам служил в органах и возглавлял КГБ республики, приемы и методы этой команды хорошо знаю. Хотя Горбачев и сказал, что меня с трудом нашли, я понял, что это ложь. Просто я им понадобился, не я, вернее, а мой авторитет в Азербайджане. Я мог бы, кажется, поправить свои дела, если бы согласился, опалу бы сняли, но я твердо сказал "нет". И мотивировал тем, что за много лет ко мне никто не обратился, все делали вид, что я умер или пропал без вести. А теперь потребовался - и меня воскресили. И хотя я знал, что за отказом может последовать расправа, остался тверд и вскоре уехал из Москвы.

Он принял делегацию в своей резиденции на проспекте Азизбекова и во вступительном слове заявил, что пора преодолеть негативные последствия действий предыдущих властей и наладить взаимовыгодные контакты.

Ю.М. не остался в долгу, поблагодарил за возможность встретиться и напомнил, что в прошлые годы одна только Ленкорань поставляла Москве 300 тысяч тонн самых ранних овощей - капуста, например, появлялась на прилавках московских магазинов начиная с 15 апреля - раньше она нигде не вызревала. Все торгующие организации города знали: надо продержаться до этого заветного числа и можно будет спокойно жить целый месяц - до тех пор, пока пойдет узбекская.

В качестве дописка Ю.М. заметил: именно Москва протянула Баку руку помощи в тот момент, когда запасы продовольст-

вия в городе приблизились к критическим. Мука, зерно, картофель и другие продукты из столицы России сгладили пик их недостатка в один из самых сложных периодов. Республика Азербайджан, в свою очередь, поставила 5 тысяч тонн табака, который долгое время правительство Москвы искало за семью морями и тремя океанами.

Тихий, мне показалось даже какой-то вкрадчивый голос Алиева, без заметных акцентов и смены интонаций, плохо ложился на диктофон, и пришлось вести запись вручную. Правда, этому способствовал и инцидент, разыгравшийся во время встречи.

Увидев, что я держу на столе включенный диктофон, служитель или охранник, или хрен его знает кто, подлетел ко мне соколом и чуть ли не за рукав стал вытаскивать из-за стола, где вели переговоры высокие договаривающиеся стороны. Я едва сдержался, чтобы не двинуть ему локтем в бок, понимая, что присутствую при важном событии. И хотя тогда ближнее зарубежье не воспринималось как настоящие иностранные государства, тем не менее.

Г. Алиев выразил сожаление по поводу продолжающейся войны с Арменией и посетовал: армяне захватили 18 процентов территории Азербайджана. Ни одним словом не обмолвился он о том, что ожидает помощи от России в этом деликатном для политиков деле, а вот принявший делегацию несколькими часами позже С. Гусейнов, исполняющий обязанности премьер-министра республики, говорил об этом напрямую.

Взгляд у него жесткий, неискренний и требовательный: Москва обидела, значит, должна. Он, видно, никак не мог взять в толк, что есть две Москвы. Одна - это горожане, население, сложное хозяйство, с которым управляется местное правительство, и вторая - столица федерального государства.

С первой можно дружить, договариваться, торговать, обмениваться. Но требовать чего-либо от нее бесполезно - ничего не получится, ее обидают так же, как и прочих. Требовать следует с Москвы федеральной. А недавний вояка, занявший, как я понял из его поведения, явно не свое кресло, многого не понимал. Возможно, Г. Алиев именно по этой

причине в конце концов убрал его и объявил сепаратистом - Восток, как известно из уст неумирающего героя, дело тонкое.

Кроме помощи в борьбе с Арменией С. Гусейнов потребовал вернуть Азербайджану деньги, потерянные республикой при обмене купюр, республика получила 4 миллиарда, а потребность у нее в несколько раз выше.

Ю.М. внимательно слушал, а когда начал говорить, я вспомнил про мэра Манагуа - картинка была похожей. Профессионал легко обходил острые углы любителя и, согласившись в конце концов с тем, что произведенный обмен денег есть мошенничество, добавил:

- Но вы ведь уже ввели свою валюту, так что денег теперь никто не даст. Речь можно вести только об обмене.

Не помню, где читал фразу "я мысленно ему заплотировал", но со мной происходило именно это. И вообще в течение одного дня я наблюдал трех совершенно разных Лужковых. С Г.Алиевым он был сдержан, серьезен, не жестикулировал, не говорил лишних слов - только те, что должен был сказать именно здесь, в этом кабинете.

С женщиной, министром культуры или что-то в этом роде был красноречив и почти галантен. Не преминул заметить, что слова приятной дамы звучат для него как азербайджанская музыка, которую уважает. Причем настолько, что был бы гораздо беднее, если бы ее не было.

И наконец, с Гусейновым выступал в паре опытный и сильный премьер-министр, который точно знает, чего хочет его правительство для своего народа и какими методами этого можно добиться.

За обедом выпили по крохотной рюмке азербайджанского, естественно, коньяку, а перед заключительной пресс-конференцией Г.Алиев водил нас по огромному правительственному дому, о котором я упоминал и рассказывал всякие байки про тех руководителей партии и правительства, а также братских республик, которых пришлось ему встречать и принимать здесь в свое время.

Журналистам рассказали о достигнутых договоренностях, быстро ответили на все вопросы от доморощенных и иностранных, и мы рванули в аэропорт.

Но не тут-то было. Хозяева решили преподнести напоследок сюрприз и провезли нас мимо аэропорта на берег Каспийского моря, чтобы мы почувствовали в полной мере, что такое город Баку. А может, как предположил кто-то из наших, действительно не готов был к вылету самолет.

Как бы то ни было, но РАФ привез нас на берег Каспия, когда уже порядком закатилось. На почти пустынном и довольно крутом берегу террасами стояли правительственные дачи - прежде руководителей-коммунистов, а теперь, естественно, демократов. Или тех, кто занимает руководящие кресла в республиканских органах власти.

Отлогий берег с отличным песком и раздевалками ждал нас. Но почти никто из делегации не был готов к такому повороту событий - плавки с собой захватили либо самые ушлые либо те, кто постоянно в них ходит. Правда, полотенца откуда-то появились.

Делать было нечего, коль приехали, надо нырять. Можно бы и нагишом, да то тут то там мелькали какие-то женские силуэты, и мы не решились - поплыли кто в чем: в семейных, футбольных с цветочками трусах.

- Юрий Михайлович! - кричу. - А в какой стороне Турция? Раз уж мы здесь, надо использовать этот шанс.

- Какая Турция? - смеется. - Это же Каспийское море, а не Черное, — ответил он, плывя обыкновенными саженками, как, может, когда-то на Москве-реке.

До Турции я, конечно, не доплыл, а вот в том, что Ю.М. при постоянном напоминании всем о том, что он не политик, оказался политиком - убедился.

Из записных книжек

Вторая кавказская война. Чечня остается Чечней

Темперамента чеченцам не занимать. Мой хороший знакомый на вопрос о якобы готовящихся акциях в Москве воскликнул:

- Да пусть заткнутся те, кто украл нефтедоллары! Это они все придумывают, чтобы у русских людей, и у москвичей в том числе, посеять ненависть к чеченцам, - ни один здравомыслящий человек не станет организовывать какие бы то ни было акции, это безумство.

Чуть позже, немного успокоившись, Иса рассказал о том, как чеченцы оберегали так называемый царский дуб. Ехал по горной дороге курьер царев, спешил, видно, и чуть не сорвался в пропасть - благо, за дуб зацепился и остался цел.

- Теперь ты понял, как у нас царя почитали? - спросил Иса, а я про себя подумал, что к такому почитанию вела долгая и кровопролитная война. Она продолжалась 47 лет - с 1817 по 1864 год и имела своей целью, как написано в вышедшем еще при советской власти Военном энциклопедическом словаре, "присоединение Чечни, Горного Дагестана и Северо-Западного Кавказа к царской России". Война шла довольно вяло до тех пор, пока в 1834 году движение горцев Чечни и Дагестана не возглавил легендарный Шамиль. Яростное сопротивление под флагом газавата ослабло с пленением в 1859 году лидера горцев и определением его на постоянное местожительства в Калугу, после чего война вскоре закончилась присоединением всего Кавказа к России.

Трудно решить, не спросив нынешнего лидера Чечни, претендует ли он на роль Шамиля, но и того, что мы видим на экранах своих телевизоров, достаточно для очевидных выводов: воевать против Чечни не только зазорно, но и опасно. Сказать иначе - это значит воевать против России и русских. Ведь, по последней переписи населения, 357,7 тысячи человек в бывшей Чечено-Ингушетии - а это свыше четверти всего населения - называли родным русский язык.

Мы наблюдаем, как добровольно вошедшая в состав России Ингушетия и насильно присоединенная Чечня объединяются перед лицом надвигающейся опасности со стороны наших войск и как Дагестан быстро вспомнил обиды стотридцатилетней давности. Кажется, к сегодняшнему дню ни одно государство на Кавказе, ни одна его народность не одобрили нашего вхождения в Чечню, и ожидать того, что это произойдет завтра, явно не приходится. А ведь на Кавказе проживают свыше 25 миллионов человек, и не учитывать этого и не предусматривать последствий новой кавказской войны - значит избрать страусиную политику или поддаться легковесным заявлениям бывшего министра обороны, готового разделаться с сопротивляющимися одним ударом. Должно быть, уроки Афганистана не пошли г-ну Грачеву впрок: за 9 лет не сумели преодолеть

там сопротивление, несмотря на все усилия, и нет никаких гарантий, что удастся это сделать в Чечне, если дело дойдет до партизанщины.

Из “всех доступных средств”, которыми позволил воспользоваться для наведения порядка в Чечне Президент России, выбран самый аморальный и самый опасный путь - военного вторжения, запугивания и огня на поражение. И вряд ли защитники Грозного сумеют противостоять превосходящим силам Российской армии. В том смысле, что Грозный будет взят, Ахтурханов возведен на “престол” и он же заключит перемирие, соглашение, мир или договор с Россией. Будет ли это означать конец кавказской войны, думаю, никто не знает.

Как не знают последствий ввода войск в этот регион наши военные и те политики, которые стоят за ними и которым это выгодно, если не сегодня, пока им нельзя “светиться”, то наверняка будет выгодно завтра, коль развитие событий пойдет по их сценарию. Только пойдет ли?

Как мало пройдено дорог, как много сделано ошибок, написал в свое время поэт, и эти его слова с полным основанием можно применить сегодня к нашей недавно народившейся новой государственности, которая повторяет все изгибы прежней машины для подавления личности и собственного укрепления. Эйфория первых лет посткоммунистического братания общества уступает место жесткой борьбе за высшие посты в парламенте и государстве, в силовых ведомствах, и каждый приблизившийся к ним понимает: оступившемуся уже не встать. Исходя из этого можно предположить, что война в Чечне будет всеми доступными военными способами продолжаться до той поры, когда они смогут отрапортовать о полной победе. Как русский человек, как патриот я всегда - за победу русского оружия. Но не в своей стране и не над своим народом.

А в том, что война ведется именно в таком направлении, любой непредвзятый наблюдатель легко мог убедиться, видя на экране телевизора кадры, показывающие уничтоженное дагестанское село Первомайское. Эти кадры говорили о многом. Например, о том, что еще вчера люди имели здесь кров и надежду, еще вчера они радовались доброму урожаю и хорошему приплоду скота, еще вчера давили вино и принимали гостей. И вот ничего этого нет. И не только этого. Не стало самого понятия

“село Первомайское”, которое сровняли с землей бомбы и взрывы, пожары и мины. Его уничтожили человеческие жестокость и злость, ненависть и убогость духа.

И разве так важно, что из одиннадцати Первомайских, удостоившихся упоминания в Советском энциклопедическом словаре именно село Дагестанской республики не упомянуто - видно, числом жителей не вышло. Но вот по жестокой несправедливости судьбы ему суждено было стать в течение недели самой упоминаемой точкой на территории бывшего Союза и почти такой же популярной у тележурналистов всего мира, как и Сараево.

Но нам-то от этого вовсе не легче - по правде говоря, лучше бы никогда не знать и не слышать, что есть такая точка на карте Дагестана, чем узнать о ней в связи с событиями последней недели. И с какой бы стороны мы на них ни взглянули, под каким бы углом зрения ни рассматривали, положительных моментов почти нет, а отрицательных - масса. Если считать положительным демонстрацию силы, то это нам удалось, хотя далеко не в полной мере. Теперь совершенно очевидно, что заявления господина министра обороны годичной давности о двух батальонах и двух часах были не только блефом, но и чистейшей провокацией, дезориентирующей руководство страны, политиков и военных. А его слова об умирающих с улыбкой на устах мальчишках представляются и вовсе кощунственными. Интересно, воюет ли кто-либо из семьи господина министра в Чечне?

После начала боевых действий в Чечне я выразил к этой акции собственное отношение, и мне попеняли: да что вы, дескать, паникуете, мы их сейчас раз-два - и к ногтю. Не стоит будоражить общественное мнение и вспоминать события столетней давности - тогда четко разделялись горцы и русские и даже дружившие между собой мужчины вынуждены были признавать, кто из них кто: кто солдат Николая, а кто мюрид Шамиля.

Но ведь в отношениях горцев между собой с той поры мало что изменилось, не говоря уже об их отношении к русским. Почти никто не обратил внимания на заявление одного из руководителей новой администрации Чечни в ответ на предложение бандитов стать заложниками вместо мирных жителей Кизляра и Первомайского. Пусть Д. Дудаев со товарищи, сказал сей ру-

ководитель, станет заложником наших родственников, тогда мы согласны.

Заметьте: не в правоохранительные органы, не в органы законодательной или исполнительной власти приглашали, а в семью, попросту - в клан.

Мы, представители великого народа, влезли со своим уставом в горы и за десятилетия ничего там не добились, и новые власти не пойдут с нами - у них своя жизнь, свой уклад, свои привычки и свои головы. Которые они кладут сегодня непонятно нам за что (а им, может быть, очень понятно), и, думаю, если бы у них было по две головы, они бы положили и по второй.

Не уверен, что во имя аллаха, точнее, не только во имя его. Кавказ это все-таки не Пакистан или Ирак, не регион с преобладающим влиянием исламского фундаментализма. Православные Армения, Грузия, тесные вековые связи с русской культурой наложили свой отпечаток на культуру народов Кавказа, в том числе и Чечни. И только близорукость политики в целом или личный интерес группы политиков могли привести и привели к трагическим последствиям и к тому, что мы сегодня имеем на Кавказе и в Чечне в частности.

Самое ужасное во всем, что произошло, это страдания ни в чем не повинных людей, всегда живших заботами о хлебе насущном и не имеющих никакого желания братья за оружие. Представьте себя человеком, всю жизнь положившим на то, чтобы поставить хороший дом, - а тот кто бывал в тех местах знает, какие дома здесь ставят, - и вернувшимся после затихших боев на пепелище. Что вы будете испытывать? Кому пойдете жаловаться и где вас выслушают?

При нашей ужасающей рутине годами будете добиваться компенсаций, и даже выделенные высшими властями дотации обязательно завязнут где-либо по пути к пострадавшим от бомб и снарядов.

Всеякие рассуждения по поводу, которыми будут в ближайшие дни захламлины эфир и полосы газет, будут сводиться к совершенно лишнему после того, что уже случилось, муссированию вопроса: надо было штурмовать или не надо? И никогда никому не удастся ответить на этот вопрос однозначно, потому что рассуждать легко, а принимать в подобной ситуации решения очень трудно.

Одно я знаю точно и наверняка: люди не должны погибать из-за амбиций политиков, не сумевших договориться друг с другом или поделить власть. Ведь власть это дело наживное и, по существу, абстрактное, а человеческая жизнь всегда конкретна. Конкретнее жизни может быть только смерть.

Я скорблю о погибших в ужасной бойне у села Первомайского. Мне жаль всех погибших как с одной стороны, так и с другой - жертвы эти бессмысленны, а идеи, за которые они умерли, непопулярны и расплывчаты. Не дай Бог мне когда-нибудь умереть за них.

Но люди умирают здесь и безо всякой идеи - просто потому, что кому-то захотелось их убить. Прочитав о трагедии на Ставрополе, в Буденновске, я вспомнил слова моего знакомого чеченца: террор не наш метод. Оказалось - их. Я хорошо знаю, что такое война, что такое боль и что такое страдание. Война отняла у меня родителей, острой болью отдаются в сердце потрясения последних лет, физические страдания заложников в Буденновске ощущаю так, будто сам нахожусь среди них.

И не могу отделаться от мысли, когда вижу очередные кадры на экране телевизора, что наши руководители и "силовики" ничему не научились за годы "демократии и свободы", а, напротив, растеряли свои профессиональные навыки и утратили умение. Скорее всего потому, что спрашивать с них некому - как спросишь, если сам им должен?

Коль головорез Басаев сказал правду по поводу беспрепятственного передвижения за деньги, то это означает... Страшно писать, что это означает. А может, все неправда и переход на КамаЗах - следствие нашей российской безалаберности и расчета на авось? Или полного отсутствия аналитических умов внутри тех структур, где им быть надлежит в первую очередь? Впрочем, если бы таковые присутствовали в рядах наших доблестных разведчиков, чекистов и военных, то не было бы и незаконных вооруженных формирований, и самой войны, может быть, не было.

Завязавшись едва ли не с дружеских встреч и уговоров, она набрала в конце концов такие обороты и обернулась такими жертвами, что, думаю, и самые горячие головы, собиравшиеся покорить Чечню за два часа, не могли себе представить подобное. Начавшееся теперь расползание огненного вала по рос-

сийской земле чревато непредсказуемыми последствиями, а обещания разобраться с виновными и на сей раз останутся обещаниями.

Нельзя же в самом деле наказывать за то, что не упредили, поскольку даже за событиями не успевают - только через несколько дней объявили, что все действия премьер-министра и его кабинета санкционированы лично Президентом. Спихватились вовремя, а то народ мог бы и руками развести: а где же наш Президент? Не волнуйтесь, граждане, он на месте. Следит за событиями и санкционирует.

Трагедия Буденновска - это не трагедия одного города и даже не трагедия одной нации. Это беда всех российских народов, переживших в свое время террор белый и террор красный, а теперь вот еще и чеченский. В первых двух случаях противостоящие стороны предполагали один исход - ликвидацию оппонента. А поскольку оппонентов и у тех и у других было более чем достаточно, то и масштабы действий по отношению друг к другу, и территория, где эти действия производились, были немалыми.

Террор чеченский призван был решить локальную задачу - добиться возобновления переговоров на условиях боевиков.

Но от того, что он локален, террор не становится менее жестоким. Зверства бандитов Басаева еще долго будут леденить кровь телезрителей всех континентов, а кадры с живым щитом из беременных женщин то и дело будут всплывать в памяти.

За подобные преступления надо судить, может быть, расстреливать или даже вешать. Но конкретных виновников. А не хватать подряд по национальному признаку — так мы соединим все виды террора с геноцидом и репрессиями, которые, как показывает опыт стран Балтии, ничего не приносят, кроме ненависти к насильственным методам утверждения идеологии или политики и к тем, кто эти методы применяет.

Эхо событий в Буденновске еще долго будет отдаваться в нашем беспокойном обществе, тревожить умы и сердца людей. Со временем затянутся раны, вырастут новые поколения на Ставрополье и на Северном Кавказе, а Чечня при этом останется Чечней.

За первым актом насилия последовал дубль - в городе Кизляре, который заставил задуматься: да есть ли в нашей стране

власть и есть ли армия? В том, что есть генералы, сомневаться не приходится, их регулярно показывают по телевидению, и они с постоянством, достойным лучшего применения, убеждают с экранов: войне не сегодня-завтра придет конец, и наши мальчишки перестанут гибнуть в огнедышащем чеченском котле.

Но раз за разом конец войны откладывается, переговоры заходят в такие дебри, из которых выбраться невозможно, а люди гибнут каждый день. Долгое противостояние по формуле “ни войны ни мира” не могло продолжаться бесконечно, а высокий процент проголосовавших за новую власть в Чечне ни о чем, как следует из последних событий, не говорит. Государственные мужи выдают желаемое за действительное и получают результат обратный тому, который хотели бы и который необходим сегодня всем нам.

Если рассматривать происходящее с точки зрения объективной оценки, придется признать, что в стране действуют мощные силы, которым эта осточертевшая всем война попросту необходима - она дает возможность списать такие материальные ценности, которые в мирное время списать попросту невозможно, она позволяет интриговать на всех этажах власти, доказывая необходимость усиления и укрепления вооруженных сил и вооружений, загрузки оборонных отраслей промышленности, присвоения очередных генеральских званий и выкачивания материальных благ - попробуй кто отказать в средствах “на войну”.

На подобные мысли наводит та легкость, с которой бандитам удалось сделать второй дубль: опять, как изволили выразиться господин Президент, “проспали” передвижение большого количества войск, вооруженных людей и техники, опять оказались неготовыми к сопротивлению солдаты и милиционеры, опять льется кровь мирных жителей.

Неужели в огромной стране некому поручить выполнение тяжелой, но необходимой обществу работы по пресечению вылазок боевиков и защите собственного народа? Неужели среди военных нет сегодня генерала Ермолова, который когда-то усмирил Кавказ? Или действительно решительные действия против бандформирований могут вызвать такие катаклизмы в обществе, что мир содрогнется?

К сожалению, вопросов подобного рода пока гораздо больше, чем ответов. А если гражданские и военные наши власти будут себя вести и дальше подобным образом, подставляя под пули ни в чем не повинных людей и кладя головы солдатиков, то нам придется признать, что власти эти совершенно недееспособны и всеми доступными законными способами их надо менять.

Когда я пишу эти строки, никаких изменений в ситуации не произошло, никакого разрешения конфликт пока не получил. Боюсь, что ничего хорошего в результате получить не удастся - слишком глубоки его корни, слишком много пролито крови, слишком напряжена обстановка вокруг еще одного южного города и слишком высоки ставки в этой жестокой игре.

Еще совсем недавно наши знаменитые сыщики могли по тараканьему следу на любой кухне узнать, о чем там шла речь хоть неделю назад, и взять всех, кто посмел неллицеприятно отозваться о власти и КПСС. Где эти сыщики сегодня? Что ищут? Кого берут?

Конечно, воевать неохота никому, а тем более - погибать не за правое дело. Но есть ведь такие понятия, как воинский долг, как присяга, как безопасность государства, наконец. Обиды генералов на газетчиков, которые их критикуют за бездарные операции в Чечне, как мы убеждаемся все чаще не только необоснованны, но и бесперспективны. А окажутся ли перспективными в сложившейся ситуации шаги Правительства России, мы узнаем очень скоро.

С магнитофонной ленты

Помогаем российским гражданам

- Последствия боевых действия и террористических актов в этой республике ликвидируются и с нашим участием. В Буденновске мы выполнили задачу, поставленную Президентом в тот же день, когда выехала колонна с террористами. Борис Николаевич позвонил и попросил помочь в выполнении работ по восстановлению полностью разрушенного больничного комплекса, и мы пообещали.

Теперь, когда работы выполнены, больничный комплекс стал совершенно иным, чем прежде. Он имеет все признаки со-

временного европейского медицинского центра - и по оформлению, и по оборудованию, и по выучке медицинского персонала, который прошел подготовку в Москве.

Здесь функционируют родильный и детский комплексы, травматологический корпус, аптека и целый ряд вспомогательных объектов. Комплекс способен принимать одновременно 580 рожениц и тех, кто нуждаются во врачебной помощи.

Эта работа вызвала положительный резонанс не только в Буденновске - весь юг России следил за нею, было немало сомневающихся в наших возможностях и способностях, но мы справились. Громадный объем в 120 миллиардов рублей мы освоили на маленьком пятачке, а это, скажу я вам, задача не из легких. Не надо забывать, что Россия является нашим родным домом, общим домом и когда кто-то попадает в критическое положение, мы должны помогать друг другу. Основным принципом во взаимоотношениях должен стать принцип взаимопомощи и в экономике, и в государстве, и в будни, и в праздники, и в самые сложные времена. Именно поэтому мы помогли Сахалину, помогаем Севастополю.

В этом русском городе мы сдали 120-квартирный жилой дом для военных моряков России, которые испытывают колоссальные сложности в своей жизни. Построили детский садик на 90 мест, пансионат для стариков-ветеранов и пенсионеров, что стало значительным событием и примером хозяйственного решения того, что и как должна делать Россия в Севастополе.

Правда, нас огорчает поведение некоторых должностных лиц Украины. Они препятствовали полету самолета с артистами над территорией своего государства, в результате едва не сорвалась торжественная сдача дома. Видно, бояться: а вдруг то, что неожиданно для самих себя прихватили, может уйти. Но ведь Севастополь - российский город, в нем живут российские граждане, и он всегда принадлежал России. И рано или поздно, но истина восторжествует, и Севастополь снова вернется в ее лоно.

Мы не имеем права бросать на произвол судьбы, оставлять без заботы и внимания своих граждан. У нас должна быть активная позиция по защите интересов русскоязычного населения. Активная! Мы, например, открываем школы с преподаванием на языках народов Балтии и считаем это правильным, гуманным, в межнациональном плане разумным, логичным и не-

обходимым. А в Риге русскоязычную школу закрывают и, закрывая, противопоставляют славянские государства, славянские народы - они эту школу делают украинской. Нужно совместно с государственной властью России действовать в этом направлении, защищать интересы русскоязычного населения. И это необязательно русские. В той же Прибалтике к русским или к русскоязычным относятся и украинцы, и белорусы, и другие нации.

Такая наступательность - это не шовинизм и не воинствующий национализм, а необходимость обеспечения равновесия, условий комфортного проживания представителей любой национальности в любом месте земного шара. Это соответствует Декларации о правах человека, полностью соответствует. А законы Эстонии и Латвии до сих пор являются бесчеловечными по отношению к значительной части населения, которое считает себя гражданами этих стран, но их выживают, выталкивают, притесняют.

Я как-то летел из Австралии, смотрю - мужчина в полушубке сидит, а лето, жара, но он - в полушубке. Да Бог с ним, с полушубком. Он заговорил по-русски, но с сильным украинским акцентом. Оказалось, живет в Австралии, в русскоязычной колонии и не знает английского языка. Не зная английского языка, живет там всю жизнь - и ничего, все нормально. Почему в Австралии это возможно, никого это не колышит, а в странах Балтии это недопустимо?

На Украине происходит насильственная украинизация русского населения Крыма, где 85 процентов русских. Газеты закрываются, телевизионные программы блокируются.

В Казахстане, при всем нашем уважительном отношении, расшаркивании с господином Назарбаевым и при его заверениях, что казахи и русские ближайшие братья, происходит активная казахизация страны. Активная казахизация! Не слышали такого термина? Изгоняются руководители из промышленности, назначаются директора-казахи, причем неважно - годится, не годится, лишь бы казах. Притесняется казачество. И это на территории, которую Сталин просто приписал к Казахстану для того, чтобы было 3 миллиона человек в республике. Была такая граница - меньше 3 миллионов не могло быть в союзной республике. Но это русские, исконно русские области.

Я абсолютно убежден, что всеми нашими возможностями и силой государственных решений мы должны проводить работу по взаимодействию стран в вопросах тех контактов и той работы, которая ведется в СНГ и со странами Балтии. Мы не должны ни в коем случае выпасть из системы общегосударственных целей и общегосударственных тенденций.

И если мы говорим об интересах защиты русских, нельзя забывать, что это 45 миллионов человек, хотя точно сейчас никто не знает. Кто-то говорит 45, кто-то - 60, но так или иначе - это третья часть России. Это колоссальная по своей значимости проблема. И если не будет мощного экономического присутствия России в этих странах, не будет и самой возможности обеспечить и общественные, и, если хотите, политические цели, которые в любом случае имеются и должны реализоваться во взаимодействии с государствами СНГ и Балтии. Когда есть мощные экономические связи, есть большая уверенность в том, что и другие общественные и политические проблемы будут решаться успешнее. Я считаю, что это очень важно.

Не менее важно и следующее, что касается в основном стран Балтии. В этих государствах имеются предприятия с подавляющим преимуществом русскоязычного персонала. Как правило, они брошены на произвол судьбы. Государственной поддержки не получают и должны решать свои проблемы самостоятельно. Я думаю, надо отдельно выделить этот класс предприятий и с ними проводить целевую работу по взаимодействию. Это не есть поддержка, это не есть подкармливание, это не есть благотворительность или гуманитарная помощь - это экономика.

Тот же завод РАФ, почти полностью остановленный, обратился к нам с предложением - поставить Москве микроавтобусы по очень сносной, допустимой цене. Мы пошли навстречу потому, что на нем 95 процентов работающих - русскоязычные. Мы потребовали довести качество микроавтобусов до определенных параметров, договорились, и эта задача обоюдно теперь решена.

Опыт такого сотрудничества можно распространять на рыболовецкие суда, суда морского флота, рыбоперерабатывающие предприятия и другие. Это целая система нашего целевого, а не размазанного взаимодействия, которое надо развивать и совершенствовать.

Из записных книжек

Все выше и выше

Пять лет тому назад первый Президент в истории России принял присягу на верность народу, а сегодня Б. Ельцин обратился к нам и поблагодарил за то, что мы, российский народ, вновь доверили ему свою судьбу, избрав на второй срок, на ближайшие пять трудных лет, и поклялся, что будет всеми силами стремиться к выполнению тех обещаний, которые давал накануне выборов.

Хотя уже что-то не вяжется в Чечне, где снова наши ребята бомбят и стреляют, а сами соответственно гибнут. Гибнут и ни в чем не повинные мирные граждане страны. Возможно, военным никто не указ, возможно, генерал, который там сейчас командует, делает это назло, салютуя таким образом вдогонку уволенному П. Грачеву, или сами чеченцы уже не ведают, что творят, и покатались по афганскому сценарию, разделившись, раздробившись и ничего не добившись, кроме крови и слез своего народа.

Откровенно же говоря, я не ожидал, что Б. Ельцин победит с отрывом в почти 14 процентов, самые смелые прогнозы не давали такой цифры, разве что неисправимый оптимист Юрий Лужков предсказал с исключительной точностью разрыв в 10-15 процентов накануне выборов.

Мало кто хочет возврата к прошлому, каким бы оно привлекательным ни казалось некоторой части граждан России. Не хочу туда и я, что бы со мной ни случилось завтра.

Свобода в поступках и мыслях, действиях и передвижениях, выборе места жительства и способа обучения детей, выборе религии и партии помогают человеку почувствовать себя увереннее и независимее, чем во времена всеобщего равенства и братства. Как утверждает Юрий Михайлович, должны быть равенство возможностей и справедливость в глазах соотечественников: больше потребляешь - больше вносишь в общую госкопилку в виде налогов. Но этого, правда, достигнуть пока не удастся - государственные институты в этом направлении работают из рук вон плохо.

Через месяц состоится официальное вступление в должность нового - прежнего - Президента страны: так называе-

мая инаугурация. Причем, как объявлено, состоится она на Соборной площади Кремля, то есть на том месте, где когда-то короновались на престол цари российские - вот и назвали бы это действие коронацией. У нас президент - больше чем президент. Он просто царь.

Возрождение еще одной традиции должно укрепить, видимо, державность и подчеркнуть государственность высшего поста в стране, может быть, придать должности президента дополнительное звучание в виду кремлевских башен и колоколов, в виду всей этой седой старины, которую мы порой просто не замечаем в нашей дурацкой опустошительной гонке под названием "будни обывателя".

Пусть Президент уверенно управляет без пальбы по собственным гражданам, без войн и подавления инакомыслия силой оружия и с помощью колючей проволоки, без обмана масс, которые только и ждут, чтобы их надули в очередной раз.

В чем же все-таки феномен Б. Ельцина, не признать наличие которого сегодня уже невозможно - ведь за последние пять лет, пожалуй, ни один политик мира не получил такого количества проблем и проклятий на свою голову, как он. И тем не менее мы снова его избрали, а Москва так вообще прыгнула выше головы, отдав ему вчетверо больше голосов, чем Г. Зюганову. Есть тут, конечно, и заслуга Ю. Лужкова, который призвал москвичей голосовать за Б. Ельцина, но есть и момент исторический - москвичи почти сразу приняли чужака, каким являлся первый секретарь с периферии, назначенный первым в Москве, и отдавали ему симпатии на всех этапах борьбы за власть, начиная с далекого 89-го.

В те дни опальный Ельцин не был сильнее, он был притягательнее для обывателя, которому до смерти надоело ходить в общей упряжке и дружно исполнять команды компартии, порой совершенно бестолковые. А исполнять приходилось, поскольку по-другому могли поступить лишь гиганты типа А.Д. Сахарова. Но таких ведь единицы, абсолютное большинство нашего брата, рядового столичного жителя, и не помышляло о каких-то акциях. Работа, знаете ли, дети, жены...

И вдруг появился в Москве человек, облеченный поначалу высшей городской властью, а потом от нее отлученный, но, что самое удивительное, вдруг заговоривший вслух о том, о чем все

шептались. Может, именно поэтому москвичи помогли ему в свое время вернуться в самые высшие эшелоны.

Я уже писал о пользе замусоленных блокнотов, а тут вернулся под руку еще один - с записями о ходе предвыборного собрания в Доме союзов, на котором решалась судьба опального тогда Б. Ельцина - быть или не быть ему депутатом Верховного Совета республики.

В те времена не выбирали всем миром, как сегодня. Просто райкомы партии и общественные организации - опять же под руководством райкомов - назначали выборщиков, которые избирали депутатов. Вот и весной 89-го состоялось в Доме союзов подобное действо, которое в то время привлекло внимание чуть ли не всей мировой общественности - из 48 корреспондентов наших было абсолютное меньшинство. Были среди них втайне сочувствующие Б. Ельцину, но не имеющие возможности высказаться в печати открыто; откровенно его ненавидевшие и прочие. Не было только равнодушных. В перерыве журналисты захватывали в плотное кольцо героя дня и с пристрастием допрашивали: что он станет делать, если будет избран депутатом?

Всего собралось в зале 886 делегатов, представляющих все районы Москвы, городские общественные организации. Игра горкома партии строилась на изображении видимости демократического избрания, а цель была очевидной: не допустить нежелательного кандидата в высший законодательный орган республики.

Из ложи прессы хорошо было видно, как это намерение пытались неуклюже воплотить в жизнь. Даже наши тогдашние идеологические противники - кто, кстати, сказал, что теперь они наши союзники? - корреспонденты "Вашингтон пост" заметили:

- Смотрите, какими стройными рядами расселись представители райкомов!

И действительно, балконное сидение давало прекрасную возможность проследить за перипетиями борьбы. Отчетливо просматривались дирижеры каждого ряда, первыми поднимавшие руку и подававшие таким образом бессловесные команды своими красными мандатами. У делегатов от общественности мандаты были синие.

Б. Ельцин по алфавиту выступал шестым из 17 претендентов. Самый серьезный его соперник выступил раньше -

это был генеральный директор ЗИЛа Е. Браков. Именно на него делал ставку горком, изображая свободные выборы, - его выдвинули аж 33 организации, тогда как Б. Ельцина -14. Вообще-то просматривается интересная тенденция. Спустя два года коммунисты снова сделали ставку на представителя автогиганта, выдвинув В. Сайкина против Г. Попова на выборах мэра столицы. И Е. Браков, и В. Сайкин хорошо сплясали под дудку горкома, а гиганта столичной индустрии пустили в конце концов под откос вместе с его никому не нужными теперь автомобилями. Тот же Е. Браков клялся с трибуны Дома союзов, что завод выпускает 100 наименований ТНП. Где они? Отвечая на вопросы, он также утверждал, что 40 тысяч тонн отходов, сбрасываемых заводом в реку Москву ежегодно, только помогают ей выжить, и он лично готов проглотить любую выловленную в акватории завода рыбешку.

Б. Ельцин вышел на трибуну под аплодисменты зрительного зала - и правда, ведь умом Россию не понять. К нормальному человеку наши граждане относятся, как правило, равнодушно, к гонимому и преследуемому - как к родному сыну. Может, поэтому столько потрясений выпало на долю россиян? Стенки Разины, Емельяны Пугачевы и им подобные орлы выдавались за защитников сирых и убогих, за национальных героев, хотя были самыми настоящими разбойниками, потрясающими государство и государственность и ослабляющими мощь великой державы.

В своей 7-минутной речи Б. Ельцин назвал основные пункты программы, которую хотел бы реализовать на высоком посту. Сравним с его сегодняшними возможностями и посмотрим, что уже удалось.

Итак, кандидат заявил, что Верховный Совет должен являться органом волеизъявления народа, а не ячейкой партийно-бюрократического аппарата. Он говорил также о необходимости борьбы с коррупцией, о честности и принципиальности народных избранников, о создании механизмов, которые гарантировали бы невозможность возрождения тоталитаризма, призывал не выбирать в высший законодательный орган страны депутатов от общественных организаций, ратовал за прямые выборы.

Предложил большую часть национального дохода направлять на здравоохранение и просвещение, а также максимально упростить государственный механизм управления.

Добавил несколько слов про хозрасчет и борьбу за социальную справедливость, децентрализацию политической системы и против воспроизводства партийно-бюрократического аппарата.

Сегодня можно с уверенностью говорить о последовательности Президента в реализации его тогдашних планов. Многое уже сделано, а вот победить бюрократический аппарат пока не удастся - аппарат, как утверждают знающие люди, разросся до невероятных размеров. За счет тех, кто поддерживал когда-то нынешнего Президента и его окружение, за счет сохранения старых и преданных кадров, за счет осколков всех прежних составов советов, которых надо ведь куда-то девать - не торговать же им в самом деле на арене Лужников.

После выступления Б. Ельцину задавали всякие гадкие, заранее подготовленные горкомом вопросы: ваша дочь, дескать, получила сперва одну квартиру, потом вторую. За какие заслуги? Да очень просто, ответил кандидат, в стенах прежней квартиры были такие трещины, что температура зимой выше 14 градусов не поднималась. Вот исполком и поменял.

Вы, говорят, против спецшкол, а своего внука отдали в спецшколу не в своем районе. "Я не против спецшкол, - сказал Б. Ельцин, - я за то, чтобы каждый ученик имел возможность учиться там, где ему нравится".

- Сегодня вы - национальный герой, и это вам нравится, не переродитесь ли в деспота, когда встанете у руля большой власти?

Кандидат ответил в том смысле, что деспотом не был, просто была крайняя нужда проявить в Москве высочайшую требовательность к кадрам. Что он и делал.

Он ответил на все 9 записок, потом отбивался от устных наскоков.

После выступления всех претендентов и ответов на вопросы начались прения. Выступили свыше 60 человек, как правило, заранее подготовленных и настроенных против одного кандидата - Б.Ельцина. Фамилии выступающий я не записал, а вот о чем говорили - зафиксировал. Долго мусолили про то, какой он нехороший, и вдруг вышел работяга и заявил: я представитель того самого народа, о котором тут многие пекутся. И мне,

говорит, стыдно, что мой партбилет того же цвета, что и у секретаря райкома.

54-й выступающий сказал: Горбачеву помогают щербицкие и Лигачевы, пусть-ка они помогают Ельцину. Те же секретари, которые здесь его охаивают, только подрывают авторитет партии.

Наконец настало время решения по процедуре - открытым или тайным голосованием следует избрать депутатов на два имеющихся мандата. Внутри у меня все задрожало: если, думаю, открытым, то Ельцину хана - кто осмелится в глазах партайгеноссе голосовать так, как велит ему его совесть? Волей-неволей придется поднимать руку за того, за кого проголосует правофланговый, иначе лишишься и партбилета, и должности.

На собрании присутствовали представители тех 14 коллективов, которые Ельцина выдвигали, их было 315 человек, а вот от райкомов было 573 выборщика - арифметика получалась явно не в пользу опального кандидата.

И тут встал космонавт Г. Гречко: если в парламенте, говорит, есть правые, то должны быть и левые. За одного битого дают двух небитых, и потому он, дескать, снимает свою кандидатуру в пользу Ельцина. Людмила Зыкина следом призналась, что ни в какой партии не состоит, а по физиономии за что-то получала. Зал оживился, напряжение чуть снизилось.

Проголосовали - отлегло. За открытое решение этого злободневного тогда вопроса высказались 365 делегатов, за тайное - 491, воздержались - 4. Хотя мандраж оставался до объявления результатов. Подсчитали: за Е. Бракова проголосовали 577 человек, за Ельцина - 532. Путь наверх был открыт.

Из дневника

10 июля 1996 г., среда

В этот судьбоносный день

Вынужден отвлечься от основной темы, извините, но не заметить грандиознейшего события, которое произошло в стране, просто нельзя. Завершились первые демократические, поистине свободные выборы, хотя в день их проведения

я засомневался: почему-то в первом туре то и дело показывали центр, куда стекалась информация из регионов, снимаемая с экранов мониторов, а 3 июля центр почти не показывали.

Коллеги поинтересовались: в чем дело?

- Вы что, не знаете? Ельцин должен победить, вот и все, - ответил я.

Но, видно, я поспешил с подобным выводом, поскольку коммунисты, по их словам, не собираются опротестовывать результаты выборов и, смирившись с поражением, начали готовить новый суррогат оппозиции, ориентируясь на будущие выборы.

Буквально накануне голосования, дня за два, Ю.М. распространил обращение к москвичам с призывом голосовать за нынешнего Президента. Оно появилось в печати неотредактированным, не знаю, кто готовил и кто читал, но со стилистикой, лексикой и грамматикой русского языка там явно нелады. Тем не менее текст тиснули еще и отдельным тиражом, затолкали в почтовые ящики.

Я спросил у руководителя пресс-центра: как можно обратиться к людям с “последней прямотой”, если неизвестны критерии первой?

- Так это же он сам сказал, - был ответ.

—Аа... а, ну тогда понятно, - невесело констатировал я и повесил трубку. Ну что тут скажешь?

Я храню в архиве растиражированный вариант, а здесь привожу поправленный - как и плакаты пятилетней давности, этот текст уже История.

- Дорогие москвичи, земляки мои и соотечественники! - так обратился мэр к избирателям. - Все силы души и запас вашего доверия хотел бы я использовать в этот решающий момент не борьбы за власть, как думают многие, а в судьбе Отчизны. Момент тем более серьезный, что внешне обманчивый: сегодня не рвутся снаряды, не прут на Москву фашистские танки, как в сорок первом, когда было предельно ясно - либо погибнем, либо выживем. Теперь все тихо, по-мирному сидим, видим кандидатов в президенты по телевизору и между делом решаем, пойти ли 3 июля на выборы или лучше все же поехать за город. А за всем этим -

судьба России, роковая черта: либо хаос и тирания, либо надежда.

Почему так считаю и говорю? Разве коммунисты враги россиян, разве не хотят они, чтобы было лучше? Хотят. Все хотят. Никого не подозреваю в дурных намерениях. Но тот путь, та дорога, по которой зовут идти в будущее, ведет к развалу и хаосу. Тут уж поверьте опыту практика. Знаю, как развернутся события, шаг за шагом могу предсказать, что будет. Вначале грядет насильственное ограничение цен, нехватка продуктов. Затем втянемся в печатание денег, появятся талоны на продукты и, как следствие, трудовые армии, а может быть, и отряды продразверстки.

Все пойдет одно за другим, по логике тоталитарной системы и даже не воле “вождя”. И будет идти до тех пор, пока не отгородимся от всего мира, чтобы здесь, на своей земле, принуждать людей работать силой, а не экономическим интересом.

Именно поэтому обращаюсь к вам со всей прямоотой: не преуменьшайте опасности! Идите на выборы! Мы не привыкли держать судьбу страны в своих руках, всегда это за нас делало начальство. Но сейчас - вот наше главное завоевание — голос каждого может оказаться решающим. А отказавшись голосовать, что потом скажешь детям и внукам? Что в тот судьбоносный день дачный участок свой предпочел избирательному?

Пишу так не потому, что хочу на кого-то повлиять. Я давно вне политических партий и, как никто, вероятно, знаю недостатки теперешней власти и пороки нынешней переходной системы. Каждый день страдаю от них, какой бы вопрос ни решал.

Но когда меня спрашивают, почему я так активно включился в поддержку Б.Н. Ельцина, отвечаю: потому что на этом пути есть надежда. На то, что отстроимся, на то, что покончим с бандитами, будем жить сытно, богато и счастливо, без смут и неурядиц. Потому что тут тоже есть логика - именно той системы, что вынуждена считаться с вами, мои дорогие сограждане, искать вашей поддержки, а не навязывать свою волю силой.

Поэтому ради детей и внуков, ради страны, ради **себя - все** на выборы третьего июля!

Из записных книжек

Остановиться, оглянуться

Чем дальше будут уходить в прошлое события середины 1996 года, когда страна жила в напряженном ожидании выбора своего пути, тем реже мы будем вспоминать о них, тем слабее будут они отражаться на текущей действительности - и ничего тут не поделаешь, жизнь никогда не останавливается и, даст Бог, не остановится.

Но если мы верны в своих оценках и выводах, если вновь избранный глава государства действительно положит свои силы на достижение процветания страны и создание народу, а не только своим приближенным достойных условий жизни, тогда все, что произошло и чем закончилось, достойно быть занесенным в самые высокие скрижали истории.

Я предлагаю вам вернуться к событиям, связанным с выборами мэра Москвы и Президента страны, и проследить их краткую хронологию по дневниковым записям нашего приятеля, журналиста, который, как вы уже могли убедиться, ведет их регулярно и довольно дотошно. Таким образом, мы завершим наше повествование, закончив короткий и в то же время на удивление длинный путь в пять лет.

Из дневника

8 июня 1996 г., суббота

Грандиозное ЧП

Вчера в 7.30 в Москве случилось грандиозное ЧП - совершено покушение на кандидата в вице-мэры столицы Валерия Шанцева. Не успел он выйти из дома, как на подходе к автомобилю грохнул офонарительной силы взрыв - бомба была заложена на пути его движения к машине.

Как объяснили на пресс-конференции в Красном доме, его могло просто разнести в клочья, если бы он пошел к машине наиболее удобным маршрутом - возможно, несколько дней за

ним следили и вычислили, как он обычно к ней двигается. А в этот раз он почему-то привычный путь поменял - моя жена сказала, что это его оборонил господь Бог.

Цель скорее всего преследовали одну: выбить из предвыборной гонки за пост мэра Москвы Ю. Лужкова. Ведь если бы В. Шанцев погиб, то пришлось бы либо переносить выборы, чтобы нынешний мэр нашел ему замену, либо Ю.М. самому сходить с дистанции. Кажется, закон городской Думы не предусматривает подобной коллизии, и неизвестно, чем бы все закончилось. Думаю, Ю.М. ни под каким видом не устраивает отказ от своего поста - слишком много остается за ним долгов городу, слишком многое начато и должно быть закончено. Вот почему он спешит, вот почему все меньше у него времени на отдых - как утверждал гений словесности русской, жизнь коротка, перечитывать некогда.

Высказываются и предположения, что Шанцеву кто-то хотел отомстить как префекту округа, возможно, кому-то чего-то не сделал, может, кому-то сделал, а кому-то нет. Как бы то ни было, он в реанимации института им. Склифосовского, как передали вчера вечером, хотя разведка доложила: его еще в полдень перевели из реанимации в палату.

11 июня 1996 г., вторник

Кому завидовать не надо

Особенно расписываться некогда - труба зовет к окончанию моего труда, который я затеял не знаю зачем. Скорее всего для того, чтобы доказать себе, что есть еще порох там, где он и должен быть, и что не напрасно я столько лет упирался, чтобы все пошло псу под хвост - и труд, и знания, и опыт, и написанное, и сочиненное, и душевный трепет перед чистым листом бумаги, и мысли, которые пока еще посещают, поскольку нет склероза, туберкулеза и сифилиса.

А если продолжить мысль - зачем, то, конечно, жить совершенно не напрягаясь, гораздо проще и доступнее, но достойнее ли? И если волею судьбы я оказался или оказываюсь в центре многих событий, которые уже через 20-30 лет станут нашей историей, нашим прошлым, я не хочу сейчас предполагать или

догадываться каким, но - прошлым, о котором память мало что сохранит, а запись - наверняка, то, значит, я все делаю правильно.

Итак, жизнь Валерия Шанцева, префекта Южного округа и кандидата на пост вице-мэра, по словам врачей, переданным сегодня в новостях первого канала, все еще в опасности, но уже, похоже, не в такой, как прежде. Передали, что состояние его оценивается как средней тяжести с видом на улучшение. Дал бы Бог ему выздоровления. Кроме того, передали, что якобы и на Ю.М. готовилось покушение. Вроде бы он должен был в субботу посетить 54-й километр кольцевой автодороги, а вблизи места посещения обнаружили начиненный взрывчаткой автомобиль или что-то в этом роде. Подробностей не сообщили, милицеские начальники комментировать сообщение отказались.

Можно предположить несколько вариантов подачи этого случая. Возможно, это утка, призванная оградить Ю.М. от поездок до дня выборов, чтобы охранники могли поменьше дергаться. Может, действительно все так и было, но никакого отношения к Ю.М. не имеет. А возможно, как и предположили телевизионщики, имеет.

Как бы то ни было, а накал страстей в виду выборов нарастает невероятно. Я сижу на даче и уже за Ю.М. проголосовал, причем ничего предвсудительного на участке не заметил. Спросили паспорт, отметили в списке, дали расписаться и потом предложили пройти в кабину, вручив предварительно бюллетень. В нем помимо Ю.М. красуется “лидер Красной Пресни”, правда бывший, А. Краснов, депутатша Сергеева, президент то ли концерна, то ли торгового дома “Рос Штерн” Филоненко, заявивший уже при выдвижении о своей поддержке Ю. Лужкова - на фига спрашивается выдвигался, - и кажется, еще один депутат гордумы, что-то не могу припомнить.

Я поставил против фамилии Ю.М. жирный крест, запечатал бюллетень в конверт и сдал его на ответственное хранение службе.

За Президента буду голосовать здесь, в местном участке, поскольку взял открепительный, чтобы не мотаться лишний раз в город, не тратить время. Кстати, он развил такую бурную деятельность, которой от него уже, по-моему, никто не ожидал. Послал всех своих штабистов подальше и занялся своей из-

бирательной кампанией сам - объездил уже не знаю сколько республик и областей, завязал, насколько это возможно в тамошних условиях, чеченский конфликт, уступив, правда, боевикам почти по всем позициям, по которым они требовали уступок. По-другому, думаю, ничего бы не получилось, а ему без достижений на чеченском фронте никак нельзя.

Он успел подписать такое количество популистских указов, надавать на местах столько обещаний, что их придется выполнять, пожалуй, в период всего срока деятельности на его высоком посту. Но ведь не секрет: он всегда был популистом, и те, кто работал с ним в горкоме партии в Москве, говорили о нем и более суровые слова.

Я тут встретил одного мужика, который в те времена сидел на Старой площади, и он рассказал эпизод:

- Иду я по Старой площади, встречаю на тротуаре моего хорошего приятеля Кольку, что раньше всех познакомился с Ельциным. Ну, как, говорю, Коля, впечатление?

А он непонятно так крутанул головой и тихим голосом произнес:

- Авантюрист какой-то...

Вот и теперь он бросился с ходу в бурную схватку, надеясь, что фортуна повернется передком и на сей раз. Мощная рекламная поддержка всех средств массовой информации помогает ему выкарабкиваться вверх и вверх, постепенно обходя по всем рейтингам Г. Зюганова. Хотя рейтинги - дело ненадежное. Вспомним выборы 93-го года и нынешние в Госдуму: все убеждены были в одном, а получили совсем другое.

А Б.Н. уже уверенно заявляет о своей победе в первом туре, чем здорово нервирует своих основных конкурентов, и особенно коммунистов. Они что-то задержались, лидер идет, кажется, без четкой программы и даже состав правительства, которое он назначит в случае победы, не объявляет. Думаю, боится потерять голоса некоторой части избирателей - особенно той, что не против коммунистов, но и за достигнутое сегодня на фронте гражданских свобод, средств массовой информации, свободы выбора и прочее. Короче, Зюганову нельзя выступать чистым коммунистическим экстремистом и нельзя перегнуть палку в сторону нынешних властей - ни хрена себе позиция, не позавидуешь.

Думаю, все-таки, что в первом туре Б.Н. не победит - никто ведь не знает, что происходит в глубинке, там как председатель скажет, так и проголосуют. А он скажет, как надо местному набобу.

13 июня 1996 г., четверг

Беглый огонь в Московской области

Вчера передали: во вторник около 22 часов на перегоне от станции метро “Тульская” до “Нагатинской” в вагоне поезда взорвалась подложенная под сиденье бомба. Четыре человека погибли, многие попали в больницу, погиб ребенок.

Ю.М. приехал на место происшествия около часа ночи, сказал журналистам, что этот дикий случай вандализма не остановит правительство города в его стремлении продолжать начатое и не заставит отказаться от поддержки Президента Ельцина.

Не знаю, кто автор его рекламной кампании, но придумали они и ведут ее грамотно. Тут хватает и сентиментальных соплей и привлекательности для молодых. Она не призывает их голосовать за Ельцина, а просто приглашает на выборы: “Голосуй, или проиграешь!” - так звучит этот бесхитростный на первый взгляд призыв, имеющий на самом деле глубоко закопанную подоплеку.

Хорошо известно, кто будет голосовать за Зюганова. В первую очередь - это наши бабушки и дедушки, это оголтелые последователи бредовой коммунистической идеи, это националисты, мечтающие с дореволюционных времен бить жидов и спасать Россию.

Молодые же предпочитают на выборы не ходить, и именно там пытается найти свой шанс нынешний Президент. Но почему он уверен, что молодежь проголосует за него?

Еще одно сообщение о еще одном убийстве пришло сегодня: убит мэр города Жуковского на лестничной площадке собственного дома, а примерно две недели назад уложили главу администрации Салтыковки Балашихинского района, где я сейчас сижу и тюкаю на машине. Говорят, кому-то чего-то не позволял. Скорее всего одним позволял, а другим

нет. Делаю такой вывод на основании того, что ездил он в последнее время на “мерседесе”, который, понятно, на зарплату купить нельзя, тем более на зарплату главы администрации.

Ю.М. призвал журналистов не нагнетать обстановку.

15 июня 1996 г., суббота

Кто преемник?

Сегодня кандидаты в президенты закончили агитировать сами за себя. Б. Ельцин повез свою семью в Екатеринбург, где еще по весне объявил о своем желании баллотироваться на второй срок. И теперь решил прикоснуться к родной матушке-земле, чтобы она ему помогла.

И снова не обошлось без свойственных ему неординарных заявлений. Я, говорит, еще поруковожу до 2000 года, силенок у меня хватит, а вам уже надо думать о преемнике. И я знаю, кто это должен быть, он выдвигается сейчас. (А я то, грешным делом, подумал, что он назовет Ю.М. в качестве преемника. Но, видно, они больше к этому вопросу не возвращаются.) Вот если бы он снял свою кандидатуру на этих выборах, я, может, стал бы его готовить, заявил Президент.

Ну, журналисты, конечно, тут как тут: колись, дескать, Борис Николаевич, гони фамилию.

- Ни за что! - непреклонно произнес он и удалился.

Таким образом он продлил свою предвыборную кампанию. Агитировать с нуля часов сегодняшнего дня уже нельзя, а все газеты и все программы сейчас начнут мусолить это его заявление, и опять его фамилия будет невольно на слуху, хотя она и так не сходит с экранов. И было бы по меньшей мере странным, если бы было по-другому у действующего Президента.

А если он серьезно, то кто? Зюганов или Лебедь? Опаснее ему Зюганов, но неужели? Хотя, что мы знаем про политику и политиков?

Мелькало на экране за спиной Президента лицо одного моего старинного приятеля, может, когда-либо удастся его расколоть.

16 июня 1996 г., воскресенье

Голосуй правильно!

Все противоречиво в этом мире! Иду на остановку, чтобы ехать в баню, - люди поздравляют друг друга с праздником. А какой праздник, спрашиваю, придурился.

- Как какой? - в недоумении смотрит на меня дядя довольно внушительного возраста. - Выборы!

- Ааа..а, - тяну я и спрашиваю: - А голосовать-то за кого будешь?

- В первом туре за Явлинского, а уж во втором - за Ельцина.

- Отец, - говорю, - ну зачем тебе этот неразродившийся элемент? Он же еще ничего не сделал и не показал, и, скорее всего, ему уже нечего сказать - просто власти хочется ему и ребятам, которые, как осколки прежней системы в Совмине, Госплане и Госснабе, его поддерживают. Не за Россию ведь они - за себя, любимых.

Выходя из автобуса, я напомнил:

- Голосуй правильно!

Кассирша в бане:

- А что толку? Там уже всех выбрали...

- Да кто вам сказал такую глупость? - спрашиваю.

- Все говорят...

- Как же вы без власти-то будете жить, если голосовать не идете?

- Зачем мне власть? Ее нет и не было...

- Как нет? А кто вам тепло в дом подает? А кто мусор убирает, двор метет?

- А при чем тут власть?

- Вы что, думаете, это кто-либо будет делать по своей собственной воле?

- Кто-нибудь найдется...

- Тогда это обойдется вам в пять - десять раз дороже!

На том и разошлись. А вы говорите — социологические опросы, вот он, опрос, не выходя из парной.

Короче, пока нет результатов никаких, мне приснилось: в первом туре Зюганов наберет 32%, Ельцин - 30%. Дай Бог ошибиться...

17 июня 1996 г., понедельник

Первый акт действия

Ну вот. Целый день сегодня, а, впрочем, вчера уже ночью все было ясно, передают неокончательные, но довольно показательные результаты выборов. Ельцин к этому часу - на 16 часов - набрал 35 процентов, а Зюганов -31. Скорее всего разрыв этот сократится, может, даже и до двух, как я и предполагал. Правда, поменяв их местами. Хорошо так ошибиться, но это совершенно не означает, что победа во втором туре нынешнему Президенту обеспечена. Коммунисты еще сильны, хотя, думается, наступает время их окончательного заката - люди, выходит, все-таки, не дураки. Не стали голосовать за политимпотента Явлинского и демагога Жириновского, а отдали третье почетное место генералу Лебедю. Думаю, потому, что он смотрится таким простачком, своим парнем, который может привести Россию к светлому завтра. Черт его знает, кто ее приведет. Отвыкли вкалывать по-настоящему, отвыкли растить хлеб, рожать детей, ухаживать за скотиной - усовершенствовалось лишь умение одурманить себя чем угодно - от самогона с табаком до аэрозоли.

Теперь развернется нешуточная борьба за голоса во втором туре: шутка ли - шестая часть за Лебедя! Кому он их откажет? Тому скорее всего, кто больше даст. И хотя он неоднократно заявлял, что с коммунистами ему не по пути, теперь, когда выборы прошли, может статься, что ему с ними еще как по пути.

Для Ельцина, совершенно было потерявшегося и воспрянувшего за каких-либо два месяца до выборов, их надо признать очень удачными, хотя он и отвесил сегодня своей команде за то, что не организовала победу в первом туре. Игра на публику. Вряд ли он такой глупый, что не видел: победить сразу и с большим отрывом не удастся.

И все-таки с ним я согласен: действительно назло проискам коммунистов и капиталистов выборы состоялись, никто не может сегодня плюнуть ему вслед, никто не уличит в фальсификации или подтасовке - и это меня как гражданина и журналиста радует больше всего. Думаю, ему пришлось выдержать давление огромной силы от своих приближенных вельмож, кото-

рые - и это вполне естественно - боятся в случае схода его с политического Олимпа сойти вместе с ним. Если же он победит, то спокойно можно упаковываться еще пять лет.

Никто не сомневался в том, что москвичи проголосуют за Ю. Лужкова. Но чтобы он победил с таким отрывом - даже я не мог предположить. Передали итоги - не знаю окончательные или нет: он набрал почти 90 процентов голосов, а трое его противников - меньше 10 процентов. В немалой степени, на мой взгляд, его поддержка Президента принесла в столицу победу Б. Ельцину с четырехкратным превышением над основным конкурентом. Авторитет нашего мэра для горожан и для избирателей непререкаем! Вот что значит работать как проклятому, на благо города и на виду у всех.

Разводят руками аналитики: с какого, дескать, деревня проголосовала за Зюганова. Это разводят те, кто никогда деревню живьем не видел.

Во-первых, на селе средний возраст едва ли не старше пенсионного, во-вторых, землю крестьяне так до сих пор не получили и, по-моему, зря надеются, что им с Зюгановым что-либо обломится. В третьих, люди от земли до сих пор испытывают страх перед властью, какого не испытывают горожане. Или, во всяком случае, не все горожане. Если у вас из подъезда или даже на лестничной клетке ГПУ кого-либо отправит на гулаговские высылки, то соседи об этом узнают не скоро, если узнают вообще. В деревне же каждый хозяин на виду, каждый двор на счету - что ж тут удивительного, что страх прокатывается по всем избам, когда забирают из одной.

И последнее по этому поводу: красные директора имеют над крестьянином и фермером такую власть, что стоит им пошевелить пальцем, как все бюллетени будут заполнены так, как они скажут.

Все эти причины - на виду, и непонятно, почему не учли их штабисты Б. Ельцина, готовя кампанию. Не надо никаких специальных исследований и никаких институтов при Президенте - я вам привел пример экспресс-опроса, и посмотрите, что из этого вышло. Уж если огромное количество людей кормится при власти на поприще политических предсказаний и анализов - так делайте их как положено, а не как закажут.

Не помню, сколько времени должно пройти до повторного голосования, но президентской рати пора засучивать рукава и приниматься немедленно за дело, тем более что гениальная задумка с проигравшими из тех, кто не проголосовал, оказалась на самом деле пустышкой.

22 июня 1996 г., суббота

Взлет А. Лебеда

События понеслись вскачь с невероятной скоростью. Я предполагал, что А. Лебедь начнет торговаться за должности, но он сразу согласился с предложением Б. Ельцина и заменил на посту секретаря Совета безопасности О. Лобова, став еще и помощником Президента.

И тут же объявил, что начинает борьбу со взяточничеством и коррупцией, а также принимается за наведение порядка на святой Руси.

Кроме того, доложил народу, что готовится путч типа ГКЧП во главе с Грачевым, который подал в отставку, как утверждают, не желая служить под началом своего бывшего подчиненного. А когда его хотели направить постоянным представителем России при ООН, возмутился: меня, боевого генерала, на свадебную должность?

Хотя все знают, какой он боевой генерал - обосрался в Чечне хуже некуда. А если считать боевой операцией расстрел Белого дома в октябре 93-го, тогда - конечно.

Чекисты и охранники арестовали двух мужичков из команды Президента по подготовке выборов - один из них автор не сыгравшей скрипки про "Голосуй, или проиграешь!", а второй еще кто-то. Их подержали несколько часов под охраной, потом, якобы после вмешательства А. Лебеда, выпустили, он грозился с экрана разобраться, и меньше чем через сутки отправили в отставку начальника охраны Президента, верного Коржакова, и начальника ФСБ, бывшего ГПУ, КГБ - Барсукова. А следом еще и Сосковца.

А ведь я когда-то уже записывал про партию войны и противопоставил эту бригаду Черномырдину и Лужкову.

Возможно, это очередной хитрый ход президентской команды в преддверии выборов, возможно, тонкая игра на доверчиво-

го избирателя, но Б. Ельцин выбил сразу несколько козырей из рук своего основного противника на выборах второго тура - у Г. Зюганова. Если он проиграет, думаю, компартия умрет. С Лебедем станут подниматься ура-патриоты и националисты. Ох, не хотелось бы...

Мужики, однокашники, с которыми после долгих сборов я встретился, в один голос сказали: Лебеда попрут, как только он поможет Б. Ельцину победить на выборах. А последний, дескать, в своей знаменитой реплике в Екатеринбурге намекал на Ю.М., когда говорил о преемнике. Я, как мог, их разубеждал. Но они, кажется, не разубедились.

Вчера в Белом зале бывшего Моссовета, а ныне резиденции Ю. Лужкова, состоялось его официальное вступление в должность. Патриарх, Президент, премьер правительства страны присутствовали при этом торжественном акте. Ю.М. сказал прочувственные слова и призвал со всех экранов голосовать во втором туре за Б. Ельцина.

И тут же отправил в отставку собственное правительство, чтобы через две недели объявить его новый состав. Все сейчас гадают: кого поменяет? Да хрен его знает. Он вообще-то человек предсказуемый в отличие от того же Президента, так что можно предположить, что мандраж внутри его кабинета минимальный - как ни говори, а мужики город держат на плаву. Одну пока замену можно предсказать точно: выйдя из Склифа, В. Шанцев должен будет поселиться в доме на Тверской, 13, где ему сегодня даже кабинета, достойного должности вице-мэра, нет. Или он будет совмещать? Тоже вариант, чтоб сильно не высывался...

С магнитофонной ленты

Акция против Президента

— Эта возмутительная и неумная акция службы безопасности Президента России (Речь идет о столкновении служб безопасности группы “Мост” и Президента у здания мэрии 2 декабря 1994 г. - *Ред.*) рассчитана в первую очередь на подрыв авторитета исполнительной власти. Она проведена без какого-либо предварительного информирования не только МВД, ГУВД, ФСК, но даже мэра Москвы и ответственных сотрудни-

ков мэрии. Хотя, кому, казалось бы, как не нам, осуществляющим руководство городом, надлежит знать о том, что намерены предпринять в отношении наших сотрудников те или иные силовые, правовые или законодательные структуры власти. Что бы ни случилось и что бы ни предпринималось, мы должны быть в курсе дела. В противном случае мы - не власть. Наверное, именно так посчитали те, кто разрабатывали и осуществляли акцию у мэрии столицы. Я расцениваю ее как наплевательское отношение со стороны организаторов к тем, кто обеспечивает порядок в городе и всю его жизнедеятельность.

Безобразную эту акцию можно условно разделить на две части: первая - утренняя “разминка”, в которой я усматриваю не только недружественный акт в отношении мэрии, но и чистейшей воды провокацию против нее.

Вторая часть - это месть за случившееся в первой части. И месть не по отношению к ФСК, которая очень активно и четко сработала в этой ситуации, а месть от неистребимого желания оправдаться перед самими собой - ведь утренняя “разминка” закончилась в пользу ФСК благодаря женщинам, представляющим в конфликте эту службу.

Нет нужды искать, против кого была направлена акция - она однозначно направлена против Президента России. Поистине медвежьёу услугу оказала ему его собственная служба безопасности. Для меня абсолютно ясно, нет, я точно знаю, что Президент не был проинформирован и ничего не знал о замышлявшемся акте. Проявившая подобную инициативу служба попросту подставила его под критику общественности и парламентариев.

Всякие предположения и домыслы о том, что акция была направлена вообще против правительства Москвы и Лужкова в частности, а также против группы “Мост” не выдерживают критики. Потому что, кроме господина Полторанина и некоторых горячих голов в российском парламенте, ни у кого нет и тени сомнения в том, что Лужков верен Президенту.

Как, впрочем, и группа “Мост”. Достаточно почитать газету “Завтра”, чтобы убедиться в этом. Именно на ее страницах утверждалось, что эта группа поддерживала Президента в августе 91-го года и в октябре 93-го. Прочитайте внимательно названную газету - и все встанет на свои места.

Когда я говорю об антипрезидентской направленности акции у здания мэрии, я основываюсь не на фантазии, а на логических выводах, на результатах спокойного анализа случившегося. И - добавлю, исходя из анализа обстановки, которая уже формируется в обществе и проникает в сознание людей перед началом борьбы за кресло Президента в 1996 году.

Думаю, Президент не оставит действия службы безопасности безнаказанными. Особенно тех ее руководителей, кто отдавал команды. Но это еще не все. Есть ведь и те, кто команды исполнял.

И если у нас правовое государство, точнее, если то, что мы строим, должно представлять из себя правовое государство, то должна сказать свое слово и прокуратура, где находятся сегодня дела по названным фактам. Она должна дать по ним четкий ответ, квалифицировать как нападение, избиение, укладывание насильно людей на землю и длительное их удержание в соляной жиже.

Кроме того, есть ведь и еще один вопрос, который требует анализа и ответа, а также решительных действий. Почему, скажите, была допущена столь беспардонная дезинформация о случившемся? Несколько сообщений, следующих друг за другом, несли несуразицу и путаницу, опровергали одно другое в течение очень короткого времени. Кто ответствен за оперативную дезинформацию москвичей?

Думаю, чем яснее, чем категоричнее будут ответы на поставленные вопросы, тем большим доверием обернется это к исполнительной власти в стране и в городе.

Из дневника

23 июня 1996 г., воскресенье

Теннис для пользы дела

Вчера впервые согласно Указу Президента отмечался на Руси день памяти и скорби - день в день с началом второй мировой войны, унесшей неизвестно сколько жизней. Неизвестно, потому что сотни тысяч еще остаются захороненными, их находят и находят энтузиасты-поисковики, а то и пираты, любители острых ощущений, готовые торгонуть найденными орденами, медалями, документами, стволами. Государственной

службы, которая занималась бы целенаправленно подобными проблемами, нет, хотя, казалось бы, почему ее не организовать при МЧС - сам Бог велел. Они ведь занимаются извлечением из-под обломком, из подвалов, завалов и прочим. Неужто никто не додумается?

Вчера Ю.М. дал свою оценку произошедшем переменам в окружении Президента. Он высказался в том плане, что вопрос назрел и эти ребята просто увлеклись и перестали нюхать фишку - за что и поплатились. Не знаю, как понравится это высказывание Коржакову, с которым Ю.М. неоднократно сживал рядом на всяких мероприятиях, а возможно, и играл в теннис. Никогда прежде не играл, однако - освоил, думаю, для пользы дела, чтобы знать, что происходит там, на самой большой кухне страны. Не будешь знать - скоро проколешься.

Черномырдин на пресс-конференции сказал про своего первого зама, Сосковца: дескать, начал в последнее время заруливать не туда. Да бросьте вы, Виктор Степанович! Давно вы видели, куда он заруливает, да скорее всего сделать ничего не могли. А, может, и не пытались, зная, кто стоит за спиной у первого вашего заместителя.

Словом, будем посмотреть. Даст ли что-либо Б. Ельцину такая решительная игра во втором туре. Уже вроде и сторонники Явлинского высказались в поддержку, наверное, повлияли последние перемещения в президентском стане. Впрочем, ждать осталось недолго.

29 июня 1996 г., суббота

Что за душой у главного коммуниста?

Что можно сказать перед вторым туром президентских выборов в моей любимой стране, которая, по сути, никогда не знала, что это такое, а включившись в гонку за демократию, наворотила уже столько дров, что их с лихвой хватило бы на два столетия в какой-нибудь доброй старой Англии.

И путч у нас уже был, и парламент мы расстреливали (а если бы не расстреляли, то уже точно бы, как говорят сегодня в рекламных роликах против коммунистов, брат шел бы на брата, а отец на сына), экономику загнали в такую задницу, что не-

известно, когда она оттуда вылезет, стариков и убогих довели до абсолютного обнищания.

Вчера по этому поводу был у меня любопытный разговор с одним старым и умным чиновником, всю жизнь пропахавшим на прежний строй, но и сегодня остающимся при деле, поскольку новые русские умеют есть икру ложками, трахаться в Анталиях и тратить деньги, которые сумели утаить от налогов. Работать же они совершенно не умеют - не приучены, да никто их этому и не учил. Воровать научили, а работать - нет. Что за беда?

Так вот он по поводу нынешней ситуации выразился так: я бы этого Ельцина убил бы, будь у меня сегодня заряженный пистолет. Но голосовать буду за него. Потому что все уловки коммунистов и посулы, что если они придут к власти, ничего не переменится или демократия укрепитя еще больше, сплошное вранье. И дело тут не в личности Зюганова, как таковой, а в тех людях, которые стоят за ним и придут вместе с ним. Они не дадут ни в коем случае реализовать ему его собственные благие предвыборные обещания, и начнется на Руси такая резня, которая ей и не снилась. Передел уже поделенной собственности страшнее всего и неизбежно приведет к страшной гражданской войне, перед которой первая гражданская покажется просто детской игрой.

Вообще-то борьба развернулась за президентский пост нешуточная. Лидер коммунистов - ну и рожа у него, скажу я вам - совершенно, по-моему, неоправданно и неожиданно решил поменять имидж: из лояльного режиму и добренького дяди для нации он решил вдруг стать непримиримым и злобным апологетом всего отжившего и отошедшего в прошлое в нашей стране. Но при этом, мне кажется, делает столько ошибок, что отторгает своих собственных сторонников.

Уже призвал за Б. Ельцина голосовать Г. Явлинский, уже Жириновский заявил о том, что готов забыть про Индийский океан и голосовать за Зюганова не будет. Хитрый еврей, он не стал призывать своих сторонников голосовать за Ельцина, но сказал, чтобы и за коммунистов не голосовали. Таким именно образом он решил оставить себе плацдарм для отступления при любом исходе голосования. Победит Ельцин - и он может сказать, что не призывал за Зюганова, а косвенным образом вро-

де бы за Ельцина и поэтому может ему предъявить потом счет: дескать, и мы пахали.

Слушая Зюганова не однажды, убедился - за душой у него ничего нет. В смысле кардинальных подходов к решению накопившихся проблем в нашем дорогом Отечестве. Какие-то невразумительные слова и обороты, какие-то пронафталиненные выражения про всеобщее благоденствие, кстати, непонятно на какой основе. Тем более что государство раздарило, разбазарило свою собственность - правильно, неправильно, тому дала или другому - это теперь совершенно другой вопрос, это теперь вопрос дискуссионный и в какой-то мере исторический - дело сделано, собственность ушла и рассчитывать на ее скорое возвращение в любом виде, кроме опять же хорошо в этом плане себя зарекомендовавшей экспроприации, не приходится.

Ленин и его компания были гораздо умнее тех, которые им противостояли, - большевики сумели подчинить себе все государство и использовать его потенциал и рабочую силу, чтобы жить, особенно не напрягаясь. Не надо было думать о конкурентах, которые всегда не вовремя наступают на пятки, не требовалось организовывать новые рабочие места, усовершенствовать технологию и методы торговли, разрабатывать новые образцы продукции и бытовой техники. Всю эту черную, грязную, неблагодарную работу лидеры коммунистов поручали исполнительной, подконтрольной им, власти и хозяйственным руководителям, которые невольно оказывались между двух огней - партией и исполкомом.

А лидеры снимали пенки. Но сие ведь противно человеческой природы и человеческому разуму - еще библейская заповедь гласит о том, что неработающий есть хлеба не должен. У нас все получилось наоборот, и больше 70 лет этот кошмар преследовал одну из самых грандиозных держав современного и тогдашнего мира.

Нет, Ленин и компания были гениальными фальсификаторами действия.

Что я могу предложить в качестве резюме по поводу сказанного? Только то, что русские люди отнюдь не дураки и проголосуют правильно: с отрывом в 2,5 - 3 процента победит Ельцин.

1 июля 1996 г., понедельник

Последние усилия

Вчера на празднике “комсомольцев” в Лужниках Ю.М. заявил телевизионщикам: победит с большим отрывом Б.Ельцин, отрыв составит 10 - 15 процентов. Да так уверенно сказал, что мне захотелось тут же позвонить и сказать свою цифру - 2,5 - 3 процента.

Но позвонить не было никакой возможности, и посему я довольствовался тем, что смотрел все программы новостей и слушал наших ТВ-оракулов и тех, кого они привлекают в качестве экспертов, - ученых, политологов, социологов и прочих мастеров по затуманиванию наших негибких мозгов.

Чего только не услышал! На одной из программ вылез на экран мужик, под которым на титре было написано “колдун” - ну ни больше, ни меньше! Ошалела, что ли, Русь святая? Кто и когда мог у нас признаться в колдовстве? Их вычисляли, их боялись, их, наконец, преследовала церковь и бежали люди. А тут - на тебе, колдун. Пердун, а не колдун.

Прогнозы самые невероятные, а призывы голосовать уже костью торчат в горле нации. Но ничего не поделаешь - действительно ведь определяем путь движения страны на ближайшие годы. Возврат “в светлое будущее” чреват невероятными жертвами и страданиями, потому как, по последним донесениям из штаба противников Б. Ельцина, у них самые настоящие разброд и шатания. Они почувствовали, что теряют своих избирателей, и пытаются правдами и неправдами зацепиться за тот процент, который отдал бы им власть. Ведь если не получится, то, вполне возможно, сникнет и фракция коммунистов в Государственной Думе, отвалятся от нее аграрии и прочие попутчики, - словом, приблизится полный крах коммунистической идеи, как это произошло во всем мире.

Кстати, в Болгарии, где коммунисты, говорят, победили, снова карточки и пустые прилавки. Но это, может, и не так страшно для Болгарии, так как там не было резни, подобной той, что была у нас во время гражданской войны и не было таких репрессий.

У нас вся нация перебаламучена этим окаянным временем и в памяти людей живы воспоминания о притеснениях и

гонениях, а также лики тех, кто это делал. Иначе железный Феликс до сих пор торчал бы истуканом на площади своего имени.

По всем каналам показывают: не допусти красной смуты. По всем каналам бабушки и дедушки вспоминают, как раскулачивали их родителей и отбирали дома. И мне ли об этом не знать? Моих дядек кулачили и ссылали, а отца вообще засадили по 58-й неизвестно за что.

Некоторые обозреватели высказываются в том смысле, что Г. Зюганов может значительно приблизиться к победе за счет активных стариков, а Ельцин потеряет ввиду неявки молодежи и людей в дееспособном возрасте, которые ломанутся на дачи. Генерал Лебедь сказал: дачки, участки, огурчики. А Россия вам кто, мачеха? Придут коммунисты - никаких огурчиков не оставят.

Кстати, после того, как сняли П. Грачева, погнали семерых или даже восьмерых самых высокопоставленных военачальников, его близких друзей, как заявил все тот же Лебедь, “начался исход из армии мздоимцев и проходимцев”. Или что-то в этом роде. И пообещал, что это только начало.

А Паша, конечно, мудак. Делать в течение двух - пяти лет из рядовых полковников высокопоставленных генерал-полковников - для этого надо иметь уж очень жидкие мозги и абсолютную наглость при чувстве полной своей безнаказанности.

Вот такие развиваются нынче дела. Забыл один момент. Ю.М. задали вопрос: будете ли работать с Зюгановым, если он победит? На что он, конечно, не ответил. Потому что этот корреспондент - болван.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вообще-то никаких заключающих слов говорить не хочется - работа должна сказать все сама за себя. Кроме того, вы, дорогие мои читатели, должно быть, заметили: автор нигде не навязывал вам своего мнения, а героя представлял таковым, каковым его видит.

Я давно пишу и убедился: чем активнее навязываешь читателю свое мнение и настаиваешь на своей точке зрения, тем активнее он ей сопротивляется, тем меньше он тебе верит, как бы ты, автор, не пыжился и как бы ни старался влезть к читателю в его хрупкую, нежную, а то и не истраченную на чтение всяких Чейзов душу.

Но есть законы построения, как есть они в природе, литературе, архитектуре. Фундамент должен завершиться крышей, картина - последним ударом кисти, музыка - последним аккордом, статья - мыслью, а книга - прощанием.

У этой книги есть вступление, есть раздел "вместо предисловия", значит, должно быть заключение и то, что следовало бы назвать "вместо послесловия". Но я надеюсь на вашу снисходительность и, думаю, вы меня извините, если я кое от чего откажусь по причине нежелания что-либо тащить искусственно на последние страницы. Я и так боюсь, что какие-то страницы покажутся вам необязательными, хотя мне они все представляются необходимыми. Но я - автор и как все авторы эгоистичен и требователен к другим более, чем к себе. Тут уж ничего поделать нельзя - такова природа всякого авторства, и с этим объективным фактором нужно считаться.

Не знаю, случится ли нам встретиться еще раз на страницах новой, пока еще ненаписанной книги - это слишком тяжелый труд, чтобы можно было с достаточной долей уверенности сказать: завтра я сяду и напишу для вас еще одну книгу. И потом - книги должны писать писатели, а я выступаю всего лишь как летописец, преследуя единствен-

ную цель: сохранить для наших потомков дыхание сегодняшних дней, по-своему прекрасных и трагичных, неповторимых по историческим коллизиям и совершенно непохожих на все те, что прошумели над великой страной Россией за всю ее тысячелетнюю историю.

И, конечно, я искренне хотел, чтобы вы поближе познакомились с необыкновенным человеком, по сути не с человеком даже, а с явлением, которое востребовано обстоятельствами нынешней нашей истории и жизни, - с деятельностью мэра Москвы Юрия Михайловича Лужкова.

Перечитав - и не однажды - то, что у меня получилось, со спокойной совестью могу сказать, что в какой-то мере мне это удалось.



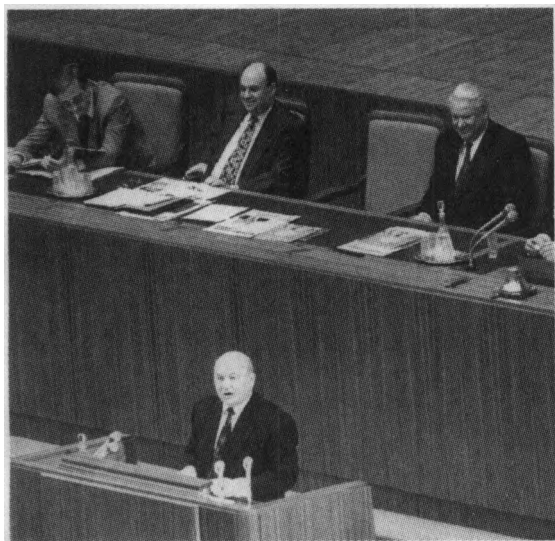
Вот это - он!

Теперь и у Ю. Лужкова
на пресс-конференциях
толпы журналистов



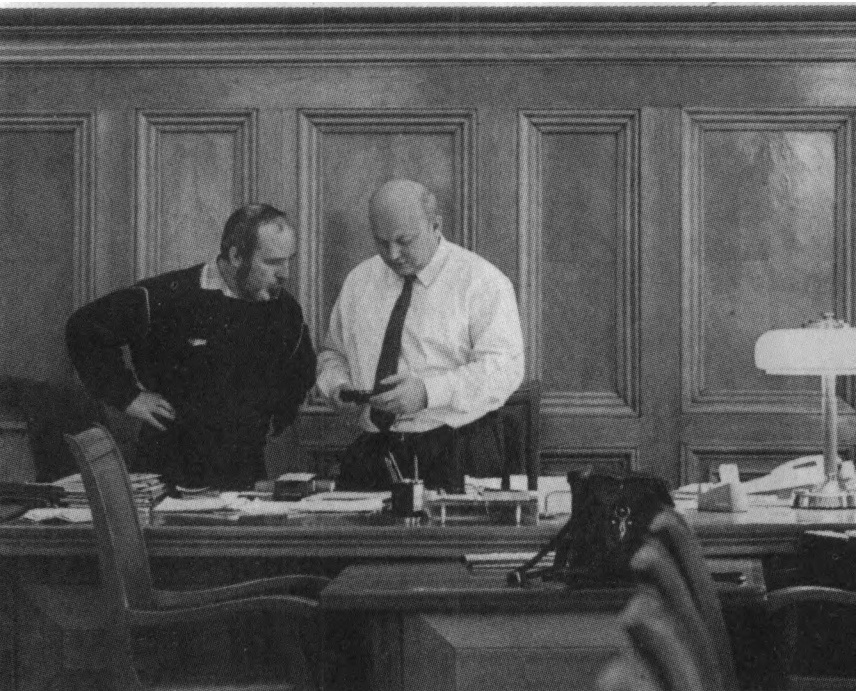
Лучше попробовать
все самому





“Мы возродим
Москву”, -
убеждает
Ю. Лужков
строителей
России

Что это за
штуковина,
диктофон?

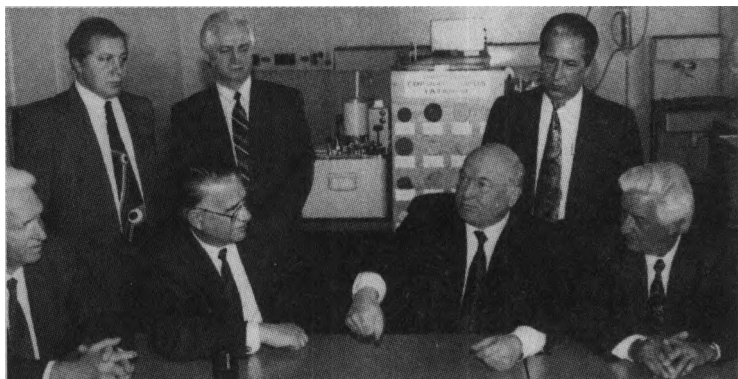


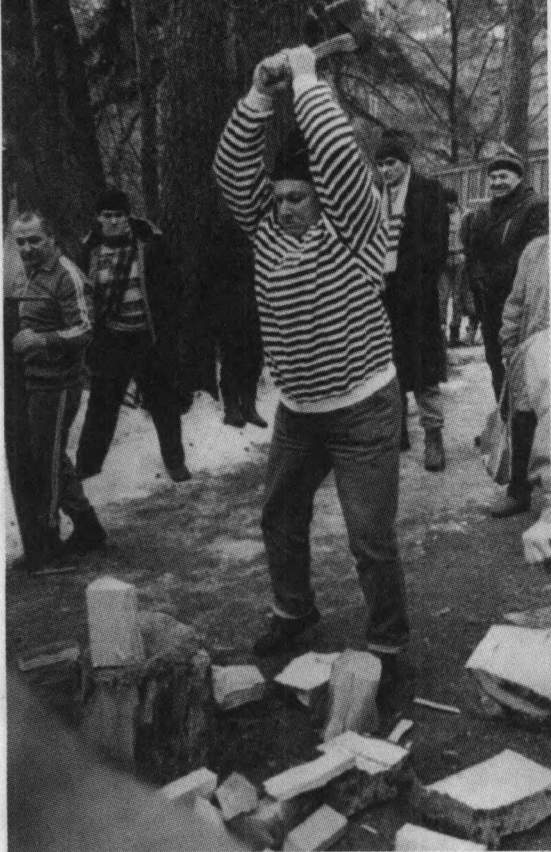


Присутствие Ю. Лужкова благоприятно сказывается
на настроении премьер-министра России



Этот вопрос вы должны решить сами.
И точка!





Раззудись плечо,
размахнись рука



У него
субботник -
каждый день



Вот так
всю жизнь: бег
с препятствиями





Растворчик замесили
что надо



Здесь, на Поклонной горе, оставил Ю. Лужков
частичку своего беспокойного сердца





Встречать
и провожать особ
царских
и королевских
кровей он умеет
не хуже
вышколенных
дипломатов





Это МКАД –
гордость его и забота



Вира!



Восстановлению
порушенного на
земле и в душах
людских отдаст
Ю. Лужков
много сил
и времени
и получает
благодарствие
церкви





Характерные
жесты

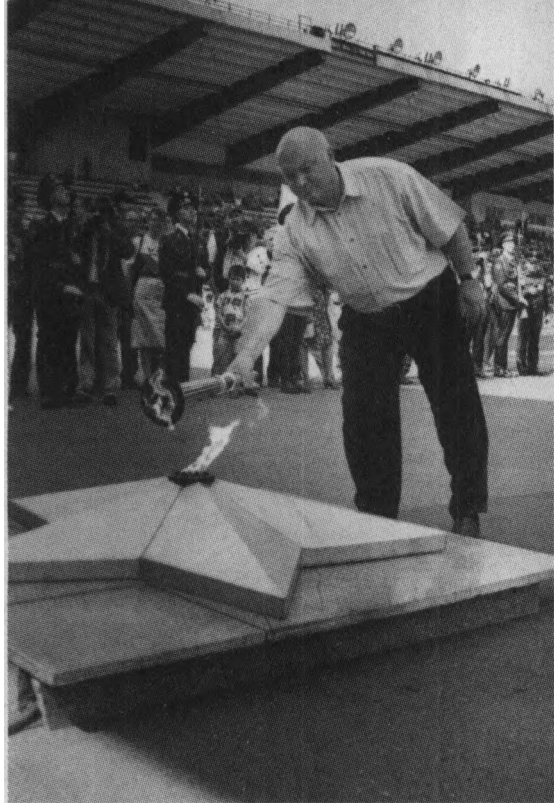


Закладка капсулы
в фундамент
будущего храма



Под сводами
храма
возрожденного





Вечная слава
павшим



Внимание
правительства
города - живым



Непринужденная
беседа на публике



Награда мэру
мэров России



И “Красный
Октябрь”
впереди...



С подарком Бога
и Судьбы
на руках

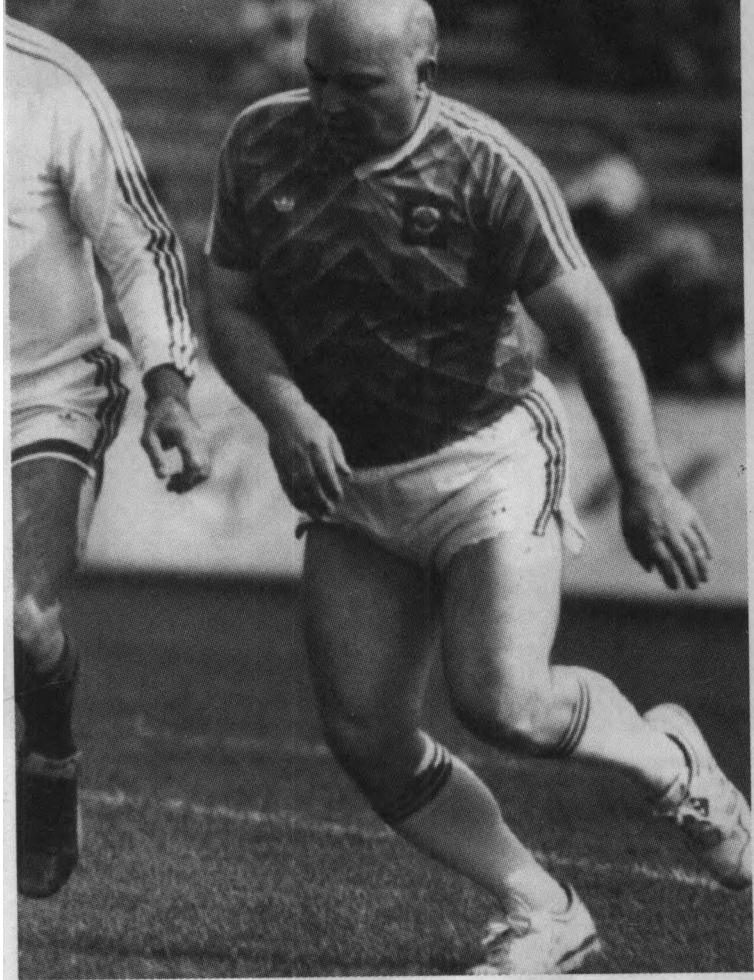


Искусством
дорожить умеете

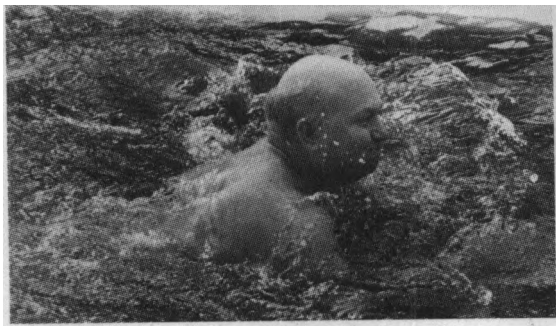


Вы какого вероисповедания.
Юрий Михайлович?





А мяч
в воротах?



Воду в проруби
такого размера
подогреть
невозможно



Напряжение
борьбы -
стихия
Ю. Лужкова



Приз за участие

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ	5
Часть I. 100 дней премьеры	11
<i>От автора</i>	13
Вместо предисловия.....	15
Глава 1. Пятилетка свободных выборов.....	33
<i>От автора</i>	33
С магнитофонной ленты	
Женюсь обязательно.....	33
В какой вы партии, Лужков?.....	35
Корни.....	45
Как идти к рынку.....	50
Давайте вспомним.....	51
Долой обман.....	78
Пообещал - выполняй.....	80
Не генерал, а рядовой.....	99
Из дневника нашего приятеля, журналиста	
Предпочтение - Б.Н. Ельцину.....	34
Мимо микрофона.....	65
Стал премьером вице-мэр.....	71
А ветер дул в чужие паруса.....	80
Назад, к товарищу Ленину	89
Уйди, Василий!.....	93
Из записных книжек автора	
Тот самый Моссовет.....	36
Взрывая сонный быт.....	47

Путь вагона с овощами.....	51
Доверие.....	64
В кильватер Г. Попову.....	67
Место “лидера Красной Пресни”	76
Здравствуйте, Георгий Валентинович.....	86
За кого Бутырка	91
Глава 2. Наказание властью.....	101
<i>От автора.....</i>	<i>101</i>
С магнитофонной ленты	
Мы - равноправные партнеры.....	102
Все выполнимо.....	113
Истоки.....	114
Не ходи к гадалке.....	123
До какого состояния дойдем без газет.....	129
А “пускатча” из меня не получилось	130
Плюс капитализация.....	147
Счетчики воды и тепла - это выгодно	163
Из дневника нашего приятеля, журналиста	
Ни под кого не стелется.....	110
Трое в майках.....	114
С натуры.....	118
Пьем чай.....	125
Так власть не берут.....	137
Один-единственный наркотик	143
Эхо путча	149
Ночь у самовара.....	152
Что он делает по выходным.....	157
Не будем ждать до понедельника.....	160
Первый звонок демократам.....	164
Лихо в прорубь.....	166
Из записных книжек автора	
Кризисные моменты.....	111
Простите нас, Андрей Дмитриевич.....	119
Когда согласия нет.....	126
Кольнуть было легко	141
Пугнули комиздания	146
Еще раз о кошке и колбасе	155
Способен!	168

Часть II. В кресле мэра.....	169
Глава 1. Точная информация из первых рук.....	171
От автора.....	171
С магнитофонной ленты	
О генофонде.....	173
Заработали новые структуры власти	181
Дорога к Храму.....	190
Цель, которой не достигли.....	210
Из дневника нашего приятеля, журналиста	
Знак - в основание Храма	173
Территория и власть.....	178
Не пьет мордвин спиртное “Двин”	182
Радость безмерная.....	192
Отставка.....	211
Быть мэром - радость небольшая.....	214
Из записных книжек автора	
Старикам почет.....	176
По “Лужкову” по мосту.....	186
Мавр ушел и дело не доделал.....	200
Шесть бумажных соток.....	204
Глава 2. Он перевал не миновал.....	221
От автора.....	221
С магнитофонной ленты	
Ребенок зашагал раньше, чем ожидалось.....	223
Подстрекатели разгуливают на свободе.....	223
Собственность Не манна небесная.....	243
Их надо примерно наказать	248
Экономическая блокада	265
Куда пойдет Россия?.....	270
Помогаем российским гражданам.....	291
Акция против Президента	313
Из дневника нашего приятеля, журналиста	
Будем судиться.....	228
А это - История.....	235
На суд читателя.....	251
За что нас не любят американцы	260
И мэр Манагуа в придачу.....	268

Прощай, Баку, тебя я больше не увижу.....	277
В этот судьбоносный день	300
Грандиозное ЧП.....	303
Кому завидовать не надо.....	304
Беглый огонь в Московской области	307
Кто преемник?.....	308
Голосуй правильно!.....	309
Первый акт действия.....	310
Взлет А. Лебеда.....	312
Теннис для пользы дела.....	315
Что за душой у главного коммуниста?.....	316
Последние усилия	319
Из записных книжек автора	
Маленький юбилей.....	222
Злая третья сила	224
Расстрел Белого дома.....	231
Борьба за метры	238
Война с отцом приватизации	244
Строим не хуже немцев	258
Накормят обещаниями	263
Вторая кавказская война. Чечня остается Чечней.....	283
Все выше и выше.....	295
Остановиться, оглянуться	303
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	321

ПОЛЯТЫКИН

Михаил Александрович

**Тореро в кресле мэра
Юрий Лужков: хронология успеха**

Полятыкин Михаил Александрович свыше 15 лет работает в столичных изданиях. Начинал профессиональную журналистскую карьеру в журнале Моссовета “Городское хозяйство Москвы”, трудился в “Московской правде” во времена ее расцвета, а четыре последних года возглавляет коллектив еженедельной газеты правительства Москвы “Тверская, 13”. Не понаслышке знает проблемы столицы и тех людей, о которых пишет.

ISBN 5-89328-001-6

ББК 47.2.1.2.4

Редактор Я. Фролова
Корректор Е. Константинова

Художественное оформление
ГРОШЕВ ДИЗАЙН
Художники О. Малышева, П. Проценко
Верстка С. Жарова
Компьютерное обеспечение А. Шулика

Фото на обложке: А. Гидиримский
Фото: В. Гердо, С. Калачев, А. Климов, А. Салюков

Лицензия на издательскую деятельность
ЛР № 040747 от 12 марта 1996 г.

Набор, вывод на пленку —
издательство «Тверская, 13»

Сдано в набор 26.05.96. Подписано в печать 23.08.96. Формат 84* 108^{1/32}.
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 11. Уч.-изд. л. 13,2.
Тираж 10 000 экз. Зак. № 4772.

Отпечатано с готовых диапозитивов издательства «Тверская, 13»
на ордена Трудового Красного Знамени ГУПП «Детская книга»
Роскомпечати. 127018, Москва, Сущевский вал, 49.



0253711

Топеро в кресле мер